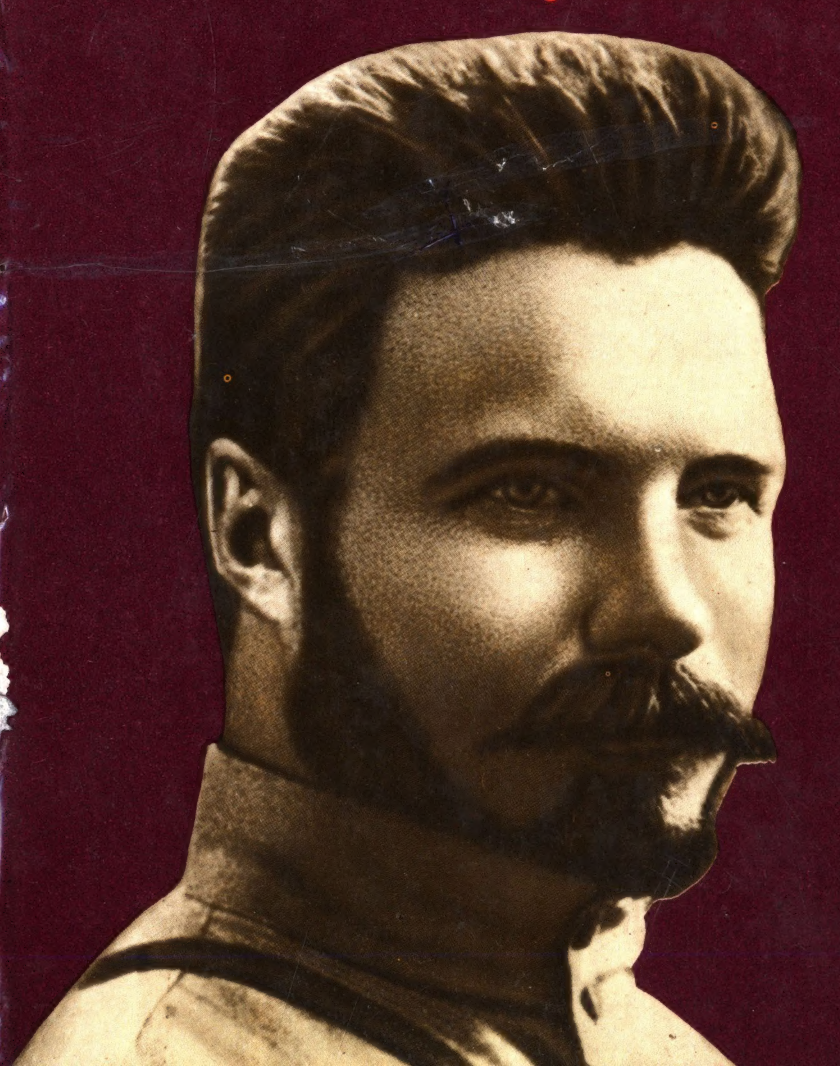
О МИХАИЛЕ ФРУНЗЕ

Воспоминания,
очерки,
статьи
современников

ТЕЛЕГРАМ

Предсовнарком т. Л
Сегодня наши ч
Керчь точка Юж
рован точка ст.
№ 00097 н. ш.
Командюжфронт

Телеграмма М. В. Фрунзе В
ликвидации Южного фрон
1920 г.

Карсаев

М А

оперативная

~~вне~~ очереди

. . н.

Ленину

...оницей занята

...ной фронт. ликвид...

Джанкой 16/XI.

Фрунзе

...тк —

В. И. Ленину

та. 16 нояб-

О МИХАИЛЕ ФРУНЗЕ

Воспоминания, очерки, статьи современников

О МИХАИЛЕ ФРУНЗЕ

Воспоминания,
очерки,
статьи
современников

Москва
Издательство
политической
литературы
1985

66.61(2)8
О-11

Составитель
М. И. ВЛАДИМИРОВ

О-11 **О Михаиле Фрунзе:** Воспоминания, очерки, статьи современников /Сост. М. И. Владимиров.— М.: Политиздат, 1985. — 287 с., ил.

Книга посвящена профессиональному революционеру, члену партии с 1904 г., выдающемуся полководцу, крупному государственному деятелю Михаилу Васильевичу Фрунзе. В нее вошли воспоминания видных партийных, государственных и военных деятелей, а также родственников Фрунзе, рисующие яркий образ соратника В. И. Ленина, стойкого борца за дело рабочего класса.
Книга иллюстрирована и адресована массовому читателю.

О $\frac{0902030000-038}{079(02)-85}$ 262—85

66.61(2)8
3КП1(092)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту книгу написали разные люди, в разное время, но их воспоминания и размышления, собранные воедино, глава за главой слагают цельный и завершенный образ коммуниста, полководца, человека. Перед вами, читатель, захватывающая эпопея судьбы Михаила Фрунзе. Ее сложили Серго Орджоникидзе и Дмитрий Фурманов, Клим Ворошилов и Александр Фадеев, Ольга Варенцова и Галина Серебрякова, Семен Буденный, Андрей Бубнов, Всеволод Вишневский, Сергей Гусев, Сергей Каменев, Михаил Тухачевский, Иосиф Уншлихт, Якуб Чанышев, Ефим Щаденко, Роберт Эйдеман, партийные, государственные деятели, полководцы, известные советские писатели, а также родные Михаила Васильевича.

Коммунист-ленинец... Он не просто несет важнейшие, определяющие черты большевика, но и воспитывает их в других — преемниках и наследниках. Человек огромной энергии, воли и скромности. Победы не кружат ему голову, поражения не обескураживают. Всего себя он посвящает борьбе за интересы трудящихся, за светлое будущее своего Отечества. Убежденный в том, что правда на его стороне, он готов ради пользы общего дела жертвовать всем — вплоть до собственной жизни. Авторитет его завоеван глубоким знанием интересов и запросов людей труда, его неразрывной связью с ними. Сила его — в четком понимании поставленной цели, в стойкости и последовательности на пути к ней. Пример его жизни и борьбы делает идеалы, которые он отстаивает, еще более привлекательными.

На страницах этой книги раскрывается многогранная, обстоятельная, полнокровная история жизни большевика — подпольщика, профессионального революционера, жизни трагической и счастливой. Трагической — оттого, что оборвалась она в сорок лет. Счастливой — потому, что за отпущенные ему годы сделано фантастически много, столько, что с лихвой хватило бы на несколько жизней. Вглядываясь с высот современности в перипетии судьбы, до которых далеко самой

изощренной выдумке приключенческих романов, в титанический труд Михаила Васильевича Фрунзе, по справедливости заключаешь, что он словно бы не одну, а, как замечали его товарищи, четыре сознательные жизни прожил.

...Ему еще нет двадцати. Он — студент экономического факультета Петербургского политехнического института. Впереди — проторенная дорога карьеры, уже сделанной тысячами русских интеллигентов: вольнолюбивые мечты, бунтарство с юности, а к тридцати годам уютное и сытое казенное местечко. Но Михаил Фрунзе избирает другой путь, тернистый, полный опасностей, лишений, испытаний,— путь революционера. Избирает сознательно, обдуманно, раз и навсегда, как все те, кто страстно любит свой народ, скорбит его бедами, кто жаждет сделать Родину свободной и прекрасной. В ноябре 1904 года студент Михаил Фрунзе вступает в большевистскую организацию, становится профессиональным революционером. Отныне любовь его и мечта, счастье и беда, труд и призвание — революция... В 1905 году Московский комитет партии поручает ему революционную работу в одном из крупнейших промышленных районов страны — Иваново-Вознесенском крае. Вместе с другими большевиками он организует знаменитую стачку текстильщиков, руководит ею, собирает и обучает боевую дружину, во главе ее сражается на баррикадах Москвы в дни Декабрьского вооруженного восстания.

Восстание московского пролетариата было разгромлено царскими войсками. Революция шла на убыль, но борьба продолжалась. В 1906 году Михаил Фрунзе, он же Арсений, как называют своего любимого вожака иваново-вознесенские большевики, избирается делегатом на IV съезд партии. В Стокгольме, на съезде, Михаил Васильевич впервые встречается с Владимиром Ильичем Лениным. В марте 1907 года Фрунзе арестован в Шуе и за принадлежность к партии Ленина приговорен к четырем годам каторжных работ.

Новый суд, военный, новый приговор: к смертной казни через повешение. Его товарищам удается добиться отмены приговора. Еще один суд — и еще один приговор: снова к смертной казни. Однако... «День, потерянный для работы, никогда не повторится. То, что не сделаешь сегодня, не будет сделано никогда» — таковы ведущие, определяющие принципы двадцатичетырехлетнего Фрунзе. «Действовать!» — любимое его слово, где бы он ни был, что бы с ним ни случилось. Подобно тому, как молодой Ленин писал капитальный труд «Развитие капитализма в России» в тюремной одиночке, молодой Фрунзе, ожидающий виселицы, превращает камеру смертников в университет. Каждое утро —

за работу. Только так можно и должно жить. Книги, книги... «Политическая экономия в связи с финансами», «Введение в изучение права и нравственности», грамматика итальянского языка, учебник английского... Он закаляет не только свою волю, он укрепляет веру в безграничность возможностей человека, не только поддерживает, но и ведет за собой других. И. А. Козлов, один из бывших узников Владимирского централа, вспоминал: «В тюрьме я особенно ясно увидел и почувствовал замечательные черты русского человека, его удивительную способность быстро осваиваться в любой обстановке, не терять бодрости духа... Ярким выразителем этих прекрасных качеств... был Михаил Васильевич Фрунзе...

В централе наряду с политической велась большая общеобразовательная учеба. Жажда знаний у нас, рабочих, была огромная... Мы хватались за одну книжку, за другую, за несколько книг сразу. Со всеми неясными, волнующими вопросами шли к Арсению, и он никому не отказывал, терпеливо выслушивал каждого, разъяснял, советовал, подбадривал.

Арсений проявлял большую заботу о судьбе арестованных по политическим обвинениям. Как держаться на следствии, как держаться на суде...

Мы удивлялись его постоянной бодрости, жизнерадостности, неутомимой энергии. Этот человек «с петлей на шее», казалось, совершенно не думал о себе, и страшная угроза смерти не волновала его. Стыдно было говорить с ним о своем деле, видя его мужество...

А над головой Арсения все больше сгущались черные тучи...»

Да, тучи сгущались. И хотя смертную казнь заменят шестью годами каторжных работ, «помилование» обернется фактически третьим смертным приговором: болезнь, нажитая в тюрьмах, в конце концов убьет Михаила Фрунзе. А пока ссылка в Сибирь, «Военная академия» — так называли ссыльные большевистский кружок, организованный Михаилом Васильевичем. Поражает, по-настоящему увлекает то, как основательно и глубоко он разбирается в военном искусстве, как вместе с товарищами изучает военную историю, труды выдающихся стратегов, операции продолжавшейся первой мировой войны, учит революционеров военному делу. По обыкновению он живет будущим, и ничто не может помешать ему, даже новый арест.

Михаил Васильевич бежит из тюрьмы. Некоторое время, выполняя партийное задание, издает журнал «Восточное обозрение». В 1916 году получает новое партийное поручение:

едет на Западный фронт, ведет революционную работу на передовых позициях, в самой гуще солдатской массы. Февральская революция застает Фрунзе (он же Михайлов) во главе подпольной организации большевиков, куда входят и солдаты-окопники и рабочие Белоруссии. В сентябре семнадцатого Михаил Васильевич возвращается в Шую, ставшую его второй родиной. Здесь он избирается председателем Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На первом плане в работе председателя — вооружение и подготовка бойцов, которые в Октябре придут на подмогу революционным войскам Москвы.

Гражданская война. Интервенция. Республика труда в кольце фронтов. Партия направляет Михаила Васильевича на Восточный фронт. Став во главе революционных армий, тридцатичетырехлетний Фрунзе наголову разбивает умудренного опытом адмирала Колчака. Затем, командуя Южным фронтом, громит войска генерала Врангеля. После штурма Перекопа и освобождения Красной Армией Крыма даже недруги вынуждены признать, что коммунист-полководец Фрунзе — компетентный и достойный противник.

Михаил Тухачевский охарактеризовал Фрунзе как выдающегося организатора и руководителя стратегических операций, не знавшего поражений. Михаил Васильевич оставил обширное теоретическое наследие по вопросам строительства вооруженных сил, повышения обороноспособности нашего социалистического Отечества. Боец и полководец революции, сын партии, он проводил и отстаивал ее генеральную линию. И партия неизменно поддерживала его, давала ему силы, уверенность в победе, воспитывала в нем патриотизм, интернационализм, демократизм. Потому-то он и стал истинным выразителем интересов миллионов трудящихся. Деликатный, мягкий, как все истинно интеллигентные люди, он говорил: «Товарищи, я... требую, чтобы каждым своим действием, каждым поступком как отдельные красноармейцы, так и целые части внушали населению любовь и доверие к Красной Армии... требую, чтобы не слезы и горе, а радость и благодарность оставляли вы за собой...»

День за днем, год за годом работая над собой, он органически сплавил в себе силу и правоту передового общественного учения с вершинными достижениями стратегии и практики социалистической революции. Мысли его будут изучать в военных академиях многих стран мира. Небрежение ими обернется промахами в грядущей войне, творческое наследование — становлением Рокоссовских, Коневых, Жуковых, обернется Победой.

Едва окончилась гражданская война, Михаил Васильевич — уполномоченный Реввоенсовета республики на Украине, командующий вооруженными силами Украины и Крыма, заместитель председателя Совета Народных Комиссаров Украины. Сражается с голодом и разрухой, за хлеб, за уголь, за металл, ликвидирует махновские и тютюниковские банды. Потом возглавляет специальную миссию в Турции, увенчавшуюся установлением дружественных отношений с нашим южным соседом. С 1921 года Фрунзе — член ЦК партии, а с 1924-го — кандидат в члены Политбюро. Центральный Комитет выдвигает его на пост заместителя председателя Реввоенсовета СССР и заместителя народного комиссара по военным и морским делам. Вскоре на него ложатся еще обязанности начальника штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии и начальника военной академии, которая впоследствии будет носить его имя. С 26 января 1925 года Михаил Васильевич — председатель Реввоенсовета СССР, народный комиссар по военным и морским делам, а с февраля — член Совета Труда и Обороны СССР.

Жить остается ровно девять месяцев, и, возможно, даже наверное, он как-то предощущает, предугадывает это, но попрежнему работает в полную силу. Личная храбрость его — это разумное мужество коммуниста, руководствующегося суровой необходимостью. Действует — до последнего вздоха, до последнего удара сердца. Говорит: «Мы должны подвести под Красную Армию научный фундамент, переформировать ее на основе единой военной доктрины, научной теории войны, вооружить современными орудиями истребления, усвоить последние усовершенствования военной техники, изучить применение технических средств и войск в современном бою...

Раз непосредственная тяжесть ведения войны падает на весь народ, на всю страну, раз тыл приобретает такое значение в общем ходе военных операций, то, естественно, на первое место выступает задача всесторонней планомерности подготовки его еще в мирное время...»

И партия в предвоенные годы уделяет пристальное внимание росту оборонной мощи страны, военной подготовке всех и каждого, созданию общества содействия обороне СССР — будущего Осоавиахима.

Такая короткая и такая яркая жизнь! Она вместила в себя многое: и раннее знакомство с нуждой и бедой, и вдохновенную учебу, и приверженность к родной земле, к природе, и любовь к женщине, которая не смогла его пережить, к детям, что не посрамили отца.

О ком эта книга? О коммунисте, полководце, строителе нового мира. Чем он больше всего характерен? Тем, что обаятельный и чуткий товарищ, добрый и решительный до готовности жертвовать собой боец, принципиальный, беспощадный к любому отступничеству марксист? Но ведь так можно сказать о любом из соратников Ильича. В чем его, именно его, Михаила Фрунзе, неповторимость? Может, в том, что брал на себя львиную долю забот и тягот? Впрочем, это — типическая черта соратников Ильича. Нет, не выразишь одним словом суть его. Разве определишь одним словом многогранность интересов и увлечений, гармоническую развитость и одаренность? Впереди всего, прежде всего — труд, труд и еще раз труд коммуниста ради будущего. И сегодня особенно остро видится непреходящая ценность жизни и борьбы коммунистов славной ленинской когорты. Недаром Владимир Ильич говорил о таких людях, что без них наш народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов, а с такими людьми он завоюет себе полное освобождение. Именно они подлинные народные герои. Потому-то, наверно, так близок и дорог нам Михаил Васильевич Фрунзе. Сменяют друг друга поколения советских людей, но каждое справедливо считает его своим современником.

Владимир Красильщиков

ПУТЕМ СУРОВЫМ И ТЕРНИСТЫМ

...Жизнеописание Фрунзе должно быть настольной книгой для воспитания, для подготовки, для закалки большевизма нашей коммунистической молодежи.

М. И. Калинин

К. В. ФРУНЗЕ

ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

...Михаил был моложе меня ровно на четыре года. Родился он 21 января (по старому стилю) 1885 года. За ним шли три сестры. Естественно, что по малым достаткам отца, фельдшера нашего родного города Пишпека (ныне город Фрунзе), и за недосугом матери в нашей семье старшим детям приходилось быть няньками младших.

Ходить Миша начал очень рано. К трем годам он говорил совершенно свободно, а сметливостью и сообразительностью всегда отличался. Вот почему, несмотря на мои старания увильнуть от обязанностей няньки, мне редко удавалось удрать от Миши к соседским ребятам.

Недалеко от нашего дома был громадный пустырь, заросший полынью, репейником и солодкой. Водились там и змеи, и ядовитые пауки, преимущественно фаланги. Этот пустырь был пределом нашего детского мира. На нем, бывало, пробовал я спастись от Миши, запрятавшись среди травы или занявшись со сверстниками откапыванием лакомого солодкового корня...

Позже этот пустырь стал убежищем от семейных невзгод и для Миши, а спасаться ему приходилось часто из-за своей неугомонности и проказливости.

Пристрастие к охоте, которым отличался брат до последних дней жизни, перешло к нему от отца. Окрестности Пишпека в то время кишели дичью как степной, так и водоплавающей. В нашем саду отец по зимам постреливал фазанов. В городе не было дома, где бы не водился хоть плохонький самопал. Осенью и весной у нас в доме шла заготовка патронов, сборка и разборка ружей. Во всем этом мы с Мишей принимали самое деятельное участие, не забывая отсыпать пороху и дроби для стрельбы из самодельных пистолетов. На охоту отец брал и меня, потому что я был старше и мог быть ему полезен — постеречь лошадь, развести костер и согреть чайник. Большую радость доставляли нам, ребятишкам, эти счастливые минуты, когда удавалось выбраться в чистое поле или в горы из грязного, пыльного города.

Мишу оставляли дома. При живости его характера и любви к приключениям нельзя было поручиться, что он не заберется куда-нибудь в глубь камышей, в которых встречались хищные звери. Но попробуйте отвязаться от Миши при таком чрезвычайном событии, как выезд на охоту! Он уже заранее забирался в кузов тарантаса под передок и, съежившись там, прикрывал себя чем-нибудь, чтобы его не заметили. Извлечь его оттуда без отчаянного сопротивления не было возможности.

Другой способ попасть на охоту вместе с нами применялся уже по предварительному уговору со мной. Так как мне обыкновенно было известно место, куда отец собирался ехать, я сообщал Мише направление, которого мы будем держаться. И велико было удивление отца, когда, отъехав версту-другую от города, мы настигали среди степи маленького охотника, храбро вышагивавшего босиком, в рубашонке, с подтяжкой через одно плечо, с удилищем в одной руке и куском хлеба в другой. Ничего не оставалось делать, как забирать Мишу с собой.

В редких случаях, когда Мишу удавалось провести и оставить дома, он находил утешение лишь в играх и занятиях, которые походили на охотничье времяпрепровождение. Это привело раз к довольно серьезным последствиям. В одну из охотничьих отлучек мы с отцом уже за несколько верст от города увидели столб дыма над месторасположением нашего дома. По возвращении мы узнали, что сгорели сарай во дворе дома и стог сена.

Мишу, несмотря на поздний вечер, долго не удавалось отыскать. Лишь только плач матери и младших сестренок и громогласное обещание отца не применять наказания заставили Мишу подать голос с вершины тополя, росшего во дворе. Оказывается, Миша, желая изобразить перед своим сверстником, таким же карапузом, одну из охотничьих сцен, зажег костер между сараем и стогом сена.

После этого случая Миша получил неотъемлемое право на место в кузове тарантаса или даже на козлах, где он мог управлять лошадью, держась одной рукой за кучера, каковым был обыкновенно отец или я, а другой — за конец вожжи или кнут.

Миша унаследовал от отца и его страсть к лошадям. Коренное население Семиречья состояло из киргизов-кочевников. Они ежедневно наведывались в наш двор, где в маленьком флигеле помещалась городская амбулатория, которой заведовал отец. Ни один из пациентов не отказывал Мише в удовольствии покататься верхом на лошади.

Отцу в его амбулаторной практике, за отсутствием вспомогательного персонала, приходилось иногда использовать и нас в качестве помощников. Нам приходилось толочь в ступе лекарства, завертывать порошки, быть «ассистентами» при нехитрых операциях. При этом вырывание зубов, в чем отец был большой искусник, вызывало всегда восхищение пациентов. Упоминаю об этом потому, что за одну удачную операцию, в которой принимал посильное участие и Миша в возрасте семи лет, благодарный пациент привел к нам во двор через несколько дней жеребенка. Миша в скором времени приручил жеребенка настолько, что тот немедленно отзывался на свою кличку.

Читать Миша научился рано — в возрасте около пяти лет. Этому способствовало то, что я готовил уроки в присутствии брата. Причем при свойственной ему любознательности нельзя было уклониться от объяснения значения букв и их связи.

К семи годам Миша уже читал на церковнославянском языке, которому научила нас бабушка. В том же возрасте Миша познакомился с латинским алфавитом. Специально детской литературы ни в нашем доме, ни у знакомых я не помню. У отца было несколько медицинских книг с непонятными названиями. Кроме них помню два тома «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Оба тома мы с Мишей добросовестно изучили. Читали также приложения к газете «Свет», состоявшие обыкновенно из переводных французских романов.

Каких-либо публичных зрелищ или общественных развлечений ни мы, дети, ни взрослые не знали. Только изредка появлялись проезжие фокусники и канатоходцы из узбеков или индусов. Кроме этих гостей общественную жизнь города приводили в движение наезды военного губернатора Семиреченской области или туркестанского архиерея, имевших постоянное местопребывание в Верном (ныне Алма-Ата).

С приездом одного из архиереев связан интересный случай, который может дать понятие о раннем развитии у Миши чувства собственного достоинства и его нетерпимости ко всякому насилию. В архиерейской службе обычно участвовали мальчики, которые носили подсвечники с зажженными свечами и разные предметы церковного ритуала. Законоучитель нашей школы привлек к этому делу и Мишу. В один из предвоскресных вечеров бабушка привела от всенощной брата и умиленно рассказала, что Миша «удостоился великой благодати»: ходил в стихаре впереди архиерея и носил священные предметы.

Спали мы с Мишей на одной кровати. В эту ночь он долго вертелся, не засыпая, тревожимый какими-то сомнениями, которыми наконец и поделился. Оказывается, в архиерейской службе участвовал обративший всеобщее внимание своим ростом и голосом один протодьякон. Он наводил порядок посредством щелчков, раздаваемых маленьким участникам богослужения. Два щелчка совершенно незаслуженно попали и Мише. Я утешил его, сказав, что завтра за обедней ему будет легче, так как он теперь уже знаком с ходом службы.

Утром бабушка зашла к нам спозаранку и увела Мишу в церковь. Позже туда пришла вся наша семья. Мы увидели Мишу и его компаньона — сына священника — стоявшими с длинными подсвечниками в руках по сторонам царских врат и одетыми в парчовые стихари сверх праздничных рубашек.

Умиление наших семейных и соседей при виде торжественно вышагивающих впереди архиерея наших героев было полное, но не долгое. Во время одного из таких архиерейских переходов торжественный порядок был нарушен самым скандальным образом: Миша вдруг обернулся к шедшему за ним протодьякону, отдал ему подсвечник, а затем на виду у всех сбросил через голову свое блестящее облачение и со словами «Пусть не дерется, пусть носит сам» нырнул в оторопевшую толпу благочестивых прихожан.

Через некоторое время я нашел Мишу в кустах заветного пустыря. Каких-либо признаков раскаяния у брата не было, разве только сожаление, что он огорчил бабушку своим самовольным и слишком демонстративным отказом от «ангельского чина».

Школу Миша начал посещать с семи лет. Как раз в это время единственное в городе приходское училище было преобразовано в городское училище с расширенной против прежнего программой и с шестилетним курсом обучения вместо трехлетнего. В старших классах были введены начала геометрии и алгебры, а также естественные науки.

С открытием городского училища и с прибытием двух новых учителей из Петербурга затхлая жизнь нашего городка несколько освежилась. Кроме хождения друг к другу в гости и празднования всяких семейных торжеств, как крестины, именины и т. п., с обязательным потреблением вина и истреблением пирогов у обывателей городка появились новые, доселе неведомые интересы. Мы, ребята, услыхали новые для нас слова, как «спектакль», «кружок хорового пения».

В нашем доме под управлением учителя К. Ф. Свирчевского раз в неделю устраивались спевки молодежи, на кото-

рых исполнялись светские песни. Под руководством того же учителя в Пишпеке был поставлен первый спектакль — «Женитьба» Н. В. Гоголя, на котором присутствовала вся наша семья. Текст комедии я и Миша выучили наизусть, слушая участников спектакля, проводивших репетиции в нашем доме.

Осенью того же года я уехал в Верный для поступления в гимназию, и мы с Мишей расстались почти на два года. Миша уже перешел во второй класс городского училища. Самое большое впечатление на него при моем возвращении произвели две вещи: моя форменная гимназическая фуражка и награда — книга Михайлова «Охота в лесах Архангельской губернии», полученная мною за отличные успехи и поведение. Фуражку Миша носил, а книгу объявил своей.

В это время для нашей семьи наступили трудные дни: отцу пришлось оставить службу в Пишпеке и уехать фельдшером в соседнюю, Сыр-Дарьинскую область, где он через два года и умер. Семья переехала в город Верный. Миша поступил в ту же гимназию, в которой учился я...

Перед смертью отец продал наш пишпекский дом, кажется, за четыреста рублей; часть этой суммы получили мы, и она помогла нам просуществовать до осени, когда пишпекская городская управа в память долголетней службы отца в городе, а также как поощрение отличных успехов Миши в гимназии определила ему ежемесячную стипендию в десять рублей до окончания курса. К этим средствам нужно добавить и мой заработок уроками с неуспевающими учениками младших классов.

Так как эти ученики были или Мишиными одноклассниками, или еще моложе, то он оказывал мне значительную помощь в их подготовке. Иногда после моих безуспешных усилий разъяснить кому-нибудь задачу или синтаксическое правило Миша какими-то лишь ему свойственными приемами умел добиться усвоения самыми слабыми учениками. Это впоследствии обеспечило Мише репутацию умелого и опытного репетитора. В старших классах гимназии не он уже искал себе уроков, а его искали и перебивали друг у друга с предложениями уроков. Сам он учился прекрасно и окончил гимназию с золотой медалью.

Последние два года моего пребывания в гимназии мы с Мишей прожили отдельно от семьи, уехавшей на родину — в Пишпек, где оставались родственники матери и где жить было легче, чем в Верном. Эти два года мы прожили в чиновничьих семьях, пользуясь квартирой и столом, за что были обязаны учить их детей.

Брат был всегда аккуратным. Одежда его, часто переходившая от меня по преемственности, была хорошо вычищена, потерявшая цвет — подкрашивалась, прохудившаяся — чинилась. Раза два в месяц он обязательно стригся у парикмахера. Вообще на него всегда приятно было смотреть: аккуратный, подтянутый и в то же время никакой чопорности или самовлюбленности.

За год до окончания мною гимназии я и Миша поехали на лето к матери. Ехали пять дней на узбекской арбе по почтовому тракту. На одной из пустынных станций мы забрались ночевать в муллушку — надмогильный киргизский памятник, представлявший собой четырехугольное глинобитное строение с куполообразной крышей.

Оба мы упустили из виду, что в подобных строениях любят гнездиться ядовитые змеи и пауки. Проснувшись с рассветом и взглянув на лежащего рядом Мишу, я в ужасе увидел, что по его голой руке бегает громадная фаланга. Боясь пошевелиться, чтобы не раздразнить фалангу, я ждал момента, когда она сбежит с руки или переползет на прикрытую часть тела брата.

Мельком взглянув на лицо Миши, я увидел, что глаза его открыты и что он также внимательно следит за движением насекомого. Через несколько мгновений фаланга действительно сбежала с руки Миши на землю, где мне удалось ее прихлопнуть фуражкой. Несколько оправившись от испуга, я спросил Мишу, давно ли он проснулся. Он ответил, что сразу же, как фаланга стала лапками щекотать его руку. Зная, что фаланги очень раздражительны, он не сделал ни одного движения.

Кроме присутствия духа и выдержки в особых случаях, вроде описанного, Миша отличался редкой настойчивостью в достижении намеченной цели. В шахматы, которыми увлекались мы, старшеклассники, он научился играть, перейдя в четвертый класс. Мы видели в шахматах лишь развлечение, он же сразу углубился в изучение теории и через полгода стал побеждать большинство наших чемпионов, а однажды организовал матч путем переписки с ташкентской гимназией. Матч окончился полным успехом шахматистов нашей гимназии.

В 1900 году я окончил гимназию и поступил на медицинский факультет Казанского университета. Миша в это время перешел в пятый класс.

В течение всего университетского курса мне ни разу не пришлось побывать на родине, но это не мешало мне поддерживать связь с родными и, разумеется, прежде всего с Мишей.

Сведения о студенческих волнениях начала девятисотых годов помимо газетных сообщений и нашей, естественно, очень осторожной переписки с родными докатывались до Семиречья и другими путями. Туда приехало много высланных из столицы и университетских городов студентов, революционных интеллигентов и рабочих. Они приобщили молодежь к революционным событиям и литературе. Из писем брата было видно, что оставленные нами в наследство младшему гимназическому поколению кружки самообразования, в которых мы дополняли гимназическую науку знакомством с литературой по вопросам истории, философии и естествознания, значительно изменили свою направленность. Центральное место в них заняли общественные науки, главным образом политическая экономия. Эти кружки начали приобретать революционную окраску и боевой характер. Началось с предъявления гимназическому начальству требований о прекращении шпионских инспекторских налетов на гимназические квартиры, об отмене обязательных посещений богослужения, о прекращении издевательства над беднейшими учениками и т. д.

Когда словесные объяснения не привели к желаемым результатам, последовали действия: инспектор гимназии, выделявшийся шпионской деятельностью, как-то был выслежен в глухом саду группой замаскированных лиц и избит. После этого в гимназии водворилась, как писал Миша, атмосфера вооруженного нейтралитета...

По окончании гимназии в 1904 году Миша поступил на экономическое отделение Петербургского политехнического института. На первых порах ему помогала моя стипендия, которую я получал от Семиреченского областного правления, и я перевел ее на его имя. Вскоре Миша подыскал себе заработок в Петербурге, а затем целиком ушел в революционную работу.

Увидеться с Мишей пришлось (и то мельком) только в ноябре 1905 года, когда я вернулся с русско-японской войны [1].

Летом 1906 года, когда я уже работал земским врачом в селении Петропавловском, Чистопольского уезда, Казанской губернии, Михаил совершенно неожиданно приехал ко мне и пробыл у меня около месяца. Время тогда было горячее: в Чистопольском уезде, как и по всей России, горели

---

[1] Русско-японская война 1904—1905 годов, империалистическая, за господство в Северо-Восточном Китае и Корее. Начата Японией. Завершилась Портсмутским мирным договором 1905 года, ускорила начало революции 1905—1907 годов в России.

помещичьи экономии и усадьбы. Брат приехал ко мне под чужой фамилией, не желая меня компрометировать. Он выглядел сильно утомленным. У него были признаки катара желудка, но скоро он поправился...

В начале осени Миша в мое отсутствие получил шифрованную телеграмму, требовавшую его немедленного выезда. До города было нужно ехать шестьдесят верст по непролазной грязи. Лошадь, доставившая меня из поездки по участку, еле держалась на ногах от усталости. Но ничто не могло задержать Мишу. Накормив усталую лошадь и с трудом найдя вторую, пристяжную, мы с Мишей ночью двинулись в Чистополь, откуда на первом попавшемся товарно-пассажирском пароходе я проводил его до Казани. Из Казани он уехал один московским поездом.

За время многолетних мытарств брата по тюрьмам царской России встретиться мне с ним пришлось только один раз — в начале 1908 года во владимирской следственной тюрьме. Добиться этого свидания стоило многомесячных усилий. Благодаря имевшейся у меня явке мне удалось увидеться с некоторыми уцелевшими во Владимире, Иваново-Вознесенске и Шуе товарищами брата по партийной работе и оценить тот огромный авторитет, которым пользовался Арсений в рабочих кругах этих городов.

Во время десятиминутного свидания через две решетки и в присутствии двух надзирателей я не заметил у Миши никаких признаков уныния или беспокойства за свою участь: он рассказывал об организации в тюрьме столярной мастерской, о своих занятиях языками и философией в самом бодром и жизнерадостном тоне.

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 11—20.

Ю. Я. КУРГАНОВА

СЕМЬЯ ФРУНЗЕ

Михаил Васильевич Фрунзе мой двоюродный брат. Мой отец, Бочкарев Яков Ефимович, младший брат матери Михаила Васильевича — Мавры Ефимовны...

Мавра Ефимовна, не имея никакого образования, была отличной воспитательницей. По характеру была твердой, энергичной, общительной и веселой. Читать и писать она научилась самостоятельно. Много читала и хорошо разбиралась в исторических событиях, играла на гитаре и прекрасно пела, чему обучала и своих детей.

Семья Фрунзе была очень дружной. Все дети учились отлично, хотя жилось тяжело. Средства для существования нужно было добывать самим с ранних лет. Несмотря на это, из пяти детей четверо окончили гимназию с золотой медалью. Все они поехали в центральные города России учиться в высшие учебные заведения.

Мавра Ефимовна сумела воспитать в детях гуманность, любовь к труду, стремление к знаниям. Какую только работу она ни выполняла для того, чтобы содержать и учить детей. По возможности ей помогали ее братья и мать Ирина Алексеевна Бочкарева.

Я хорошо помню, как Михаил Васильевич приезжал из Верного к бабушке на каникулы. Он старался помогать ей по хозяйству. Вместе с Яковом Ефимовичем запрягал лошадь и ездил за травой. С ним ходил на охоту и на рыбалку.

В моей памяти сохранилось, как нас, ребятишек, он однажды сильно напугал. У бабушки был большой фруктовый сад. Мы любили лакомиться фруктами прямо с дерева. Заберемся на дерево и обтрясем яблоки или груши. Никакие уговоры родителей не помогали. Однажды Михаил Васильевич решил нас проучить. Он вывернул шубу, надел на себя, ползет по дорожке и ревет по-медвежьи. Я сижу на верхушке груши и трясу ее, остальные собирают. Сначала мы услышали рев, а потом видим, по дорожке ползет настоящий медведь. Дети бросились бежать кто куда, а я сижу на дереве, около которого протекал арык, и думаю: «Через арык он не перелезет, значит, я могу спокойно сидеть!» Вдруг вижу, медведь лезет через арык, испугалась, спустилась вниз и пустилась без оглядки бежать к дому.

Медведь тоже побежал за нами. Родители наши сидели во дворе в ожидании нас. Каково же было наше изумление, когда медведь снял шубу, и им оказался смеющийся Миша.

Миша был любимец бабушки, она всегда его выделяла и любила больше других. Да это и не удивительно, Миша был послушным и внимательным...

Михаил Васильевич оставил у нас самые теплые и приятные воспоминания о себе. Он любил детей. Свободное от занятий время проводил с нами. Детворе он рассказывал интересные сказки. Все дети квартала ходили за ним. Он хорошо пел, играл на гитаре, под его руководством мы водили хороводы. Он был жизнерадостный, веселый, любил природу. Ездили в горы, собирали цветы, растения.

Я хорошо помню проводы Михаила Васильевича в Петербург учиться в политехнический институт. Это было в 1904 году, в последних числах июля. К нашему дому

подъехали почтовые лошади. Миша был в гимназической форме. Он прощался со всеми родственниками, многие плакали, а больше всех бабушка. Уезжает ее любимец в дальнюю дорогу, в неведомые края.

Осенью мы получили письмо о том, что он зачислен в политехнический институт на экономическое отделение со стипендией. А потом он писал своей матери, что хотя занятий в институте не оставил, но избрал себе очень трудную и опасную профессию.

...Тяжелое горе было в семье, когда мы получили сообщение от сестры Людмилы Васильевны о том, что Миша приговорен к смертной казни. С горя Мавра Ефимовна тяжело заболела. К нам пришли знакомые и родные, чтобы успокоить ее...

С Михаилом Васильевичем переписывалась я во время пребывания его в тюрьме и ссылке...

Из Владимирской тюрьмы М. В. Фрунзе писал, что у него стал болеть желудок. Болезнь, которую причинила царская каторга, впоследствии оборвала жизнь замечательного человека, талантливого полководца Советской Армии, крупнейшего деятеля Коммунистической партии и Советского государства, верного ленинца...

Михаил Васильевич Фрунзе. Воспоминания родных, близких, соратников. Фрунзе, 1969, с. 21—24.

Л. В. НАДЕЖИНА

БРАТ И ДРУГ

...Михаил Васильевич имел какой-то особый склад характера и особую любовь к детям, которые всегда тянулись к нему. Это я испытала на себе. Его прихода я всегда ждала с нетерпением. Он не играл со мной, не развлекал, а делал меня нужным помощником себе. Я считала, что без моей помощи он бы ни с чем не справился, хотя моя помощь заключалась в том, что я держала полотенце при умывании, приносила нужную книгу или еще что-нибудь в этом роде. Брат умел как-то сразу вовлечь меня в круг своих занятий, и я готова была все для него сделать. Помню, меня обижали мальчики соседей и я постоянно с плачем прибегала домой. Случилось как-то такое дело, когда Миша был дома. Он сразу же серьезно, как своему товарищу, сказал мне, что бегать от обидчиков стыдно, что никогда нельзя давать себя в обиду, но и самой нельзя никого обижать. «Ну,— говорит,— пойдем.

Я вот тут посижу, а ты иди и, если на тебя нападут, защищайся изо всех сил». И как-то на всю жизнь мне врезался в память этот эпизод, и не раз вспоминались потом тогдашние советы брата.

Михаил Васильевич в гимназии прекрасно учился, при переходе из класса в класс всегда получал награды. Хорошо помню его наградные книги, потому что всю нашу библиотеку составляли наградные книги обеих сестер и братьев. Миша был уверен, что окончит гимназию с золотой медалью. Помню, как однажды в тяжелую минуту... Миша уговорил маму продать золотую медаль старшего брата... «Я же все равно получу золотую медаль, документ останется мне, а медаль будет Костина». Так и было сделано. Золотую медаль, полученную Мишей, мама потом долго берегла для старшего брата.

Хорошо помню, как после окончания гимназии мы провожали Михаила Васильевича в Петербург в политехнический институт.

Навсегда запомнился день, когда было получено сообщение об аресте брата, и потом потянулся длинный ряд лет его заключения, два смертных приговора, перевод в Николаевскую тюрьму и, наконец, оттуда ссылка в Манзурку Верхоленского уезда.

Перед отъездом в ссылку брат прислал письмо, в котором просил выслать ему нашу семейную фотографию и какую-нибудь гражданскую одежду, потому что тюремная одежда стала просто невыносимой.

Сидя в тюрьме, брат мог писать только один раз в месяц, а ему писать можно было. Я писала ему часто и поэтому привыкла делиться с Мишей всеми своими думами, просила его советов, открывала ему тайны, о которых не говорила сестрам. От Миши я ничего не скрывала.

Когда впервые после 17-летнего перерыва мы встретились с братом в 1921 году, он сказал мне шутя: «Вот тебя-то я знаю хорошо, хотя оставил совсем маленькой, а встретил взрослым человеком».

Эта встреча произошла в Харькове, в 1921 году, когда Михаил Васильевич командовал всеми вооруженными силами Украины и Крыма. Мы приехали с мамой в Харьков только на лето и после долгой разлуки не могли наговориться... Михаил Васильевич рассказывал нам о своей жизни в тюрьмах и ссылках, о неимоверных трудностях и лишениях, которые пришлось пережить. В результате зверств конвойных у него были вытянуты коленные суставы, и он всю жизнь потом мучился, постоянно на ходу вправляя суставы...

Мы прожили в Харькове месяца три и снова расстались с братом на несколько лет. В последний раз я видела его незадолго до смерти, в октябре 1925 года в Москве. Он был болен, лежал в постели...

После выздоровления Михаил Васильевич собрался в отпуск и очень просил меня проводить его, но я оставила дома маленькую дочь и очень торопилась домой. Я обещала брату приехать зимой вместе с мамой и дочкой.

Так мы расстались в последний раз.

Вскоре после приезда в Пишпек мы получили от старшей сестры известие, что брат вернулся и ложится на операцию, а вслед за тем — телеграмму о его смерти.

Смерть очень рано оборвала замечательную жизнь Михаила Васильевича и причинила большое горе не только родным и близким, но и всем, кто был знаком с ним.

Михаил Васильевич Фрунзе. Воспоминания родных, близких, соратников. Фрунзе, 1969, с. 28—31.

М. К. ФРУНЗЕ

ЮНЫЙ БОТАНИК

Михаил Васильевич Фрунзе, мой дядя, широко известен как профессиональный революционер, незаурядный партийный руководитель, полководец Красной Армии. Однако многие даже из его ближайшего окружения не знали, что еще в юношеские годы он увлекался ботаникой. Родные и близкие полагали, что в этой области он может достичь больших успехов и стать ученым.

Михаил Васильевич знакомился с порядком сбора и систематизацией растений, правилами составления гербария. В изучении растительного мира Средней Азии он видел большой научный и практический смысл и с этой целью не один раз путешествовал по родному краю. О двух таких экспедициях и хотелось бы рассказать.

В 1902 году гимназист Фрунзе, сдав экзамены и перейдя с отличием в седьмой класс, задумал использовать летние каникулы для пешего перехода из города Верного (Алма-Ата) в город Пишпек (Фрунзе).

Известная скучная и утомительная дорога по Курдайскому тракту не устраивала его. Он выбрал другой маршрут — трудный и опасный путь через Кастекский перевал и город Токмак.

К участию в экскурсии Михаил Васильевич привлек своих одноклассников по гимназии Леонида Иванова и Эраста Пояркова.

В светлое майское утро родные и товарищи проводили гимназистов в дальний путь. Михаил и Леонид шли с ружьями, Эраст — с сачком и банками. Основным источником питания должна была служить охота, поэтому для незатейливого снаряжения экспедиции вполне хватило одного ишака, подаренного отцом Эраста.

У реки Большой Алмаатинки, что в десяти километрах от города, путников застал сильный дождь. До ближайшего села Каскелена дошли к вечеру насквозь промокшие, грязные и утомленные. Здесь в караван-сарае согрелись чаем, обсушились и легли спать. За ночь бодрость и настроение были восстановлены.

Темп перехода был невысокий. Это давало его участникам возможность уходить в сторону от маршрута, чтобы более детально знакомиться с местностью, собирать растения и насекомых, охотиться. Михаил Васильевич собирал растения, Эраст — насекомых, Леонид посильно помогал обоим. Отклоняясь от маршрута, друзья рисковали потерять друг друга. Это однажды и случилось. После остановки на берегу речки Узун-Агач каждый увлекся своим делом, и все разошлись в разные стороны. Встретились в Токмаке, пройдя врозь за два дня около 80 километров. За время разлуки сбора коллекций, однако, не прекращали.

При радостной встрече все невзгоды были забыты. Пройденный путь был трудным, на подъемы и спуски потратили немало сил. К общей усталости прибавилась боль изрядно побитых ног. Три дня отдыхали в Токмаке. Питались в местной столовой, где особенно понравилась «дунганская лапша», которая подавалась с приправами из рисового студня и крепкого соуса.

До Пишпека оставалось пройти 60 километров пыльной и скучной дорогой вдоль ровной и широкой долины реки Чу. За первый день прошли не более 15 километров. На второй день у одного из дунган наняли подводу, к ней сзади привязали ишака и в таком виде въехали в село Лебединку — восточный пригород Пишпека. Здесь приняли первоначальный вид пеших путешественников.

В Лебединке в это время жил дядя Михаила Фрунзе — Иван Ефимович Бочкарев. Так с сетками для ловли насекомых, с ружьями и гербарием в руках и вошли во двор дяди Ивана. После угощений и отдыха экскурсанты пересекли Пишпек и вышли за город к летнему военному лагерю, где

в постройках дачного типа жили родители Леонида Иванова, которые с радостью приняли путников. В гостях у Ивановых пробыли несколько дней. С удовольствием ловили рыбу, ходили на учебные стрельбы солдат, где особой меткостью отличился Михаил Васильевич...

Прошел месяц летних каникул. Наступила пора расставаться. Леонид остался у родителей. Михаил отправился к своим родственникам. Эраст с собранными коллекциями поторопился вернуться домой в Верный.

До начала учебного года коллекции еще раз были проверены и отправлены в Петербург, в адрес Петра Петровича Семенова (тогда он не имел еще приставки к своей фамилии — Тян-Шанский) [1]. От него гимназисты получили письмо, в котором он поощрял их экскурсии и дальнейший сбор коллекций.

Письмо П. П. Семенова породило у Михаила Васильевича мечты о более крупном путешествии в следующие каникулы.

Отцу Эраста товарищ сына — Михаил Фрунзе нравился своей ловкостью в работе, расторопностью, умением выходить из любого трудного положения. Он одобрил желание сына и Михаила повторить экспедицию и предоставил в их распоряжение лошадь, телегу и кучера, получил от губернатора Семиреченской области на имя сына так называемый «открытый лист», документ, предписывающий местным властям оказывать всяческое содействие экспедиции.

Подробности о новом путешествии 1903 года я узнал позже от товарища Михаила Васильевича по гимназии и неизменного спутника по Средней Азии Эраста Федоровича Пояркова. Произошло это так.

В 1936 году я возвратился в Москву с Дальнего Востока, где почти 4 года провел на изысканиях. В Москве я жил у своей тети, Клавдии Васильевны, готовясь поступить на учебу в военную академию. Э. Ф. Поярков часто заходил к нам. Он охотно и подробно делился своими юношескими воспоминаниями о времени, когда учился вместе с моим дядей. Дружбой с ним он гордился. Особую радость мне доставляли его рассказы о совместных с Михаилом Васильевичем путешествиях по Средней Азии. Его рассказы очень увлекали, были

---

[1] *Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович (1827—1914),* русский географ, статистик, общественный деятель, почетный член Петербургской АН. Вице-председатель и глава Русского географического общества и Русского энтомологического общества. Исследователь Тянь-Шаня и Центральной Азии. Организатор первой переписи населения в России.

интересны и надолго запомнились. Действительно, самостоятельное путешествие юношей, совмещенное с грамотным сбором коллекций растений и насекомых, надо считать редким явлением.

Толчком к новому путешествию, помимо письма П. П. Семенова, послужило и сообщение в газетах 1903 года об окончании экспедиции путешественника по Средней Азии П. К. Козлова[1]. Михаил Васильевич старался побольше узнать об этом путешествии, чтобы использовать его опыт в задуманном им собственном походе.

Из Верного путешественники выступили 29 мая 1903 года. К прежнему составу — Михаил Фрунзе, Леонид Иванов, Эраст Поярков — добавились еще Драгутин Новак и Самуил Аранович. Шли пешком, а телега, нагруженная одеждой, принадлежностями для сбора растений и насекомых, полученными от П. П. Семенова, продуктами питания, ехала рядом. М. В. Фрунзе всю дорогу не расставался с ружьем. Шел впереди всех, изредка уходя в сторону от дороги, чтобы пострелять куропаток. Из них готовили суп. 31 мая свернули с почтового тракта на дорогу к Кастекскому перевалу. Прошли верст двенадцать до памятной речки Узун-Агач, где сделали привал.

Три дня провели на вершине Кастека, а потом спустились к Боамскому ущелью...

9 июня путешественники выехали из Чон-Кемина, перевалили Кунгей-Алатау и оказались у озера Иссык-Куль. Озеро мерцало, струилось, искрилось, словно освещаемое загадочными светильниками. На его берегу и разбили лагерь. У Михаила Васильевича появилась возможность просмотреть и привести в порядок собранные растения.

Проверяя коллекции, он обнаружил, что они находятся в плачевном состоянии. Путешественники часто попадали под дождь, растения плохо высыхали и поэтому плесневели. В дальнейшем Михаил Васильевич стал чаще менять бумагу между растениями, проветривал и просушивал их у костра...

Вообще Фрунзе был душой экспедиции. Он хорошо ориентировался по карте, на открытой местности и даже в такой глуши, как Сусамыр и Джумгал. Знание местного языка давало ему возможность уточнять маршрут у киргизов, поэтому он не только его составлял, но даже и импровизировал по

[1] *Козлов Петр Кузьмич (1863—1935),* советский исследователь Центральной Азии, академик АН УССР. Участник экспедиций Н. М. Пржевальского, М. В. Певцова, В. И. Роборовского. Руководитель целого ряда других экспедиций. Собрал обширные археологические и этнографические материалы.

ходу движения. Он лучше всех участников похода знал географию края и потому пользовался их полным доверием...

19 июня путники пришли в Пржевальск, где провели 10 дней. Дорогой с почтением смотрели в сторону высочайшей, как считалось тогда, вершины Хан-Тенгри. Стараясь сквозь облака увидеть ее, Михаил Васильевич сказал: «Хорошо бы подняться на эту вершину...»

Двигались дальше через перевалы и реки. Реки в тех местах бурные, многоводные, и лошади с трудом переходили их. Однажды при переправе через свирепую реку Ашукаскусу лошадей унесло течением. К счастью, все обошлось благополучно, лошадей успели перехватить и вывести на берег. Так добрались до поселка Нарын.

Поселок поразил путников своим заброшенным, унылым видом. Хотелось поскорее покинуть это место, но Михаил Васильевич настоял на суточном привале для просушки свежих, недавно собранных растений. Только после этого экспедиция повернула обратно к Боамскому ущелью.

Перед самым городом Верным уже изрядно уставшим исследователям предстояло преодолеть Большой Алмаатинский перевал. Это очень трудный перевал не только из-за высоты, но и из-за беспорядочного нагромождения скал с мелкими озерами между ними. Но они одолели его за день, так хотелось уже домой.

6 августа по Большому Алмаатинскому ущелью вышли к городу. Отдохнув от путешествия, привели в полный порядок свои коллекции и через несколько дней отправили их в Петербург.

Михаилом Васильевичем было собрано 700 видов растений в 1500 экземплярах. Причем 300 экземпляров ранее совершенно не были известны. Гербарий, собранный М. В. Фрунзе, и в настоящее время хранится в Ленинграде в Ботаническом институте имени В. Л. Комарова под № 37...

Казалось бы, путешествие по родному краю всего лишь эпизод из жизни гимназиста М. В. Фрунзе. Но за этим фактом стоит многое. Знание географии края, местного языка, практика ориентировки по карте, физическая закалка в юности помогли в дальнейшем Михаилу Васильевичу как полководцу...

Родные и близкие Михаила Васильевича предсказывали ему судьбу ученого-ботаника, путешественника. Но его позвала революция, и Михаил Васильевич Фрунзе стал полководцем. И свершилось его желание подняться на большую вершину, но только называется она вершиной военного искусства.

Публикуется впервые.

Л. В. БОГОЛЮБОВА

ПЛАМЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

Михаил Васильевич Фрунзе унаследовал от своих родителей их лучшие черты: от отца — смелость, решительность, простоту в обращении с людьми; от матери — природные недюжинные способности, пытливый ум и сильную волю.

Отец, окончивший Московскую фельдшерскую школу, был сведущим, опытным и смелым лечебником. Его имя было широко известно в Пишпекском уезде, где он работал. Часто врача не бывало, и отец справлялся самостоятельно в сложных случаях, требующих оперативного вмешательства... Население верило отцу, его любили... После смерти отца, в 1897 году, семья осталась без всяких средств к существованию, и все же благодаря матери все мы получили образование.

Старший брат, Константин Васильевич, учась сам, давал уроки и помогал матери. Так же поступал и Михаил Васильевич, а за ним и мы, сестры.

Михаил Васильевич рос худеньким, но здоровым, крепким и чрезвычайно подвижным мальчиком. Веселый, юркий, общительный, он всегда был вожаком в компании сверстников... Борьба была любимой его игрой. И, несмотря на свой небольшой рост, он всегда оказывался победителем...

Начальное образование Михаил Васильевич получил в школе, где сразу обратил на себя внимание преподавателей своими выдающимися способностями...

Отзывчивый, чуткий, он находил время помогать отстающим в учебе, пользовался любовью товарищей, был авторитетен в классе. Несправедливостей он не терпел и всегда брал под свою защиту обиженных, горячо выражал свой протест против школьной рутины и жестокого обращения инспектора с учениками...

Из любимых писателей, помнится, Миша часто читал вслух Горького, увлекался Белинским, Чеховым.

В то время среди молодежи существовали кружки самообразования. Миша был живым участником этих кружков, выступая в диспутах. Первое знакомство с революционными идеями он получил еще в бытность в гимназии.

Окончив гимназию, Михаил Васильевич в том же 1904 году был принят в Петербургский политехнический институт. С первого же года студенческой жизни он вступил в социал-демократическую партийную организацию и сразу примкнул к большевистскому течению. Михаил Васильевич

пошел по дороге профессионального революционера. Девятнадцати лет он принимал активное участие в подпольной работе.

Помню его письма к матери в эти годы, письма, полные убежденности, огня, решимости. Он писал матери, что решил быть последовательным революционером, вести борьбу с царизмом. Нам, сестрам, в город Верный он часто присылал нелегальную литературу...

Михаил Васильевич был одним из организаторов и руководителей известной стачки текстильщиков в 1905 году, охватившей весь промышленный Иваново-Вознесенский район. В 1906 году был делегатом IV (Объединительного) съезда РСДРП в Стокгольме от Иваново-Вознесенского комитета...

В начале 1907 года был арестован в городе Шуе: судился по обвинению в принадлежности к РСДРП (большевиков) и был приговорен выездной сессией Московского военного суда к четырем годам каторжных работ. Во время отбытия наказания Михаила Васильевича привлекли по делу о вооруженном сопротивлении полиции. Суд приговорил Михаила Васильевича к смертной казни через повешение.

Исполнение приговора удалось оттянуть. Главный военный суд вынужден был кассировать его: настолько он был скоропалительно, даже без соблюдения положенных формальностей, состряпан; назначили новое рассмотрение. Но и вторично, в 1910 году, военный суд вынес смертный приговор, который, впрочем, был заменен каторгой.

Отбывал каторгу Михаил Васильевич во Владимирской, Николаевской и в Александровской (в Сибири) центральных каторжных тюрьмах. Во время пребывания Михаила во Владимирской каторжной тюрьме я часто приезжала к нему на свидание, останавливалась по его указанию у людей, лично меня не знавших. И я видела, как преображались лица людей, когда, бывало, назовешься сестрой Арсения. Под этим подпольным именем знали Михаила Васильевича.

Он снискал себе большую революционную славу, любовь и уважение среди иваново-вознесенских рабочих. Иваново-вознесенцы восторженно рассказывали мне о нем, точно о близком и родном человеке. В честь его нередко давались имена новорожденным. После его ареста в 1907 году пятнадцать тысяч рабочих пошли к тюрьме, где он сидел, чтобы его освободить. И они разгромили бы тюрьму, если бы Михаил Васильевич, выведенный по требованию рабочих из камеры, не остановил их.

В тюрьме Михаил Васильевич занимался самообразованием, много читал, работал над собой, изучал иностранные

языки — немецкий, французский и английский, которыми владел впоследствии довольно свободно.

Какой бодростью дышали его письма! А ведь два года смертная петля висела над его шеей. Закованный в кандалы, в серой арестантской одежде, сидел он в ужасных условиях в одиночке на одной воде и черном хлебе. И, несмотря на все это, Михаил Васильевич сохранил свою твердость, стойкость и бодрость...

Михаил Васильевич немалое время просидел в камере смертников в ожидании исполнения приговора. На его глазах уводили людей на смерть. Он писал мне, что ему легче было бы самому пойти на смерть, чем выносить неописуемые, полные страха и скорби молящие взоры уходивших.

В удушающей обстановке тех лет мне порой казалось, что все кончено — не вырваться ему. Но как получишь от него письмо, бодрое, полное жизни и веры в будущее, вспомнишь свидания с ним в тюрьме, его смеющиеся голубые глаза, так становится стыдно своего малодушия.

Я помню последнее слово Михаила Васильевича, судимого за принадлежность к партии большевиков. Несмотря на уговоры защиты, чтобы он не выступал на суде и тем самым не усугубил меру наказания, он все же выступил, говорил о партии, ее задачах, говорил сильно, страстно, убежденно. Я воочию видела, что ни тюрьма, ни одиночка, ни смертные приговоры не сломили Михаила Васильевича. Он смело смотрел в глаза смерти, до конца преданный своему славному делу, делу великой партии большевиков.

В 1914 году Михаил Васильевич вышел из тюрьмы и был выслан на поселение в Верхоленский уезд Иркутской губернии. Летом следующего года он снова был арестован за создание революционной организации, но вскоре бежал из тюрьмы и работал нелегально в Забайкальской области. В конце 1915 года, обнаруженный охранкой, случайно спасся от ареста и бежал в Россию. Под фамилией Михайлова он попал на Западный фронт, работал над созданием нелегальной революционной организации в войсках.

К моменту Февральской революции Михаил Васильевич Фрунзе стоял во главе подпольной революционной организации с центром в Минске и отделениями в армиях. С начала Февральской революции был одним из руководителей революционного движения в Минске, в Белоруссии и на Западном фронте, провел разоружение минской полиции и жандармерии. Неутомимый, поглощенный всецело организационной работой, он все же нашел время написать мне чудесное письмо по случаю постигшего меня несчастья — смерти мужа.

Большая, трогательная забота и любовь друга-брата дали мне силы пережить личное горе...

В 1921 году я жила у него в Харькове. В этот период он был занят ликвидацией махновщины. Помню, приехал: прострелен плащ, а в левом боку рана. Пришел ко мне, со смехом рассказывая о перепалке с Махно, и попросил перевязать рану, смазать йодом. Не придавая этому ранению никакого значения, он продолжал заниматься делами.

Помню парад на Красной площади 7 ноября 1924 года. На трибуне Мавзолея смеющийся, оживленный Михаил Васильевич беседовал с Кларой Цеткин [1]. Сколько еще сил, бодрости было в нем!

Красноармеец, 1940, № 19, с. 14—15.

В. О. БРОУН

ОТВАЖНЫЙ АРСЕНИЙ

С лета 1905 года среди шуйских рабочих все чаще стали поговаривать об иваново-вознесенском подпольном агитаторе социал-демократе Трифоныче. Трифоныч несколько раз приезжал в Шую, выступал на рабочих массовках, собиравшихся в окрестных лесах (в сторону Мельничного), и те, кому довелось послушать его, единодушно выражали свое восхищение оратором.

Впервые мне пришлось увидеть и услышать М. В. Фрунзе осенью того же года (вероятно, в сентябре или начале октября). Меня пригласили на студенческо-гимназическое собрание, на котором предстояла дискуссия между социал-демократами и социалистами-революционерами. От эсеров выступал А. И. Бердников, с которым я уже был знаком. Про его оппонента мне сказали, что это иваново-вознесенский подпольщик Арсений, причем тут же кто-то пояснил мне, что Арсений и Трифоныч — это одно и то же лицо.

Дискуссия состоялась у студента социалиста-революционера Григория Григорьевича Малунина (партийная кличка Гри-Гри). Он жил в большой комнате полуподвального этажа на Торговой улице. Вход был со двора, и так как в том

---

[1] *Цеткин Клара (1857—1933),* деятель германского и международного коммунистического движения, одна из основателей Коммунистической партии Германии, член Президиума ИККИ (с 1921 года). Член ЦК КПГ с 1919 года. В Коминтерне возглавляла международный женский секретариат, являлась руководителем МОПРа. С 1920 года депутат германского рейхстага. Похоронена в Москве, на Красной площади у Кремлевской стены.

же дворе помещался трактир его отца, куда ходило много посетителей, то собираться у него не вызывало подозрений.

В этот день у него собралось человек двадцать социал-демократов и социалистов-революционеров. Сам хозяин сидел на диване, тренькал на гитаре и напевал себе под нос. На середину комнаты были выдвинуты два небольших стола. За одним из них уселся А. И. Бердников. Перед ним лежала горка книг, из которых торчали многочисленные закладки. Другой стол предназначался для Арсения. Все были уже в сборе и нетерпеливо ждали начала, когда в комнату вошел русый юноша, стриженый под бобрик. Он был среднего роста, с покатыми плечами, но как-то замечательно ладно сложен. Трудно описать его чрезвычайно подвижное лицо, с красивым лбом, с пухловатыми губами и несколько широкими скулами; оно с первого же взгляда говорило об огромном уме, твердой воле и необыкновенной жизнерадостности. В разговоре он был скуп на жесты, но даже в его руках была выразительность, особенно в манере поворачивать руку ладонью кверху... Его лицо, фигура, приятный тембр голоса, мягкая улыбчивость с первого же момента внушали всем непреодолимую симпатию.

Дискуссия началась. Реферат Бердникова был стройным, логическим, стилистически отточенным, но казался до крайности сухим. Бердников пересыпал его многочисленными цитатами, пользуясь лежащими перед ним книгами. Иногда он не сразу находил нужную выдержку, и тогда пауза длилась минуту-другую. Слушателям приходилось ждать. Когда он кончил, выступил Арсений. И тогда всем стало ясно, что такое настоящее искусство пропагандиста. Арсений говорил удивительно просто и вместе с тем образно, без затруднения находя остроумные сравнения и метафоры. Каждой из цитат Бердникова он противопоставлял другие цитаты, в прах разбивавшие те, которые приводились противником. При этом он не пользовался книгами, а цитировал по памяти. Некоторые из цитат (я помню лишь одну: из письма К. Маркса к Кугельману) были довольно длинными. Хотя Бердников тут же раскрывал соответствующую книгу, ему приходилось сознаться, что цитаты были не только точными, но и правильно соответствовали контексту. Дискуссия продолжалась более двух часов. Мы вышли с собрания в убеждении, что победа осталась за Арсением.

Прошло несколько недель, и Арсений появился как-то у нас на квартире (Ковровская, 12). Не помню, кто его привел, но думаю, что это был Дробинский, часто бывавший у нас и одно время столовавшийся у моей матери. С тех пор

Михаил Васильевич стал постоянным посетителем нашего дома.

К тому времени он окончательно перебрался из Иваново-Вознесенска в Шую в связи с созданием окружного комитета РСДРП.

Арсений снял себе комнату в слободке у одного из рабочих... В те же вечера, когда у него не было массовок, занятий в кружках, заседаний комитета, он приходил к нам и по большей части оставался ночевать, чтобы не возвращаться ночью в далекое Заречье.

Наша квартира имела большое преимущество, заключавшееся в том, что вход в нее был со двора, а в нижнем этаже, помимо нашей кухни, помещалась слесарная мастерская Лебедева, в которую ходило много разного народа, так что посещавшие нас не возбуждали подозрения, даже если были и в рабочем платье.

Вся наша семья полюбила М. В. Фрунзе, как родного. Мать относилась к нему, как к члену семьи, штопала ему белье, шила наволочки, беспокоилась о нем, когда он запаздывал, и, будучи исключительно хлебосольной хозяйкой, старалась накормить чем повкуснее...

С наступлением зимних холодов, когда созывать массовки на открытом воздухе в далеком лесу становилось трудно, Арсений стал чаще бывать у нас и иногда по неделям жил в нашей квартире.

К нам по большей части ходили гимназисты и гимназистки, так или иначе связанные с революционным движением. Опасаться их не приходилось, так что при их приходе Арсений не прятался. Понятно, что при появлении людей совсем иного круга Арсений либо оставался в моей комнате, либо представлялся как заезжий петербургский студент.

Иногда Арсений собирал в нашей гостиной кружок пропагандистов человек в 15—20, главным образом гимназистов и студентов. Однажды, во время такого собрания, мой двоюродный брат Гройпинер, сам всегда посещавший кружок, желая подшутить, незаметно вышел из комнаты и, пройдя во внешний коридор, громко забарабанил в дверь.

Было около 10 часов вечера. Так стучать могла только полиция. Арсений не растерялся. Он предложил собравшимся уничтожить все то, что у них было компрометирующего, а сам с маузером наготове подошел к двери, чтобы пробиться на улицу. Когда все разъяснилось, моему двоюродному брату здорово попало от Арсения.

Постепенно наша квартира стала служить Арсению явкой. Сюда к нему приходили шуйские комитетчики, а также

приезжие товарищи из Иваново-Вознесенска, Кохмы и других городов и поселков.

Когда с нами был Арсений, мы часто пели хором, и он всегда был запевалой. Его голос отличался мелодичностью и приятным тембром. Любимыми его песнями были: «Славное море, священный Байкал...», «Быстры, как волны, все дни нашей жизни...», «Дубинушка». Самым сильным голосом среди нас обладал мой двоюродный брат. Арсений часто заставлял его петь «На старом кургане, в далекой степи...» или арию варяжского гостя из оперы «Садко», которую Арсений услышал в Петербурге и очень полюбил.

Жизнерадостность и юношеская энергия буквально кипели ключом в Михаиле Васильевиче и постоянно требовали разрядки. Часто этот серьезный партийный работник, как подросток, затевал перед сном борьбу с моим двоюродным братом, единственным равным ему по силе. Вообще же его присутствие озаряло квартиру весельем, буйным хмелем молодости и беззаботности, так что воспоминание об этих месяцах навсегда осталось в моей памяти какой-то светлой, солнечной сказкой.

Арсений был великолепным рассказчиком, умевшим создавать у слушателей впечатление, будто они сами присутствуют при описываемой сцене. Особенно запечатлелись в моей памяти рассказы Михаила Васильевича о его прогулках по окрестностям города Верного (Алма-Ата), где он провел отроческие годы. Он красочно описывал замечательную природу Семиречья, поросшие лесом горы, по которым бродил, голубые, окруженные скалами горные озера, вытекавшие из них стремительные речки, утопающие в фруктовых садах аулы.

Большую часть дня Арсений посвящал занятиям в рабочих кружках. Будучи прекрасным оратором, он предпочитал все же общение с рабочими в кружках, где попутно с пропагандой возникали интересные беседы о рабочем быте, о семьях рабочих, о их культурных запросах и т. п. Рабочие чувствовали в Арсении своего человека, поверяли ему свои дела и думы.

Чаще всего кружки приходилось собирать в лесу или же в помещении пустующих кирпичных заводов. В редких случаях собирались в домике кого-либо из рабочих. Даже в самые трескучие морозы Арсений не пропускал ни одного кружка. Возвращался он всегда взбодренный, рассказывая о том, что сам узнал от рабочих.

Арсений много читал и упорно изучал марксистскую литературу. Всякая новая марксистская книга, дошедшая до Шуи, была для него большой радостью.

Иногда, когда мы с двоюродным братом уже спали, он подолгу просиживал с книгой...

Арсений очень серьезно занимался боевой подготовкой дружинников. В глухих местах за городом он проводил регулярные упражнения в стрельбе и метании бомб. Оружие, состоявшее тогда из двух маузеров, двух винчестеров, нескольких кольтов, браунингов и наганов, было в превосходном состоянии. Арсений указывал боевикам, что в ближайшее время задачей дружины является охрана собраний, но она должна всемерно готовиться и к участию в вооруженном восстании, без которого невозможна победа революции.

В те месяцы Арсений вел активнейшую организационную работу. Благодаря его энергии и талантам окружная организация социал-демократов, охватывавшая районы Шуи, Иваново-Вознесенска, Тейкова, Кохмы и т. д., не только значительно возросла количественно, но и стала сплоченной, монолитной...

Пользуясь огромным авторитетом, Арсений исключительно чутко прислушивался к голосу рабочих. Мне нередко приходилось присутствовать при его совещаниях с рабочими — членами комитета... И Арсений с ними и они с Арсением всегда держались как равные и добрые товарищи. Арсений всегда дорожил их мнением и часто соглашался с ними. Я не помню, чтобы когда-либо возникали какие-нибудь острые разногласия, чтобы обмен мнениями принимал резкий характер.

Арсения связывала с рабочими крепкая, искренняя и светлая дружба. Он мог иногда пожурить товарища за дело, сказать ему в лицо правду, но умел это делать в деликатной и необидной форме. Когда он над кем-нибудь подтрунивал, это никогда не оскорбляло и не обижало товарища.

В начале декабря 1906 года Михаил Васильевич уехал в Петербург держать очередную экзаменационную сессию в Политехническом институте. Систематически готовиться к экзаменам у него не хватало времени, но изумительная память и незаурядные способности всегда выручали его. И на этот раз экзамены он сдал отлично.

Вернулся он в Шую в ночь на Новый год и прямо с вокзала приехал к нам. В этот вечер мы большой компанией отправились в клуб на маскарад, а оттуда поехали «ряжеными» к знакомым на окраину города. Вернулись домой часов в 8 утра. Но узнав, что приехал Арсений, мы немедленно вторглись в мою комнату и разбудили его. Спросонок он был весьма удивлен, увидев перед собой человек десять украинцев и украинок (мать всем нам пошила для маскарада украинские

костюмы). Подали чай, все расселись в столовой и несколько часов подряд слушали рассказы Арсения о далеком Питере. Он рассказывал нам о своих экзаменах, о путиловских рабочих и их революционных настроениях, о посещении им рабочих массовок за Выборгской заставой.

В начале января 1907 года Михаил Васильевич выступал на большом собрании рабочих с рассказом о развитии революционного движения в Петербурге. Я был на этом собрании. Происходило оно вечером в одном из больших помещений кирпичного завода, где-то за Панфиловкой или Маремьяновкой. Присутствовало на нем человек двести.

По окончании собрания мы возвращались группою человек в пятнадцать. С Арсением шли Северный[1], Кругликов, я и еще несколько человек. Выйдя с территории завода, мы пошли тропинкой вдоль длинного забора, ограждавшего эту территорию. Шли довольно беспечно, громко разговаривая. Внезапно впереди, из-за угла, показались конные стражники. При ярком лунном свете впереди них мы ясно опознали урядника Никиту Перлова. Оружие было только у Арсения, поэтому о сопротивлении нечего было и думать. В заборе были довольно широкие щели. Арсений скомандовал отступление. Большинство уже успело перебраться на другую сторону. По эту сторону оставались Арсений, Северный, Кругликов и я, так как щель, которую мы нашли поблизости, оказалась слишком узкой. Пришлось отдирать смежную доску. Арсений стоял спокойно, с браунингом в руке, пока, наконец, доска не поддалась нашим усилиям. Тогда, пропустив всех нас, он в свою очередь пролез и сам. В этот момент Перлов был близко и стягивал с плеча винтовку. Но мы уже бежали по заводской территории, утопая в сугробах. Прежде чем стражники успели обскакать вокруг забора, мы выбрались к рабочей слободке. Арсений и Северный остались в Заречье, а мы с Кругликовым вернулись в город.

12 января мы справляли в нашей квартире «Татьянин день». Было весело, так как Михаил Васильевич оживлял все общество. Перепели все студенческие и революционные песни. Сидели часов до шести утра.

Через несколько дней после этого вечера Арсений пришел к нам ночевать. Он ужинал в столовой, когда раздался

---

[1] *Гусев П. Д. (Северный) (1886—1915),* большевик-подпольщик, участник боевой дружины, вел работу в Иваново-Вознесенске, Шуе. В марте 1907 года арестован и вместе с М. В. Фрунзе военно-окружным судом приговорен к смертной казни, которая была заменена каторгой. Умер во Владимирской тюрьме.

неурочный стук в дверь. Мама пошла отворять и увидела незнакомого рабочего, спрашивавшего Арсения. Мать собиралась сказать, что у нас такого нет, когда Арсений, узнав по голосу одного из иваново-вознесенских партийцев, сам вышел в переднюю.

Мы с двоюродным братом уже ложились спать, но, услышав возбужденный разговор в столовой, оделись и вышли туда. Прибывший товарищ рассказал Арсению о том, что в Иваново-Вознесенске провалилась подпольная типография большевиков. Арсений расспрашивал о подробностях и был очень удручен. Надо пояснить, что это происходило перед выборами во II Государственную думу. Со дня своего возвращения в Шую из Петербурга Арсений вел активную кампанию по подготовке к выборам. На массовках, в кружках, при личном посещении квартир знакомых рабочих он разъяснял тактику большевиков по отношению к выборам и к Государственной думе, агитируя за то, чтобы шуйские рабочие избрали своими выборщиками (выборы были двухступенными) большевиков. Вопрос о выборах в эти дни постоянно был в центре внимания и Иваново-Вознесенского союза РСДРП. Но, понятно, устную пропаганду требовалось дополнить литературой, листовками, прокламациями, воззваниями. Всем этим и была занята иваново-вознесенская типография. Следует учесть, что лишь десятая часть рабочих посещала кружки и собрания. Многие не ходили из-за того, что жили в окрестных деревнях и после работы торопились вернуться к себе, иногда за десять — двенадцать километров пешком. Другие боялись посещать собрания, опасаясь полицейских репрессий или увольнения. Третьи были просто политически пассивными. Большевистское слово о выборах могло дойти к ним только через прокламации.

Присутствуя при разговоре Михаила Васильевича с приезжим, я видел, что Арсений сильно расстроен. Но в то же время его наморщенный лоб говорил о том, что он что-то обдумывает.

И, действительно, закончив расспросы, он тут же неожиданно сказал:

— Прокламацию к выборам выпустить необходимо. Если арестовали нашу типографию, то мы захватим типографию Лимонова. Так или иначе рабочие должны получить воззвание.

Способность принимать быстрые, точные и правильные решения, столь характерная впоследствии для победителя армий Колчака и Врангеля, уже тогда была свойственна двадцатидвухлетнему подпольщику...

На следующий день с утра Михаил Васильевич приступил к организационной подготовке задуманной операции. Окружной комитет социал-демократов санкционировал план Михаила Васильевича. Через партийных наборщиков типографии Лимонова Арсений получил довольно хорошо нарисованный план помещений, а также сведения о порядках в типографии, о количестве рабочих и служащих, о том, от кого из них можно ожидать помощи.

Захват типографии был назначен на 17 января 1907 года. В этот день с утра Михаил Васильевич сидел в нашей гостиной и писал. В то утро я не пошел в гимназию. Часов в десять или одиннадцать он предложил мне пойти с ним вместе на «последнюю разведку». День был ясный и морозный. Мы подошли к типографии Лимонова. Михаил Васильевич был тут уже несколько раз перед этим. Но теперь его главным образом интересовала высота забора, чтобы в случае необходимости можно было скрыться, перелезши через него со двора. Мы обошли кругом весь квартал, где помещалась типография. Арсений приблизительно установил высоту заборов, обследовал крепость их досок на тот случай, если их пришлось бы выламывать, измерил взглядом расстояние от типографии до спуска на Посылинский мост, через который предполагалось отступление.

После обеда в нашу квартиру начали прибывать поодиночке иваново-вознесенские и шуйские дружинники. Всего в захвате типографии участвовало 15 человек. Из них в нашей квартире собралось человек 10, остальные должны были присоединиться к ним на улице.

Когда собрались, Михаил Васильевич начал разъяснять план операции, подробную роль каждого из участников, различные варианты действия, которых могла потребовать та или иная непредвиденная случайность. Часов около четырех было решено выступить. Главное вооружение состояло из револьверов разных систем.

Арсений приказал боевикам разделиться на три группы и каждой идти отдельной улицей. Выходили из квартиры в одиночку. Одними из первых ушли Арсений и Северный.

Мы остались в довольно тревожном настроении, опасаясь за товарищей, ушедших на смелое и опасное дело. Уже вскоре мы начали выскакивать на улицу и прислушиваться, не слышно ли выстрелов. Но все было тихо. Первым не выдержал двоюродный брат. Он оделся и сказал, что пойдет к типографии, чтобы узнать, что там делается. Вернулся он через полчаса. Рассказал, что вокруг типографии все спокойно и что, по всей вероятности, по каким-либо соображениям

Арсений отложил захват до другого раза. Больше ходить к типографии мы не решились.

На следующее утро, едва я пришел в гимназию, меня отвел в сторону мой одноклассник Сережа Коротков и сообщил следующее: вчера вечером он с одним товарищем ходили в типографию Лимонова заказывать программу гимназического вечера. Когда они вошли в помещение, оно оказалось занятым вооруженными людьми. Их впустили, но отвели в комнату, где находились служащие и посетители типографии, и приказали сидеть тихо и не пытаться уйти. После ухода вооруженных они не осмелились покинуть помещение еще в течение четверти часа, после чего нагрянула полиция и арестовала всех посетителей. Тут же пристав пошел делать у них обыск.

В городе в этот день только и было разговора, что о вчерашнем налете на типографию Лимонова. Но подробности мы узнали лишь вечером, когда к нам пришел Арсений.

Захват типографии Лимонова почти среди бела дня, в самой людной части города, под носом у полиции, произвел необыкновенное впечатление на рабочих. Когда через день на фабриках появились напечатанные Арсением листки, каждый хотел их прочесть. Мне рассказывали знакомые рабочие, что как только делалось известным, что в такой-то части цеха раздают прокламации, даже пожилые, стоящие далеко от политики рабочие бросали свои станки и спешили получить листовку. Воззвания бережно прятали, чтобы перечесть у себя дома на свободе и показать родным и близким. Настроение среди рабочих было такое, как будто наступил праздник. Над полицией смеялись, тем более что она сама себя поставила в глупое положение, распространив версию, будто в захвате типографии участвовала чуть не сотня вооруженных до зубов людей. Захват типографии продемонстрировал смелость, силу и организованность партии, вселил в рабочих уверенность, что дело идет не о жалкой заговорщической организации, но о реальной и мощной силе. Все это сказалось на результате выборов.

Эти выборы первой ступени состоялись через несколько дней. До последнего момента Арсений, а с ним и весь актив организации вели неустанную агитацию среди рабочих. В результате из 14 выборщиков по рабочей курии в Шуе было избрано 12 социал-демократов и сочувствующих им и два социалиста-революционера...

Выборщики, съехавшиеся со всей губернии, отправились во Владимир выбирать депутатов. Михаил Васильевич также поехал туда. На собрания выборщиков не пропускали

посторонних. Однако Арсений сумел проникнуть и на эти собрания, где агитацию вели кадетские и октябристские краснобаи, сумел сплотить там рабочих выборщиков, помочь им выступить против своих противников. В результате из 6 депутатов от Владимирской губернии был избран один рабочий-большевик Жиделев. Арсений вернулся в Шую в ликующем настроении. Подпольной, жестоко преследуемой правительством партии все же удалось послать в Государственную думу своего представителя...

В то время Арсений нередко проводил летучки с целью охвата агитацией возможно большего числа рабочих... В некоторых местах Заречья, где рабочие проходили вечером после смены в свои слободки, появлялся Арсений в сопровождении нескольких товарищей. Товарищи предупреждали идущих, что здесь будет устроен короткий митинг. Рабочие останавливались. Иногда на этих импровизированных собраниях удавалось собрать несколько сот человек. Тогда выступал Арсений и говорил минут десять-пятнадцать. Когда появлялись оповещенные стражники, собрание быстро рассеивалось. Так агитация доходила до тех, кто боялся ходить на собрания в лесу.

Однажды нам удалось установить, что за нашей квартирой ведется слежка. На следующий день, когда к нам пришел Арсений, я рассказал ему об этом. Мы договорились, что Арсений станет поменьше у нас бывать и не будет оставаться ночевать.

Настал март. Если не ошибаюсь, после 20-го числа я возвращался часов в восемь вечера с одним товарищем из Заречья, где мы проводили занятия в рабочем кружке. Когда мы перешли Большой мост и свернули налево, товарищ обратил мое внимание на извозчичьи санки, въезжавшие на мост и раскатившиеся на скользком подъеме. Товарищ сказал мне: «А ведь это едет Арсений». Действительно, это был он. Но я не окликнул его, так как мы были довольно далеко.

Вернувшись домой, я сообщил матери, что видел Арсения. Мать рассказала мне, что Арсений был у нас, она уговаривала его остаться ночевать, но он отказался, так как с ним были два винчестера, которые он давал чинить жившему под нами слесарю Лебедеву, и, только что получив их обратно, хотел отвезти в Заречье, на склад оружия. Так как с винчестерами под коротким пальто идти было неудобно, он нанял извозчика и поехал на нем.

На следующий день, едва кончился первый урок в гимназии, ко мне подошел кто-то из товарищей и сказал, что ночью арестовали Арсения. Книги и тетради вывалились

у меня из рук. Я немедленно оделся и побежал на площадь перед городским валом, где уже собралась большая толпа народа, состоявшая главным образом из рабочих. Пролет между двумя валами, ведущими к тюрьме, охранялся густой цепью полицейских и несколькими десятками казаков. Впереди них гарцевал начальник казаков Персидский. Толпа все росла. Вскоре была сооружена какая-то примитивная трибуна, и на ней появились ораторы. Одним из первых говорил Дробинский. Временами толпа напирала вперед, как бы пытаясь прорваться в пролет между валами. Тогда казаки, размахивая нагайками, выезжали вперед и теснили наступавших. В толпе слышались крики: «Освободите Арсения!» и гневные выкрики по адресу самодержавия и властей. На площади было уже тысяч до трех рабочих. Многие бросили работу на фабриках и стекались сюда. Власти были в полной растерянности...

В это время по предложению одного из ораторов было решено послать телеграмму социал-демократическим депутатам Государственной думы, чтобы они немедленно потребовали у правительства от имени шуйских рабочих освобождения Михаила Васильевича и арестованного одновременно с ним Павла Гусева. Телеграмма тут же была сдана на телеграф.

Толпа вновь попробовала пробиться к тюрьме и потеснила казаков. Тогда вперед выскочил Персидский. Он закричал, что если народ прорвется к тюрьме, Арсений будет немедленно расстрелян, а тело его выкинуто на площадь. От потерявших голову полицейских властей можно было ждать всего. Ввиду этого рабочие прекратили попытки прорваться через казачье-полицейское заграждение. Была выбрана делегация, направившаяся в полицейское управление. Перепуганный исправник Лавров обещал не отправлять Арсения из Шуи в течение 24 часов с условием, если рабочие не будут пытаться штурмовать тюрьму. После возвращения делегации, рассказавшей о результате переговоров, толпа начала медленно расходиться...

Вскоре пришел Дробинский, а затем несколько членов окружного комитета. Тут же решили, что Арсения надо освобождать вооруженным путем. Кто-то немедленно отправился в Иваново-Вознесенск, чтобы вызвать оттуда боевую дружину... Было решено организовать патрулирование вокруг тюрьмы, дабы Арсения не вывезли тайно в другое место.

Заключенное с исправником условие было выгодным выигрышем времени. Дело в том, что поезда на Владимир, ку-

да должны были отправить Арсения, уходили только вечером. Таким образом отправить Арсения могли лишь через 36 часов, а не через 24. За это время можно было подготовить побег.

На четыре часа дня за городом было назначено собрание шуйских боевиков для выработки плана освобождения.

На совещании, которое состоялось на опушке какого-то леска, присутствовало около 20 человек комитетчиков и боевиков. Было решено, что боевики (иваново-вознесенские и шуйские) выедут на следующий день утром на ближайший от Шуи железнодорожный разъезд и там остановят поезд, в котором повезут Арсения. Иваново-вознесенские боевики должны были прибыть вечером, так что группа освободителей насчитывала бы человек сорок. С такой силой нам казалось возможным освободить Арсения.

Вечером мы несколько раз ходили с Дробинским проверять патрули. Они расхаживали по валам, с которых хорошо была видна тюрьма. От них мы узнали, что никаких попыток увезти Арсения не было. К сожалению, мы не догадывались о коварных действиях властей. Они, правда, сдержали свое слово не отправлять Арсения в течение суток, но вызвали к следующему утру из Иваново-Вознесенска специальный поезд, чего мы не предвидели, казачьи подкрепления и роту солдат.

Мы не спали всю ночь. Часов в восемь утра к нам на квартиру прибежал один из патрульных сообщить, что Арсения выводят из тюрьмы. Весть об этом уже распространилась в рабочих районах. Но пока толпа собиралась на привокзальной площади, Арсения и Гусева уже доставили на вокзал и ввели в вагон. Когда я подбежал к вокзалу, полицейская цепь никого туда не пропускала. Но мы знали все входы и выходы на станцию и вместе с двумя-тремя товарищами, пройдя через какую-то калитку, очутились на перроне. Поезд в этот момент трогался. Арсения я уже не мог увидеть сквозь плотно закрытые окна вагона. Последнее, что врезалось мне в память: задняя площадка, на которой стояли два солдата в серых шинелях со штыками, направленными на закрытую дверь вагона. Поезд поплыл мимо меня. В этот момент перрон наполнился толпою, прорвавшей кордон. Все обнажили головы, и над вокзалом зазвучал печальный мотив траурного марша: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Поезд набирал ход. Боевики не успели выехать на разъезд. План освобождения Арсения сорвался.

Когда я вышел на Ильинскую площадь, она чернела от народа. Собрались почти все шуйские рабочие. Думаю, что

было не менее 8—10 тысяч человек. Полиция, казаки, стражники исчезли из Заречья... Ни в этот, ни на следующий день полицейские не показывались в фабричных районах. Не делали они никаких попыток и разогнать митинги, продолжавшиеся два дня...

Воспоминания о Фрунзе. Иваново, 1959, с. 53—68.

О. А. ВАРЕНЦОВА

ЗА НИМ ШЛИ, ЕМУ ВЕРИЛИ

...Я встретилась впервые с Михаилом Васильевичем Фрунзе летом 1906 года, когда приехала работать в Иваново-Вознесенск. Здесь от растерянности и уныния, охвативших рабочих после октябрьского погрома 1905 года, не осталось и следа. С половины 1906 года до осени 1907 года партийная организация существовала почти открыто. Фабричные собрания, митинги, конференции устраивались на глазах полиции, занявшей выжидательную позицию. Прокламации, нелегальные газеты распространялись в таком большом количестве, что фабричная администрация и полиция были бессильны бороться с «этим делом», вынуждены были мириться с ним. Только что народившиеся профессиональные союзы широко развернули свою работу. Образовавшийся осенью 1906 года Иваново-Вознесенский союз РСДРП — районная организация, объединившая соседние социал-демократические организации — Шуйскую, Тейковскую, Кохомскую, Родниковскую и др., придал партийной работе еще более широкий размах и планомерность. Среди рабочих наблюдался огромный интерес к партии и политической жизни. Избирательная кампания во II Государственную думу была проведена организацией превосходно — в уполномоченные по фабрикам и заводам прошли социал-демократы большевики...

Михаил Васильевич Фрунзе был тогда двадцатилетним студентом, работал в Шуе как профессионал-партиец, отдавая все время и все силы партийной работе, руководил Шуйской организацией, выполняя функции агитатора, пропагандиста, лектора. Других работников-профессионалов, за исключением местного рабочего Гусева, там не было, а между тем работа в Шуе кипела. Митинги, собрания по фабрикам устраивались чуть ли не ежедневно. Обыкновенно на фабрику не работающему там человеку проникнуть было трудно. Но Арсений умел обходить все препятствия. Несмотря на свою молодость, он поражал своим организационным разма-

хом, положительностью и деловитостью при обсуждении вопросов партийной жизни. По его инициативе был создан Иваново-Вознесенский союз РСДРП. Все вопросы он всегда рассматривал по существу... Всегда и над всем у него доминировали интересы дела, работы. Эта черта Арсения особенно привлекала к нему рабочих. У него всегда были свои планы, которые он умел проводить в жизнь.

Много внимания уделял он работе среди крестьян, делал попытки создать крестьянские комитеты. Фрунзе не только приходил к рабочим как пропагандист, чтобы вести занятия в кружках, или как агитатор, чтобы выступать на собраниях, но и в повседневной текущей жизни он был всегда среди рабочих, что давало ему возможность хорошо изучить их психологию, улавливать их настроение, делало его близким рабочим...

Он умел извлекать живые, наиболее восприимчивые элементы из рабочей среды, упорно и настойчиво работал над их воспитанием. Иваново-вознесенские и шуйские ткачи любили и ценили своего Арсения, безусловно ему доверяя. Но эта любовь и доверие были им завоеваны. Текстильщики этого района вовсе не склонны слепо следовать за кем-либо. Они очень чутки, проницательны и умеют разбираться в людях. Поражала в товарище Фрунзе глубокая, беззаветная вера в рабочие массы, в их творческие силы, которую он сохранил непоколебленной в течение всей своей жизни, несмотря на свирепые годы реакции, несмотря на продолжительное пребывание в тюрьме и на каторге. Есть основание думать, что эту уверенность пробудила и укрепила в нем работа в Иваново-Вознесенском районе. Михаил Васильевич приехал в Иваново-Вознесенск в разгар широкой, напряженной классовой борьбы, во время всеобщей летней забастовки 1905 года. Перед ним пронеслись картины яркого проявления классовой солидарности, героической стойкости, самоотверженности рабочих. Рабочая стихия увлекла и покорила его навсегда. Он до конца сохранил живой интерес и горячую симпатию к Иваново-Вознесенскому району. Уже будучи председателем Реввоенсовета, мечтал посетить места своей прежней работы.

Бурный 1905 год также наложил на него свою печать. Он с ясностью и отчетливостью воспринял и усвоил лозунги нашей партии — о вооруженном восстании, революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, большевистскую программу и неуклонно проводил тактическую линию большевиков. Она так гармонировала с его боевой натурой, его кипучей энергией, его революционной

страстью к борьбе. Товарищ Фрунзе в самые черные годы реакции сохранял уверенность в торжестве революции. Ему были чужды сомнения, колебания, разочарования. Не успел он выйти за тюремные ворота в 1914 году, как снова принимается за революционную работу, переходит на нелегальное положение сначала в Сибири, а потом попадает на фронт империалистической войны, где ведет революционную работу среди солдат...

Михаил Васильевич еще в 1905 году особенно интересовался вопросами вооруженной борьбы. Ему выпала счастливая доля вести эту борьбу в другой обстановке и другом масштабе в 1919—1921 годах — защищать на фронтах социалистическое Отечество от многочисленных и могущественных врагов — Колчака, Врангеля. Во время гражданской войны он проявил свой военный талант, одерживая одну победу за другой. Тесная связь товарища Фрунзе с рабочими массами в значительной степени способствовала этим победам. Когда Михаил Васильевич получил назначение на Восточный фронт, Иваново-Вознесенским губкомом был сформирован из рабочих отряд товарища Фрунзе численностью в 700 человек, среди которых насчитывалось 200 коммунистов. Этот отряд, вошедший в 220-й Иваново-Вознесенский стрелковый полк, сыграл важную роль при наступлении Красной Армии на Восточном фронте. В лице иваново-вознесенских рабочих Михаил Васильевич нашел достойных сотрудников и сподвижников в своей военной работе. На них он мог положиться вполне. За ним шли, ему верили. Он умел поддерживать их бодрость. Он был среди сражающихся, шел впереди, вел их к победам.

Воспоминания о Фрунзе.
Иваново, 1959, с. 35—38.

П. Н. КАРАВАЕВ

ПОД СЛЕДСТВИЕМ

На партийную работу в Иваново-Вознесенск я приехал летом 1907 года. Вскоре был арестован и попал во Владимирский централ. Здесь в то время кроме политических и уголовных каторжан в особом корпусе содержались политические заключенные, еще находившиеся под следствием. В одной из камер так называемого польского корпуса я впервые в декабре 1907 года и встретился с М. В. Фрунзе.

Михаилу Васильевичу было предъявлено обвинение в участии в «преступном сообществе» (так у полиции имено-

вались революционные организации), ему угрожали каторжные работы от четырех до восьми лет. Однако царским прислужникам этого было мало. Они ставили целью уничтожить отважного революционера. Как известно, вместе с Фрунзе был арестован Павел Гусев, которому кроме обвинения в принадлежности к большевистской партии было предъявлено обвинение в покушении на урядника Перлова.

Зная близость Фрунзе и Гусева, жандармерия стала изыскивать способы обвинить и Фрунзе в покушении на Перлова. Самому Перлову была поставлена задача: найти свидетелей, которые могли бы подтвердить участие Фрунзе в покушении на него. Такого свидетеля Перлову удалось найти...

Когда при разборе дела Гусева в судебной палате Михаил Васильевич давал показания, вдруг выступил Перлов с заявлением, что он опознает в лице Фрунзе второго участника покушения на него и может подтвердить это свидетельством очевидца Быкова. Тогда-то суд и назначил дело к доследованию.

Фрунзе и Гусеву было предъявлено обвинение в покушении на должностное лицо при исполнении им служебных обязанностей в местности, состоящей под особым надзором. Дело поступило в военный суд. Над Фрунзе нависла угроза смертной казни. Мы были в большой тревоге.

А сам Михаил Васильевич сохранял стойкость, выдержку и внешне спокойный вид. Он даже не прервал своих занятий и по-прежнему усердно и много времени проводил за книгой. Лишь в редкие минуты можно было заметить задумчивость на его лице.

Узнав об опасности, которой подверглась жизнь Михаила Васильевича, его партийные товарищи на воле и родственники стали принимать экстренные меры. Под Москвой был найден... врач Иванов, который согласился подтвердить на суде, что в день покушения на Перлова Фрунзе был у него на приеме, о чем-де свидетельствует запись в книге посетителей. Одновременно оставшиеся на свободе боевики явились к Быкову и заявили, что, если он не откажется от своего показания у следователя, они расправятся с ним, как с предателем. В результате Быков подал заявление, в котором отрицал ранее данные им показания об участии М. В. Фрунзе в покушении на урядника Перлова.

Для защиты Михаила Васильевича были приглашены опытные адвокаты. Появилась надежда спасти его жизнь. Но царские опричники твердо решили довести дело до виселицы. Слишком опасный враг попался им в руки. Особенное усердие проявлял владимирский губернатор — камергер

двора его величества Сазонов. Ярый погромщик-черносотенец, он употребил все свое влияние, чтобы добиться от суда смертного приговора Михаилу Васильевичу.

Военный суд не допустил в качестве свидетеля врача Иванова, мотивируя это несущественностью его показаний. Мотивировка звучала так, что смертный приговор был предрешен.

26 января 1909 года Фрунзе и Гусев были вызваны на сессию военного суда. Все мы, политические заключенные, напряженно ждали исхода дела. В тюрьме царило тяжелое, подавленное настроение. Скованная тюрьма молчала.

И вот около двенадцати часов ночи послышался звон кандалов, грохот открываемой двери. Минуты кажутся часами. Вдруг звонкий голос Михаила Васильевича резко нарушил жуткую тишину тюрьмы:

— Прощайте, товарищи!

Всех охватили отчаяние и ужас. Нервы были напряжены, каждого трясло лихорадочное возбуждение. Мучительно было сознание полного бессилия. Стены, стены и звери-палачи кругом! Никто из нас не спал в эту ночь. Слишком велико было нервное напряжение. Мозг не мог примириться с мыслью о гибели любимого Арсения.

Несколько позже мы узнали, как проходил суд. Мужественно и стойко держался Михаил Васильевич перед царскими палачами. Несмотря на висевшую над ним угрозу, он твердо и спокойно объявил суду, что состоял членом Иваново-Вознесенской организации большевиков и был одним из ее руководителей. В своем выступлении он изложил цели и задачи партии. Свою речь он закончил выражением глубокой уверенности в неизбежности победы революции над монархией и капитализмом, в неизбежности торжества дела социализма.

Защита умело использовала явные нарушения судом правил ведения дела. Решения вопроса о своей жизни и смерти Михаил Васильевич ожидал, сидя в камере вместе с другими приговоренными к смертной казни. Это было время, когда военно-полевые и просто военные суды беспрерывно заседали по всей стране и смертные приговоры сыпались градом. Их приводили в исполнение без задержки, если не было серьезного повода для кассации.

Несколько недель просидел в камере смертников Михаил Васильевич. По ночам приходили то за одним, то за другим из приговоренных к казни и уводили на виселицу. Когда гремели ключи и, топая, вваливались тюремщики, Михаилу Васильевичу приходилось гадать: за кем? Не наступила ли

его очередь? Чтобы скоротать время, он усердно занимался изучением иностранных языков. Как он нам потом рассказывал, именно за это время он успел порядочно усвоить грамматику итальянского языка и совершенствоваться в чтении без словаря по-английски.

Мужество этого человека было поистине героическим!

Нарушения, допущенные при ведении процесса, были настолько грубы и очевидны, что даже безжалостный главный военный суд был вынужден отменить приговор. Дело пошло на доследование.

В промежуток между первым и вторым судами Михаил Васильевич сидел в каторжном централе, закованный в кандалы, хотя формально смертный приговор и считался отмененным.

Друзья и родственники Фрунзе стремились обеспечить квалифицированную защиту его при вторичном разборе дела. Была достигнута предварительная договоренность с одним из светил адвокатуры, крупным либеральным присяжным поверенным. Адвокат приехал во Владимир и был допущен в тюрьму на свидание с Михаилом Васильевичем. Защитник пообещал добиться оправдания подсудимого, но для этого поставил условие, чтобы Фрунзе держался перед судом скромнее, не выявлял своей активной роли в революции и отказался от своей близости к рабочим. Добьемся оправдательного приговора, уговаривал защитник, и вы будете вести плодотворную легальную деятельность подальше от опасных подпольных организаций.

Михаил Васильевич тотчас оборвал свидание, ушел обратно в камеру, заявив, что отказывается от такого защитника, несмотря на угрозу смерти...

Так же мужественно Михаил Васильевич держался на нашем процессе, когда его судили вместе с нами по обвинению в принадлежности к Иваново-Вознесенской большевистской организации. Тогда привлекалось тридцать восемь человек, арестованных жандармами в течение трех лет — с 1907 по 1910 год.

Светлым праздником явилось для всех нас, участников процесса, свидание и общение во время суда с Михаилом Васильевичем. Его приводили из централа в кандалах и арестантском костюме. Мы были еще не закованы и носили свое платье. И хотя многих из нас ждала мрачная многолетняя каторга, мы больше думали о встречах, разговорах и обмене мнениями с Михаилом Васильевичем, чем о приговоре.

Каждый из нас в перерывах судебного процесса стремился быть поближе к Михаилу Васильевичу, чтобы послушать

его, поделиться мыслями. Он только что пережил ожидание смертной казни после первого суда. Угроза виселицы была и впереди, а среди всех нас не было человека более стойкого, более твердо смотрящего вперед, чем Михаил Васильевич. Каждого из нас поддерживало в тяжелые минуты, переживаемые тогда, его мужество.

Перед судом М. В. Фрунзе спокойно и уверенно заявил, что является руководящим работником Иваново-Вознесенской партийной организации, что он организовывал рабочие массы на борьбу с царизмом и вел подготовку к вооруженному восстанию. Его убежденная речь, вся его фигура производили неизгладимое впечатление...

По делу тридцати восьми Михаил Васильевич получил четыре года каторжных работ. Этот приговор ничего не менял в его положении, так как главная угроза для него была связана с другим процессом — с обвинением в покушении на Перлова.

Окончился процесс. Пошли на каторгу рабочие-большевики: Родионов, Сулкин, Киселев, Жуков и некоторые другие; я и Тепляков были отправлены в ссылку.

Михаил Васильевич продолжал сидеть во Владимирском централе в ожидании вторичного разбора дела по обвинению в покушении на Перлова.

Суд состоялся осенью 1910 года. Врач Иванов, на этот раз, все же вызванный в качестве свидетеля, документально подтвердил, что Фрунзе в день покушения находился у него на приеме. Быков теперь отрицал участие Михаила Васильевича в покушении на урядника. И все-таки суд снова вынес смертный приговор.

Однако петля, уже наброшенная было на шею Михаила Васильевича, и на этот раз сорвалась. Его друзья и родственники нашли пути к командующему войсками Московского военного округа и добились замены смертной казни каторжными работами.

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 31—35.

И. А. КОЗЛОВ

ВО ВЛАДИМИРСКОМ ЦЕНТРАЛЕ

С Михаилом Васильевичем Фрунзе я познакомился во владимирской тюрьме в период черной реакции в России, жестокой расправы царского правительства с рабочими и крестьянами за революцию 1905 года...

Это был целый городок с большими мрачными корпусами, мастерскими, примитивной ткацкой фабрикой. В централе сидело более тысячи человек, изолированных от внешнего мира высокой каменной оградой со сторожевыми будками, электрической сигнализацией, постоянными часовыми снаружи и внутри тюрьмы...

В тюрьме я особенно ясно увидел и почувствовал замечательные черты русского человека, его удивительную способность быстро осваиваться в любой обстановке, не терять бодрости духа, активности и уверенности в лучшее будущее. Ярким выразителем этих прекрасных качеств и был Михаил Васильевич Фрунзе, с которым я познакомился в первый же день прибытия в централ.

Нас, ореховцев, рассадили по двое в маленькие камеры так называемого польского корпуса, изолированного от каторжанского двора каменной стеной с железными воротами.

Не успели мы оглядеться в новой мрачной обстановке, как форточка двери нашей камеры открылась и к нам заглянул молодой человек с подстриженными «ершиком» волосами, умными, сияющими доброй улыбкой глазами.

— Вы откуда, товарищ?

— Из Орехова.

— А-а, знаю! Ваших тут много. В чем нуждаетесь?

— А вы кто будете? — спросил я из осторожности.

— Я тут староста. У вас, наверное, ничего нет? Пришлю вам табаку, сахару. Хлеб будете получать казенный.

— Книжечку бы дали почитать, а то скучно будет сидеть,— попросил один товарищ.

— Это можно. У нас библиотека неплохая.

Это был Михаил Васильевич Фрунзе, уже больше года сидевший под следствием. Он говорил с нами просто, душевно, и мы сразу почувствовали в нем родного, близкого человека.

Вскоре нас выпустили во двор на прогулку. Там мы встретили орехово-зуевских товарищей...

Всего было четырнадцать человек. Они сидели в централе под следствием больше полугода, хорошо знали Михаила Васильевича Фрунзе и познакомили вновь прибывших с ним. Узнав, что я из московской «окружки», Арсений (как его все с уважением называли) долго расспрашивал меня о положении в Москве, настроении рабочих, партийной работе в районах, о настроениях интеллигенции, среди которой в то время был большой разброд.

Польский корпус находился у тюремного начальства на особом положении. В нем сидело более ста пятидесяти

политических подследственных, главным образом рабочие из Иваново-Вознесенска, Шуи и Орехово-Зуева...

За принадлежность к РСДРП всем нам грозила 102-я статья Уголовного кодекса — до восьми лет каторжных работ, лишение всех прав и вечная ссылка в Сибирь по окончании срока каторги.

Но товарищи не унывали. Они и в тюрьме продолжали бороться за свои человеческие права. Организатором этой борьбы был Арсений. Голодовками и обструкциями, проведенными под его руководством, заключенные добились сносных условий. Обращение стражи стало не столь грубым, как раньше. Прогулки давали всем вместе и на два часа в день вместо прежних двадцати минут. Свидания с родственниками происходили два раза в неделю; разрешалась передача продуктов с воли. Пользуясь этими относительными свободами и продажностью тюремной стражи, товарищи с воли часто ухитрялись вместе с продуктами передавать нам книги и газеты.

Среди заключенных велась политическая работа, организованная Арсением. В этом деле ему помогали студенты большевики Петр Караваев, Николай Соколов, Андронников, Растопчин и другие. Во время прогулок Арсений ухитрялся читать лекции. Помню его лекции о синдикализме и об аграрной программе РСДРП. Лекция о синдикализме была вызвана тем, что в связи с отходом буржуазной интеллигенции от революции среди некоторых рабочих имели влияние анархо-синдикалисты, которые призывали к созданию «чисто рабочих организаций без интеллигенции». Аграрной программой нашей партии интересовались крестьяне, попавшие в централ за участие в восстаниях против помещиков.

В централе наряду с политической велась большая общеобразовательная учеба. Жажда знаний у нас, рабочих, была огромная. Хотелось знать все: и что на небе, и что под землей, откуда произошел человек, и как живут люди в разных странах. Мы хватались за одну книжку, за другую, за несколько книг сразу. Со всеми неясными, волнующими вопросами шли к Арсению, и он никому не отказывал, терпеливо выслушивал каждого, разъяснял, советовал, подбадривал.

Арсений проявлял большую заботу о судьбе арестованных по политическим обвинениям. Как держаться на следствии, как держаться на суде — вопрос был большой важности.

— В принадлежности к партии не признавайтесь,— учил он нас,— пусть судят, как хотят. У них о вас, кроме аген-

турных данных, ничего нет. Сговоритесь заранее, чтобы потом не спутаться.

— Но мы захвачены на квартире на собрании.

— Ничего, скажите, собрались на вечеринку.

— А я бежал из-под надзора полиции и попал в Орехово. Что говорить? — спросил я.

— Вы рабочий, скажите: приехали в Орехово искать работу, познакомились с таким-то рабочим и зашли к нему...

Мы удивлялись его постоянной бодрости, жизнерадостности, неутомимой энергии. Этот человек «с петлей на шее», казалось, совершенно не думал о себе, и страшная угроза смерти не волновала его. Стыдно было говорить с ним о своем деле, видя его мужество и постоянную бодрость.

Я тоже начал усиленно заниматься общеобразовательной учебой. В сельской школе я научился только полуграмотно писать, а после школы и это забыл. Мне, ответственному организатору окружного комитета, стыдно было сознаться, что я неграмотный. Но ничего не поделаешь. По совету Арсения и с его помощью я начал учить грамматику, синтаксис, знакомиться с русской литературой.

В польском корпусе я просидел с Арсением четыре месяца и, надо признаться, не заметил, как за учебой, в дружной, товарищеской среде пролетело время.

А над головой Арсения все больше сгущались черные тучи. Это мы ясно поняли, когда во Владимирский централ прибыл новый начальник Гудима, присланный для наведения порядка — уничтожения наших вольностей. В сопровождении помощников и тюремных надзирателей он неожиданно появился около нас во время прогулки.

Раздалась необычная для нас команда:

— Смирно! Шапки долой!

Мы громко засмеялись и продолжали заниматься своим делом.

Гудима рассвирепел.

— Вызвать солдат! — приказал он.

Когда солдаты пришли во двор, Гудима дал команду:

— Ружья на прицел!

Защелкали затворы винтовок. Мы бросились в разные стороны и попрятались за стены корпуса. На опустевшей площадке перед солдатами остался один Арсений. Выставив больную ногу несколько вперед, он бесстрашно глядел на тюремщиков, готовый принять смерть, но не отступить ни на шаг.

— Кто это? — спросил Гудима.

— Это Фрунзе! — ответил помощник начальника.

— А-а, знаю! — со злорадством воскликнул Гудима.— В него стрелять не нужно.— И ушел в сопровождении своей свиты.

Этот палач, прославившийся зверскими расправами с политическими заключенными в питерской пересыльной тюрьме, видимо, уже знал, кто такой Фрунзе и какая судьба его ждет.

Царское правительство решило быстрее расправиться с М. В. Фрунзе, и в конце января 1909 года военно-полевой суд вновь приговорил его к смертной казни через повешение.

На всю жизнь запомнилась страшная ночь, когда Арсений вернулся после приговора суда в сопровождении четырех надзирателей.

Из камер раздались голоса:

— Ну как, Арсений?

Надзиратели торопили его:

— Скорей, скорей...

Наконец он вышел из одиночки с вещами и громко крикнул:

— Прощайте, товарищи!

Мертвая тишина. Мы хотели услышать еще что-нибудь, но железная дверь с грохотом закрылась за любимым всеми нами Арсением.

Сознание мутилось, сердце резала острая боль. Вдруг послышались крики:

— Сволочи! Палачи!

— Протестуйте, товарищи!

— Объявим голодовку!

В тюрьме поднялся страшный шум. Пели революционные песни, били в двери табуретками, парашами, летели стекла из окон.

Всю ночь волновалась тюрьма, окруженная солдатами и надзирателями, готовыми стрелять в нас в любую минуту.

Утром мы объявили голодовку.

Зверь Гудима со всей злобой обрушился на нас. Многих каторжан подвергли порке, а нас, политических подследственных, перевели в губернскую пересыльную тюрьму...

Находясь в губернской тюрьме, мы считали, что Арсений повешен. Но в феврале 1910 года состоялся суд над иваново-вознесенскими большевиками. По этому делу привлекался и Арсений. Товарищи увидели его на суде, и мы все с радостью узнали, что он жив и что его дело о покушении на урядника должно пересматриваться. Потом опять поползли

жуткие слухи: суд подтвердил смертный приговор и Арсений повешен.

Неописуема была моя радость, когда я... узнал, что Арсений жив — смертная казнь была заменена ему каторгой. Я искал возможности установить с ним связь, но режим каторги был жестокий, к окнам подходить не разрешалось, на прогулку выпускали только по камерам. К тому же Арсений содержался на четвертом этаже вместе с «вечниками» и в страшно тяжелых условиях.

Длительное сидение под следствием меня очень измотало, хотя я все время крепился, читал книги и занимался своим образованием. Грамматику, синтаксис, теорию словесности, которые оказались в тюремной библиотеке, я знал уже неплохо и писал грамотно. После суда, будучи уже каторжанином, я решил воспользоваться имеющейся в централе столярной мастерской и, как столяр, был направлен туда на работу. В мастерской было легче, чем сидеть постоянно под замком в камере, где день на день похож как две капли воды и время тянулось страшно однообразно, утомительно.

В столярной мастерской работало до пятидесяти каторжан из разных корпусов и камер. Люди свободно разговаривали друг с другом, передавали тюремные новости.

С Арсением удалось увидеться только через месяц в столярной мастерской, где и ему разрешили работать. После длительного сидения в камере смертников здоровье его было надорвано, глаза слезились, лицо стало прозрачным, с подозрительным румянцем на щеках — у него начинался туберкулез легких. Но Арсений остался таким же бодрым, жизнерадостным, деятельным, каким я его знал три года назад. В его больных глазах светилась та же добрая улыбка. Никакие пытки и издевательства не сломили его. Страшно обрадованный, я бросился к нему, мы расцеловались. Я рассказал ему о нашем процессе, о том, как держались товарищи на суде: никто не сознавался, никто не просил пощады.

— Чудесные люди! — сказал он.— Не сдались! Наши ивановцы тоже держались твердо. Как чувствуешь себя?

— Кормили скверно, а занимался там много.

— Что ты занимался много —видно по тебе. Теперь, думаю, можешь писать и о революции девятьсот пятого года.

Я стал благодарить его за помощь в учебе. Но он перебил меня:

— Нет, шалишь, Иванец (так он меня часто называл в шутку). Этим не откупишься, не выйдет. Давай теперь меня учи своему ремеслу.

И он стал моим помощником по столярному делу — толковым, энергичным, как и во всем.

В мастерской Арсений сразу поставил перед нами вопрос о необходимости установления связи с волей. Мы долго думали, как это сделать. Порядки в централе были жестокие. Каждый раз при выходе из камеры нас тщательно обыскивали. То же самое делали при возвращении в камеру. В воротах централа обыскивали даже надзирателей, когда они приходили на дежурство и уходили из централа. Свидания с родственниками разрешались очень редко. Разговаривали через две решетки, между которыми стоял надзиратель и тщательно прислушивался. Передачи с воли совершенно не разрешались. За нарушение этих драконовских порядков заключенных подвергали порке и сажали в карцер.

И все же связь с волей мы установили. В мастерской с нами работал моряк-балтиец Федор Васильевич Прозоров, приговоренный к пятнадцати годам каторжных работ. Смелый, энергичный и готовый на все товарищ. Он был сыном владимирского священника. К нему на свидание приходила сестра. Через нее-то и решено было установить связь с волей. Еще во время следствия Арсений близко познакомился с надзирателем Жуковым, который выполнял разные его поручения. Теперь Жуков был надзирателем на четвертом этаже у «вечников». Его и решили мы использовать в качестве связного. По просьбе Арсения Жуков согласился пойти к сестре Прозорова. Она его хорошо угостила, откровенно поговорила с ним, и он согласился помочь ей установить с нами постоянную связь.

Теперь нужно было найти способ, как проносить переписку из централа на волю и обратно. Помогла смекалка старика Васюка, работавшего с нами в столярной мастерской. Это был очень изобретательный мастер, молчаливый и твердый как камень. Мы посоветовались с ним, и он сделал нам портсигар с двойным дном. Второе дно вынималось изнутри и так искусно было устроено, что посторонний человек не мог обнаружить эту тайну.

Через товарищей-каторжан, ежедневно протиравших лестницу в корпусе, мы передавали Жукову почту на волю, обычно написанную на папиросной бумаге, и таким же путем получали через него вести с воли...

С воли нас хорошо информировали о положении в России, о развертывавшейся борьбе рабочих и о деятельности партийных организаций. Все это вскоре узнавала вся политическая каторга. Связь с Красным Крестом помогла улучшить материальное положение политических каторжан и

многих спасла от смерти. Красный Крест ежемесячно присылал нам под видом помощи от родственников деньги, которые распределялись среди особо нуждающихся.

Примерно в октябре 1911 года меня перевели в камеру, где сидел Арсений, и мы с ним находились вместе до июня 1912 года, когда его отправили в Николаевский централ. Мы спали рядом и иногда долго, ночи напролет, беседовали.

У Михаила Васильевича была глубокая убежденность в близости новой революции в России. На основе информации с воли он говорил, что готовится империалистическая война. Народные массы пробуждаются, и новая война, обострив недовольство рабочих и крестьян, поведет к победоносной пролетарской революции.

Арсений очень любил играть в шахматы и обучил всех этому искусству. Сначала шахматы делали из хлеба, а потом приспособились играть на грифельной доске, записывая фигуры определенными цифрами. Надзиратели никак не могли обнаружить нашей хитрости.

— Что делаете? — спрашивал надзиратель.

— Решаем задачу.

И надзиратель уходил.

В шахматы Арсений играл замечательно и почти всегда выходил победителем. Но проигранную партию тщательно анализировал и успокаивался только тогда, когда вскрывал неправильные ходы.

В камере, где было около пятнадцати человек, мы жили коммуной. Правда, это было очень трудно, в особенности для Арсения, который по состоянию здоровья должен был питаться лучше. Но он всячески ограничивал себя. Держался со всеми, как равный, исполнял все обязанности по камере и не хотел для себя никаких привилегий. Все каторжане любили и уважали его. Слово Михаила Васильевича было для нас законом.

На каторге Михаил Васильевич вел серьезную политическую работу среди крестьян, в особенности в столярной мастерской. Среди каторжан распространялось нелегально несколько политических книг, переплетенных нами в обложки с религиозными названиями. Из этих книг я хорошо помню «Что делать?» Ленина, «Женщина и социализм» Бебеля и «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Арсений помогал нам уяснить глубокое идейное содержание этих книг.

В июне 1912 года Михаил Васильевич был переведен в Николаев. Расставаясь с ним, мы жалели, что от нас уходил такой замечательный человек и товарищ. Но вместе с тем

мы радовались его переводу на юг, надеясь, что южный климат поможет ему вылечиться от туберкулеза.

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 36—46.

Ф. Н. ПЕТРОВ

В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ

После семи лет и трех месяцев заключения в Шлиссельбургской крепости меня в начале 1915 года отправили по этапу в ссылку — в далекую Сибирь... Надо было пройти до места ссылки — села Манзурки, Верхоленского уезда, Иркутской губернии...

Политические ссыльные-большевики в меру своих сил и возможностей стремились превратить Сибирь в обжитый край. И делали это с огромным энтузиазмом, проявляя находчивость и недюжинные способности...

Административно высланные без лишения всех прав состояния получали от правительства тринадцать копеек в сутки, а лица дворянского происхождения — двадцать семь копеек, что давало им возможность как-то жить. Что же касается политкаторжан, то нам не только не отпускали никаких средств на существование, но даже запрещали заниматься врачебной практикой, литературной работой, учительствовать. Многие товарищи шли батраками к местным крестьянам — иногда даже за одну еду, без всякой денежной оплаты...

Часть политических ссыльных, достав охотничьи ружья, промышляли охотой... В удачные времена наши охотники приносили большое количество дичи. Они сдавали все это в столовую, где мы питались все вместе и куда каждый вносил свою долю средств. Некоторые получали деньги от родственников и также отдавали их для общего пользования.

На этой основе у нас в Манзурке была организована касса взаимопомощи — денежная и натуральная. Меня избрали председателем правления кассы, членами его были Иосиф Гамбург и Михаил Фрунзе.

Я быстро подружился с М. В. Фрунзе.

Михаил Васильевич был высокообразованным человеком. Он знал иностранные языки, очень любил художественную литературу. Я уже не говорю о том, что он прекрасно владел марксистской теорией, изучил многие произведения Ленина и умел передать свои знания другим. Это был жи-

вой, общительный человек, все его любили. Многие из манзурских ссыльных изучали историю, философию, некоторые занимались языками. Всем этим товарищам Фрунзе оказывал помощь.

Почти каждый вечер мы собирались и читали газеты. Больше всего нас интересовало положение на фронте. Михаил Васильевич особенно внимательно следил за газетными сообщениями, отмечал на карте ход военных действий. Он умело анализировал обстановку на фронте и довольно часто предугадывал ход боевых операций.

Я сначала недоумевал: откуда у сына фельдшера, человека, не имеющего военного образования, такие познания в области военной стратегии и тактики? Рассказывая нам о боевых действиях, он делал обзор так интересно и глубоко, что его можно было слушать часами. Потом нам стало ясно: военные знания М. В. Фрунзе постоянно черпал из книг и закреплял их, обучая рабочие боевые дружины в годы первой русской революции.

Будущий советский полководец был известен в Манзурке и как хороший столяр. Изготовленные им табуретки можно было найти в каждой манзурской избе. Но вскоре спрос на эту «мебель» сократился. Тогда Михаил Васильевич получил заказ от агрономической станции на изготовление ульев. Немало меда было собрано в ульях, изготовленных его руками...

М. В. Фрунзе славился у нас как прекрасный запевала — обладатель приятного тенора лирического тембра и неутомимый организатор хорового пения. Фрунзе создал даже самодеятельный хоровой коллектив, в котором участвовали политические ссыльные, а также местные юноши и девушки. Соберутся вечером или в воскресенье певцы, и поплывет над прибайкальской деревушкой песня о далекой южной чинаре из «Хаз-Булата», о просторе волжской волны, рассекаемой челнами Стеньки Разина.

После песен о матушке-Волге — «Степь да степь кругом» или о Ермаке — задорная «Ой, полным полна коробушка». Что же касается таких песен, как «Глухой неведомой тайгою», «Славное море — священный Байкал», то это уже было прямо о нашей жизни.

Но вот Михаил Васильевич оглянулся по сторонам: нет ли поблизости кого-либо подозрительного. Участники хора хорошо понимают жест своего капельмейстера. Стоило ему взмахнуть рукой, как приглушенно, но твердо и с глубокой внутренней силой полились слова боевой революционной песни «Вихри враждебные веют над нами...».

Репертуар нашего хора был весьма обширный. Не буду говорить об исполнительском мастерстве, но что касается программы хора, то ей могли бы позавидовать многие коллективы художественной самодеятельности.

Несмотря на предписание властей, категорически запрещавшее политическим ссыльным вести медицинскую работу, я вскоре по прибытии в Манзурку снова стал работать врачом. Во многих уездах Иркутской губернии вспыхнула эпидемия сыпного и брюшного тифа, а врачей почти не было. Сыпняк заставил губернское врачебное управление отступить от предписания вышестоящих властей и привлечь политических ссыльных к борьбе с эпидемией.

Мне приходилось выполнять обязанности не только терапевта и хирурга, но быть также акушером, глазным врачом. Товарищи Фрунзе и Гамбург тоже приняли деятельное участие в ликвидации тифа. Они помогали мне проводить дезинфекцию и дезинсекцию, не боясь заразиться сыпняком.

Однажды меня направили в село Баяндай, расположенное в семидесяти километрах от Манзурки. Со мной вызвались поехать Фрунзе и Гамбург. Михаил Васильевич сел за кучера и стал править лошадьми, присланными из баяндайского переселенческого пункта.

Чем бы мы, политические ссыльные-большевики, ни занимались: беседовали с крестьянами на агрономические темы или о сыпняке, встречались с местными жителями, чтобы почитать книжку, газету, наш разговор неизменно клонился к политике, к тому, что необходимо бороться за лучшую жизнь.

Нашлись доносчики (урядник, становой пристав, ряд лиц из кулацкого населения, священник), которые следили за нами и, конечно, заметили, что мы ведем «политические разговоры» среди населения. Об этом они сообщили начальству.

Однажды под руководством жандармского ротмистра был произведен тщательный обыск, и нас, четырнадцать большевиков, отправили на бурятских двуколках под усиленным конвоем в иркутскую тюрьму...

По дороге в Иркутск конвоиры поместили нас на ночлег в селе Оёк на этапном пункте, обнесенном трехметровым частоколом. Здесь Михаил Васильевич Фрунзе решил бежать.

Стражники пошли в чайную ужинать, надеясь, что арестованные не сумеют преодолеть высокий частокол. Однако мы устроили живую лестницу, по которой М. В. Фрунзе и еще один товарищ быстро перемахнули через частокол.

Правда, при прыжке Фрунзе несколько повредил себе ногу. Все же ему удалось добраться до Иркутска, а затем и до Читы, где он установил связь с местной партийной организацией.

Там Фрунзе получил паспорт на имя Василенко. Несколько месяцев он проработал по этому паспорту в переселенческом управлении в качестве служащего, а затем нелегально уехал в Европейскую Россию...

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 47—51.

В. Н. СОКОЛОВ

М. В. ФРУНЗЕ В ЧИТЕ

Стоял жаркий день начала августа 1915 года. Забайкальская тайга сладко дремала под лучами палящего солнца. Было тихо кругом, только где-то вел свой бесконечный разговор быстрый таежный ключ. Но вот треснула валежина под тяжелыми шагами. Из чащи вышел мужчина, он внимательно огляделся по сторонам и быстро пошел по распадку вниз к видневшейся вдали дороге, по которой двигался в сторону большого города крестьянский обоз. Мужчина смешался с обозом и вошел в город.

А через несколько дней в Читинское губернское переселенческое управление поступил на работу новый статистик. По паспорту он числился Владимиром Григорьевичем Василенко. На самом деле это был Михаил Васильевич Фрунзе...

В Чите Василенко-Фрунзе сразу же возобновил революционную деятельность. В то время Читинская социал-демократическая группа имела связь с рабочими железнодорожных мастерских на Дальнем вокзале (Чита-I). Там велась революционная и антимилитаристская пропаганда. По инициативе М. В. Фрунзе была организована и редактировалась им же еженедельная общественно-политическая газета «Забайкальское обозрение» с антивоенным направлением. Газета издавалась на деньги, собранные рабочими.

М. В. Фрунзе был для газеты всем: автором, редактором, корректором, метранпажем и выпускающим. Он сам писал заметки, статьи, фельетоны, иногда за подписью «Мих. Васильев», а чаще совсем без подписи. «Забайкальское обозрение» принимало все более большевистское направление.

Газету, конечно, вскоре закрыли, она существовала с октября 1915 года по март 1916 года. К этому времени был

собран большой материал для ряда «подвалов» на антивоенные темы...

Что делать? М. В. Фрунзе нашел выход.

— А если нам прочитать рабочим ряд лекций? — предложил он.— Публичных, бесплатных, конечно.

Предостережения и уговоры друзей, указания на нелегальное положение не остановили Михаила Васильевича.

— Какой риск? — говорил он.— Сибирь широка, и пути мне не заказаны. Уйду...

Первая лекция прошла отлично и произвела большое впечатление. В мастерских на Дальнем вокзале начались диспуты о войне. В интеллигентских кругах шли разговоры о Василенко и его первой лекции.

Вскоре была назначена вторая лекция, но тут случилось вот что. Автора этих строк неожиданно вызвал начальник управления. Пригласил сесть, бросил, будто в шутку:

— Как здоровье вашего нелегального? — посмотрел на меня с усмешкой.

— Кого вы разумеете?

— А разве у вас не один, а несколько?

Пришлось выразить на лице большое недоумение. Начальство благодушно и хитро подмигнуло, дескать, знаем мы, да молчим до поры до времени. Были тогда среди чиновников такие либералы. К ним принадлежал и наш начальник — молодой добродушный попович с Украины.

— Пожалуйста, не притворяйтесь,— вдруг резко сказал он.— Я разумею так называемого Василенко...

— Но это же совершенно легальный человек.

— Тем лучше. Нехай буде здравше. Вчера меня спрашивал о нем жандармский полковник.— Он многозначительно помолчал.— А сегодня им заинтересовался вице-губернатор. Вывод для вас: искушать судьбу без особой надобности едва ли следует.

Я пулей вылетел из кабинета и к Василенко-Фрунзе. Выслушав меня, он нашел совет начальника вполне своевременным.

— Пора двигаться к фронту, к солдатам,— сказал Михаил Васильевич.— Там теперь наш брат нужнее.

М. В. Фрунзе давно готовился к революционной работе в окопах, среди солдат... В эту ночь его не стало в Чите. Рабочий из депо... вручил ему билет и проводил в вагон проходящего поезда...

Через день после его отъезда на квартире Василенко был обыск. Но было поздно.

— Ах, какую птицу упустили,— с досадой проговорил жандарм.

Уже после свержения самодержавия, в мае 1917 года, мой переселенческий начальник ездил в Петербург по продовольственным делам и встретил там Василенко-Фрунзе.

— Конечно, я узнал его сразу,— хвастался он.— Помните, я назвал его «нелегальным»? Я, конечно, не был тогда уверен, что это так. Но теперь я видел его в Петербурге на крестьянском съезде в президиуме. Он не Василенко, он — Фрунзе.

Да, это был Михаил Васильевич Фрунзе, верный сын Коммунистической партии, соратник В. И. Ленина, а затем талантливый полководец и организатор Советской Армии. Деятельной работой в Чите он навсегда связал свое имя с историей Забайкалья. В память об этом одна из улиц в Чите названа именем Фрунзе...

Михаил Васильевич Фрунзе.
Воспоминания родных, близких,
соратников. Фрунзе, 1969,
с. 69—75.

А. А. ДОДОНОВА

ПО ДОКУМЕНТАМ МИХАЙЛОВА

...О Михаиле Васильевиче Фрунзе я впервые услышала от владимирцев — студентов Коммерческого института. По их рассказам передо мною встал образ смелого большевика, стойкого борца за дело партии, за дело революции.

Более подробные и конкретные сведения о его революционной деятельности в дальнейшем я узнала от студента Московского государственного университета Павла Степановича Батурина, с которым была знакома по совместной подпольной работе. Павел Степанович держал постоянную письменную связь с Михаилом Васильевичем, в какую бы тюрьму того ни направляли и куда бы его ни перегоняли. Впоследствии Фрунзе, вспоминая с благодарностью Павла Степановича, говорил:

— Как дорого было заключенному получать вести с воли от друзей!

В декабре 1915 года Павел Степанович получил письмо из Читы, в котором Михаил Васильевич просил срочно выслать ему паспорт, чтобы иметь возможность приехать в Москву. В переселенческом управлении Читы, где Михаил Васильевич временно осел под чужим именем после побега из ссылки, дольше оставаться ему было нельзя. Полиция напала

на его след. Павел Степанович срочно выслал ему свой паспорт.

Готовимся к встрече Фрунзе. Обсуждаем, где и как его поместить. Решили, что он остановится у Павла Степановича, который работал репетитором у московского капиталиста Черницова и занимал в его доме комнату с отдельным ходом. Павел Степанович получил разрешение у хозяина поместить своего приятеля, который якобы приезжает временно в Москву. Мы полагали, что полиции и в голову не придет искать здесь крамолу.

По времени Михаил Васильевич должен был приехать, а его все не было. Начали беспокоиться за его судьбу. Потом оказалось, что наши волнения были напрасны. Все обошлось благополучно. Паспорт Фрунзе получил и незаметно выехал из Читы. Прежде он заехал в Петроград к знакомым по Пишпеку — Михайловым, сын которых был его товарищем по школе. Там он узнал, что Миша Михайлов, работавший в переселенческом управлении Петрограда, внезапно исчез и числится в списках пропавшим без вести. Родители Михайлова любили Михаила Васильевича, как родного сына, и очень тепло к нему отнеслись.

Москва встретила приезд Фрунзе очень сурово. Был ненастный, холодный день.

По телефону Павел Степанович сообщил о приезде Михаила Васильевича и пригласил меня непременно зайти прямо с работы.

Вхожу в комнату и вижу: на кушетке в драповом пальто с поднятым воротником, с раскрасневшимся лицом (как оказалось, у него была высокая температура) сидит молодой человек. Я догадалась, что это и есть Арсений.

Между нами установилась непринужденная, дружеская атмосфера, и мы приступили к обсуждению вопроса. Выслушали Михаила Васильевича об обстоятельствах его отъезда из Читы. Он стремился пробраться на фронт для ведения там революционной работы, считая это одной из важнейших задач момента. Поражения на фронте, голод в тылу создали благоприятные условия для агитации за лозунг Ленина о превращении войны империалистической в войну гражданскую. К тому же нам казалось, что если Михаилу Васильевичу удастся пробраться на фронт, то там ему будет легче скрыться от полиции.

Но надо было так организовать его отправку на фронт, чтобы, как говорится, комар носа не подточил. На обдумывание, переговоры, изготовление подложного паспорта и получение направления на фронт ушло три недели.

Нужна была максимальная конспирация, чтобы сохранить инкогнито Михаила Васильевича и не навести полицию на его след, так как, несомненно, в Чите уже хватились и поиски начаты. Решили, что Фрунзе должен знать очень ограниченный круг людей. Для остальных же он — приятель Павла Степановича, приехавший к нему на время. Договорились, что ко мне на квартиру Михаилу Васильевичу ходить не следует, так как она была на виду у полиции. (Я, две сестры-студентки и приятельница снимали две комнаты на Арбате.) Однако этот запрет как-то был нарушен, а потом и совсем забыт. Михаил Васильевич с удовольствием бывал у нас, где, встречаясь со студентами за чаем, чувствовал себя в домашней обстановке, подробно расспрашивал о жизни молодежи. Говорили о литературе, искусстве, о проходивших тогда в Москве диспутах, спорили, часто засиживались допоздна.

При посещении Михаилом Васильевичем нашей квартиры во мне боролись два чувства — большое удовлетворение от беседы с ним и страх за его судьбу.

Самое главное — надо было снабдить Михаила Васильевича необходимыми документами и добыть для него официальное направление на фронт в качестве служащего одной из общественных организаций. Сам Фрунзе подал мысль получить подлинные документы пропавшего без вести товарища Михайлова. Эту идею поддержали все. Однако выполнение ее было делом будущего, поскольку мы не знали, пойдут ли на это родители Михайлова. Обстановка же требовала немедленных действий. Дальнейшее пребывание Михаила Васильевича в Москве было небезопасным.

Распределили обязанности так: Павел Степанович готовит подложный паспорт на имя М. А. Михайлова и получает его в канцелярии градоначальника. Я принимаю меры к направлению М. А. Михайлова на фронт через свою знакомую М. В. Малянтович, работавшую в то время в земсоюзе. С ней мы учились на Высших женских юридических курсах. Это была уже немолодая, но энергичная, самостоятельная женщина. Про меня она знала, что я большевичка. Я решила пойти к ней и прямо спросить: сможет ли она мне помочь направить одного большевика на фронт?

Так я и сделала. Малянтович без всяких дополнительных вопросов дала согласие, передала мне бланки, предложила заполнить их и принести вместе с паспортом и сказала, что сможет переправить и без некоторых документов, так как градоначальник ей доверяет.

Первая половина дела была улажена. Встал вопрос о получении подлинных документов М. А. Михайлова — метрик, паспорта, характеристик и т. п. Поехать в Петроград и уговорить родителей М. А. Михайлова передать Фрунзе документы сына и получить их из переселенческого управления было поручено моей сестре Марии Андреевне Додоновой, учащейся Высших женских курсов.

По словам сестры, уговорить родителей Михайлова было нелегко. Они очень любили Фрунзе и хотели ему всячески помочь, но передача документов для них была равносильна потере всякой надежды на возвращение сына. Особенно это было трудно для матери. Только через три дня сначала отец, а потом и мать согласились на передачу документов.

Встал вопрос, кому и как получать документы из переселенческого управления. Проще всего, казалось, чтобы эту обязанность взял на себя кто-либо из близких родственников пропавшего. Что касается родителей, то для них это было тяжело, а проживавшая с ними дочь Н. А. Михайлова в то время находилась в санатории.

Оставалась одна М. А. Додонова, которая могла получить документы по доверенности родителей Михайлова. Не припомню почему, но доверенность все же написали на имя Н. А. Михайловой. Очевидно, были уверены, что никто из сотрудников управления не знал никого из семьи Михайловых, иначе мнимая сестра могла провалить все дело и подвести стариков родителей.

Получение документов тянулось несколько дней, и М. А. Додоновой пришлось немало поволноваться. При представлении доверенности сотрудники управления заинтересовались судьбой мнимого брата Марии Андреевны, сочувствовали ей, расспрашивали о семье Михайлова, чем ставили ее в тупик. Из затруднения она вышла, заявив, что ей очень тяжело вспоминать о брате, и попросила о нем не расспрашивать.

В последний момент, когда, казалось, все было готово, что-то задержало выдачу документов. Сотрудники один за другим выходили к М. А. Додоновой, извинялись за задержку, объясняя, что нет подписи начальника. Ей все это показалось подозрительным — не узнали ль, что она не сестра Михайлова. Но в конце концов ей вручили документы, крепко пожали руку, выражая сочувствие и надежду, что Михайлов жив и вернется.

Поручение Мария Андреевна выполнила уже после того, как Михаил Васильевич был отправлен на фронт с подложным паспортом на имя М. А. Михайлова, полученным через

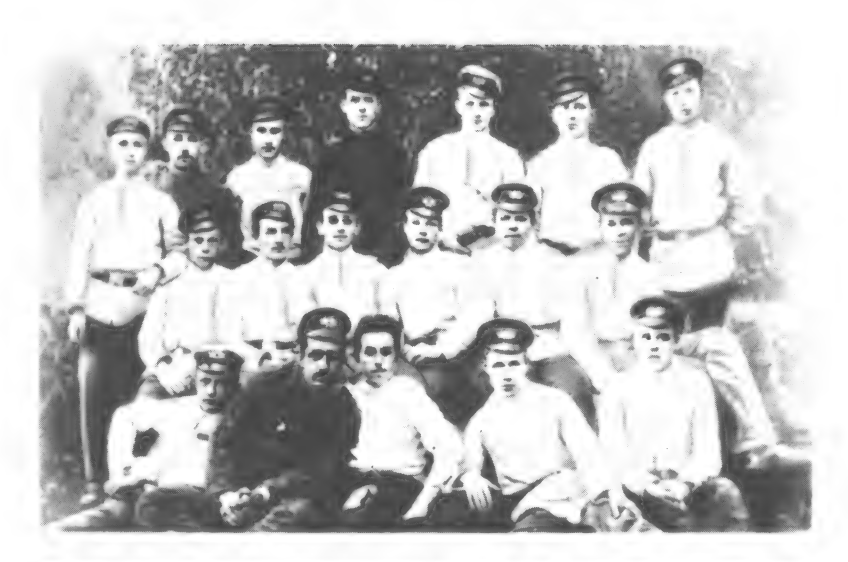

Родители М. В. Фрунзе.

Василий Михайлович Фрунзе.

Мавра Ефимовна Фрунзе.

Михаил Фрунзе (во втором ряду четвертый слева) с товарищами в период учебы в Верненской гимназии.

Михаил Фрунзе (третий слева) перед началом экспедиции в Пишпек. 1903 г.

М. В. Фрунзе в студенческие годы.
1904 г.

М. В. Фрунзе после ареста в 1907 г.
Шуя.

М. В. Фрунзе (во втором ряду четвертый слева) в группе ссыльных. Манзурка. 1914 г.

М. В. Фрунзе с друзьями — Ф. Н. Петровым и И. К. Гамбургом. 1915 г.

М. В. Фрунзе (В. Г. Василенко).
Чита. 1916 г.

М. В. Фрунзе (во втором ряду третий слева) в группе работников Земсоюза. 1916 г.

М. В. Фрунзе (Михайлов)
в период работы в Земсоюзе.
1916—1917 гг.

М. В. Фрунзе (в первом ряду четвертый справа) среди сотрудников минской городской милиции. 1917 г.

М. В. Фрунзе с женой
Софьей Алексеевной.
Минск. 1917 г.

Члены Президиума Иваново-Вознесенского губернского исполнительного комитета (М. В. Фрунзе — третий справа). 1918—1919 гг.

М. В. Фрунзе (в центре) среди бойцов Иваново-Вознесенского рабочего полка (впоследствии 220-го полка 25-й стрелковой дивизии имени В. И. Чапаева). 1918 г.

М. В. Фрунзе
(в первом ряду второй справа)
в оперативном отделе
штаба армии.
1919 г.

М. В. Фрунзе.
Командующий Восточным
фронтом.
1919 г.

Командующий Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе и Председатель ВЦИК М. И. Калинин обходят войска, готовящиеся к операции. Оренбург, сентябрь 1919 г.

М. В. Фрунзе и Ф. Ф. Новицкий. Ташкент. 1920 г.

М. В. Фрунзе выступает на митинге. Ташкент. 1920 г.

М. В. Фрунзе обходит строй почетного караула. Бухара. 1920 г.

На танке, захваченном у белогвардейцев, сидят (слева направо) С. И. Гусев, М. В. Фрунзе, Д. М. Карбышев. 1920 г.

М. В. Фрунзе среди бойцов и командиров 1-й Конной армии. Сидят (слева направо) К. Е. Ворошилов, М. В. Фрунзе, С. М. Буденный. 1920 г.

П. С. Батурина. Недели через две ему были высланы подлинные документы. Так Михаил Васильевич Фрунзе стал официально М. А. Михайловым.

Как-то перед его отъездом на фронт мы с ним ехали в трамвае. И вот, стоя на задней площадке, где, кроме нас, никого не было, Фрунзе высказал мысль сообщить товарищам в Читу о своей гибели на фронте и этим замести следы и провести полицию.

Сказано — сделано. Под диктовку Михаила Васильевича измененным почерком я написала одному из его читинских товарищей извещение о гибели Фрунзе с просьбой сообщить о его смерти всем товарищам. Несомненно, мы наивно полагали, что полиция поверит этому извещению.

Как выяснилось впоследствии, товарищи в Чите приняли известие о гибели Фрунзе за чистую монету. Михаил Васильевич передавал, что кто-то из них после Октябрьской революции был приятно удивлен, встретив живого Фрунзе на одном из съездов партии.

После отъезда Михаила Васильевича на фронт мы не переставали с ним переписываться, чаще всего это делали через приезжавших с фронта и лично известных товарищей.

Фрунзе был направлен на Западный фронт, в комитет Всероссийского земского союза при 10-й армии, где он работал по хозяйственной части. Это было недалеко от Минска, в местечке Ивенец. На фронте он совершенно случайно попал в учреждение, сотрудниками которого являлись большевики из Владимира, Иванова и Шуи, знавшие его по совместной подпольной работе.

Осенью 1916 года мы получили письмо, в котором сообщалось, что Михаил Васильевич заболел аппендицитом и его срочно отправили на операцию в Минск. Вскоре после этого ко мне заехал Павел Степанович Батурин и сказал, что от Михаила Васильевича он получил письмо, в котором сообщает, что после операции ему дадут месячный отпуск, а провести его негде.

Точного срока выхода Фрунзе из больницы мы не знали, но заранее обдумывали, где и как ему лучше отдохнуть. Лично я в это время, немного оправившись от болезни, получила на работе месячный отпуск и в ближайшие дни собиралась выехать к маме на хутор, в Рязанскую губернию.

Накануне моего отъезда приходит Павел Степанович Батурин и, показывая телеграмму, говорит:

— Завтра Михаил Васильевич будет в Москве.

Мы были удивлены и встревожены его неожиданным приездом. Потом выяснилось, что в больнице, где лежал

Михаил Васильевич, за последнее время стали часто появляться жандармы, явно кого-то разыскивая. Естественно, что Фрунзе принял это на свой счет и уговорил врачей досрочно выписать его.

Михаил Васильевич рассказал, что на одной станции по дороге в Москву он встретил в буфете жандармского ротмистра Иванова, который в свое время снимал с него допрос. Михаилу Васильевичу показалось, что Иванов узнал его, и он решил проверить это. В поезд вошел в последний момент. Занял место сначала в чужом вагоне. Проехал одну станцию, другую — ничего подозрительного не заметил и пошел в свой вагон. Как будто никто не следил за ним и на вокзале в Москве, и он проехал прямо на квартиру к Батурину.

Возникло опасение, что охранка, опознав Фрунзе, пока оставила его в покое, чтобы проследить, с кем он связан в Москве. Что следовало предпринять в такой обстановке? Раздумывать долго было некогда. Я предложила ему ехать со мной в деревню, к моей матушке, в глушь. Михаил Васильевич охотно согласился. Дали домой телеграмму, что едем вдвоем, и попросили выслать на станцию два тулупа, так как надо было ехать еще тридцать верст.

На станции Кораблино (ближайшей от дома) сошли. Ни на перроне, ни в маленьком вокзальчике ничего подозрительного не заметили. Лошадь, розвальни и тулупы прибыли. В буфете выпили по стакану чаю, надели тулупы и поехали. Отъехав версты полторы, вспомнили, что забыли плетенку с фруктами (десятка два яблок и груш), которые купили в подарок маме перед отъездом. Что делать? Мне хотелось приехать с подарком, и я предложила вернуться. Михаил Васильевич колебался, из предосторожности советовал не возвращаться. Остановились на дороге, восстановили в памяти, кого видели на станции, вернулись и забрали фрукты.

Поздно вечером приехали в хутор. Дома застали маму и монахиню. Матушка моя — человек малограмотный, религиозный и суеверный. Моему приезду она очень обрадовалась, но, увидев со мною молодого человека, растерялась.

После ужина Михаила Васильевича отправили на ночлег в мезонин. Затем мама приступила ко мне с допросом. Пришлось прибегнуть к хитрости. Говорить правду было нельзя. Мама не знала о том, что я и мои сестры участвуем в революционной работе, о том, что нас уже арестовывали. Я сообщила ей, что Михаил Васильевич сын видного врача и сам готовится стать врачом, что он не москвич, недавно перенес тяжелую операцию и ему негде было отдыхать. Родина его далеко — в Средней Азии. Эти сведения благотворно повлия-

ли на маму, которая, будучи больным человеком, преклонялась перед врачами. И все же сомнения еще некоторое время не покидали ее.

Но вскоре Михаил Васильевич завоевал симпатии мамы и ее приятельницы-монахини. Дело было так. Старушки вязали чулки и читали евангелие. И вот Михаил Васильевич начал с ними глубокомысленную беседу, обнаружив обширные знания евангелия. Этим он привел их в полный восторг и окончательно покорил.

— Вот видишь, какой хороший человек Михаил Васильевич, знает евангелие, а ты, безбожница, сама не веришь и нас смущаешь.

Сколько веселья и смеха эта история доставляла нам с Михаилом Васильевичем, когда мы оставались одни. Оказывается, он, сидя в тюрьме и не имея каких-то других книг, изучал евангелие и потому так прекрасно разбирался в его содержании.

Одной из характерных черт Михаила Васильевича было его умение подходить к людям, его особая обаятельность. Подход к моим старушкам, завоевание их доверия может служить иллюстрацией этому.

Перед отъездом из Москвы Михаил Васильевич накупил много разных книг — по философии, биологии, литературе, искусству, беллетристику. В первые же дни приезда на отдых он установил определенный распорядок дня. Утром делал физкультурную зарядку и обливался до пояса холодной водой. Затем мы вместе пили чай, и Михаил Васильевич уходил гулять. А я убирала комнату и помогала маме по хозяйству.

Часов в одиннадцать садились за изучение философии, а вечером обычно читали художественную литературу. Выяснилось, что Михаил Васильевич читал очень много, а главное, много думал. И если раньше я знала о нем как о революционном борце, то теперь передо мной раскрылась личность исключительная, человек очень культурный и эрудированный.

Иногда с большой осторожностью я просила его рассказать о себе, о пребывании в тюрьме, о своих переживаниях, и главное, о том, как после многих лет тюрьмы, каторги и ссылки сумел сохранить здоровье и жизнерадостность. Рассказы Михаила Васильевича были интересны и поучительны, и я не могу простить себе, что ничего тогда не записала. Правда, записывать за ним было, пожалуй, невозможно. Он так живо все воспроизводил, что казалось: все, о чем он говорит, проходит перед глазами. И я вся превращалась в слух.

Можно подумать, что в таком случае легче воспроизвести все слышанное. На самом же деле наоборот: не хватает слов и умения записывать. Ведь каждый эпизод его тюремной жизни связан с большими переживаниями. Надо быть художником, чтобы суметь это передать на бумаге.

Вот он, приговоренный к смерти, сидит в одиночке, рядом другие смертники. Каждую ночь, под утро, кого-нибудь уводят на виселицу. Нервы напряжены до отказа, слух обострен. Поворот ключа в дверях камеры, шаги по коридору — это идут за ним, скоро конец всему. С бешеной быстротой в уме мелькает вся жизнь, борьба. Как хочется жить, чтобы еще больше сделать. Но... прошли мимо, появилась отсрочка для жизни...

Михаил Васильевич любил жизнь и свободу. С какой грустью при воспоминании о тюремной жизни он восклицал:

— Неужели же мне еще раз придется лишиться свободы и еще раз пережить все эти мучения?!

Дни отдыха проходили очень быстро. Чтение книг, обсуждение их, прогулки, охота на зайцев создавали у Михаила Васильевича хорошее настроение. Он быстро поправлялся. Месяц прошел. Надо было возвращаться в Москву.

За все время нашего пребывания было одно нарушение нашего покоя — к нам заехал урядник. Думали, наводит справки о приехавших. Потом оказалось, что, проезжая по своим делам, он заехал по пути в деревню — покормиться и выпить, как полагается.

Затем отъезд, теплые проводы. Тулупы. Розвальни. Станция Кораблино. Потом вагон третьего класса и Москва.

Вновь проводы Михаила Васильевича на фронт в конце декабря 1916 года. Теперь стало ясно, что Михаил Васильевич не был опознан жандармским ротмистром по пути с фронта в Москву.

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 52—60.

Ф. А. БЕЛОБОРОДОВ

ВСТРЕЧИ С М. В. ФРУНЗЕ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

...Первый раз мне посчастливилось видеть М. В. Фрунзе в старой армии на Западном фронте. В конце 1915 года я, как и другие деревенские парни, был призван в царскую армию и направлен в г. Балашов Саратовской губернии в

135-й пехотный запасный полк. В Балашове окончил учебную команду и унтер-офицером был направлен на Западный фронт.

На фронте я попал в 518-й Алакшерский пехотный полк в 11-ю роту. Весной 1917 года полк, в котором мне пришлось служить, находился в районе северо-восточнее Пинска.

В это время под руководством большевиков в частях Западного фронта создавались солдатские ротные и полковые комитеты — органы новой революционной власти в армии.

Работу большевистских военных организаций при X армии Западного фронта возглавлял М. В. Фрунзе под фамилией Михайлова. Выборы в комитеты вовлекли в активную политическую жизнь много солдат и младших чинов. Был избран и я членом ротного комитета 11-й роты, а потом и членом полкового комитета 518-го Алакшерского полка.

После выборов солдатских комитетов, по инициативе М. В. Фрунзе, был созван в Минске фронтовой съезд представителей частей Западного фронта для обсуждения вопроса об организации армии на новых началах и выборов фронтового комитета...

На съезде были, кроме представителей солдатских комитетов, представители Временного правительства, которые всеми средствами пытались отвлечь солдатских депутатов от обсуждения политических вопросов и навязать съезду идею невмешательства армии в политику. Но это им не удалось. Выступая на съезде, М. В. Фрунзе указал, что армия не должна быть вне политики, солдаты должны знать политику Временного правительства. На этом съезде М. В. Фрунзе был избран членом фронтового комитета Западного фронта.

Но вот среди солдат пошли слухи, что Временное правительство вместо прекращения войны призывает вести войну до победоносного конца, а некоторые дивизии брошены уже в наступление. Встал вопрос, что же делать, если будут посылать и нас в наступление? Решили послать трех представителей от полкового комитета к М. В. Фрунзе. В этой тройке был и я.

Нас встретил среднего роста человек в военной офицерской форме. Это и был Михаил Васильевич. Встретил он нас очень тепло, всем пожал крепко руки. Начался разговор. Мы рассказали, откуда и по каким вопросам посланы полковым комитетом. М. В. Фрунзе выслушал нас, одобрил, что мы обратились в фронтовой комитет. Я не могу дословно привести, что говорил М. В. Фрунзе, но помню, он говорил, что Временное правительство — это правительство капиталистов

и помещиков. Оно призывает продолжать войну до победоносного конца, а рабочим и трудовому крестьянству война не нужна.

Эти слова М. В. Фрунзе вселили в нас уверенность. Мы получили ясный ответ на вопрос, кому нужна война и кто в ней заинтересован.

Обо всем этом мы рассказали своим товарищам, а через агитаторов-большевиков это стало известно всем солдатам полка. И вот летом 1917 года командование пыталось бросить наш полк в наступление, но несмотря на угрозы и запугивание, солдаты 518-го полка в наступление не пошли, заявив: нам война не нужна, нам нужен мир!

М. В. Фрунзе мне приходилось видеть и слушать его выступления в 1919 году, когда он был командующим 4-й армией и Южной группой войск Восточного фронта, куда входила 25-я Чапаевская дивизия, в которой я служил с 1918 по 1922 год.

Михаил Васильевич Фрунзе.
Воспоминания родных, близких,
соратников. Фрунзе, 1969,
с. 84—86.

С. М. БУДЕННЫЙ

ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ

(отрывок)

Деятельность солдатского комитета Кавказской кавалерийской дивизии в Минске, и в частности моя как исполняющего обязанности председателя комитета, проходила под руководством военной организации большевиков Западного фронта и Минской городской парторганизации. Лично я был связан с М. В. Фрунзе, известным тогда у нас под фамилией Михайлова...

Помогал мне и большевик Александр Мясников. Фрунзе и Мясников связали меня с Минским горкомом партии, приглашали на заседания Минского большевистского Совета рабочих и солдатских депутатов. Я повседневно чувствовал их заботу о повышении моей политической сознательности. Они помогали мне глубже понять политику большевистской партии и разглядеть буржуазное нутро всех партий, враждебных большевикам.

Работа под руководством Фрунзе и Мясникова была моей настоящей большевистской школой, хотя я в это время и был беспартийным.

Около 20 августа комендант города Гомеля донес по начальству, что солдаты и унтер-офицеры команд выздоравливающих, расположенных в городе, бунтуют, и просил прислать для их усмирения воинские части. Для этой цели из Минска в Гомель была направлена по железной дороге наша 1-я бригада Кавказской кавалерийской дивизии.

Накануне погрузки бригады в вагоны М. В. Фрунзе сообщил мне, что никакого бунта в Гомеле нет, а просто солдаты возмущены тем, что комендант посылает на окопные работы больных, не желает выполнять их законного требования о создании медицинских комиссий для определения трудоспособности и вообще ведет себя с солдатами вызывающе грубо...

Фрунзе сказал, что посылка бригады в Гомель ничем не оправдывается, но раз командование посылает ее, то я, как председатель дивизионного солдатского комитета, обязательно должен ехать, чтобы предотвратить кровопролитие и добиться удовлетворения требований гомельских солдат.

— Больше того, генеральной линией здесь нужно считать роспуск солдат по домам,— заключил Михаил Васильевич свое напутствие.

В Гомеле, когда наши эшелоны обосновались на товарной станции, помня напутствие Фрунзе, я заявил командованию, что, прежде чем выгружать полки, нужно побывать в городе и выяснить, чем вызвано волнение солдат. Командир бригады генерал Копачев, боявшийся кровопролития и поэтому не хотевший обострять положение в городе, охотно согласился со мной.

Я поехал в местный солдатский комитет. Председатель комитета подтвердил все, что говорил Фрунзе о причинах, вызвавших волнение в гарнизоне. Оказалось, что восемьдесят процентов солдат по состоянию здоровья не могут выполнять тяжелых окопных работ, однако комендант упорно отказывается посылать их на медицинскую комиссию, не желает считаться с солдатским комитетом и всем своим поведением вызывает возмущение солдат. Конечно, нежелание солдат выходить на окопные работы объяснялось и антивоенными настроениями: солдаты и унтер-офицеры не хотели содействовать продолжению войны, которая принесла им только увечья и страдания.

Посоветовав солдатскому комитету завтра же созвать общее собрание солдат и решительно потребовать создания медицинской комиссии, условившись о времени начала собрания и порядке его проведения, я вернулся в бригаду. Генерал Копачев собрал командиров полков и эскадронов

и в их присутствии выслушал мою информацию о положении в Гомельском гарнизоне. Я сообщил о назначенном на завтра собрании и сказал, что комитет считает возможным присутствие на этом собрании офицеров нашей бригады, однако он решительно возражает против выступления драгунских полков в город.

На общесолдатское собрание, происходившее на другой день, приехал комендант города. Очевидно, надеясь на помощь прибывшей бригады, он выступил с раздраженной пересыпанной бранью и угрозами речью. Она кончилась тем, что возмущенные солдаты схватили коменданта и тут же на собрании убили его.

Председатель Гомельского солдатского комитета, выступивший затем на собрании с поддержкой требований солдат, вместе с тем осудил их расправу с комендантом. Потом слово предоставили мне. И я присоединился к осуждению учиненного солдатами самосуда.

В своем выступлении я руководствовался указаниями Фрунзе. Я сказал, что командование прислало в Гомель драгунские полки, но солдатские комитеты присланных полков считают, что нет никаких оснований для вмешательства драгун в дела гомельских солдат, что требование о создании медицинской комиссии для определения годности к службе — законное. Нельзя же на глаз определить, может ли раненый солдат выполнять окопные работы или нет. Это может сделать только специальная комиссия, в которую должны войти наряду с медицинскими работниками и представители от солдат. Возможно, она решит, что вообще всех, получивших увечья, надо распустить по домам. Я подчеркнул, что нет никакой необходимости держать в армии людей, негодных к службе.

Вернувшись на товарную станцию, где стояли наши эшелоны, я информировал командира бригады о солдатском собрании...

Ссылаясь на боевые традиции полков, защищавших Родину, а не занимавшихся жандармскими делами, я настаивал на том, чтобы бригада немедленно отправилась обратно к месту своей постоянной дислокации — в Минск. Напуганное убийством коменданта города, командование бригады вынуждено было согласиться на это.

Перед отходом эшелонов бригады из Гомеля ко мне прибыл товарищ от М. В. Фрунзе и сообщил, что большевистская организация Западного фронта получила сведения о том, что на Оршу по железной дороге двигается «дикая» дивизия, которую генерал Корнилов в числе других войск пы-

тался использовать для ликвидации Советов в Петрограде и установления в стране военной диктатуры. Эту дивизию, двигающуюся на Петроград, революционные рабочие и солдаты задержали на станции Дно и повернули обратно. Теперь корниловцы решили направить эту дивизию в Москву через Оршу.

Когда бригада прибыла в Могилев, ко мне в вагон вошел сам Фрунзе. Он повторил то, что было сказано мне его посланцем, и предупредил, что нужно принять всевозможные меры к тому, чтобы преградить путь «дикой» дивизии на Москву, а если потребуется, не останавливаться и перед применением оружия, но прежде всего следует разъяснить солдатам, чем вызвана необходимость разоружения дивизии. Фрунзе сказал, что по прибытии в Оршу я должен немедленно связаться с местным ревкомом железнодорожников и действовать совместно с ним. Оршанские товарищи уже поставлены в известность о поставленной вам задаче, и нужно только информировать их о готовности бригады к выполнению ее...

Фрунзе рекомендовал мне занять твердую позицию в отношении командования бригады и во что бы то ни стало добиться на основании решений солдатских комитетов дивизии и фронта частичной или полной выгрузки бригады в Орше. Из Могилева Фрунзе уехал в Москву.

Проводя с помощью полковых комитетов соответствующую подготовку солдат к предстоящей задаче, я с первым эшелоном Нижегородского полка прибыл в Оршу, где и началась выгрузка. Командир бригады генерал Копачев запротестовал, заявив, что у него нет указаний о выгрузке и бригада должна следовать в Минск.

— Не дай бог, голубчик, что случится! Кто будет отвечать?

Я ответил генералу, что мы получили указания с фронта и не можем не выполнить их; по-видимому, и он получит такие же указания, а ответственность за последствия берут на себя дивизионные и полковые комитеты...

«Дикая» дивизия приближалась к Орше. Ревком железнодорожников внимательно следил за прохождением каждого эшелона. Мы условились принимать эшелоны в Оршу через определенное время с тем, чтобы иметь возможность разоружать горцев поэшелонно.

Горцы сопротивления не оказали. Может быть, они приняли требование о разоружении как приказание свыше, а может быть, пулеметы и орудия, приведенные в боевое положение, оказали свое внушающее действие.

Солдаты первых двух эшелонов «дикой» дивизии после того, как они сдали все огнестрельное оружие, были выгружены из вагонов и направлены в г. Быхов пешим порядком. Остальные подразделения дивизии направлялись также в Быхов, но по железной дороге.

Выполнив в Орше указание Фрунзе, наша бригада погрузилась в вагоны и отбыла в Минск.

Буденный С. М. Пройденный путь. М., 1959, с. 30—35.

А. С. БУБНОВ

ПОЛКОВОДЕЦ-РЕВОЛЮЦИОНЕР

Это был военный организатор совершенно особого типа и совершенно особого склада. Это был такой военный организатор, который сумел подняться до поста Председателя Реввоенсовета нашего Союза, стать руководителем Рабоче-Крестьянской Красной Армии...

Каждое свойство свое как военного организатора... М. В. Фрунзе выработал в себе на протяжении долгих и долгих лет революционной работы, долгих и долгих лет тюрьмы, ссылки, каторги.

Фрунзе вступил в ряды Коммунистической партии рабочего класса нашей страны в начале девятисотых годов. Он развертывается как выдающийся член партии на протяжении лет, непосредственно примыкающих к первой российской революции и в годы этой революции.

...Будучи еще очень молодым, Фрунзе с исключительным интересом и с особенным влечением занимался различными сторонами боевой деятельности нашей партии. Я вспоминаю ноябрьскую демонстрацию 1904 года в тогдашнем Петербурге, в которой принял очень деятельное и горячее участие Фрунзе. Я вспоминаю работу Фрунзе как участника Московского декабрьского восстания и фактического руководителя шуйской боевой дружины. Я вспоминаю, как в эти годы Фрунзе с исключительным увлечением работал над организацией наших боевых сил и принимал деятельное участие в тех вооруженных схватках, которые вела тогда партия против царского самодержавия. Товарищ Фрунзе и тогда уже был теоретически развитым членом партии, прекрасным организатором, выдающимся оратором, человеком, которого любили, по-настоящему любили, как своего родного, широ-

кие рабочие массы Шуи и Иванова. Но при всем этом его мысль и его работа неизменно направлялись в сторону организации вооруженных сил партии.

Когда я думаю об ивановском периоде в подпольной партийной деятельности Михаила Васильевича, в которой мне с ним приходилось встречаться, я вспоминаю шуйские леса, рабочие районы Иваново-Вознесенска, вспоминаю наши партийные и массовые собрания за городом, в лесах и оврагах, ночью, летом и осенью и вижу, как тогда Михаил Васильевич становился революционером, партийным работником, относящимся с исключительным вниманием и с исключительным интересом к вопросам организации вооруженных сил партии...

...Он не только принимал деятельное участие в организации наших боевых дружин, он не только сражался на московских баррикадах в декабре 1905 года[1], но и в то время он отдавал свои силы и на организацию... на первый взгляд небольших выступлений.

В течение всей своей подпольной работы Михаил Васильевич был членом наших партийных организаций и их руководящих центров. Он принимал ближайшее участие в руководстве демонстрациями, стачками, вообще в тогдашней массовой работе наших организаций. Это выковало из него политика и массового руководителя.

Таковым я знал Фрунзе в Иваново-Вознесенске и в Шуе в 1905—1907 годах. Шуйские рабочие, когда он был арестован весной 1907 года, два раза пятнадцатитысячной массой подходили к тюрьме, где сидел тогда Арсений, для того чтобы его освободить.

Рабочие массы чувствовали в нем своего родного человека, своего вождя, который связался с этой массой, с ее делом не на какой-либо временный срок, а на всю жизнь, до могилы. И рабочие массы любили Фрунзе и всегда защищали его, как могли, вплоть до того, что бросали станки и мастерские и подходили к тюрьме, окруженной щетиной стальных штыков царских солдат и жандармов, требуя освобождения своего вождя — товарища Арсения.

И тогда уже спаянный с рабочей массой, через нее искал и находил Фрунзе связи с деревней. Его знала не только рабочая Шуя, но и ее крестьянская округа.

---

[1] В декабре 1905 года М. В. Фрунзе активно участвует в Декабрьском вооруженном восстании в Москве. На баррикадах Красной Пресни командует сводным отрядом иваново-вознесенских и шуйских дружинников.

Товарищ Фрунзе никогда не терял связи с нашей организацией, он привык работать не как одиночка, он привык работать как член единой, дисциплинированной передовой организации пролетариата, как рядовой и как руководитель. Это выработало у Фрунзе умение не только давать распоряжения, не только следить за их исполнением, но и самому подчиняться директивам и приказам партии...

Я припоминаю... шуйские времена, когда Иваново-Вознесенский комитет нашей партии послал меня в Шую, чтобы вытащить оттуда Арсения, которому угрожала опасность ареста, опасность каторги, даже смерти. Мне пришлось разыскивать его в Шуе в одном из закоулков рабочего района, потом пришлось вместе с ним идти в другой конец города. Весь наш переход был выполнен с соблюдением самых строжайших правил маскировки и приспособления к местности. Нам приходилось, довольно основательно вооруженным, проходить через овраги, перелезать через заборы, при каждом появлении казачьего разъезда или полицейской фуражки занимать такое положение, чтобы быть готовым или принять бой, или отступить.

Я привез ему постановление комитета уехать из Шуи. Фрунзе в течение по крайней мере часа убеждал меня, что этого он сделать не может, и в течение этого же часа я говорил ему, что это сделать нужно, ибо таково решение партийного комитета. Фрунзе через день после моего приезда уехал из Шуи в Родники. Через некоторое время Фрунзе возвратился в Шую для того, чтобы ликвидировать свои дела, и был захвачен в плен шайкой полицейских и казаков во главе с урядником Перловым...

В этом эпизоде весь Фрунзе: его исключительное мужество, его дисциплинированность, крепкая связь, даже привязанность к рабочей массе, с которой он сжился и сроднился в повседневной будничной работе, в боевой работе, в массовых выступлениях как вождь рабочих и как солдат партии пролетариев.

Фрунзе был дисциплинированным солдатом революции, преданнейшим борцом за коммунизм... Он был также революционером, который стоял на фундаменте самой передовой революционной теории нашего времени, какой является ленинизм.

Товарищ Фрунзе был одним из выдающихся членов нашей старой большевистской гвардии... Он начал свою революционную деятельность перед революцией 1905 года... Для того, чтобы стать политиком, для того, чтобы стать настоящим революционером, для того, чтобы уметь сочетать революцион-

ную практику со строгим следованием передовой революционной теории нашего времени, какой является ленинизм, надо было проделать большой боевой путь революционера-большевика, победы и поражения, будни подпольной работы и практику громадных взмахов революционной стихии; не из книг и кабинетного изучения, а из самой практики борьбы понять, усвоить и впитать ленинскую линию политической стратегии и тактики пролетарского движения. Фрунзе был одним из тех людей, которым довелось проделать этот боевой, революционный путь...

Фрунзе сидел в тюрьме и отбывал каторгу, когда наша партия отступала после революции, когда она... снова пошла в наступление на цитадель самодержавия. Сидя во Владимирской тюрьме, отбывая там каторгу, а потом гонимый рукой царских палачей по каторжным централам всей России и Сибири, Фрунзе всюду вел трудную борьбу, упорно отстаивал свое достоинство революционера и знамя нашей партии. Здесь выковалась железная воля Фрунзе как революционера, здесь окончательно сформировался человек, который умел соединять в себе боевика с теоретиком, несгибаемого стального революционера-большевика с гибким и проницательным политиком.

Фрунзе не служил в царской армии, он не учился военному делу, военным навыкам в специальном военно-учебном заведении. Свое военное образование он получил в шуйских лесах, в боевых выступлениях... на московских баррикадах, в тюрьме, на каторге и в ссылке.

Я знал Фрунзе очень хорошо, мне с ним пришлось работать в подполье, сидеть в тюрьме, жить в рабочих кварталах Иваново и Шуи. Я помню его первый раз, когда он — тогда студент Политехнического института — 6 мая 1905 года пришел во двор того дома, где я жил в Иваново-Вознесенске. С тех пор прошло примерно двадцать лет, и эти двадцать лет сделали Фрунзе тем, кем он войдет в историю нашей партии, в историю нашего государства и в историю строительства вооруженных сил первого в мире рабоче-крестьянского государства, то есть военным организатором с исключительными способностями, с исключительным размахом, военным организатором, сумевшим подняться до вождя Красной Армии.

М. В. Фрунзе был теоретически образованным большевиком, он выработал в себе это свойство той революционной практикой, которую ему удалось проделать на своем жизненном пути как большевику. Он добился этого также и тем, что с первых лет своей сознательной политической жизни и до

конца ее он сидел над книгами, знал все, что дала передовая мысль человечества. Он изучал Маркса, превосходно знал труды Энгельса. Он умел учиться всегда — в кипучей революционной работе, в тюремной камере, в сибирской ссылке.

Фрунзе всегда любил военную книгу, всегда ее читал. Я знаю тягу Фрунзе к военной истории еще в старые годы и видел, как вот недавно, лежа в Кремлевской больнице, с карандашом в руках он перечитывал и штудировал фошевскую книгу «О ведении войны».

Вот та часть жизненного пути товарища Фрунзе, которая подвела его вплотную к возможности выступить как красному полководцу в годы гражданской войны, которая подготовила его к командованию армией, фронтом, на основе которой он поднялся на самый высокий пост в Красной Армии. Фрунзе — командир, полководец, военный вождь — может быть понят только в том случае, если мы будем знать, поймем Фрунзе как революционера, подпольщика, боевика, ленинца...

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 5—10.

И. К. ГАМБУРГ

СТОЙКИЙ БОРЕЦ

Больше десяти лет близко знал я Михаила Васильевича Фрунзе, видел его в самых различных условиях — ссыльным подпольщиком, вожаком революционных масс, полководцем на фронтах, государственным деятелем. И всюду, и всегда он оставался непримиримым борцом за дело ленинской партии, за свободу и счастье народа.

Наше знакомство произошло в апреле 1914 года в красноярской пересыльной тюрьме. Закончив шестилетний срок каторжных работ в Шлиссельбургской крепости за принадлежность к партии большевиков и агитацию в войсках, я был отправлен на вечное поселение в Восточную Сибирь. Поезд наш, следовавший в Иркутск, запоздал, арестантский вагон был отцеплен от пассажирского состава и поставлен в тупик, а заключенных по грязной от растаявшего снега мостовой направили в местную тюрьму. Мы шлепали по глубоким лужам, набирая в коты (арестантские ботинки) грязную воду. Брюки и тюремные халаты промокли. Обходить лужи конвойные не разрешали. Усталых и мокрых, нас доставили в тюрьму.

Большая камера была переполнена. Счастливчики разместились на нарах, а остальные на полу. Я присел, снял коты, халат и брюки, чтобы смыть грязь и просушить.

Ко мне подошел заключенный, крепко сложенный, коренастый, с серо-голубыми смеющимися глазами и небольшой бородкой. Поздоровался.

— Откуда идешь? — спросил он.

— Из Шлиссельбурга. А ты откуда?

— Из николаевской каторжной. Моя фамилия Фрунзе.

Я назвал себя.

Новый товарищ показал, где привести себя в порядок, потеснился на нарах, уступив местечко и мне.

В Красноярске пробыли неделю. За эти дни мы с Михаилом много беседовали, рассказывали друг другу о своей жизни. Он все мечтал, что, выйдя на поселение, сбежит и вновь включится в революционную работу.

Еще больше подружились мы в иркутской пересыльной тюрьме. Пока в канцелярии губернатора определяли, в какую отдаленную волость нас выслать, прошел месяц. Потом нас перевели в александровскую тюрьму, а оттуда в августе 1914 года должны были отправить по реке Лене. Значит, пару месяцев надо было еще сидеть под стражей. В барак, кишевший клопами, набили человек восемьдесят. Были тут и политические заключенные и уголовники. Между ними постоянно происходили стычки. Однажды чуть не дошло до поножовщины. И тогда мы узнали Михаила Фрунзе как смелого и волевого товарища. Выйдя вперед, он сжал кулаки и крикнул уголовникам:

— Если вы затеете драку, мы вас так измордуем, что костей не соберете. Запомните это!

Решительность Фрунзе и стоявших за ним политических была настолько внушительной, что уголовные отступили. Больше они уже не пытались затевать ссоры. А мы выбрали Михаила старостой, убежденные, что он лучше других сумеет защитить наши интересы перед тюремной администрацией.

Вскоре разразилась империалистическая война. Конвойных солдат отправили на фронт, а нас оставили в Александровске. Требуя своего освобождения, мы объявили голодовку и через четверо суток добились отправки на поселение в ближайшие деревни. Фрунзе, как староста, вел переговоры с тюремным начальством об обеспечении нас всем необходимым для следования по этапу.

Я оказался вместе с Михаилом Васильевичем в селе Манзурке, Верхоленского уезда. Виделись мы ежедневно —

то в столовой, организованной ссыльными, то в доме, где Фрунзе и пять его товарищей жили коммуной. Наши будни были наполнены разнообразными делами. Мы вели дискуссии с товарищами из других политических партий, читали лекции. Устраивали вечеринки, стараясь посеять среди местной крестьянской молодежи зерна большевистских идей. Знакомясь по газетам с военными сводками, обсуждали положение на фронте. Тут Фрунзе был незаменим. Он очень хорошо разбирался в военных вопросах и объяснял по карте ход боевых операций. Мы в шутку называли его генералом.

Так прожили мы около года. Но вот 31 июля 1915 года из Иркутска нагрянули жандармы, произвели обыск и арестовали четырнадцать человек, в том числе Фрунзе и меня. Нас обвинили в создании нелегального общества для агитации среди крестьян и объединения ссыльных в политических целях.

Опять целую неделю мы под конвоем шли по этапной дороге. 10 августа остановились на ночлег в селе Оёк, верстах в тридцати от Иркутска. Заперев арестованных в каталажку, окруженную довольно высоким забором, стражники отправились в чайную ужинать.

Тут Фрунзе решил сбежать. Своей мыслью он поделился с близкими друзьями, и ему помогли.

На следующее утро стража, обнаружив побег, поспешила доставить нас в иркутскую губернскую тюрьму. Там жандармский ротмистр стал поочередно вызывать заключенных на допрос. Но ему так и не удалось узнать, куда сбежал Фрунзе.

После Февральской революции я, возвращаясь из ссылки, поехал в Бобруйск повидаться с сестрой. По пути на день остановился в Минске. Вышел как-то на улицу и вдруг увидел Михаила. Мы крепко обнялись. Фрунзе сразу же повел меня к себе. Я очень удивился, узнав, что его квартира находится в бывшем полицейском управлении. Но Фрунзе с улыбкой пояснил, что он вселился сюда после свержения полицмейстера. Оказалось, что он работает теперь начальником милиции.

Дома у него мы наговорились вволю. Михаил Васильевич взял с меня слово, что, повидавшись с сестрой, я приеду в Минск и стану его заместителем. Я так и сделал. Мы проработали вместе несколько месяцев, причем Фрунзе все больше сосредоточивал свое внимание на делах партийного комитета и Советов. А в начале августа 1917 года он уехал в свой родной текстильный край.

Как только образовалась новая губерния с центром в Иваново-Вознесенске, Фрунзе, избранный председателем губисполкома, вызвал меня к себе, и я снова стал работать вместе с ним. Так за короткое время мне удалось увидеть Михаила Васильевича в роли организатора первых органов Советской власти в Минске и Иванове, пройти под его руководством начальную школу советского строительства.

А потом началось и мое военное образование. Назначенный командующим 4-й армией, М. В. Фрунзе обратился к ивановским коммунистам с предложением сформировать и отправить на фронт боевой рабочий отряд. По партийной мобилизации и добровольно в него вступило более тысячи человек. Официально он назывался отрядом особого назначения при штабе 4-й армии, а иванововознесенцы в честь своего любимого руководителя называли его отрядом Фрунзе.

Среди этой тысячи бойцов были коммунисты и комсомольцы, рядовые рабочие и активисты партийных, советских и военных органов. Всех перечислить трудно, но таких известных лиц, как Д. А. Фурманов, И. М. Петров, И. И. Андреев, В. М. Мухин, И. П. Волков, П. И. Шарапов, И. Я. Мякишев, ставших в Красной Армии военными комиссарами и командирами, упомянуть стоит. Отряд Фрунзе послужил основой для формирования 220-го Иваново-Вознесенского стрелкового полка 25-й Чапаевской дивизии. В многочисленных боях против колчаковцев, уральских белоказаков и польской шляхты фрунзенцы, как горделиво называли себя ивановские бойцы, оказались стойкими, храбрыми, высокосознательными солдатами революции.

С ивановским отрядом и я выехал на фронт. Однако уже по прибытии в Самару выяснилось, что группу товарищей, в том числе и меня, М. В. Фрунзе решил направить в части 4-й армии. Я получил свое первое военное назначение на должность начальника снабжения 22-й стрелковой дивизии. Комиссаром туда Фрунзе послал молодого и очень энергичного рабочего большевика Ивана Андреева, который это большое доверие оправдал вполне.

Весной и летом 1919 года наша 22-я дивизия мужественно сражалась против почти всей белоказачьей армии генерала Толстова и отстояла окруженный врагами город Уральск. За этой героической борьбой пристально следил Михаил Васильевич. Организуя контрнаступление на колчаковскую армию, он не мог тогда выделить для уральского участка крупные военные силы. И все же Фрунзе направил 22-й дивизии небольшое подкрепление. Главное же — он постоянно подбадривал Уральский гарнизон, посылая в осажденный город

вдохновляющие радиограммы. Когда положение стало крайне тяжелым, Фрунзе обратился лично к Ленину. Приветствие Ильича удесятерило энергию защитников Уральска[1]. После взятия Уфы Михаил Васильевич сразу перебросил на юг дивизию Чапаева, которая мощным ударом выручила Уральск из беды.

Все знавшие М. В. Фрунзе отмечают его хорошую память на людей, вернее сказать, умение Михаила Васильевича во всякой, даже очень напряженной обстановке изучать и оценивать работу своих товарищей, требовать от них все большего. Я об этом сужу и по личной своей судьбе. Примерно полгода моей работы в 22-й дивизии, видимо, дали Фрунзе основание поручить мне дело снабжения 4-й армии. С образованием Туркестанского фронта Михаил Васильевич перевел меня в свой штаб, и в Туркестан суровой и снежной зимой я ехал в его поезде, выполняя в пути отдельные поручения командующего. В частности, после посещения сыпнотифозного госпиталя в Актюбинске Фрунзе поручил мне обследовать еще три военных госпиталя и сделать все возможное, чтобы облегчить положение больных и раненых. Возвратившись недели через полторы в Ташкент, я был обрадован. На заседании Реввоенсовета фронта, состоявшемся 4 марта 1920 года, мне вручили ценный подарок — золотые часы с надписью: «Честному воину Рабоче-Крестьянской Красной Армии от Реввоенсовета Туркфронта». В постановлении РВС говорилось, что этим подарком я награжден «за плодотворную работу по снабжению 4-й армии».

Получив назначение на Южный фронт, М. В. Фрунзе снова пригласил меня с собой в числе других туркестанцев. Таким образом мне посчастливилось ссыльное знакомство с Михаилом Васильевичем закрепить совместной боевой работой в годы гражданской войны, увидеть славного революционера-подпольщика в роли полководца пролетарских армий.

---

[1] 15 июня 1919 года М. В. Фрунзе отправлена В. И. Ленину телеграмма: «Уральск уже пятьдесят дней выдерживает осаду. Необходимо продержаться еще минимум две недели. Мужество же гарнизона истекает. Полагал бы целесообразным посылку приветственной телеграммы лично Вами. Телеграмму можно прислать на штаб Южгруппы, который передаст по радио».

16 июня была получена ответная телеграмма В. И. Ленина: «Прошу передать уральским товарищам мой горячий привет героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска, просьбу не падать духом, продержаться еще немного недель. Геройское дело защиты Уральска увенчается успехом.

Предсовобороны *Ленин*».— *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 491, 351.

Однако я не буду здесь касаться его деятельности на фронте. Хочется рассказать о менее освещенном в литературе периоде жизни М. В. Фрунзе — о его деятельности на Украине и в Москве.

Командующий войсками М. В. Фрунзе одновременно являлся и заместителем Председателя Совнаркома Украины. Он очень много сделал для того, чтобы быстрее восстановить разрушенное войной и разграбленное немецкими оккупантами народное хозяйство республики. Вначале он главное внимание уделил трем самым больным проблемам — хлебу, углю, транспорту. От их решения зависело все дальнейшее мирное строительство.

Недостаток топлива сказывался всюду. Останавливались фабрики и заводы, железнодорожный транспорт не справлялся даже с подвозом продовольствия. В городах не было света, не хватало питьевой воды. Прекращали работу мельницы и хлебопекарни. Замерзали школы и больницы.

В феврале 1921 года Совнарком Украины создал Особую комиссию по топливу и продовольствию. Во главе ее фактически встал Фрунзе. Собираясь ежедневно, комиссия разрешала все вопросы, связанные с восстановлением шахт Донбасса и железнодорожного транспорта, с заготовкой и перевозкой продовольствия.

Больше всего внимания уделялось увеличению добычи каменного угля в Донецком бассейне. «Всероссийская угольная кочегарка» оказалась в центре забот нашей партии и всего советского народа. Из разных концов страны в Донбасс отправлялось техническое оборудование, крепежный лес, одежда, обувь, продовольствие — словом, все, хотя еще и в ограниченном количестве, в чем так остро нуждались шахты и шахтеры.

На Украине была образована комиссия содействия Донбассу. От ее имени зампред Совнаркома Д. З. Мануильский, наркомпрод М. К. Владимиров и командующий вооруженными силами М. В. Фрунзе обратились к партийным, военным, профессиональным и советским организациям с воззванием: в десятидневный срок направить в Донбасс пятьдесят эшелонов с продовольствием и фуражом. За подписью Фрунзе и Дзержинского, находившегося в Харькове, была послана телеграмма председателям губисполкомов Украины. В ней говорилось, что ликвидация топливного кризиса — это не только экономическая, но и политическая задача. Особая комиссия при участии М. В. Фрунзе оперативно распределяла добытый уголь, транспортные средства и продовольствие по наиболее важным объектам.

И вот Донбасс начал возрождаться. Разъехавшиеся из-за голода по деревням, шахтеры вновь спустились в забои. Добыча угля стала постепенно и уверенно возрастать.

Для оказания помощи сельскому хозяйству М. В. Фрунзе, выполняя указание ЦК РКП(б), перевел некоторые воинские части на трудовой фронт. На них возлагались заготовка продовольствия и фуража, вывоз дров, организация гужевого транспорта, различные сельскохозяйственные работы.

В начале лета 1921 года Совет Труда и Обороны назначил М. В. Фрунзе своим уполномоченным по вывозу соли из богатейших солепромышленных районов Украины. Теперь, пожалуй, даже представить невозможно всю остроту этой проблемы. Стакан соли на рынках обменивался на десятки яиц, килограммы сала и масла. Крестьяне выполаскивали бочки из-под селедок и добавляли рассол в пищу.

В то же время в Крыму — в районе Евпатории, Сиваша, Феодосии — скопилось около двадцати пяти миллионов пудов соли. Большие запасы ее имелись и на соляных рудниках близ Бахмута. Находившаяся без присмотра соль расхищалась спекулянтами и мешками вывозилась на рынки. Для организованной же ее отгрузки не хватало ни рабочих, ни транспорта.

Зная о бедствии населения, В. И. Ленин указывал, что нужно как можно быстрее обеспечить добычу и продажу соли. Государственная торговля ею позволила бы заготовить значительное количество хлеба.

18 мая 1921 года В. И. Ленин писал Михаилу Васильевичу:

«...урожай на юге превосходный. Теперь *главный вопрос всей* Советской власти, вопрос жизни и смерти для нас,— собрать с Украины 200—300 миллионов пудов.

Для этого главное — соль. Все забрать, обставить тройным кордоном войска все места добычи, ни фунта не пропускать, не давать раскрасть... Поставьте по-военному. Назначьте точно ответственных лиц за каждую операцию. Мне их список (все через Главсоль).

Вы — Главком соли.

Вы отвечаете за все» [1].

Владимир Ильич подчеркнул в письме слово «главком», и Фрунзе воспринял ленинское поручение как важнейшее боевое задание. Он немедленно выехал на юг, чтобы лично выяснить обстановку и принять необходимые меры. На соляные разработки направлялись подразделения трудармейцев, туда

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 196—197.

прокладывались новые железнодорожные ветки. Армия передавала соляным рудникам лошадей, снаряжение, транспорт. Охрана добытой продукции была возложена на красноармейские части.

Главком соли действовал с присущей ему инициативой и настойчивостью. И соль пошла. Ее вывозили по железной дороге и морем — из Евпатории в Одессу — на баржах, буксируемых военными судами. Фрунзе, как всегда, оправдал доверие Ленина.

Большого и мудрого друга в лице М. В. Фрунзе видели украинские крестьяне-бедняки. Верный ленинец, он стремился на практике помочь быстрейшему возрождению сельского хозяйства, был страстным сторонником кооперации в деревне. Выступая на первом и втором съездах незаможних селян [1], Михаил Васильевич убедительно доказывал преимущества коллективной обработки земли. В речи на VII Всеукраинском съезде Советов (декабрь 1922 года) Фрунзе с гордостью отметил первые успехи в выполнении ленинского кооперативного плана; в республике было уже немало товариществ по совместной обработке земли и коллективных хозяйств, пахотная площадь их превышала четыреста тысяч десятин; крепли и молодые совхозы.

Государственный деятель ленинской школы, М. В. Фрунзе горячо ратовал в тот период за объединение советских республик в единый, могучий союз. В речи на X Всероссийском съезде Советов он, обосновывая важность такого объединения, доказывал, что в законодательном органе страны необходимо создать вторую палату, которая бы выражала особые интересы национальных республик.

Многогранная и плодотворная деятельность Михаила Васильевича на Украине продолжалась более трех лет. Он полюбил этот благодатный край, отдавал ему всю теплоту своего доброго и отзывчивого сердца. Его восхищали здесь и прекрасный народ, и чудесная природа.

— Крым и Кавказ,— говорил он,— это наши жемчужины. Надо их благоустраивать, чтобы они служили местом отдыха и здравницей для трудящихся.

* * *

Назначение на должность заместителя наркомвоенмора и заместителя Председателя РВС Республики М. В. Фрунзе встретил без энтузиазма. Его тревожила совместная работа с Троцким. У них были большие разногласия по партийным

[1] Неимущих, беднейших крестьян.

и военным вопросам. Михаил Васильевич постоянно чувствовал неприязнь к себе со стороны Троцкого. Последний, например, долго противился назначению Фрунзе командующим 4-й армией, отрицательно относился к походу против эмира бухарского, пренебрежительно отзывался о военных способностях Фрунзе.

Возмутительный случай произошел 15 сентября 1920 года. Когда из Ташкента в Москву прибыл специальный поезд командующего, его сразу же оцепили войска ВЧК. Во всех вагонах, где находились сотрудники Фрунзе и команда охраны, начался обыск. Михаила Васильевича крайне возмутил этот произвол. От заместителя председателя ВЧК Якова Петерса[1] он узнал, что обыск произведен по заявлению Троцкого, который утверждал, будто команда поезда везет с собой золото и ценности, награбленные в Бухаре. Эта подлая клевета имела своей целью очернить честное имя Фрунзе, которого партия решила назначить командующим Южным фронтом. Понятно, что при обыске никаких ценностей не было найдено.

В начале 1921 года во время профсоюзной дискуссии[2] Фрунзе был неожиданно вызван В. И. Лениным в Москву. По возвращении в Харьков Михаил Васильевич рассказал мне в интимной беседе, что он оказался свидетелем весьма «деликатного» разговора. В его присутствии Владимир Ильич резко полемизировал с Троцким, который выступал против генеральной линии партии о роли профсоюзов. Развенчивая несостоятельность и вредность троцкистских требований огосударствления профсоюзов, перенесения в профсоюзы военного метода, В. И. Ленин доказывал, что профессиональные союзы в Советской России должны быть школой комму-

---

[1] *Петерс Яков Христофорович (1886—1938)* — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1904 года, участник революций 1905—1907 и 1917 годов, член Петроградского ВРК, делегат II Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК, коллегии и зам. председателя ВЧК, председатель Ревтрибунала. Затем член Туркбюро ЦК РКП(б), член коллегии ОГПУ. Делегат XII—XVII съездов партии, член ЦКК, президиума ЦКК, председатель МКК, член КПК при ЦК ВКП(б).

[2] Дискуссия о профсоюзах в РКП(б), 1920—1921 годы, навязана партии троцкистами при переходе от «военного коммунизма» к нэпу. Троцкисты настаивали на военных методах руководства массами, в частности профсоюзами, требовали их огосударствления. Им противостояло большинство ЦК во главе с Лениным. Он определил роль профсоюзов как школы коммунизма, звена, связывающего партию с массами, подчеркнул — разногласия грозят расколом. Дискуссию о профсоюзах завершил X съезд РКП(б), принявший ленинскую линию.

низма и обязаны обслуживать все стороны повседневной жизни трудящихся.

— После беседы, — рассказывал Фрунзе, — Владимир Ильич подошел ко мне, спросил, как идут дела на Украине, и пожелал успехов в работе.

Доброжелательное отношение Ленина к Фрунзе, его высокое мнение о военных и организаторских способностях талантливого полководца, надо полагать, пришлись не по душе Троцкому. И пока Троцкий официально оставался во главе военного ведомства, у Михаила Васильевича, вполне понятно, не могло быть хорошего настроения при переезде в Москву. Но приказ требовалось выполнить. Успокаивало и то, что он получил заверение в полной поддержке со стороны Центрального Комитета партии.

14 марта 1924 года М. В. Фрунзе приступил к исполнению обязанностей заместителя народного комиссара по военным и морским делам и заместителя Председателя Реввоенсовета Республики. А через месяц он по совместительству стал и начальником Военной академии РККА [1].

Огромные возможности открылись перед Фрунзе. Свой богатый опыт и знания он мог применить в масштабе всех вооруженных сил страны. В Революционный Военный Совет входили тогда такие выдающиеся деятели, как М. Н. Тухачевский — заместитель начальника штаба РККА, С. С. Каменев — бывший главком, а теперь главный инспектор Красной Армии, И. С. Уншлихт — видный партийный работник, А. С. Бубнов — начальник Политического управления. Для Михаила Васильевича они стали надежной опорой.

Приняв новый пост, М. В. Фрунзе начал с первых же дней неустанно заботиться об укреплении боевой мощи армии и флота. Решать эту задачу было очень нелегко. Численный состав советских вооруженных сил после окончания гражданской войны значительно сократился. На 1 февраля 1923 года Красная Армия насчитывала всего шестьсот тысяч бойцов и командиров. Это было ярким выражением политики мира, последовательно проводимой молодой Республикой Советов. Однако капиталистические страны даже после дипломатического признания нашего государства не последовали его примеру в сокращении своих вооруженных сил.

Нельзя было не учитывать и другого обстоятельства. Факт признания многими буржуазными правительствами

---

[1] В настоящее время Военная орденов Ленина и Октябрьской Революции Краснознаменная ордена Суворова академия имени М. В. Фрунзе.

Страны Советов породил среди некоторой части нашего населения пацифистски благодушные настроения. Михаил Васильевич не раз высказывал опасения, как бы это не привело к ослаблению бдительности народа, не отразилось гибельно на боевой подготовке армии и флота. Ведь военная опасность для Советской страны по-прежнему сохранялась.

— Было бы большой нелепостью,— говорил М. В. Фрунзе,— переоценивать значение успехов и не видеть того факта, что сами по себе они отнюдь не означают торжества и прочных мирных настроений в лагере окружающего нас буржуазного стана. И если мы хотим, чтобы эти, пока чисто внешние, формальные, успехи принесли действительные практические результаты, нам надо быть начеку.

Насколько напряженно приходилось работать Михаилу Васильевичу, видно даже из простого перечисления некоторых фактов. 14 марта 1924 года, то есть в первый же день своей новой деятельности, он выступил на всесоюзном совещании по территориальным формированиям. В своей речи Фрунзе подчеркнул, что военное дело должно по-прежнему находиться в центре внимания нашего государства и Красной Армии нужно быть на уровне современных требований. Вторую половину месяца М. В. Фрунзе руководил работой комиссии, созданной Реввоенсоветом для разработки подробного плана реорганизации вооруженных сил. С 31 марта по 2 апреля он участвовал в работе Пленума ЦК РКП(б), который этот план обсудил и одобрил.

Глубоко и детально продуманную программу укрепления Красной Армии М. В. Фрунзе осуществлял, опираясь на твердо установившиеся у него взгляды по основным вопросам военной теории. Еще будучи на Украине, он занимался обобщением опыта гражданской войны. Он и теперь посвящал этому каждую свободную минуту, внимательно изучая собранные материалы и документы.

Свои мысли и выводы по важнейшим военно-теоретическим вопросам М. В. Фрунзе изложил в статье «Единая военная доктрина и Красная Армия». Она была опубликована в первом номере журнала «Армия и революция» в июле 1921 года. Журнал этот, основанный с помощью Михаила Васильевича, выходил как издание штаба командующего войсками Украины и Крыма.

Мне довелось быть на квартире у Фрунзе, когда он читал рукопись статьи Сергею Ивановичу Гусеву, своему заместителю по политической работе. Между ними тогда произошел небольшой спор. Фрунзе взволнованно разъяснял основные моменты военной доктрины, говорил, что это учение

должно определять характер тех боевых столкновений, которые ожидают нашу страну в будущем. Нужно ли нам придерживаться идеи пассивной обороны или мы обязаны ставить перед армией и флотом активные задачи? Гусев высказал на этот счет несколько глубоких мыслей, и Михаил Васильевич сделал даже некоторые исправления в рукописи.

— Теперь я полностью согласен с вашей концепцией,— сказал Сергей Иванович.— Давайте в печать. Нужно довести эту доктрину до сознания наших военных. Пусть подумают и выскажутся...

Статья М. В. Фрунзе привлекла большое внимание партийных и военных кругов. Началась страстная и острая дискуссия, нашлись и сторонники и противники военной доктрины.

Теперь уже нет необходимости доказывать, что положения, высказанные в этом труде, сыграли определяющую роль при проведении в 1924 году военной реформы. Военно-теоретические взгляды Фрунзе нашли полную поддержку у таких военных деятелей, как М. Н. Тухачевский, К. Е. Ворошилов, А. С. Бубнов и другие. Ярыми противниками единой военной доктрины оказались Троцкий и его сторонники. Они были против начинаний, проводимых молодыми и талантливыми военными организаторами.

На XI партийном съезде Троцкий всячески противился созыву совещания военных делегатов для обсуждения вопросов, касающихся Красной Армии и, в частности, единой военной доктрины. Однако по решению Пленума ЦК РКП(б) такое совещание все же состоялось. Оно проходило с 30 марта по 1 апреля 1922 года при участии семидесяти двух делегатов. Доклад на нем делал Троцкий. Как свидетельствует стенографический отчет, он заявил, что «марксизм не приложим к военному делу и никакой науки о войне нет и быть не может». Войну докладчик квалифицировал как ремесло, практическое искусство, умение. Он пытался опорочить опыт Красной Армии, накопленный в боях против интервентов и белогвардейцев, говоря, что советская стратегия в годы гражданской войны характеризовалась бесформенностью, а военные операции Красной Армии проводились из рук вон плохо и ничего нового не дали.

Выступивший с содокладом М. В. Фрунзе подробно разъяснил сущность единой военной доктрины, которая многими старыми военными специалистами была еще не осознана из-за отсутствия определенных взглядов по основному вопросу военной теории. Но в ближайшем будущем, зая-

вил М. В. Фрунзе, на основе создавшихся общественных отношений наша военно-теоретическая мысль будет быстро крепнуть и развиваться, дело осмысливания военного опыта двинется вперед, будут выработаны единые взгляды, которые лягут в основу боевой подготовки Красной Армии.

В отличие от прежних войн, отмечал М. В. Фрунзе, театром военных действий станут не узко ограниченные пространства, а громадные территории с десятками и сотнями миллионов людей; технические средства борьбы бесконечно развиваются и усложняются, создавая новые рода войск, возникают новые категории специалистов и т. д.

Михаил Васильевич разоблачил попытку Троцкого ошельмовать боевой опыт Красной Армии, решительно отверг его утверждение, будто в гражданской войне Красной Армией руководила не партия, а офицеры старой армии. Фрунзе на фактах доказал, что важнейшие операции проводились под непосредственным руководством ЦК партии и лично В. И. Ленина.

— Я утверждаю без всякой идеализации, что в армии нас за нос никто не водил,— говорил М. В. Фрунзе,— ибо Коммунистическая партия и рабочий класс держали и держат армию крепко в своих руках.

На этом совещании Михаила Васильевича поддержало большинство военных делегатов. Антипартийным, клеветническим выпадам Троцкого был дан решительный отпор. Совещание приняло проект «Постановления по вопросу об укреплении Красной Армии», который М. В. Фрунзе доложил съезду 2 апреля. Этот проект одобрен съездом единогласно.

Весь 1924 год М. В. Фрунзе посвятил проведению военной реформы [1]. В беседах с близкими друзьями Михаил Васильевич не раз жаловался, как мешают ему в работе препятствия, чинимые Троцким. Последний всячески подавлял инициативу Фрунзе, старался всюду выпятить себя и умалить роль своего заместителя.

---

[1] Военная реформа 1924—1925 годов, преобразования в области комплектования, организации, подготовки военных кадров, обучения и воспитания войск, перевооружения армии и флота и по другим вопросам военного строительства в СССР. Военная реформа была проведена по решению февральского (1924 г.) Пленума ЦК РКП(б) с целью укрепления Вооруженных Сил, сокращения их численности в соответствии с условиями мирного времени и экономическими возможностями страны. Подготовка и осуществление военной реформы возлагались на специальную комиссию во главе с М. В. Фрунзе.

Нетерпимому положению был все-таки положен конец. Пленум ЦК РКП(б) и ЦКК, обсудив поведение Троцкого[1], признал невозможной его дальнейшую работу в РВС СССР. Это решение было с огромным удовлетворением встречено руководящим командным составом Красной Армии и Флота.

* * *

26 января 1925 года М. В. Фрунзе был назначен наркомвоенмором и Председателем Реввоенсовета СССР. С этого времени его творческая инициатива и неуемная энергия вышли на широкий простор. Он твердо взял в свои руки управление вооруженными силами страны. Опираясь на решения Центрального Комитета партии и пленума РВС, М. В. Фрунзе решительно пошел на введение в армии единоначалия и укрепление воинской дисциплины.

— Без этого,— говорил он,— мы не сумеем создать крепкой, спаянной сверху донизу революционной армии, беспрекословно выполняющей все приказы командного состава.

При переходе к единоначалию встретилось немало трудностей. Возник целый ряд сложных вопросов: о роли политических органов, о взаимоотношениях между партийным и беспартийным комсоставом, об увязке работы единоначальника с партийными и политическими органами, об использовании освобождающегося комиссарского состава и т. д. Все эти вопросы были, однако, успешно разрешены, и 2 марта 1925 года М. В. Фрунзе подписал приказ о введении единоначалия в Красной Армии и Военно-Морском Флоте. Основная его цель — полностью сосредоточить в руках командира и начальника строевые и административно-хозяйственные функции.

Укреплению воинской дисциплины, которая в отдельных частях стояла тогда не на высоте, было посвящено специальное совещание секретарей партийных ячеек, проведенное Политуправлением РККА в период с 26 февраля по 3 марта 1925 года в Ленинграде. Руководил совещанием и выступал на нем с докладом начальник ПУРа А. С. Бубнов. Находившийся в Ленинграде Михаил Васильевич тоже воспользовался этой трибуной, чтобы разъяснить армейским коммунистам, как нужна Красной Армии железная воинская дисциплина.

---

[1] Имеется в виду Пленум ЦК РКП(б) с участием членов ЦКК, проходивший 17—20 января 1925 года. Пленум снял Троцкого с поста Председателя РВС СССР и рекомендовал на эту должность М. В. Фрунзе.

Осуществляя военную реформу, М. В. Фрунзе принимал все меры к тому, чтобы укрепить военно-техническую базу вооруженных сил страны. По его инициативе были выделены специальные заводы, которыми стало руководить Главное управление военной промышленности (ГУВП). Прежняя продукция этих предприятий не удовлетворяла возросших требований армии и флота.

Научно-исследовательская и конструкторская мысль тоже находилась на таком уровне, что не могла обеспечить создание новых усовершенствованных образцов оружия. Обеспокоенный этим, Михаил Васильевич выступил на конференции управляющих ГУВП 25 мая 1925 года с требованием коренной перестройки в работе военно-промышленных предприятий.

Больше всего Фрунзе тревожило положение в нашей военной авиации. Он ясно предвидел роль воздушного флота в будущей войне. То государство, говорил он, которое не будет обладать мощной, хорошо организованной, обученной авиацией, неизбежно будет обречено на поражение. Это хорошо уяснили капиталистические страны Запада, конкурируя между собой в создании большого количества самолетов новейших конструкций с усовершенствованным вооружением. Вполне естественно, и Советская страна должна была вступить в соревнование с этими странами за создание у себя мощного воздушного флота.

Для строительства самолетов и моторов был создан специальный авиатрест. Его предприятия на первых порах выпускали незначительное количество самолетов старой конструкции, которые уступали иностранным маркам. С моторами было еще хуже. Долгое время вообще не удавалось наладить их производство из-за плохого качества стали. Это вынуждало тратить золотую валюту на приобретение самолетов и моторов за границей. Однако находиться в зависимости от капиталистического рынка наша страна не могла. Надо было во что бы то ни стало наладить собственное производство. И нужно отдать должное Михаилу Васильевичу: он не оставлял в покое товарищей, связанных с авиацией. Во главе Военно-воздушных сил был поставлен преданный коммунист, энергичный Петр Ионович Баранов. Его способности были хорошо известны Фрунзе еще по гражданской войне. Помощником П. И. Баранова по ходатайству Михаила Васильевича ЦК партии в конце 1924 года назначил меня...

Большое значение М. В. Фрунзе придавал гидроавиации. Производством морских самолетов в Ленинграде руководил

тогда инженер Д. Григорович, давший во время первой мировой войны несколько удовлетворительных конструкций. Теперь он разработал конструкции больших гидросамолетов, но не хотел испытывать модели в аэродинамической трубе. Сразу выпущенные в воздух, машины разбивались. При этом, как правило, погибал и испытатель. Выяснить причины аварии мешало и то, что опытные самолеты строились в одном экземпляре.

Нас это очень тревожило. Мы старались воздействовать на конструктора, но ничего не добились. Раздосадованный Фрунзе пригласил нас с Барановым к себе и сказал:

— Вот что, начальники воздушных сил. Я вами недоволен. Вы, очевидно, не уяснили, что нам нужна гидроавиация. Иначе вы бы не позволили водить себя за нос. Предлагаю срочно разобраться в поведении инженера Григоровича. Во главе конструкторского бюро нужно поставить других лиц. Периодически информируйте меня, что предпринимается. Вы головой отвечаете за морскую авиацию.

В те годы у нас в стране существовало Общество друзей воздушного флота (ОДВФ). Оно организовывало добровольные сборы средств на постройку самолетов, вело пропаганду авиационных знаний среди населения, направляло развитие авиаспорта. М. В. Фрунзе пристально следил за его деятельностью. 5 апреля 1925 года он выступил на торжественном заседании, посвященном двухлетию ОДВФ. Михаил Васильевич указал, что в интересах обороны Советского Союза необходимо, чтобы Общество друзей воздушного флота с еще большей энергией и энтузиазмом решало свои важные задачи. Нельзя не вспомнить, как заботился Фрунзе о развитии Военно-Морского Флота. В июне 1925 года он участвовал в походе Балтийского флота, желая лично проверить состояние наших морских сил. Из плавания возвратился бодрым, загорелым.

— Это путешествие было очень полезным,— говорил он в кругу друзей.— Я убедился, что мы имеем хотя небольшой, но качественно сильный флот. Особенно меня порадовали кадры. С такими моряками мы сможем дать отпор любому противнику, который попытается вторгнуться в наши морские просторы.

Трудно описать всю многогранную деятельность М. В. Фрунзе в последний период жизни. Но было бы непростительно не сказать об отношении его к комсомолу. Он любил смелость, молодой задор, боевую хватку нашей молодежи. Вспоминается Южный фронт. Михаил Васильевич, бывая в действующих частях, всегда обращался к молодым

бойцам с призывом не отступать перед врагом, мужественно сражаться за великие идеалы Октября.

Находясь на посту наркомвоенмора, он также умело опирался на Коммунистический Союз Молодежи. Выступая 17 июня 1925 года на конференции РЛКСМ, Фрунзе подчеркнул теснейшую связь между Красной Армией и комсомолом, скрепленную кровью десятков тысяч молодых рабочих и крестьян, погибших в гражданскую войну. В годы мирного строительства, говорил Михаил Васильевич, основная задача молодежи состоит в том, чтобы дать армии и флоту... бойца, который своей дисциплинированностью, культурным развитием и политической воспитанностью служил бы образцом.

Горячо одобрил Фрунзе инициативу комсомола, принявшего шефство над Военно-Морским Флотом. Нарком назвал это «переломным моментом в жизни, подъеме и укреплении флота», призывал союз молодежи «взять в свои крепкие, молодые руки руководство по части развития спорта, а в особенности стрелкового дела. Комсомолец должен быть крепок не только духом, но и телом».

* * *

Одной из замечательных черт характера Михаила Васильевича была исключительная скромность. Какое бы положение Фрунзе ни занимал, он никогда не искал привилегий для себя и своей семьи. Это было чуждо ему. Работая председателем Иваново-Вознесенского губисполкома, он проживал с Софьей Алексеевной[1] в небольшом номере бывшей гостиницы, превращенной в общежитие ответственных работников. Здесь он по вечерам принимал товарищей, приехавших с периферии и не успевших повидать его на работе, здесь отдыхал после трудового дня, готовился к докладам, выступлениям, читал литературу. В подборе книг особенно помогал ему редактор местной ежедневной газеты «Рабочий край» Александр Константинович Воронский[2], который присылал разные новинки, подчеркивал в них красным карандашом наиболее важное и интересное.

Питался Фрунзе в Иванове плохо, как и все население губернии. Ивановцы тогда даже хлеба порой не получали по нескольку дней, а о других продуктах и думать не приходилось. Страдая язвой желудка, Михаил Васильевич нисколь-

---

[1] *Софья Алексеевна* — жена Михаила Васильевича.

[2] *Воронский Александр Константинович (1884—1943)*, советский критик, писатель. Член КПСС с 1904 года. Редактор журнала «Красная новь». Был членом ВЦИК.

ко не заботился о том, чтобы принять какие-то меры к улучшению своего питания. Софье Алексеевне он строго наказывал ничего не принимать сверх положенного по продовольственным карточкам, хотя хорошо знал, что она и сама этого не сделает.

Вспоминаю, как однажды приехавшие из Шуи рабочие привезли ему узелок с какой-то провизией.

— Это тебе, Арсений. Чай, изголодался на тощем государственном пайке. Подкрепись маленько.

Михаил Васильевич был растроган вниманием рабочих, но категорически отказался взять продукты.

— Нет, товарищи, большое спасибо. Не возьму. Как все, так и я.

Михаил Васильевич увлекался охотой. После войны он не раз, бывало, в воскресенье или в праздничные дни вместе с друзьями отправлялся в леса. А отпуск почти всегда проводил на охоте. Нужно было видеть, как он готовился к охоте. Внимательно и любовно разбирал свое ружье, тщательно чистил и смазывал. Для протирки подбирал все, что попадалось под руку: носовой платок, салфетку...

— И попадет же мне от Сони! — шутя говорил он.

Но Софья Алексеевна не сердилась, была довольна, что он весело настроен.

С охоты Фрунзе возвращался радостный, глаза задорно светились. Выкладывая куропаток или рябчиков, он взвешивал их на руке, приговаривая: хороша птица, только хитра больно. И тут же отправлялся на кухню ощипывать и потрошить дичь.

Михаил Васильевич очень любил свою семью и домашний уют. Если приходил усталым и раздраженным, то дома быстро становился спокойным, приветливым. Постоянно играл с детьми Таней и Тимуром. Был исключительно заботлив к жене, здоровье которой медленно подтачивал туберкулез. Михаил Васильевич несколько раз посылал ее на лечение в Крым и Финляндию, но всегда очень тосковал, когда ее не было дома. Софья Алексеевна помогала, как могла, мужу в работе, постоянно заботилась о нем и детях, но быстро уставала из-за болезни.

Дома у Фрунзе всегда лежала на столе груда новых книг и журналов. Придя со службы, он облачался в любимый туркестанский халат, садился за стол, и тогда его нельзя было оторвать от чтения. Уже все поужинают, улягутся спать, а Михаил Васильевич все сидит, читает, делает какие-то записи и лишь изредка берется за термос, чтобы выпить стакан крепкого горячего чая и похрустеть сухарями. Уже

забрезжит утренний свет, когда он гасит настольную лампу и ложится спать.

Любил Михаил Васильевич песни. Вспоминаю Ташкент, густой сад у его дома и холодный арык. Вечерами на просторной веранде или под ветвистой чинарой собирались друзья. Тут бывали Валериан Куйбышев, Шалва Элиава, Валериан Плетнев, Василий и Лида Бронниковы, сестры Додоновы, Исидор Любимов с женой. Начиналось коллективное пение, дирижировал хозяин. Черное туркестанское небо и яркие на этом бархатном фоне звезды, высокие чинары и карагачи, аромат цветов — все создавало поэтическое настроение. Расходились поздно ночью. Было прохладно. Жгучее солнце не томило. Михаил Васильевич восхищался стройными и густыми чинарами. Светловолосую дочку Таню он в шутку называл чинарой.

Поразительна его чуткость к людям. Он никогда не позволял себе кричать на сотрудников, даже когда кто-либо совершал проступок. Терпеть не мог подхалимов. Ему было противно, когда хвалили и подлизывались,— сразу мрачнел и прекращал такие словоизлияния.

Терпеливо относился он к инакомыслящим, стараясь доказать им всю ошибочность их позиций. В ссылке, ведя дискуссии с эсерами и меньшевиками, Фрунзе упорно отстаивал большевистские взгляды, однако не издевался над противником. В Иваново-Вознесенске он в первые годы революции привлекал к работе товарищей, которые не стояли на позиции большевиков, но хотели работать. Особенно внимательным был к лицам, колебавшимся в своих воззрениях, искавшим правду. Помню, как много и часто он беседовал с Дмитрием Фурмановым, разгадав в нем человека большого диапазона и дарований. Смело могу утверждать, что только благодаря усилиям Михаила Васильевича его ученик стал сознательным марксистом. Дружба их росла, еще более сроднились они на Восточном и Туркестанском фронтах. Будучи в Москве, друзья часто встречались и подолгу беседовали на литературные темы. Фурманов дорожил мнением Фрунзе о своих творческих исканиях, всегда прислушивался к его советам и замечаниям.

Обаяние Михаила Васильевича притягивало к нему людей, которые не расставались с ним в течение долгих лет, всюду следовали за ним, как верные оруженосцы.

Крепкая дружба связывала Фрунзе с Исидором Евстигнеевичем Любимовым. Началась она в подполье в дореволюционные годы среди ивановских рабочих. После бегства Фрунзе из ссылки Любимов помог ему устроиться на службу

в Земский союз. Вместе они работали в Минском Совете рабочих депутатов и во фронтовом комитете. Вместе были в Иваново-Вознесенске, где Любимов стал преемником Фрунзе на посту председателя губисполкома. Потом — совместная работа в Туркестане, на Южном фронте. И в Москве, работая один наркомвоенмором, другой наркомом легкой промышленности, они оставались близкими друзьями.

Очень привязан был к Фрунзе Павел Батурин. Летом 1918 года они вместе жили на даче в Отрадном, близ Иваново-Вознесенска. Батурин обучал Михаила Васильевича метанию гранат, ходил с ним на охоту. Когда Павел Степанович по апрельской партийной мобилизации прибыл на фронт, М. В. Фрунзе назначил его комиссаром 25-й дивизии к Чапаеву после Фурманова. Совсем недолго был Павел Батурин на этом посту, но прославил свое имя отвагой и геройской смертью в Лбищенском бою.

— Я потерял прекрасного друга и человека, а партия — мужественного борца,— сказал Фрунзе, узнав о гибели Павла Батурина.

Тепло относился Михаил Васильевич к А. С. Бубнову и К. Е. Ворошилову. Нередко втроем они встречались в квартире на Шереметьевском (ныне улица Грановского), весело разговаривали и шутили. Это были часы отдыха, хотелось развлечься, посмеяться, побалагурить. Глядя на них, можно было подумать, что они не обременены тяжелыми заботами о настоящем и будущем. Но вдруг, на какую-то минуту, Михаил Васильевич становился серьезным и говорил Бубнову:

— Андрей, внимательно присмотрись, что делается в военной академии. Что-то там не совсем ладно со старыми профессорами.

Иногда, обращаясь к Клименту Ефремовичу, он мимоходом бросал:

— А знаешь, Клим, чтобы быть хорошим командующим округом, надо много знать и учиться. Надо изучать классиков марксизма-ленинизма, читать военно-научную и художественную литературу. Всем нам нужны знания, чтобы не отстать от жизни, идти с ней нога в ногу. Вот в чем наша с тобой главная задача.

* * *

Бьющая ключом жизнь, казалось, улыбалась талантливому наркомвоенмору. Со своими ближайшими помощниками у него были хорошие отношения и взаимопонимание. Работа спорилась и шла дружно. Результаты военных мероприятий были положительны: вооруженные силы страны окрепли

морально и технически. Родина могла спокойно заниматься мирным трудом, уверенная, что ее границы зорко охраняются надежной армией и флотом. Партия и народ любили Михаила Васильевича за мужество и скромность, за широкий государственный размах в работе, за твердость и настойчивость. И ни у кого не возникала мысль, что жизнь его скоро и неожиданно оборвется.

Между тем у Фрунзе после тяжелых условий каторги болел желудок. Иногда боли беспокоили меньше, но потом опять становились невыносимыми. Михаил Васильевич считал свою болезнь неопасной, а потому всерьез не лечился. Врачи выписывали ему разные лекарства, но он редко ими пользовался, чаще прибегал к спасительной питьевой соде.

Летом 1925 года Фрунзе дважды попадал в автомобильные аварии, получил значительные ушибы руки, ноги и головы. Это повлияло и на желудок: началось кровотечение. Тогда, несмотря на его возражения, он был в сентябре направлен в Крым, в Мухалатку. Там его уложили в постель, приставленные к нему врачи занимались лечением. Временами он чувствовал себя хорошо, охотился в предгорьях Ай-Петри, был радостен и оживлен. Но затем у него снова открывалось кровотечение и начинались головные боли. Вызванные из Москвы врачи-консультанты настояли на его возвращении в столицу для госпитализации.

Михаила Васильевича положили в Кремлевскую больницу. Лежа в палате, он много читал. К нему приходили близкие друзья: А. С. Бубнов, И. Е. Любимов, В. В. Куйбышев, И. С. Уншлихт и другие. Я у него тоже часто бывал и подолгу беседовал.

Пока шло исследование больного, он был спокоен, шутил и смеялся. Но вот прошедшие один за другим консилиумы врачей установили, что налицо ясная картина язвенного процесса в области двенадцатиперстной кишки. Было решено прибегнуть к операционному вмешательству. С этого момента бодрое настроение покинуло Михаила Васильевича. На людях он держался спокойно, расспрашивал о делах и давал советы. Но когда посторонних не было, он становился озабоченным, задумчивым.

Незадолго до операции я зашел к нему повидаться. Он был расстроен и сказал мне, что не хотел бы ложиться на операционный стол. Глаза его затуманились. Предчувствие чего-то непоправимого угнетало его. Он попросил меня в случае неблагополучного исхода передать Центральному Комитету партии его просьбу — похоронить его в Шуе, где он провел свои лучшие молодые годы на революционной работе.

Он любил этот небольшой провинциальный город с какой-то нежностью, и мягкая улыбка озаряла его лицо, когда он рассказывал о жизни среди шуйских рабочих.

Я убеждал его отказаться от операции, поскольку мысль о ней его угнетает. Но он отрицательно покачивал головой: мол, с этим уже решено. Ушел я из больницы в тот день с тяжелым чувством тревоги. Это было мое последнее свидание с живым Фрунзе.

27 октября он был переведен в Солдатенковскую больницу, где через два дня профессор Розанов сделал операцию. На больного тяжело действовал наркоз, он долго не засыпал. Пришлось увеличить дозу. Сердце не выдержало. 31 октября в 5 часов 40 минут М. В. Фрунзе умер.

Софьи Алексеевны в те дни не было в Москве. Тяжело больная туберкулезом, она находилась в Крыму. Михаил Васильевич 26 октября послал ей теплое и бодрое письмо, уверяя, что все кончится благополучно. «Я чувствую себя абсолютно здоровым, и даже как-то смешно не только идти, но и даже думать об операции»,— писал он жене. Со скорбной вестью за ней был послан адъютант, с которым она и приехала на похороны. Сама Софья Алексеевна скончалась через год после того, как похоронила любимого мужа и друга.

Просьбу М. В. Фрунзе я выполнил, доложил о его последнем желании ЦК партии. Центральный Комитет решил, однако, похоронить его в Москве, у Кремлевской стены, считая, что Михаил Васильевич Фрунзе заслужил любовь и славу всего советского народа.

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 250—273.

А. А. ФАДЕЕВ

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ФРУНЗЕ.

(Биографический очерк) [1]

Товарищ Арсений

В начале мая 1905 года в рабочих кружках Иваново-Вознесенского района появляется приземистый юноша, полнолицый, с мягким ежиком волос, с застенчивой мужественной улыбкой, с ясным и твердым взглядом — товарищ Арсений.

В нем нет ничего от показного «революционера». В быту,

[1] Печатается с сокращениями.

по одежде его не отличить от рядового рабочего. Куда бы ни забросили его условия подпольной работы — в рабочую казарму, в крестьянскую избу, везде он — свой человек: спит, как все, на полу, ест из общей миски кислые щи с кашей.

Но в первой же боевой схватке юноша с застенчивой улыбкой обнаруживает пламенный темперамент бойца и железную руку организатора.

В середине мая поднялась стачка 60 тысяч текстилей, повергшая в панический страх всю местную буржуазию и полицию. Во главе стачки стал товарищ Арсений. Старые шуйские ткачи до сих пор помнят речи его с помоста из лодок и бревен на берегу реки Талки.

Войска и полиция потопили первую стачку в крови. Но в течение лета Арсений (он же Трифоныч) совместно с товарищами создали окружную организацию большевиков, распространили свое влияние на деревню, и дело снова пошло на подъем.

С 1905 по 1907 год он держал в трепете власти Шуи. По одному его призыву останавливались фабрики и заводы. На собрания, где он выступал, тайком ходили солдаты. Было время, когда начальство отдало приказ: при появлении Арсения запирать солдат в казармы. Однажды вывели местную команду арестовать его, а солдаты присоединились к толпе.

Так заложил он великую нерушимую дружбу с иваново-вознесенскими ткачами.

Что же превратило молодого еще революционера Арсения в вождя иваново-вознесенских рабочих? Он прошел школу петербургских кружков и массовой борьбы питерских рабочих. И он глубоко усвоил ленинскую программу плебейского решения буржуазно-демократической революции в России. Организация всеобщей стачки и вооруженного восстания рабочих. Поддержка и развитие крестьянского революционного движения. Свержение самодержавия и борьба за революционно-демократическую диктатуру рабочих и крестьян. Против меньшевистского хвостизма по отношению к буржуазии, идущей на сделки с царем. Против «левого» авантюризма Троцкого, сталкивающего интересы рабочих и крестьян, как враждебные друг другу, к выгоде буржуазии.

Одним словом, он был революционером ленинской... складки. И, будучи человеком незаурядным, сделался вождем иваново-вознесенских рабочих.

Впоследствии они дрались под водительством Фрунзе в Заволжье и под Уфой, под Оренбургом и на Урале, у Каспия и в Крыму. И в трудные голодные годы он не раз навещал их...

Первая военная школа

Фрунзе всегда относился с большим вниманием к непосредственно боевой работе партии. Он был одним из первых и лучших организаторов боевых дружин и неоднократно участвовал в массовых и одиночных столкновениях с войсками и полицией.

В декабре 1905 года с группой шуйских пролетариев он сражался на московских баррикадах. Он среди бела дня во главе боевой дружины захватил в Шуе типографию Лимонова и в течение двух-трех часов выпустил несколько тысяч большевистских листовок.

...Как-то он был захвачен в бору казаками. Его избили, накинули аркан на шею и погнали за лошадью.

«Я бегу,— рассказывал он потом,— и обеими руками держу петлю веревки, чтобы не задохнуться. Бегу,— конечно, не успеваю за лошадью... Казаки кричат на меня, ругают матерно, я спотыкаюсь. Добрались до какой-то изгороди палисадника и предложили встать на нее. Я подумал, что мне предлагают сесть на лошадь. Как только я забрался на изгородь, казак стегнул плеткой лошадь. Ноги застряли в решетке, и я не смог их освободить, пока решетка не сломалась. Я потерял сознание и упал...»

На всю жизнь у него осталась чуть прихрамывающая походка. Во время усиленной ходьбы, например, по горам, при сильных прыжках и неудачных поворотах, у него иногда соскальзывала с места коленная чашечка, и он незаметно своими плотными руками вправлял ее на ходу.

Он был арестован — в который уже раз — 24 марта 1907 года. При нем было два маузера. Он бы не дался живым, но в доме, где он скрывался, были маленькие дети, и он пожалел их.

В кандалах

Долго разбиралось его дело. Только 26 января 1909 года состоялся первый суд над ним. Его приговорили к смертной казни через повешение за «покушение на жизнь» урядника Перлова. Дело велось настолько беззаконно, что его удалось кассировать. Ожидая подтверждения или отмены решения суда, «смертник» Фрунзе затребовал очередную пачку книг, среди них учебник английского языка, «Политическую экономию в связи с финансами» Ходского и «Введение в изучение права и нравственности» Петражицкого. Через два с половиной месяца пришло извещение о пересмотре дела.

И все это время, не переставая учиться, он жил в ожидании, что его в любой момент могут повесить.

10 февраля 1910 года его судят по другому обвинению — в принадлежности к РСДРП. Как и на первом суде, он больше заботится об участи других и спокойно и стойко несет честь принадлежности к организации. Его приговаривают к четырем годам каторги. А 22 сентября того же года снова судят по старому обвинению — в покушении на жизнь урядника Перлова. И снова смертный приговор, который через некоторое время заменяют шестью годами каторги в дополнение к прежним четырем.

Фрунзе провел в каторжных тюрьмах — Владимирской, Николаевской, Александровской — более семи лет и год в Верхоленской ссылке.

Перед спокойным и мужественным его взором прошла полоса реакции — отход от революции «горе-революционеров», ликвидаторство... двойная игра... Троцкого. Потом новый подъем революционной волны... рост и укрепление большевистской партии и снова спад этой волны в связи с началом империалистической бойни и новое предательство меньшевиков.

Ни на одном из этих этапов Фрунзе не знал колебаний и остался верным до конца знамени Ленина...

После выхода на поселение он был арестован за создание организации среди ссыльных. Через некоторое время бежал в Читу, где организовал газету большевистского направления, и снова был обнаружен и снова бежал, и появился опять под фамилией Михайлова на Западном фронте в качестве работника Земского союза.

Рождение большевистского полководца

К февралю 1917 года работник Земского союза Михайлов создал большую подпольную революционную организацию с центром в Минске и отделениями в 10-й и 3-й армиях. Организация была раскрыта, но уже поздно — началась Февральская революция...

Фрунзе после Февраля — один из вождей революционного движения в Белоруссии, он руководитель созданного им Совета крестьянских депутатов Белоруссии. Он был в то же время начальником гражданской милиции, когда надо было разоружать царскую полицию и жандармов; он работает среди солдат во фронтовом комитете, и во время корниловского выступления его избирают начальником штаба революционных войск Минского района.

Перед Октябрем он возглавляет в родной Шуе Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, его избирают председателем городской думы и земской управы, он осуществляет бескровный Октябрьский переворот в родном городе. Он же формирует отряд рабочих и солдат на помощь рабочим Москвы в Октябрьские дни...

После переворота Михаил Васильевич — председатель губернского комитета партии, губисполкома и губсовнархоза. В качестве губернского военного комиссара он формирует первые вооруженные отряды республики.

«Председателем собрания был избран Фрунзе,—писал об этом периоде его жизни Фурманов в своей книге «Путь к большевизму».— Это удивительный человек. Я проникнут к нему глубочайшей симпатией. Большой ум сочетался в нем с детской наивностью взора, движений, отдельных вопросов. Взгляд — неизменно умен: даже во время улыбки веселье заслоняется умом. Все слова — просты, точны и ясны; речи —коротки, нужны и содержательны; мысли — понятны, глубоки и продуманны; решения — смелы и сильны; доказательства — убедительны и тверды. С ним легко. Когда Фрунзе за председательским столом,— значит что-то будет сделано большое и хорошее».

После белогвардейского мятежа в Ярославле в 1918 году Фрунзе был назначен военным комиссаром Ярославского округа. В это время уже развертывается кровавый поход Антанты. И Фрунзе, формируя части на фронт, обнаруживает свой блестящий военно-организаторский талант.

Он получил назначение командующим 4-й армией и в конце января 1919 года выехал в армию.

Моральный облик Фрунзе

Михаил Васильевич был очень цельной натурой. Это был подлинный сын рабочего класса, сын нужды и борьбы, сын неимоверных лишений и героических усилий. Трудящиеся массы, революция, партия были для него родной стихией, естественной средой. Всю жизнь он отстаивал только их интересы, ему нечего было прятать от них, и потому он был человеком очень принципиальным и правдивым. Можно сказать, что правде он смотрел в глаза так же открыто, как и смерти.

Ему несвойственны были — «самовыказывание», ложное самолюбие, зависть, вообще мелочные чувства. И потому он всегда был очень жизнерадостен.

В нем гармонически сочеталась скромность, даже застенчивость, если речь шла о нем, с огромной силой воли и кремневым сердцем, когда он имел дело с опасностью или с врагом. Твердость его была не показная, не поддельная. Она опиралась на теоретическое предвидение, знание фактов, безграничную веру в силы масс. А массы были для него не чем-то безличным, а борющимся, страдающим, ищущим лучшей доли и побеждающим препятствия человечеством.

За это вся партия и весь народ любили его...

Михаил Васильевич Фрунзе.
М., 1938, с. 26—34, 48

ПОЛКОВОДЦАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

Есть в буржуазных государствах полководцы, которым воздаются формальные почести и воскуривается фимиам славы, но полководца, равного нашему Фрунзе, нет и не может быть во всем мире, ибо нет и не может быть во всем буржуазном мире полководца, с которым связаны органически мысли и чувства миллионов.

Клара Цеткин

Секретно

ДИРЕКТИВА

всем коммунистам армий южфронта.

Харьков. 30 Сентября 1920 года.

§ 1. Приближается решительный момент наступления всех армий Южфронта для полной ликвидации Врангеля. Каждый коммунист, командир, комиссар и боец должен знать это и должен быть полон непреклонной воли к победе. Каждый должен быть проникнут твердым решением—уничтожить врага во что бы то ни стало.

В целях политической подготовки к этому наступлению все коммунисты армий под руководством поармов, подивов и комиссаров должны провести ударную, агитационную кампанию—«кампанию победы» применительно к помещенным в § 2 директивы тезисам.

Кампания эта должна начаться немедленно по получении настоящей директивы и продолжаться, все усиливаясь, до момента решительного наступления и во время наступления до полного разгрома противника и занятия Крыма. К моменту наступления ни один боеспособный коммунист не должен оставаться в тылу. Все силы должны быть на фронте. В передовых рядах коммунисты должны воодушевлять красноармейцев своей решимостью, отвагой и примером.

... по подготовке победного наступления должны ... без исключения коммунисты, все честные и созна... и красноармейцы. Каждому из них ... быть немедл... по 1 экземпляру настоящей директивы. Через эти сознате... передовые кадры Красной армии те-

С. И. ГУСЕВ

ТАЛАНТ И ВОЛЯ

Товарищ Фрунзе появился на боевом фронте гражданской войны в начале 1919 года. До этого в армии как военный работник он был мало известен. Полнейшей неожиданностью для руководителей Восточного фронта было то, что Фрунзе, никогда ничем не командовавший и никакими операциями не руководивший, никакой военной школы не прошедший, подпольщик-большевик с 1904 года, имевший большой тюремно-каторжный стаж, оказался не только крупнейшим военным организатором и администратором, но и превосходным командиром, с первых же шагов обнаружившим большое искусство в «вождении» войск, в руководстве боевыми операциями. Правда, и до появления Фрунзе на фронте у нас был ряд способных командиров из рабочих и крестьян, справлявшихся с боевыми задачами. Но в лице Фрунзе мы нашли совершенно исключительный военный талант, товарища с редкими стратегическими способностями, к которым присоединялись выдающийся организаторский талант и крепчайшая большевистская теоретическая и практическая закалка.

Такое редчайшее сочетание делало Фрунзе стопроцентным коммунистом-военспецом. Не удивительно поэтому, что при начавшемся в конце апреля 1919 года контрнаступлении против Колчака товарищ Фрунзе был назначен командующим группой. На эту группу легла основная стратегическая задача всей операции — разбить и обойти левый фланг Колчака и не дать ему возможности вывести этот фланг из-под наших ударов, принуждая его этим быстро откатываться всем фронтом на восток.

Эта операция была блестяще проведена товарищем Фрунзе, а взятие Уфы показало его умение рассчитать, когда он, как командующий тремя армиями, должен сидеть в штабе и когда появляться на боевой линии фронта, чтобы своим личным влиянием и примером двинуть части против сильнейшего врага и опрокинуть его. Именно в решающий момент

взятия Уфы Фрунзе оказался в решающем месте — в первых наступающих цепях Красной Армии. Это обеспечило успех боя и дало нам огромный выигрыш времени.

Затем в военной работе Фрунзе наступает период организационной и боевой работы в Туркестане, где ему пришлось почти заново организовать наши вооруженные силы и вести трудную борьбу против басмачей.

Затянувшаяся операция против Врангеля заставила ЦК РКП назначить на Южный фронт товарища Фрунзе. Здесь его блестящие организаторские и стратегические способности проявились наиболее ярко. В кратчайший срок ему удается отбить атаки Врангеля, имевшего превосходную многочисленную «машинизированную» конницу, вырвать у него инициативу и разгромить «крымский Верден» — Перекоп. И здесь снова в решающий момент он, командующий фронтом, оказывается у перекопских позиций при начале штурма, и только его личное присутствие в непосредственной близости к боевой линии обеспечивает быстрое окончание штурма этой сильной позиции.

Разгромом Врангеля была закончена гражданская война.

Наши вооруженные силы вступили в новый период своего существования. Армия гражданской войны, постоянная, регулярная Красная Армия, общее руководство которой находилось в руках рабочего класса в лице авангарда — РКП, заменилась Красной Армией периода быстрого роста нашего хозяйства, армией на три четверти милиционной. Если в первый период Фрунзе выступал как талантливый стратег и организатор вооруженных сил республики, то во второй период он становится во главе всей реорганизации Красной Армии... Он является идейным вдохновителем и практическим руководителем организации совершенно новой, построенной на новых основах, армии пролетарского государства.

Но с этой реорганизацией Красной Армии связывается ряд новых крупнейших вопросов. И прежде всего — реорганизация управления Красной Армией...

Созданы твердые организационные формы для дальнейшей работы. Боеспособность армии и флота, несмотря на их численное сокращение, выросла. Введена нормальная система комплектования армии. Урегулировано прохождение службы командного, политического и административно-хозяйственного состава. Изжита текучесть красноармейского состава. Улучшено хозяйственное положение частей. Улучшено материальное положение командного, административно-хозяйственного и политического состава.

Таковы итоги реорганизации управления.

В теснейшей связи с переходом на территориальную систему стоит также вопрос о переходе Красной Армии к единоначалию. Об этом вопросе неоднократно поговаривали... начиная чуть ли не с 1919 года. Но практически для разрешения этого вопроса ничего почти не сделали. Может быть, потому, что не настало подходящее время, но в значительной степени потому, что не хватало смелости и решимости сделать в этом деле шаг вперед из опасения политических осложнений.

Перейти к единоначалию — это значит упразднить институт военных комиссаров и передать всю работу (кроме работы политвоспитания красноармейцев, которая остается в руках политорганов Красной Армии) в руки немногочисленного партийного и многочисленного беспартийного комсостава.

А вдруг не справятся с делом? А вдруг изменят, предадут?

И в этом деле товарищ Фрунзе смело взял на себя инициативу...

Институт комиссаров, писал М. В. Фрунзе, в общем ходе гражданской войны сыграл огромную роль. Его первоначальная функция, сводившаяся к роли «ока Советского государства», скоро, под влиянием естественно развивавшихся событий, расширилась, наш военный комиссар превратился в организатора и администратора. Этот процесс неизбежно связывался с известным умалением прав и функций командира, особенно когда последний был беспартийным. Тут обнаруживается оборотная сторона медали: командир постепенно начинает «раскомандировываться», теряет ценнейшие свойства всякого хорошего командира — волю и способность к принятию самостоятельных, быстрых решений [1].

Фрунзе приходит к выводу, имея в виду, что девяносто процентов комсостава Красной Армии принадлежит к крестьянам или рабочим, о необходимости и своевременности перехода к единоначалию.

И через год в одной из... статей — «Очередные задачи политработников» — М. В. Фрунзе, подводя итоги опыта введения единоначалия, пишет:

«Со времени издания основного приказа о единоначалии прошел уже год. За это время накопилось достаточно материала, позволяющего сейчас дать оценку проведенной нами реформы с точки зрения данных опыта. Эти данные решительно и определенно свидетельствуют о правильности

[1] См.: *Фрунзе М. В.* Собр. соч. М.— Л., 1926, т. II, с. 142.

принятого нами решения. Система единоначалия оправдывает себя безусловно... переход к единоначалию привел к большому подъему инициативы нашего комсостава как партийного, так и беспартийного, особенно последнего, усилил в нем чувство ответственности, втянув его в большой круг не только чисто специальных военно-технических вопросов, но и живых вопросов военно-политической и культурной работы. Система единоначалия закрепляет еще больше единство и спайку рядов Красной Армии...»[1]

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 239—242.

С. С. КАМЕНЕВ

САМОРОДОК

Даже поверхностный обзор работы Михаила Васильевича в области военного дела говорит с несомненностью о том, что он был большой талант и большой организатор.

Когда он приехал на Восточный фронт и стал перед необходимостью приступить к работе, тогда сразу же во всем ходе работы, каждом шаге ее проявлялась совершенно новая личность, которой раньше не чувствовалось. Ведь мы район Самары, район Саратова, вообще район Восточного фронта и его южного участка достаточно использовали, потому что Восточному фронту уж не так много помогал центр, как следовало. И если Восточный фронт создался как регулярный фронт, то это произошло за счет местных сил и средств. Так что использование местных средств, казалось, уже в то время было доведено до большой степени напряжения. Однако, когда появляется здесь Михаил Васильевич, закипает новая работа. Он находит новые силы и средства, и они оказываются такой величины, что позволяют образовать новые части и нанести тот удар, который приводит к победе.

Он приехал с целым рядом работников из Иваново-Вознесенска, Ярославля и даже с полком красных текстильщиков. И, приехав, сразу же использует все рабочие силы в той же самой Самаре, Саратове, Вольске, распространяет свое влияние до Пензы, которая начинает тоже формировать два рабочих полка. Словом, вокруг него начинают смыкаться все те силы, из которых в конце концов можно было построить достаточно мощный кулак для удара. Мы обладали в то

[1] *Фрунзе М. В.* Собр. соч. М.— Л., 1927, т. III, с. 357.

время очень небольшими боевыми ресурсами, и сбор боевого имущества был вопросом огромной важности, и он здесь тоже обнаруживает чрезвычайное умение отыскать, найти, наладить подвоз, наладить снабжение.

Мы были связаны сроком. Когда Колчак пошел на Волгу, я спрашивал каждого командующего о том, как дело с распутицей, держит ли она врага или не держит, так как мы рассчитывали, что, может быть, она задержит его материальную часть — артиллерию. Но распутица в тех местах измеряется четырьмя-пятью неделями, не больше, так что нужно было все меры подготовить и сбор сил провести за тот срок, который давала нам распутица.

Затем было хорошо известно, что корпус Каппеля уже подготовлялся и что он должен был появиться на южном участке. Михаил Васильевич говорил, что этот срок вполне достаточный, чтобы провести те перегруппировки, которые необходимы, чтобы подготовить части для удара. Таким образом, он сразу ограничивает себя сроком, и на этом моменте... следует остановиться. Ставка главнокомандования предлагала иную комбинацию. Она предполагала выслать нам большое подкрепление, обещала дать на этот участок стотысячную армию и говорила: вы, дескать, должны перейти в наступление, а теперь сдерживайте противника. К этому обещанию мы отнеслись по-своему. Михаил Васильевич прямо указал, что, ожидая подкрепления, базироваться будем на местные средства, и я считал, что только местные средства позволят нам выйти из неприятности, тем более что все то, что имели в центре, направляли на Южный фронт.

Мы были связаны с временем распутья. У меня был разговор с Михаилом Васильевичем о том, начинать ли наступление до окончания распутья или ждать, когда оно прекратится. Мы остановились на том, что должны использовать период распутья и, не ожидая конца его, перейти в наступление.

Срок мы назначили. Но через некоторое время Михаил Васильевич стал говорить, что нужно этот удар ускорить на четыре дня. Сперва я не понял, почему Михаил Васильевич так на этом настаивает, тем более что на симбирском направлении не было готовых частей, которые могли бы поддержать удар. В разговоре с ним я выяснил, что он опасается, что противнику известен срок, когда мы переходим в наступление, что он желает его упредить примерно дня на четыре.

Началось сосредоточение удара. Тут опять-таки Михаил Васильевич свои таланты, свои знания выявил в полной

мере... Там были, как известно, четыре армии, каждая чрезвычайно самостийна, выделить что-нибудь для образования этого кулака было очень трудно. Каждый командир боялся за свой участок, приводил тысячи примеров тому, что нельзя вырвать ту дивизию или другую.

Почему-то было предположение, что группу мы собираем из отдельных частей, которые мало знакомы с фронтом. Михаил Васильевич осудил это выделение по полкам и решил выделить 25-ю и 31-ю дивизии.

Теперь относительно сосредоточения. Здесь Михаил Васильевич опять оказался выдающимся военным работником. Пункт сосредоточения в Бузулуке выбрал он. Мною был выбран пункт несколько севернее, а он остановился именно здесь, приводя целый ряд доводов, которые показали, что он учел абсолютно всю обстановку.

Почему он ударил на 6-й корпус? 6-й корпус оценивался вообще слабой величиной, по которой нужно и можно произвести удар. Корпус был составлен из кустанайских крестьян, неоднократно бунтовавших и только что усмиренных, но не совсем смирившихся.

Товарищ Фрунзе не решал задач на южном участке вне зависимости от общих задач Восточного фронта, и свой удар он не рассматривал, как отдельный, а связывал его с ударом, который должен был распространиться дальше на Екатеринбург и отрезать уже всем частям Колчака северное направление.

После того как был ликвидирован Восточный фронт, начались операции в Туркестане. Здесь был целый ряд операций, которые Михаил Васильевич провел без указаний центра, так как тогда все внимание было обращено на юг. Он показывает чрезвычайно значительный размах и дает точную оценку обстановки, которую было трудно сделать. И по-моему, эти операции заслуживают того, чтобы их изучать.

Затем интересен еще момент его личной храбрости. Она оценивается у нас с нескольких сторон. Товарищ Фрунзе обладал исключительным личным мужеством, но он никогда не рисковал так: риск ради риска.

Мы видим его первый раз под Уфой, когда он, рискуя собой, выходит в передовые линии. Здесь он был контужен. В общем ходе этой операции сложился такой узел, когда нужно разрешать серьезные задачи и когда может сорваться весь проделанный успех. Михаил Васильевич выезжает сам, выделяет четыре дивизии — 26, 25, 31-ю и 24-ю, берет их под свое руководство и сам ведет операцию для овладения Уфой. Уфа взята, и дело выиграно...

Я считаю, что Михаил Васильевич каждой операции обеспечивал успех, но не так, как мы учим в своих военных науках. Он обеспечивал успех суммой мероприятий. Не было такого времени, когда бы он не думал, что вот нужно что-то еще прибавить, что-то еще сделать. Эти мероприятия ...важны для военных командиров, которые считают, что нужно ничего не забывать для того, чтобы выиграть операцию.

Теперь вопрос о том, насколько он удачно ценил противника, насколько он угадывал, что противник может сделать. Можно сказать, что здесь Михаил Васильевич обладает известным чутьем и что чутье это не обманывает его. Например, относительно 6-го корпуса, корпуса Каппеля с расчетом, что надо его бить не тогда, когда он придет, а когда он будет еще на подходе. К этому моменту предугадывания намерений противника нужно отнести и место сосредоточения 2-й Конной армии на никопольском направлении.

Михаил Васильевич все время говорил, что Врангель ударит на Никополь со стороны Александровска, чтобы выйти в тыл Каховке. Эта операция фактически была для нас чуть ли не катастрофической, а местонахождение 2-й Конной армии привело к тому, что Врангель был разбит... И сразу же Михаил Васильевич начинает спешить после Никополя дать знать, что он опасается, как бы сейчас потерпевший поражение Врангель не ушел и не закрылся бы в Крыму.

Наконец, я не могу обойти молчанием работу Михаила Васильевича в Бухаре. Это совершенно своеобразная работа, с которой старым военным не приходилось иметь дела и новым товарищам тоже, вероятно, не приходилось. Нельзя все называть своими именами, а поэтому нужно только догадываться, что была проведена работа взрыва, одновременного взрыва изнутри и извне, которая всецело лежала на плечах Михаила Васильевича и которая привела к очень успешной операции. И мы видим опять в этой операции Михаила Васильевича впереди, он сам решает и опять-таки с известным риском для своей жизни.

Таким образом я считаю, что Михаил Васильевич, несомненно, большой человек в военном деле: обладая стратегическим размахом, он разбирался в обстановке очень свободно, а учитывая, что он был политиком государственного размаха, мы видим в нем большого военного вождя в нашем современном понимании, с несомненной личной храбростью, использовавшего эту личную храбрость, когда это вызывается обстановкой, для решения ответственных задач. Все это с несомненным огромным организационным дарованием, с огромным влиянием как на массу, так и на отдельные личности.

Есть еще одна черта Фрунзе, о которой нужно не забыть. Михаил Васильевич умел как-то незаметно проводить свои желания в жизнь, претворять свою волю в действительность. Мы не найдем ни одного документа, где он сам бы написал, что «я» проведу эту линию. Как он это делал? Постоянными вызовами, разговорами он направлял работу по известному руслу.

Все вопросы, связанные с Михаилом Васильевичем, его работой, для нашего военного дела крайне нужны и интересны. Этими вопросами нужно заинтересоваться для того, чтобы действительно всесторонне осветить и обрисовать личность Михаила Васильевича как военного человека, особенно считая, что он был самородок военного дела, наметивший новые пути работы в военном деле.

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 230—235.

И. М. ГРОНСКИЙ

ВСТРЕЧИ С М. В. ФРУНЗЕ

Их было немного. В памяти у меня осталось всего лишь три. Сохранились они видимо потому, что проходили в дни тяжелейшей борьбы за существование, позже за социально-экономическое развитие победившей в Октябре первой в мире социалистической революции, утвердившей государство диктатуры пролетариата.

Первая встреча состоялась в конце августа или в самом начале сентября 1918 года в Иваново-Вознесенске, где в то время находился штаб Ярославского военного округа, комиссаром которого незадолго до того был назначен Михаил Васильевич Фрунзе.

Положение в губерниях и уездах округа было исключительно тяжелым. В июле 1918 года вспыхнули два опаснейших контрреволюционных мятежа — правоэсеровский в Ярославле, левоэсеровский в Москве. Имели место и более мелкие, но тоже достаточно опасные мятежи, такие, например, как в Рыбинске, Коврове, Муроме и Любиме.

К этому времени не был еще окончательно ликвидирован и мятеж чехословацкого корпуса, а на помощь чехословацким мятежникам, генеральско-буржуазно-помещичьей и эсеро-меньшевистской контрреволюции уже спешили вооруженные силы империалистических государств. Советская Россия оказалась окруженной со всех сторон соединенными вооруженными силами внутренней и мировой реакции.

Для отпора контрреволюции нужна была массовая регулярная армия. У нас ее не было. Несмотря на беспримерный героизм отрядов Красной гвардии и малочисленных частей Красной Армии, сформированной по принципу добровольчества, отстоять этими силами завоевания Октября Советская власть, естественно, не могла.

Учитывая нависшую над страной угрозу, V Всероссийский съезд Советов 10 июля 1918 года принял историческое постановление, которым служба в Красной Армии была объявлена обязательной для всех трудящихся в возрасте от 18 до 40 лет.

Проведение в жизнь этого постановления требовало тщательной технической и особенно политической подготовки. Вся тяжесть организации первого за советское время обязательного призыва на военную службу трудящихся города и деревни, естественно, легла на плечи только что созданных волостных, уездных и губернских военных комиссариатов.

В то время я работал заместителем председателя Любимского уездного исполкома Ярославской губернии. Одновременно, по совместительству, руководил красногвардейскими отрядами и занимался как военный руководитель уездного военкомата формированием первых в наших местах подразделений Красной Армии.

Перед большевиками уезда ежедневно вставало множество очень важных и сложных вопросов. Их надо было решать. Решать самим, так как связь с центрами, даже губернскими, с которыми можно было бы посоветоваться, была все еще налажена плохо. А получить нужный совет или инструкцию подчас было крайне необходимо.

Дело с призывом усложнялось тем еще, что одновременно принудительно привлекались в Красную Армию старые военные специалисты, то есть генералы и офицеры бывшей царской армии.

Посоветовавшись с товарищами, я отправился за инструкциями в Иваново-Вознесенск к комиссару Ярославского военного округа М. В. Фрунзе.

До этого с Михаилом Васильевичем я никогда не встречался и знал его только по рассказам общавшихся с ним людей. Рассказам, как всегда, разным и в какой-то мере противоречивым. Одни рисовали его чуть ли не сказочным богатырем, закаленным революционером, даже сухим в отношениях с незнакомыми ему людьми. Другие, наоборот, говорили о нем как о внимательном и очень чутком человеке, особенно в общении с простым народом, рабочими и крестьянами. Действительность лишь отчасти подтвердила

слышанные мною рассказы: Михаил Васильевич оказался куда сложнее создавшегося у меня представления о нем.

Входя в кабинет комиссара военного округа, я думал, что моя беседа с ним займет не более 10—15 минут и ограничится исключительно военными вопросами. Но я ошибся. Вставший мне навстречу Михаил Васильевич, тепло поздоровавшись, усадил меня на стул и сразу же засыпал вопросами. Его интересовало все, начиная от состава и характеристики волостных и уездных партийных и советских учреждений и кончая состоянием и политическими настроениями разных слоев крестьянства. В беседе, конечно, были затронуты и вопросы строительства вооруженных сил революции, а также положение на многочисленных фронтах разгоравшейся гражданской войны.

— Учтите,— говорил М. В. Фрунзе,— враг силен. Очень силен! Против нас не только буржуазия и помещики, почти весь генералитет и значительная часть офицерства царской армии, но все кулачество и часть зажиточного крестьянства плюс буржуазная интеллигенция и все так называемые «социалистические» партии, включая анархистов и левых эсеров. Правда, с нами весь рабочий класс, деревенская беднота, значительная часть среднего крестьянства и какая-то часть интеллигенции и офицерства, пока — небольшая. Но это — пока. Развитие классовой борьбы покажет прежде всего среднему крестьянству, что победа контрреволюции не только лишит его земли, полученной в результате Октябрьской революции, но и наденет на него ярмо помещичьей власти. В России беднейшее и среднее крестьянство составляет подавляющее большинство населения. Это огромная сила и одновременно резерв революции. Придут к нам и верхние слои интеллигенции и офицерства, конечно, не все и не сразу. Но придут.

Контрреволюция,— продолжал Михаил Васильевич,— включая все группировки мелкобуржуазных партий, торгуют интересами России, распродают ее оптом и в розницу империалистическим державам. Многие из них сейчас этого не понимают, ослепленные пустозвонством своих лидеров. Но придет время, и оно, думаю, не за горами, и люди поймут, что в России реально существует лишь одна-единственная сила, способная отстоять целостность и независимость страны. Это — Советская власть и партия большевиков.

Беседа с Михаилом Васильевичем Фрунзе заняла больше времени, чем я думал, и была — по крайней мере для меня — чрезвычайно ценной. Она лишний раз показала характер, содержание и все стороны титанической борьбы рождающе-

гося нового общественного строя — государства диктатуры пролетариата — с обрушившимися на него силами всего капиталистического мира.

* * *

Вторая беседа состоялась значительно позже — в феврале 1919 года в Самаре, в штабе 4-й армии Восточного фронта.

Мне, инструктору политотдела и Реввоенсовета Восточного фронта, было поручено ознакомиться с политическим состоянием частей Красной Армии, с работой прифронтовых партийных и советских учреждений и железнодорожного транспорта.

После ознакомления с положением на фронте и в ближайшем тылу я побывал и в 4-й армии. Начальника политотдела армии моя информация, видимо, заинтересовала и даже встревожила. Прервав беседу, он ненадолго вышел и, вернувшись, предложил обо всех моих наблюдениях и проведенных мероприятиях рассказать командарму М. В. Фрунзе.

Михаил Васильевич встретил меня как старого знакомого. Напомнил нашу беседу в Иваново-Вознесенске, заметил, что положение Советской республики оказалось значительно хуже, труднее и опаснее, чем мы думали всего лишь полгода назад. Об этом, в частности, говорит и то,— заметил Фрунзе,— что оба мы оказались на фронте, в самом пекле острейшей классовой борьбы, теперь уже вооруженной.

— Рассказывайте, что вы видели и что предприняли для наведения порядка в тылу и в частях армии. Положение тяжелое. Это я знаю. Но один глаз, как говорится, хорошо, а два еще лучше. Тем более, что на фронте вы человек новый. Из Арзамаса, из штаба фронта, видно далеко не все, а здесь положение другое, все выглядит по-другому, со всеми частностями и мелочами. Издали эти мелочи не видны, а здесь порой они-то именно и решают дело. Поэтому говорите обо всем без утайки и главное — о замеченных вами недостатках, отрицательных явлениях, об антисоветских выступлениях, особенно в тылу, и, конечно, партизанщине, которая, к сожалению, все еще не преодолена.

Беседа продолжалась долго. Каждое мое сообщение вызывало дополнительные вопросы командарма, стремившегося, как мне показалось, возможно глубже, во всех деталях, уяснить себе обстановку на местах, в тылу и на фронте, которую, не сомневаюсь, он и до моей информации знал достаточно хорошо.

Рассказывая о тыловых учреждениях, я особо остановился на положении в городе Алатыре и Алатырском уезде Симбирской губернии.

Приехав в этот город, я сразу же отправился в уездный комитет партии. От работников укома я узнал, что завтра открывается уездный съезд Советов, что из 400 делегатов съезда насчитывается всего лишь 8 коммунистов. Более того, среди делегатов порядочно кулаков и эсеров, выступающих под флагом беспартийных. Товарищи спрашивали: как быть? Откладывать съезд неудобно. Открывать — опасно! Эсеры и кулаки могут захватить руководство.

Решили пойти на риск: открыть съезд в назначенный день и час, а в оставшееся время до открытия съезда силами городской партийной организации провести беседы с делегатами съезда, выявить сочувствующих большевикам бедных и средних крестьян и постараться объединить их в сколько-нибудь сплоченную группу.

В своем выступлении от Красной Армии при открытии съезда я привел множество неопровержимых фактов зверского обращения белогвардейцев с крестьянами, в том числе и зажиточными, во временно захваченных ими районах приволжских губерний. О многих таких фактах крестьяне Алатырского уезда, в том числе и делегаты уездного съезда Советов, знали от своих родственников и знакомых.

После содержательного, спокойного, делового доклада председателя уездного исполкома сразу же выступили представители кулацко-эсеровской части съезда. Их демагогические нападки на политику Советской власти показали делегатам съезда, куда гнули эти защитники «чистой демократии». Мы, разумеется, ждали подобных выступлений и были готовы дать им надлежащий отпор. Но неожиданно для нас кулацко-эсеровские выступления получили самый сокрушительный отпор от выступавших беспартийных крестьян. Подавляющее большинство съезда пошло за нами. Уездный исполнительный комитет был сформирован из большевиков и беспартийных крестьян, твердых сторонников Советской власти.

Алатырский съезд Советов показал, что политическая работа укома РКП(б) среди крестьян уезда велась неудовлетворительно, более того — плохо. В результате в ряде мест в волостные Советы проникли эсеры и даже кулаки, то есть явные союзники белогвардейщины.

— Положение в Алатырском уезде, по-видимому, не исключение,— заметил М. В. Фрунзе.— На работу среди крестьянства следует обратить сугубое внимание, и не когда-нибудь, а немедленно, не теряя времени.

Второй вопрос, заинтересовавший командарма, это — положение на железных дорогах.

Рассказ о моих наблюдениях он не раз перебивал вопросами. Особенно его встревожил мой рассказ о возмутительном инциденте на одной из прифронтовых станций.

Воинский эшелон, в котором я пробирался на фронт, почему-то долго не отправляли. Выйдя из вагона, я обратил внимание на то, что все запасные пути станции были заняты поездами. Никакого движения не было. Пытаясь выяснить причину столь необычного явления, я отправился к начальнику станции.

И вот что я увидел.

В комнате начальника станции, заполненной матросами и командирами пехотных частей, стоял невообразимый шум. Здоровенный детина, матрос, опоясанный пулеметными лентами, угрожал маузером начальнику станции и требовал от него дать отдельный поезд для немедленной отправки на фронт его боевого отряда. Перепуганный начальник станции тщетно пытался доказать угрожавшему ему верзиле, что у него нет не только поезда, но даже ни одного свободного паровоза и вагона.

Мои попытки убедить разбушевавшегося вояку ни к чему не привели. Разговаривать с ним было бесполезно. Это я понимал. И все же сделал еще одну попытку навести порядок. Обращаясь к этому матросу, я спокойно спросил: товарищ, вы большевик?

— Плевал я на большевиков! — выпалил он.— Я командир боевого отряда анархистов.

— И сколько же в вашем отряде бойцов?

— А зачем это тебе? Если хочешь знать, нас сто человек.

— И вы для ста человек требуете целый состав! Понимаете ли вы, что своим дебоширством вы нарушаете работу транспорта, задерживаете движение воинских эшелонов на фронт, помогаете не Красной Армии, а ее врагам — белогвардейцам.

Это мое замечание привело анархиста в бешенство. Размахивая маузером, он кинулся на меня. К счастью, его схватили и обезоружили находившиеся в комнате командиры Красной Армии.

Улучив минуту, я приказал одному из краскомов привести роту вооруженных красноармейцев и разоружить всю анархистскую банду.

— Не надо! — взмолился вожак анархистов.— Мы поедем на фронт вместе с пехотой.

— Помогать белогвардейцам? — громко проговорил только что вошедший в комнату начальник одного из эшелонов.—

Никуда вы не поедете. Вокзал окружен. Все входы и выходы закрыты.

— Что прикажете делать? — обращаясь ко мне, спросил краском.

— Обезоруживайте всю банду. Это не революционные бойцы, а пособники белогвардейцев, в случае сопротивления применяйте оружие.

После такого резкого поворота событий бушевавший до того анархист как-то сразу сник. Пропала и его спесь. Он беспомощно о чем-то просил. И только тут я заметил, что он пьян. Чтобы избежать кровопролития, я предложил вожаку анархистов приказать своему отряду сдать все имеющееся оружие.

Ликвидировать этот своеобразный бунт оказалось не просто. Возни было много. Но отряд анархистов был полностью разоружен. В нем оказалось всего-навсего 48 человек. Отобранное оружие — винтовки, наганы, маузеры и даже гранаты — взяли командиры скопившихся на станции воинских эшелонов, а обезоруженных анархистов было решено распределить по взводам под ответственность командиров взводов и рот, предупредив, что в случае нарушения революционной воинской дисциплины они будут строго наказаны.

Об этом сравнительно небольшом событии можно было бы и не вспоминать, но таких выступлений в 1918 и в начале 1919 года было немало и, как правило, их организаторами были правые или левые эсеры и анархисты. Иногда в эти отряды проникали и прямые разведчики белогвардейских армий и даже завербованные интервентами агенты разведывательных служб империалистических государств. Михаил Васильевич Фрунзе, конечно, учитывал все разнообразие разветвленной разведывательной подрывной деятельности контрреволюции. Поэтому он так настойчиво и расспрашивал меня обо всем, что я видел, с чем сталкивался на фронте и в ближайшем тылу. Особый интерес он проявлял к людям — командирам и политработникам Красной Армии, работникам партийных и советских организаций ближайшего тыла. Мои положительные отзывы о каком-либо работнике он тут же брал на заметку и просил рассказать о нем более подробно.

Беседа с командармом продолжалась долго. Он не только расспрашивал меня, но и объяснял значение того или иного события или явления, сообщенного мною, порой, казалось бы, незначительного.

В этой беседе я увидел М. В. Фрунзе с новой стороны, как выдающегося военно-политического деятеля, прозорливого руководителя ленинского типа.

Публикуется впервые.

Д. А. ФУРМАНОВ

ФРУНЗЕ

Как собирался отряд

Иваново-Вознесенск. Конец 1918 года. Заседает бюро губкома — обсуждают вопрос о необходимости создать спешно рабочий отряд, пустить его на колчаковский фронт. Говорит Фрунзе:

— Положение совершенно исключительное. Так трудно на фронте еще не было никогда. Надо в спешнейшем порядке сделать армии впрыскивание живой рабочей силы, надо поднять дух, укрепить ее рабочими отрядами, мобилизовать партийных ребят — ЦК проводит партийную мобилизацию.

А нам, ивановвознесенцам, колчаковский фронт важен вдвойне — там пробьем дорогу в Туркестан, к хлопку, пустим снова наши стынущие в безработице корпуса...

Я помню, все мы, верно до последнего человека, заявили о готовности своей идти на фронт. Но нельзя же отпустить целый губком — стали делать отбор.

И какое было жадное соревнование: наперебой каждый рвался, чтоб отпустили именно его, высказывал доводы, соображения. В личной беседе, еще раньше, Фрунзе говорил мне, что берет с собой; он уже назначался командовать 4-й армией. И каков же был удар, когда я узнал, что вместо меня едет Валерьян Наумов. Я устроил сцену и Валерьяну и Фрунзе.

— Ну, как-нибудь там устройте... может, и отпустят...— посоветовал Михаил Васильевич.

Переборол. Согласились.

Мы горячо взялись за отряд — рабочие шли охотно, в короткий срок набралось как надо. Приодели из последнего, добыли с трудом оружие,— кажется, сносились с Москвой, свезли оттуда.

Натащили литературу, в Гарелинских казармах, где стояла часть отряда, вечерами занимались культработой, готовились к фронтовой борьбе — понимали, что придется действовать не только штыком, но и дельным, нужным словом. Особенно помнится мне в эти дни близкий друг Фрунзе — Павел Степанович Батурин. Он в те дни заведовал губернским отделом народного хозяйства. Но при организации отряда он все время возился с оружием, отовсюду собирал его, раздавал отряду.

Отряд был готов. Погрузились. Проводили нас тысячные толпы рабочих, наказывали не посрамить красную губернию

ткачей, клялись не забывать наши семьи, помогать им в трудные дни.

Мы приехали в Самару, там ждал приказ Фрунзе — направляться немедленно в Уральск.

Так началась боевая история славного Иваново-Вознесенского полка — он бился с Колчаком, потом ходил на Польский фронт — в рядах героической Чапаевской дивизии.

И в самые тяжкие минуты помнили бойцы своего командира Фрунзе, воодушевлялись одной мыслью, что он где-то около них, что он руководит борьбою.

Последний вечер

В конце восемнадцатого года, когда решен был вопрос об отправке на фронт из Иваново-Вознесенска рабочего отряда, мы, группа партийных тамошних работников, собрались перед разлукой: многие из нас уезжали вместе с отрядом.

Собрались запросто посидеть, потолковать, обсудить обстановку, создавшуюся в губернии в связи с отъездом такой массы ответственных партийцев. Были тут Любимов, Андреев, Игнатий Волков, Калашников, Шорохов Дмитрий Иванович, Валерьян Наумов — всего что-то человек двадцать — двадцать пять. Мы понимали, что собираемся, может быть, последний раз, что больше в таком составе не собраться уже никогда — открывалась перед нами новая полоса жизни. Вот мы рассыплемся по фронту, вот перекинемся на окраины, зацепимся на боевых, командных, на комиссарских постах, может быть, застрянем где и по гражданской работе в прифронтовой полосе...

С нами был и Фрунзе — он вскоре принимал командование армией, уезжал в Самару. Сколько там выхлестнуто было пламенных речей, сколько пролито дружеских настроений, сколько раскатилось гневных клятв, обещаний на новые встречи, какая цвела там крепкая, здоровенная уверенность в счастливом исходе боевой страды!

Помню, Фрунзе говорил все про свое, про заветное:

— Ну что ж, тяжело — может быть и тяжелее... Нам бы вот теперь эту пробку откупорить, что под Оренбургом,— там прямая дорога к туркестанскому хлопку...

Эх, хлопок, хлопок, как бы ты разом на ноги встряхнул наши притушенные корпуса.

И когда мы потом очутились на фронте, казалось: самая острая мысль, самое светлое желание Фрунзе устремлены были именно к Туркестану.

Лишь только «откупорили оренбургскую пробку» — Фрунзе сам помчал в Ташкент, и с какой он гордостью, с какой радостью сообщал тогда всем о первых хлопковых эшелонах, тронутых на север: видно, в этот момент осуществлялась лучшая, желаннейшая его мечта.

Сидели и толковали мы тогда, в Иваново, про разное, говорили много и про голод рабочего района.

— Будем оттуда помогать,— сказал уверенно Фрунзе.— Как только малейшая возможность — глядишь, десяток-другой вагонов хлеба можно и послать!

И помню, уже с фронта, сколько раз отсылал он голодным ткачам хлебные составы, сколько положил он тут забот, сколько выдержал осад из Наркомпрода, сколько крови попортил на спорах, на уговорах, на всей этой сложнейшей возне с заготовками и самостоятельной переправой эшелонов к Иваново-Вознесенску: в те дни задача эта была исключительно трудна.

И вот о чем только ни говорили мы в тот памятный вечер — все сохранил Фрунзе в своей памяти, все осуществлял потом среди адской работы, несмотря ни на какую сложную обстановку...

Встреча в Уральске

Иваново-вознесенский рабочий отряд временно задержали в Самаре. Нас четверых: Игнатия Волкова, Андреева, Шарапова, меня — Фрунзе спешно вызвал в Уральск. Стояла глухая зима 1919 года. Красная линия фронта была под самым Уральском, что-то верстах в двадцати—тридцати. Мы ехали степями на перекладных и дивились на сытую жизнь степных богатых сел-деревень. После голодного Иваново-Вознесенска, где месяцами не давали хлеба ни единого фунта, где жили люди картофельной шелухой, а картошку ели взасос и на закуску, нам после этого сурового голода степная жизнь показалась сказочно привольной, удивительной и не похожей ничуть-ничуть на ту жизнь, которою жили мы вот уже полтора голодных года.

Было здесь и другое, что отличало степную жизнь от нашей северной: близкое дыхание фронта. Степь была как вооруженный лагерь: она полна была и людьми, и лошадьми, и скотом, и хлебом — мобилизована для фронта. Здесь и разговоры были особенные — все про полки, про казачьи сотни, про недавние бои, про смерть близких людей. Попадались то и дело раненые, приехавшие в семьи на поправку. Мы остро чувствовали, что едем в новую жизнь.

Приехали в Уральск. Уральск — просторный степной город, в нем сгрудилось в те дни огромное количество войск: отсюда уходили полки на позицию, сюда приходили со смены, здесь отдыхали, чинились, подкреплялись и уходили снова. По городу грохотала непрерывная пальба, не то учебная, не то случайная... Помнится, встретились с одним из ближайших помощников Фрунзе — Новицким Федором Федоровичем. Он с ужасом заявил:

— Черт знает чего палят. И поверите ли, за сутки больше двух миллионов патронов ухлопают... Не взять еще сразу нам в руки... ну, да осмотримся, остепеним...

И в самом деле — остепенили: пальбу и весь этот вольный разгул утишили скоро, особенно же когда влились сюда иваново-вознесенские ткачи.

Мы, как только приехали в Уральск, заторопились увидеть Фрунзе, а он — на позиции. Мы его увидели только ввечеру. И помним, рассказывал тот же Федор Федорович:

— Насилу его удержишь, Михаила Васильевича; все время выскакивает вперед... Мы уже спрятались за сарай, оттуда и наблюдали... а его все придерживали около себя... да и бой-то вышел неудачный... чуть в кашу не попали...

Мы входили в комнату Фрунзе. Он сидел, склонившись над столом, на столе раскинута карта, на карте всевозможные флажки, бумажки, пометки. Кругом в почтительных позах старые полковники — военные специалисты — обсуждали обстоятельства минувшего неудачного боя, раскидывали мысли на завтрашний день.

Фрунзе принял нас радостно, приветливо пожал руки, кивнул на диван, показал глазами, что надо обождать, когда окончится совещание. И потом, когда спецы ушли и мы остались одни, он подсел к нам на диван, обернулся из командующего старым милым товарищем, каким знали, помнили его по Иваново-Вознесенску, завел совсем иные разговоры — про родной город, про наши фабрики, расспрашивал, как живут рабочие, как мы ехали с отрядом, узнавал, какое настроение в степи, как мы сами тут устроились в Уральске. Рассказывал про сегодняшний неудачный бой, про новую, замышляемую нами операцию, прикидывал, кого из нас куда послать. Мы просидели, проговорили до глубокой ночи. Шли к себе в номер, беседовали:

— А под глазами-то кружки... осунулся.

— Пожелтел...

Мы не видели его всего-навсего два месяца, а перемена была уже так заметна. Дорого доставалась ему боевая работа.

Примиритель

Близкие друзья когда поспорят, так крепко: наотмашь, сплеча, не жалея самого дорогого — свою дружбу.

Как-то, злые и нервные до предела, ехали мы в степи с Чапаевым. Он слово — я слово, он два — я четыре. Распалились до того, что похватались за наганы. Но вдруг поняли, что стреляться рано,— одумались, смолкли. И ни слова не говорили весь путь, до штаба кутяковской бригады. Отношения переменились как-то вдруг, и мы ничего не могли поделать с собой. Экспансивный и решительный, мало думая над тем, что делает, Чапаев написал рапорт об отставке. Дал телеграмму Фрунзе, что выезжает к нему для доклада. А я знал, о чем будет этот доклад,— Чапаев вгорячах может наделать всяких бед. И я послал Фрунзе поперечную телеграмму: не разрешайте, мол, Чапаеву выезжать на доклад, скоро приедем вместе, тогда выясним дело.

Фрунзе Чапаеву воспретил приезд. Прошли дни горячих боев — мы собрались, поехали в Самару.

Звоним из штаба на квартиру:

— Михаил Васильевич дома?

У телефона жена Фрунзе, Софья Алексеевна:

— Дома. Лежит больной, но вас примет. Только, пожалуйста, недолго, не утомляйте его...

Приехали. Входим. Михаил Васильевич бледный, замученный лежал в полумраке, улыбнулся нам приветно, усадил около, стал расспрашивать.

Говорит о положенье на фронте, о величайших задачах, которые поставлены нашим восточным армиям, справляется о наших силах, о возможностях, рассказывает про Москву, про голод северных районов, про необходимость удесятерить наш нажим, столкнуть Колчака от Волги. Говорит-говорит, а про наше дело, про ссору нашу ни слова — будто ее и не было вовсе. Мы оба пытаемся сами заговорить, наталкиваем его на мысль, но ничего не выходит — он то и дело уводит беседу к другим вопросам, переводит разговор на свой, какой-то особенный, нам мало понятный путь. И когда рассказал, что хотел, выговорился до дна, кинул нам, улыбаясь:

— А вы еще тут скандалить собрались? Да разве время, ну-ка подумайте... Да вы же оба нужны на своих постах — ну, так ли?

И нам стало неловко за пустую ссору, которую в запальчивости подняли в такое горячее время. Когда прощались, мы чувствовали оба себя словно прибитые дети, а он еще шутил — напутствовал:

— Ладно, ладно... Сживетесь... вояки!

Мы с Чапаевым уходили опять друзьями — мудрая речь дорогого товарища утишила наш мятежный дух.

Десять минут

...Как-то в 1919 году, в апреле — мае, полки кутяковской бригады расколотили колчаковскую часть. Уж не помню, насколько значительна и важна была эта победа, не помню, были ли какие трофеи, выигрывалось ли особо серьезно положение. Но после удручающих весенних неудач и этот выигранный бой был на виду. Штаб бригады стоял в какой-то татарской деревушке. Маленькая закуренная комнатка, аппараты на столе, склоненные чирикающие телеграфисты. Кутяков сидит в углу, шепчется с начштабригом. То и дело взвизгивает дверь в избу — командиры ли, вестовые входят, иной раз в латаной шапке, в ватном балахоне прорвется житель-татарин с жалобой за теленка, за хлеб, за утащенные неведомо кем и когда лопату, бадью, оглоблю.

В штабе шум и гул... И вдруг тихо:

— Фрунзе приехал...

— Как Фрунзе, где?

— Сюда не смог — машина стала в грязи... Подходит пешком... С ним какой-то усатый... Ну уж, конечно, усатый этот — верный его боевой соратник Федор Федорович Новицкий.

И в штабе вмиг все подтянулось, встало и село на свои места — словно и комната стала просторней, и аппарат заработал отчетливее, и взгляды у всех посвежели, забодрились, засветились.

Короткой и крепкой походкою, как всегда, чеканно отстукивая каблуками, Фрунзе вошел в штаб. Ему хотели рассказать про удачу, а он уже все знал; ему хотели рассказать про общее положенье, настроенье татар-сельчан, про трудности с перевозкой артиллерии по этакой глинистой вязкой дороге, про медленный подвоз патронов, про нехватку, а сам он, прежде чем ему скажут, подсказывает то же самое: видно, сводки и отчеты не исчезали из его памяти, а зацеплялись там какими-то крючочками и цепко держались до нужной минуты. Он пробыл недолго. Тут же, за этим штабным столом, наметил благодарственный приказ и передал его Кутякову:

— Распространить... Прочесть... Молодцы, ребята!

Он пробыл всего, может быть, десяток минут — заглянул только по пути, торопился в другое место.

И после этого короткого визита отчего-то стало всем так легко, словно набрали полной грудью свежего воздуха и дышат — не могут надышаться.

Простые, нужные слова, этот освежающий, бодрящий приказ, эта весть по полкам, что Фрунзе тут, около, и сказал спасибо ребятам за удачу — все это освежающей волной прокатилось по полкам, и полки помолодели, повеселели. Кажется, и крошечный фактик, а, видимо, важен, нужен был он в те дни и часы. Только весть о приезде и только дружеское слово любимого командира, а сколько от этого жизни, сколько заново уверенности в себе, какой подъем!

Фрунзе под Уфой

В весенние месяцы девятнадцатого года черной тучей навис над Волгой Колчак. Мы сдали Уфу, Белебей, Бугуруслан — в панике красные части россыпью катились на волжские берега. У Бузулука, под Самарой, у Кинеля взад и вперед метались эшелоны, мялись на месте разбитые, упавшие духом полки.

Казалось, ничто уж не может теперь вселить дух живой этим войскам, потерявшим веру в себя.

Передовые разъезды Колчака рыскали в сорока верстах от Бузулука, выщупывали Поволжье, шарили наши части. Близились дни драматической развязки.

Накругло сутки в кабинете Фрунзе, в оперативном отделе в штабе наших войск кипела страстная работа. Быстро снимались и сгонялись в глубокий тыл те красные полки, у которых наглухо схлопнулись боевые крылья; туда, где теплилась чуточная надежда, вливали здоровые, свежие роты, ставили новых, крепких командиров, вели из тыла в строй отряды большевиков, целительным бальзамом оздоровляли недужный организм армии; с других участков, с других фронтов перекидывали ядреные, испытанные части, в лоб Колчаку поставили стальную дивизию чапаевских полков. Посылали на фронт артиллерийские резервы, гнали ящики патронов, винтовки, пулеметы, динамит, гнали продовольствие хозяйственным частям: тыл в эти дни служил фронту, как никогда. «Все для фронта» — и железной рукой проводили в жизнь этот мужественный и страшный лозунг.

У Фрунзе в кабинете совещание. Фрунзе в штабе диктует приказы, Фрунзе в бессонные ночи склоняется над прямыми проводами, Фрунзе тонкой палочкой водит по огромным полотнищам раскинутых карт, бродит в цветниках узорных флажков, остроглазых булавочек, плавает по тонким нитям

рек, перекидывается по горному горошку, идет шоссейными путями, тонкой палочкой скачет по селам-деревням, задержится на мгновенье над черным пятном большого города и снова стучит-стучит-стучит по широкому простору красочной, причудливой, многоцветной карты.

Около — Куйбышев, чуть крепит бессонные темные глаза, встряхивает лохматую шевелюру; они советуются с Фрунзе на лету, они в минуты принимают исторические решенья, гонят по фронту, по тылу, в Москву — гонят тучи запросов, приказов, советов. И вместе с ними — неразлучные, верные, лучшие, которых только выбрал и знал и любил Фрунзе, — Федор Федорович Новицкий, Каратыгин. Они в те дни провели работу, которую еще не узнала и не оценила история: это они ночи насквозь корпели над мучительно-вздорными сводками фронта, вылавливали оттуда крупицы правды, отметали паническую или восторженную ложь, из этих крупиц составляли какую-то свою, особенную и мудрую правду; это они давали сырье Фрунзе, Куйбышеву, Баранову, Элиаве, чтоб из этого многоценного сырья крепкие головы отжимали самое нужное, из отжатого строили свои планы, из планов свивали грозную сеть, в которую должен был попасть Колчак. Кипел неугомонной, пламенной работой штаб.

Все понимали, какой момент, какая ответственность: здесь не здоровье, не отдых, не жизнь человеческая были дороги — здесь ставилась на карту сама Советская Россия. Бешеным потоком хлестала здесь через края творческая энергия этих удивительных людей: Фрунзе умел подбирать своих помощников. С Фрунзе не задремлешь — он разбередит твое нутро, мобилизует каждую крупинку твоей мысли, воли, энергии, вскинет бодро на ноги, заставит сердце твое биться и мысль твою страдать так, как бьется сердце и мучается мысль у него самого. Кто с Фрунзе работал, тот помнит и знает, с какой мукой и с какой неистовой радостью он всего себя, целиком, до последнего отдавал — и мысль, и чувство, и энергию — в такие решающие дни.

Крепко сжат был для удара по Колчаку чугунный кулак Красной Армии.

Фронт почувствовал дыханье свежей силы. Вздрогнул фронт в надежде, в неожиданной радости. Вдруг и неведомо как перестроились смятенные мысли — полки остановились, замерли в трепетном ожидании перемен.

И вот наступили последние дни: Фрунзе повел полки в наступленье.

Как, неужели вперед? Неужели конец позорному бегству, неужто Красная Армия устремилась к новым победам?!

В необузданном восторге, круто обернувшись лицом к врагу,— вдохновенные, строгие, выросшие на целую голову и не узнавшие себя,— бурной лавиной тронулись вперед наши войска.

Вот сошлись с передовыми отрядами врага — легко и уверенно отбросили их назад. Крепла вера в себя. Вот снова ударилась с грудью грудь — и снова отшибли вспять. Выросла вера в огромную силу. Вот первые трофеи, первые партии пленных, вот вести, что к нам перешел неприятельский полк, что дрогнул враг по всему фронту.

Вот они, первые вестники побед. О, какой радостью прокатились по красным полкам эти громовые раскаты первых победных дней! Все настойчивее, стремительнее мчит вперед неудержимая красная лава. Уже за нами Бугуруслан, за нами Белебей, Чишма — мы выходим на берег бурной Белой, перед нами высоко по горе раскинулась красавица Уфа. Вот он, ключ к сибирским просторам, вот он город, который открывает широкую дорогу новым победам.

— Уфа должна быть во что бы то ни стало взята!

Колчак ушел за реку, он на нашем пути взорвал переправы, сжег запасы хлебов, фуража, изуродовал селенья — красные полки неслись пепелищами, голой ровенью уфимских просторов. Враг ощетинился на высоком уфимском берегу жерлами английских батарей, офицерскими полками, стальной изгородью крепких, надежных войск.

Фрунзе дал клятву взять Уфу, Колчак дал клятву въехать в Москву: две клятвы скрестились на уфимской горе. Уфу стремительно надо вырвать из цепких лап врага. Но как перейти эту бурную Белую, когда нет ни барж, ни плотов, ни пароходов? Что эти лодочки, что эти бревнышки, стащенные нами к берегам против уфимского моста? Нет, главным ударом надо бить не здесь!

Где-то у Красного Яра, верстах в двадцати повыше Уфы, наша кавалерия остановила в пути два пароходишка, груженных офицерами: пароходы взяли, офицеров утопили в Белой. Эти пароходишки и должны были сыграть невиданную роль. Живо построили плоты, стянули к Яру дивизии: первой пойдет Чапаевская, первым полком из Чапаевской пойдет на тот берег Иваново-Вознесенский.

Вечером в Красном Яру совещание всех командиров-комиссаров из стянутых к берегу частей. На совещании Фрунзе. Он тщательно взвешивает каждую мелочь, высчитывает, сколько часов в короткой июньской ночи, когда упадет в вечернем сумраке и снова займется заря, сколько можно бойцов вбить битком на пароходы и плоты, во сколько минут

5 Заказ № 6970

перебросят они на тот берег один, другой, третий полк. Взвешено все, узнана каждая мелочь — как на ладони весь план, как на ладони наши силы, наши возможности, выверены тонко и точно силы врага, предусмотрены жуткие случайности.

— Ну, ребята, разговорам конец, час пришел решительному делу!

И ночью, в напряженной, сердитой тишине, когда белесым оловом отливали рокотные волны Белой, погрузили первую роту иваново-вознесенских ткачей. По берегу в нервном молчанье шныряли смутные тени бойцов, толпились грудными черными массами у зыбких, скользких плотов, у вздыхающих мерно и задушенно пароходов, таяли и пропадали в мглистой мути реки и снова грудились к берегу и снова медленно, жутко исчезали во тьму.

Отошла полночь — тихой походью, в легких шорохах шел рассвет. Полк уж был на том берегу.

Полк перебрался, не слышим врагом,— торопливо бойцы полегли цепями: с первой дрожью сизого мутного рассвета они, нежданные, грохнут на вражьи окопы.

Здесь, по берегу, всю команду вел Чапаев,— командовать полками за рекой услал Чапаев любимого комбрига Ивана Кутякова. За ивановцами вслед должны были плыть пугачевцы, разинцы, Домашкинский полк.

Наши батареи, готовые в бой, стоят на берегу — они по чапаевской команде ухнут враз, вышвырнут врага из окопов и нашим заречным цепям расчистят путь. Время замедлило свой ход, каждый миг долог, как час. Расплетались последние кружева темных небес. Проступали спелые травы в изумрудной росе. По заре холодок. По заре тишина. Редеющий сумрак ночи ползет с реки.

И вдруг — команда! Охнули тяжело гигантские жерла, взвизгнула страшным визгом предзорьная тишина: над рекой и звеня, и свистя, и стоная шарахались в бешеном лете смертоносные чудища, рвалась в глубокой небесной тьме гневная шрапнель, сверканьем и огненным веером искр рассыпалась в жидкую тьму.

О-х... Ох-х... Ох-х — били орудия.

У... у... з... з... и... и... и... — взбешенным звериным табуном рыдали снаряды.

В ужасе кинулся неприятель прочь из окопов.

Тогда поднялся Ивановский полк и ровным ходом заколыхал вперед. Артиллерия перенесла огонь — била дальнюю линию, куда отступали колчаковские войска. Потом смолкла — орудия снимали к переправе, торопили на тот берег.

Переправляли Пугачевский полк — он берегом шел по реке, огибал крутой дугой неприятельский фланг. Ивановововознесенцы стремительно, без останову гнали перед собою вражью цепь и ворвались с налету в побережный поселок Новые Турбаслы. И здесь встали — безоглядно зарваться вглубь было опасно. Чапаев быстро стягивал полки на том берегу. Уж переправили и четыре громады броневика — запыхтели тяжко, зарычали, грузно поползли они вверх — гигантские стальные черепахи. Но в зыбких колеях, в рыхлом песке побережья сразу три кувыркнулись — лежали бессильные, вздернув вверх чугунные лапы. Отброшенный вверх неприятель пришел в себя, осмотрелся зорко, оправился, повернул к реке сомкнутые батальоны — и, сверкая штыками, дрожа пулеметами, пошел в наступление. Было семь утра.

В четырехчасовом бою ивановововознесенцы расстреляли запас патронов, новых не было, с берега свозили туго: пароходики грузили туши броневиков, артиллерию, перекидывали другие полки.

Иван Кутяков отдал приказ:

— Ни шагу назад. Помнить бойцам: надеяться не на что — сзади река, в резерве только... штык!

И когда неприятель упорно повел полки вперед, когда зарыдали Турбаслы от пулеметной дроби — не выдержали цепи, сдали, попятились назад. Скачут с фланга на фланг на взмыленных конях командир, комиссар, гневно и хрипло мечут команду:

— Ни шагу... Ни шагу назад! Принять атаку в штыки! Нет переправ через реку! Ложись до команды! Жди патронов!!

Видит враг растерянность в наших рядах — вот он мчится, близкий и страшный, цепями к цепям. Вот нахлынет, затопит в огне, сгубит в штыковой расправе.

В этот миг подскакали всадники, спрыгнули с коней, вбежали в цепь.

— Товарищи! Везут патроны... Вперед, товарищи, вперед! Ур-ра!!

И близкие узнали и кликнули дальним:

— Фрунзе в цепи! Фрунзе в цепи!

Словно током вдруг передернуло цепь. Сжаты до хруста в костях винтовки, вспыхнули восторгом бойцы, рванулись слепо, дико вперед, опрокинули, перевернули, погнали недоуменные, перепуганные колонны. Рядом с Фрунзе в атаке Тронин, начальник Поарма (политического отдела армии). И первая пуля сразу пробила смелому воину грудь: теперь

на том месте... горит на груди у него орден Красного Знамени.

Иван Кутяков Фрунзе вослед послал гонцов, наказал под дулом нагана:

— Следить все время. Быть около. Живого или мертвого, но вынести из боя, к переправе, на пароход!

Берегом уже гнали повозки патронов — их, ползком волоча в траве, разносили к цепям, как только полегли они за Турбаслами. И когда осмелели, окрепли наши роты — поскакал возвратно к пароходу Фрунзе. Вдруг грохнуло над головой, и он вместе с конем ударился оземь: коня — наповал, Фрунзе сотрясся в контузии. Живо ему на смену другого коня, с трудом посадили, долго не могли сговорить-совладать, чтоб сплавить к пароходу, — он, полубеспамятный, уверял, что надо остаться в строю...

Чапаев командовал на берегу: всю тонкую, сложную связь событий держал в руках. Скоро и он выбыл из строя — пуля пробила голову. Взял командование Иван Кутяков. Жарок шел до вечера бой. Ночью искрошили офицерские батальоны и лучший у врага каппелевский полк. Утром грозно вступали в Уфу [1].

Из двух клятв, что скрестились на уфимских холмах, сбылась одна: ворота к Сибири были распахнуты настежь.

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 83—96.

Ф. Ф. НОВИЦКИЙ

ОН ЦЕНИЛ ДЕЛОВИТОСТЬ

В августе 1918 года я, по должности военный руководитель Ярославского военного округа, вел в помещении окружного штаба в Иваново-Вознесенске заседание по вопросу о формированиях войсковых частей. Отворилась дверь, и в зал вошел военный комиссар округа в сопровождении человека небольшого роста, в кожаной куртке, шатена, с небольшой бородкой и с чрезвычайно приветливым лицом.

Обращаясь ко всем нам, комиссар округа сказал:

— Познакомьтесь, наш новый второй военный комиссар Михаил Васильевич Фрунзе.

Так состоялась моя первая встреча с этим изумительным человеком.

---

[1] Первые чапаевские полки вошли в Уфу в 20 часов 9 июня 1919 года.

М. В. Фрунзе подсел к нам, сразу вошел в курс дела и провел с нами заседание до конца. На следующий день он уже кипел в работе, принимая доклады и попутно знакомясь со своими ближайшими помощниками.

Фрунзе являлся не только руководителем всей военно-административной работы, но одновременно и главным военным начальником, то есть командующим войсками округа. Конечно, ни по своей предыдущей службе, ни по военному образованию он, казалось, не мог считаться достаточно подготовленным к такой роли. Но таков уж был этот человек, обладавший удивительной способностью быстро разбираться в самых сложных и новых для него вопросах, отделять в них существенное от второстепенного и затем распределять работу между исполнителями сообразно со способностями каждого. Он умел и подбирать людей, как бы чутьем угадывая, кто на что способен. Огромная машина окружного аппарата работала исправно и точно, и все задания как центра, так и боевых фронтов выполнялись аккуратно и своевременно.

Как ни многогранна и интересна была работа по руководству военным округом, все же М. В. Фрунзе неудержимо тянуло туда, где шла борьба не на жизнь, а на смерть за торжество труда над капиталом. И вот во время одной поездки по округу мы окончательно договорились проехать в Москву и поставить вопрос о нашем назначении на фронт.

М. В. Фрунзе мечтал получить, как он говорил, «полчишко», преимущественно конный, учитывая свою любовь к верховой езде и живость характера. Я же убеждал его не скромничать, а добиваться получения армии. Такая перспектива смешила Михаила Васильевича. Он не мог представить себя в роли командарма, так как считал, что не имеет никакой предварительной подготовки и боевой практики. Я же был совершенно другого мнения: за время четырехмесячной совместной работы сам увидел, как глубоко понимал Фрунзе военное дело; не раз поражался тем, как много он читал и как основательно был подкован в области военной теории. Личные его волевые командирские качества, глубокая марксистская подготовка политического деятеля широкого размаха представлялись мне идеальным сочетанием качеств, требовавшихся от крупного военного командира. Его революционное прошлое являлось самой надежной гарантией доверия к нему масс.

В Москве мне было в категорической форме указано, что я назначаюсь начальником штаба Южного фронта, а М. В. Фрунзе назначается туда же членом РВС фронта.

Не считая возможным отказываться от предложенной мне должности, я стал горячо доказывать необходимость назначения Фрунзе на крупный командный пост и одновременно просил оставить меня при нем на любом положении.

На другой день нам было сообщено из РВСР[1] по телефону, что М. В. Фрунзе назначается на Восточный фронт командующим 4-й армией, а я к нему начальником штаба. Михаила Васильевича очень смущала его будущая роль, но жизнь показала, что он по скромности недооценивал своих сил, возможностей и таланта.

Вступив в командование армией, М. В. Фрунзе торопился выехать на фронт.

К началу марта 4-я армия еще не была полностью приведена в боевую готовность, тем не менее командарм 2 марта отдал приказ о наступлении в Уральской области. Вызвано это было, во-первых, благоприятной обстановкой на других фронтах, во-вторых, нашими частными успехами к югу от Уральска, в результате чего мы овладели районом Щапова.

К этому времени в армию прибыл В. И. Чапаев. Он с конца 1918 года был в Москве — в Академии Генерального штаба. Несмотря на желание учиться, Чапаев не окончил курса обучения и уехал в Самару.

Как он говорил мне, сердце у него было не на месте от сознания, что на фронтах льется кровь, а он сидит в тылу.

Михаил Васильевич очень интересовался Чапаевым. Нужно признаться, что были и неблагоприятные слухи об этом человеке, ставшем ныне легендарным героем. Но Фрунзе не верил в правдивость подобных слухов. Поэтому понятны были наши радость и интерес, когда однажды, в конце февраля 1919 года, дежурный по штабу доложил командарму о прибытии Чапаева. Михаил Васильевич предполагал, что он сейчас увидит партизана с разухабистыми манерами. Однако в кабинет медленно и очень почтительно вошел человек лет тридцати, среднего роста, худощавый, гладко выбритый, с закругленными тонкими черными усами и с аккуратной прической. Одет Чапаев был не только опрятно, но и изысканно: великолепно сшитая шинель из добротного материала, серая мерлушковая папаха с золотым позументом поверху, щегольские оленьи сапоги-бурки, мехом наружу; на нем была кавказского образца шашка, богато отделанная серебром, и аккуратно пригнанный сбоку пистолет-маузер.

---

[1] Революционный Военный Совет Республики — коллегиальный орган высшей военной власти в 1918—1934 годах. С 28 августа 1923 года — Реввоенсовет СССР.

Фрунзе с радостной, приветливой улыбкой встал навстречу Чапаеву, усадил его и спросил о дальнейших намерениях. И сел Чапаев очень деликатно, и голос у него оказался тихий, а ответы весьма почтительные. Узнав, что Чапаев порвал с академией и желает нести боевую службу, и именно в 4-й армии, Михаил Васильевич сразу предложил ему должность начальника Александров-Гайской группы.

Дело в том, что по условиям местности (особенно зимой) фронтальное наступление от Уральска к югу означало лобовые удары по противнику, что облегчало сопротивление врага и не дало бы нам решительных результатов даже при успехе. Поэтому М. В. Фрунзе во всех наступательных операциях против Уральской армии сочетал фронтальные действия с выходом во фланг и в тыл противника.

С этой целью был подготовлен особый отряд в Александров-Гае, расположенном в двухстах километрах юго-западнее Уральска. Отряд этот, наступая на юго-восток через Сломихинскую, должен был способствовать успешным действиям фронтальной группы обходом левого фланга главной группировки противника. Таким образом, действия Александров-Гайского отряда являлись весьма важными и ответственными, и от начальника этого отряда требовались особые качества — толковость, инициативность, искусство действий, умелое согласование своих операций с ударом главной фронтальной группы, командирская твердость, столь необходимая при борьбе на отрыве.

М. В. Фрунзе чувствовал, что Чапаеву по складу его характера должна показаться заманчивой столь самостоятельная, инициативная роль. И действительно, Чапаев выразил свое согласие принять Александров-Гайский отряд и обещал сделать все в точности и в срок.

После ухода Чапаева Михаил Васильевич сказал мне, что окончательно разуверился во всех поклепах, которые возводились на Чапаева, почувствовал к этому человеку большое доверие, готов и впредь поручать ему самые ответственные задания.

Последующие события подтвердили правоту Фрунзе. Уже 10 марта Чапаев овладел весьма важным районом — Сломихинской, а к 18 марта мы путем комбинированных действий — с севера, со стороны Уральска, и с запада, со стороны чапаевского отряда, — овладели Лбищенском, вторым по важности центром Уральской области. В результате этих успехов боевой фронт был отодвинут от Уральска на сто двадцать километров.

С началом наступления Колчака, вынудившего 5-ю армию отойти от Уфы в направлении на Симбирск и Самару, создалась серьезная угроза с севера тылам нашей 4-й армии в Уральске. Для обеспечения себя от всяких возможных осложнений М. В. Фрунзе решил выделить из состава 4-й армии 25-ю стрелковую дивизию в резерв Южной группы и расположить эту дивизию в районе железной дороги Оренбург — Самара. Михаил Васильевич позаботился о твердом и надежном начальнике для этой дивизии, поручив ее Чапаеву.

С этих пор 25-я стрелковая дивизия во всех последующих операциях — при выполнении контрудара по Колчаку до уфимской нашей победы включительно и затем в операции у осажденного Уральска в июле 1919 года — играла выдающуюся роль. Фрунзе привлекал ее к нанесению главных ударов. Несомненно, что в весьма значительной степени своими успехами 25-я дивизия была обязана своему начальнику — Чапаеву. Чапаев же смог развернуть боевые таланты полностью потому, что им руководил такой полководец, как М. В. Фрунзе. Разумность требований, предъявлявшихся Чапаеву, и предоставление ему должной инициативы вызывали у начдива безграничное доверие к своему командарму, каждое слово которого являлось для него законом. Бывали отдельные, весьма редкие случаи, когда какое-либо распоряжение, получавшееся свыше, казалось Чапаеву не совсем целесообразным, но, как только узнавал, что это требование Фрунзе, он беспрекословно исполнял приказ, уверенный в том, что основа этого приказа, быть может еще недостаточно ясная для Чапаева, верна.

Все яснее и яснее вырисовывались Михаилу Васильевичу те меры, которые должен был принять фронт для резкого перелома в обстановке, меры, которые со временем и легли в основу плана контрудара, осуществлявшегося М. В. Фрунзе. Он как будто чувствовал, что именно ему придется расхлебывать заварившуюся кашу, и потому, тщательно изучая оперативную обстановку, вел подготовительные мероприятия, чтобы не быть застигнутым врасплох.

Днем 7 апреля 1919 года дежурный по штабу доложил мне, что РВС фронта требует немедленно к прямому проводу Фрунзе и меня (я был его помощником и одновременно членом РВС Южной группы). На ленте аппарата Бодо Михаил Васильевич прочел предложение объединить действия всех южных армий фронта под своим командованием.

После переговоров с фронтом Фрунзе приказал собрать к нему в кабинет всех главных работников управления Южной группы, а затем поручил мне соответственно с его указания-

ми доложить обстановку на фронте, намеченные им мероприятия.

После моего доклада некоторые из присутствующих, уяснивших себе основную мысль М. В. Фрунзе — собрать в кулак возможно большее число возможно лучших войск и этим кулаком ударить по смертельному для противника направлению от Бузулука на северо-восток,— предлагали в целях большего усиления ударной группы не останавливаться даже перед полным очищением Оренбурга. Но Михаил Васильевич категорически отверг это предложение, заявив, что сдача столицы оренбургского казачества врагу прежде всего недопустима по политическим соображениям. Он указал, что оголит этот район от полевых войск до последней степени и одновременно изыщет средства, чтобы Оренбургский район был удержан в течение всего времени, впредь до полной победы на главном направлении. Никто из нас тогда еще не знал, каким виртуозом был Фрунзе в организации рабочих и партийных боевых частей. Эти формирования являлись грозной силой, оказывались способными, как показала борьба в районе Оренбурга, выдерживать тяжесть даже долговременных боевых испытаний. В этом сложном и ответственном деле Фрунзе помогал В. В. Куйбышев, которого Михаил Васильевич уговорил перейти с должности председателя Самарского губисполкома на военную работу в качестве члена РВС Южной группы.

М. В. Фрунзе выявил себя во весь рост как истинный, твердокаменный большевик. Во имя интересов революции, судьба которой в значительной мере решалась на Восточном фронте, он неуклонно, невзирая ни на что, продолжал свое дело и довел его до победного конца. Колчак был сломлен, и в полуторамесячный срок благодаря энергии и полководческому искусству Фрунзе вся стратегическая конъюнктура на Восточном фронте обернулась в пользу Красной Армии и Советской власти.

В высшей степени простой в обращении со всеми, приветливый, необычайно доступный, настойчивый, требовательный к другим и к себе, скромный, несмотря на величие тех ролей, которые был призван играть, Михаил Васильевич являл собой кристальный образ, в котором отражалось все лучшее, что только может быть свойственно человеку. В каждом, кто приходил для работы к Фрунзе, он склонен был видеть прежде всего хорошее. В людях он ценил деловитость и преданность делу.

Я видел, как простым и душевным отношением к людям Михаил Васильевич завоевывал даже сердца тех, у которых,

казалось, было совершенно иное миропонимание. Они буквально перерождались. Я видел, насколько эти люди проникались идейно всем тем, что составляло цель жизни самого Фрунзе, как быстро множилось число людей, вчера еще безразличных к текущим событиям, а сегодня ставших под влиянием М. В. Фрунзе преданными... Советской власти.

Будучи опытным партийным работником и твердым, непреклонным большевиком, Михаил Васильевич неоднократно говорил о счастье быть членом великой партии Ленина. Гордясь принадлежностью к этой партии, М. В. Фрунзе всей своей жизнью и работой являл пример того, каким должен быть большевик.

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 74—80.

П. И. БАРАНОВ

ДУША ПОБЕДЫ

Михаил Васильевич обладал изумительной способностью сплачивать вокруг себя, вокруг дела, которому он беззаветно служил, людей самых разнообразных характеров. Его голубые глаза излучали так много любви, веры, энергии, что окружающие невольно проникались его настроением. Атмосфера взаимного доверия, напряженной энергии, властного желания сломить препятствия всегда царили вокруг него в штабах, на фронте, в партийных организациях.

Я помню конец января — февраль 1919 года. 4-я армия Восточного фронта переживает агонию перехода от партизанских, анархических отрядов к регулярной Красной Армии. Восстание Орлово-Куриловского и Туркестанского полков. Погибли товарищи Линдов, Мяги, Майоров [1].

Восстание кончилось, но темные силы продолжают свою работу, подрывая доверие красноармейцев к командирам и штабам. Печать уныния и растерянности уже лежит на армии.

---

[1] Событие произошло в январе 1919 года. Подстрекаемые эсерами, восстали против Советской власти указанные полки Николаевской (впоследствии 22-й) дивизии и команда бронепоезда. В расположение мятежных частей прибыл председатель РВС 4-й армии Г. Д. Линдов. Вместе с ним были политработники член ВЦИК П. В. Майоров, В. П. Мяги, секретарь РВС армии В. В. Савин, новый комиссар Орлово-Куриловского полка Чистяков и другие. Утром 20 января на станции Озинки мятежниками были убиты Линдов, Майоров, Мяги и два красноармейца, а днем раньше — военком полка Чистяков.

И вот — командующий Фрунзе. За короткое пребывание в штабе армии он вселяет веру в дело, энергию, объединяет и сплачивает работников. Работа кипит. В лютые морозы, на перекладных крестьянских лошаденках проскакивает Михаил Васильевич от Самары до Уральска. Он среди войск, вчера бунтовавших; он собирает командиров, еще и сегодня способных на партизанскую авантюру. Он завоевывает их доверие, внушает им уверенность в победе, превращает их в преданных, стойких солдат революции, передает им частицу своей безграничной любви и преданности делу.

Фронт перерождается. Изумительная способность Михаила Васильевича располагать к себе людей начинает сказываться на 4-й армии. Поодиночке и группами тянутся к нам на фронт десятки и сотни людей, прежде работавших с Фрунзе. Их не гнали сюда. Они рвались за своим другом, которого любили преданно. Среди них партийцы, военные, литераторы и рабочие. Молодые и старые.

С этого времени и начинается настоящее укрепление армии. Войска нашли своего вождя. Но ведь нужен цемент, чтобы скрепить все частицы армии в единый организм. Этим цементом и явилась плеяда работников, пришедших в нашу армию за Михаилом Васильевичем. А он понимал, что доверие и уважение нужно организационно укрепить. Этот большой человек быстро сколачивает армию. Работники направляются в части, в штабы, в управления. Всюду проникает взор Михаила Васильевича. Ответственные работники без тени неудовольствия или скрытого раздражения идут на внешне маленькую работу. Так нужно.

В короткое время создана отличная армия, явившаяся основой в борьбе с Колчаком. В апреле штаб 4-й армии превращается в штаб Южной группы армий Восточного фронта. Выделяется штаб 4-й армии для руководства борьбой против уральских казаков.

Все ли знают, что энергии и большому организаторскому таланту М. В. Фрунзе мы обязаны разгромом Колчака?

Колчак вбивал клин между 4-й и 5-й армиями, отрезая на юго-востоке 1-ю армию. Врезаясь между армиями, Колчак протискивался на Самару, стремясь отбросить Красную Армию на правый берег Волги и соединиться с Врангелем [1], орудовавшим в ее низовьях.

Положение критическое. Передовые части Колчака в шестидесяти верстах от Самары. Решается вопрос: сдавать

[1] В это время Врангель командовал деникинской Кавказской добровольческой армией.

ли Самару? Эвакуироваться ли? Подготовлять психологически правый берег Волги как оборонительный рубеж или дать бой на восточном берегу?..

Без колебаний М. В. Фрунзе организует... наступление против Колчака, проявляя великий талант полководца. Энергично и смело он добивается одобрения этого плана. И вот Колчак получает потрясающий удар с фланга.

Нужно было видеть, с какой настойчивостью, энергией и умением Михаил Васильевич подготовлял и проводил дальнейшее наступление. У каждого из нас, участников этого исторического момента, уже создалась уверенность в победе. Эта уверенность охватывала всех, начиная от членов РВС до младших командиров и рядовых красноармейцев.

А сколько было работы! Требовалось налаживать аппараты управления. Нужно было принять, обласкать и направить на работу иванововознесенцев, тянувшихся за Фрунзе, сотни мобилизованных ЦК РКП(б) коммунистов, военных и т. д.

Нужно было инструктировать, проверять, мобилизовать, обувать, кормить, вооружать. Сотни задач. И всюду и всегда — зоркий глаз, сплачивающий дух Михаила Васильевича; его настроение, его любовь к делу, его жгучая ненависть к классовым врагам — все это бодрило и поддерживало постоянное пламя энтузиазма.

Наступление грянуло.

Машина управления армиями заработала с безотказностью автомата.

Михаил Васильевич Фрунзе — на фронте. В момент наибольшего напряжения жизнь его — под пулями. Под Уфой рядом с Фрунзе падает В. А. Тронин, тогда начальник политотдела Туркестанской армии. Присутствие Фрунзе спасает положение. Там же, под Уфой, Михаила Васильевича почти насильно отправляют на другой берег Белой. Михаил Васильевич отделывается только контузией.

Таков был этот великий мастер побеждать. В нем сочетались поразительные черты, высекающие его личность в бессмертие. Выдающийся, гибкий талант полководца сочетался в нем с крупным организатором эпохи мирного строительства.

Твердая воля революционера мягко поддерживала его исключительно обаятельные черты.

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 106—109.

В. А. ТРОНИН

ПОЕЗДКА К ЧАПАЕВУ

Июнь 1919 года. Едем с М. В. Фрунзе в штаб Чапаева. Легко идет машина по еще влажной от ночной росы, хорошо наезженной дороге. После вагонного сидения такая поездка как отдых.

Волнует предстоящая встреча. С Чапаевым у меня до этого было лишь одно мимолетное свидание в Бузулуке. Во время пасхальной ночи, когда звонили колокола, кто-то пустил слух, что на город налетела разведка белых. Началась паника, перестрелка. Стреляли не раздумывая, куда и в кого. И вот в самый разгар пальбы на улице верхом на лошади появился Чапаев.

Он носился, как вихрь, и кричал:

— Прекратить стрельбу!

Бойцы узнавали знакомый голос, и пальба постепенно затихала.

Утром, когда состоялось наше знакомство и когда как-то невольно вырвалось опасение насчет неосторожности Чапаева — ведь могли стрелять и бандиты,— Чапаев только усмехнулся да, прищурив по-особенному глаз, пробурчал:

— А лучше бы было, если бы сдуру друг друга перестреляли?

В предстоявших боях за Уфу у Чапаевской дивизии решающая роль.

Уже канун лета, но рощицы, мимо которых пролетает машина, еще зелены. Цепочкой растянулась какая-то часть. Останавливаемся около отставших. Михаил Васильевич Фрунзе задает несколько вопросов — запаздывают ли бойцы? Смеясь, он отмечает, что часть из них идет босиком.

— Без сапог-то и быстрее, да и ногам легче, и опять же экономия,— весело отвечают ему.— А насчет того, что запаздываем, то пусть товарищ командир не беспокоится. Вышли и так раньше срока, указанного в приказе. Да и идем, можно сказать, на «три креста».

Действительно, бросалась в глаза бодрость и решительность всех, кого мы обогнали.

— Интересный народ, как и сам командир,— говорит Фрунзе.— Вы ведь, наверное, знаете, что Чапаева посылали учиться в Москву, в Академию Генерального штаба? Ну и не вышло. Стал чахнуть Василий Иванович и наконец написал письмо Линдову, члену Реввоенсовета: просил отозвать на любую должность, только в часть. «Томиться,— говорит, —

понапрасну в стенах не согласен. Это мне как тюрьма. А если не отзовете, пойду к доктору, который меня освободит...» Сейчас Чапаев в своей стихии. И стихия, как видите, особенная, бодрящая. Правда, и достается от нее, особенно политработникам. Вы ведь понимаете, о чем я говорю? Наверное, в политотделе кой-что имеется на этот счет?

— Да, есть.

— Наверное, больше жалоб? Ведь тот, кто доволен, писать не будет.

— Пожалуй, что так. Хотя те, с кем приходилось разговаривать, не жалуются, а наоборот, в большом восторге...

— Ну, те, должно быть, привыкли. Новичкам партийцам, особенно городским, приходится трудновато. Чапаевцы любят испытывать незнакомого человека. Тут целая система. Сначала идет испытание на выносливость. Им, как правило, дают вконец заношенное обмундирование. Ватник дадут — впору на огород: сойдешь в нем за чучело. Шинелью наградят, так лошади шарахаться будут: рваная, в пятнах. А закапризничает человек, ответ один: «Нет. Мы сами не в лучших ходим. Вот у белых отберем, дадим генеральскую». И на политику тоже испытанные мастера ехидные вопросы задавать. Повторяют то, чему у казаков наслушались. Зададут этакий вопрос с подковыркой и наблюдают: не растеряется человек, крепок он в политике или так себе? Малосообразительный сразу в панику: пишет — кругом, мол, контрреволюция.

Пришлось подтвердить, что такие письма бывали.

— Что греха таить,— продолжал Фрунзе,— чапаевцы недолюбливают этой политики вообще. Но послушай тот же паникер, как иной чапаевец разносит контрреволюционера за те же ехидные вопросы, которые сам задает политработнику, и ему станет неловко за свои подозрения. Хороших политработников чапаевцы признают. Может быть, и не всегда будут его слушать, но гордиться им будут. Мы и Фурманова с таким расчетом сюда дали. Им можно гордиться.

Но в чем эти ребята непревзойденные мастера — так в выдумках по части испытания на выдержку, на храбрость. Новичку, особенно если он из заносчивых, скажут, что ему поручается какая-нибудь опасная разведка, посылка в тыл противника или еще что-нибудь в этом роде, и наблюдают, как тот ведет себя. Разыгрывают артистически. На самом деле никому из них и в голову не придет подводить новичка. Но горе тому, кто струсит. А уж если выдержит человек испытания, то получает полное признание. Становится своим. Чапаевцы ревнивы до чертиков. Из-за боевой ревности дру-

зья между собой расходятся: почему это не мне, а ему от Чапаева больше доверия? Чем я хуже? Вот сами увидите, как будут спорить, кому первым идти в Уфу...

Интересно и по-новому рисует Михаил Васильевич 25-ю дивизию.

— А как вы смотрите на Чапаева?

Михаил Васильевич рассказывает случай, как после одной из стычек с белыми у Чапаева осталось человек сорок — остальные были или перебиты, или рассыпались. Потом, когда узнали, что Чапаев жив, стали к нему возвращаться. Чапаев на них дня три-четыре не смотрел, словно не замечал. Человек за это время места себе не находит. Потом Василий Иванович обложит неудачника, тот рад-радехонек: наконец-то его заметил командир...

— Что же тянет бойцов к Чапаеву?— спрашивал Фрунзе.— В чем его сила?— И отвечал:— Мне кажется, в первую очередь в том, что и самого Чапаева тянет к бойцам. Любит он их. Впрочем, скоро понаблюдаем.

* * *

Остановились в штабе. Он помещался в школе: занятий не было, ребята гуляли на каникулах. Парты были снесены во двор, под навес. Но на стенах остались немудреные школьные пособия: географические карты, таблицы. Несколько ящиков — полевые телефоны.

В ожидании Чапаева Фрунзе знакомится с боевыми сводками. Часть, которую мы обогнали, действительно прибудет к месту назначения досрочно.

Василий Иванович не заставляет себя долго ждать. Распахивается дверь. В комнату не входит — влетает Чапаев. Он не скрывает радости при виде Фрунзе. Это, кажется, единственный человек из начальства, которое Чапаев обобщает словом «штабные», к кому он относится по-иному. Фрунзе пользуется безоговорочным доверием Чапаева. Больше того, Чапаев любит Фрунзе со всей искренностью своего бесхитростного сердца. Любит потому, что уважает.

Но привычка заправского фронтовика заставляет Чапаева стать навытяжку, во фронт, и отрапортовать:

— Товарищ командующий! Приказ о подготовке к боевым операциям по занятию Уфы выполнен...

Вытянулся, как бы замер, и Фрунзе, принимая рапорт.

— Очень хорошо, Василий Иванович! Мы по дороге кой-что уже видели... Уверен, что настроение частей боевое...

Обращение по имени-отчеству — переход к неслужебным отношениям.

Обмениваемся рукопожатиями и садимся. Но Чапаеву не сидится. Он вскакивает и, волнуясь, обращается к своему спутнику. Это Дмитрий Фурманов — военком 25-й дивизии.

— Фурманов, да понимаешь ли: Фрунзе приехал. Пусть посмотрит нас в бою... А то наладили: «Чапаев — партизан! Чапаев никого не признает!» Просто тошнит... «Чапаев все по-своему, ни с кем не считается!» Да что я, о двух головах, что ли? Не понимаю военной дисциплины?.. Да спросите Фурманова, Михаил Васильевич, какова дисциплина в двадцать пятой.

Между Фрунзе и Фурмановым промелькнула едва уловимая улыбка. Они знают друг друга. Их также радует встреча, но нужно быть осторожным. Чего доброго, мнительный Василий Иванович отнесет эту улыбку за счет своей восторженности.

— А я все-таки колебался, стоит ли приезжать,— замечает Фрунзе.— Может быть, присутствие начальства вас свяжет...

— Да что вы, Михаил Васильевич!..— протестует Чапаев.— Не такой вы человек...

Одной из причин, заставивших и Фрунзе и меня, как начальника политотдела Туркестанской армии, направиться в 25-ю дивизию, были письма о неладах, которые будто бы существуют между военкомом и командиром дивизии. В письмах довольно красочно выставлялись особенности дивизии и ее командира в отношении к партийцам; военкома же обвиняли в том, что он «пляшет под дудку фельдфебеля царской армии». Не без ехидства сообщалось, что во время какого-то боя Фурманов пригнулся к лошади при артиллерийском обстреле, и добавлялось: сразу-де видно штатского человека — студента, снарядам кланяется, такой разве будет иметь авторитет? Можно было оставить без внимания «обвинения», но налицо было стремление со стороны, безусловно, враждебных сил вбить клин во взаимоотношения между командиром и комиссаром.

— Ну, Василий Иванович, доволен своим военкомом? — в упор, без всякой дипломатической подготовки спрашивает Фрунзе. — Дали тебе из наших, из ивановцев... Но... городской, студент.

Чапаев с лукавой усмешкой смотрит на Фурманова: «Чувствуй, мол, кто спрашивает. Скажу, что недоволен, и Фрунзе посчитается с Чапаевым». Улыбается и Фурманов. Но улыбка спокойная и ясная. В ней: «Не соврешь, Василий Иванович. Я тебя знаю».

Чапаев затягивает с ответом.

— Сказать по совести, Михаил Васильевич?

Пауза и та же хитроватая усмешка, потом обрывисто:

— Доволен. Главное — избавили меня от разных соглядатаев. А то, бывало, приедут, вынюхивают, высматривают: «Это что? Да почему? Почему у вас того нет? Да этого почему не ведется?» И все больше насчет политики. А я что? Разве я спец по политике? Конечно, как партийный, как большевик, я понимаю, что надо. Тут и Фурманов на этот счет меня здорово накачивал. Но и то понимать надо, что было. Пришлют мне людей. А над ними бойцы смеются. Нашего положения не понимают, а вмешиваются. А насчет боев — ну, совсем жидкий народ: чуть пошагал — мозоль у него, подводу ему подавай... Да еще писать начнет о настроениях разных, а к тебе: «Дай объяснения». Вконец извели...

— Так ведь не писал же,— возражает, улыбаясь, Фурманов.

— Ну и не писал,— смеется Чапаев.— Что бумагу переводить!.. А сейчас чуть — политика: «Пожалуйте к военкому», и вся недолга... Ребята с ним приехали тоже хорошие. Что еще сказать? Нашим делом военком интересуется, хотя иной раз и чересчур: не спец же он. Опять и посоветоваться можно...

— А в боях какой?

На Чапаева этот простой, казалось бы, вопрос подействовал, как звук пролетевшей пули. Он на секунду остановился и пристально взглянул на Фрунзе.

— А почему вы спрашиваете, Михаил Васильевич? Значит, и вам подметные письма были? Дошло-таки. Поссорить нас хотят. Про меня одно пишут, про военкома другое. Меня насчет коммунистов обвиняют, а военкома, что, мол, не боевой. Так глупости все. Разговора не стоит.

— Говори прямо, Василий Иванович, сработались?

— Как вам сказать? — задумался уже всерьез Чапаев, словно мысленно пробегая свои взаимоотношения с Фурмановым.— Спорим. И часто спорим. И поругались бы, если бы у него характер был, как у меня. А так до ругани не доходит. Договариваемся. Он ведь какую политику взял: вот поспорим, раскипячусь я, уйду. Он сам об этом, из-за чего спор-то был, потом ни за что не начнет. Ждет. Потом опять говорим обо всем, а о том, на чем не сошлись, молчит. Я не выдержу, начну, он ко мне: «Ежели сам начал, так не горячись, а выслушай». Что ты с ним будешь делать! Слушаешь... Чем еще интересуетесь? Бойцы его признали. Вот, к примеру, сейчас

все под Уфой возится. Я, пожалуй, его бы там и начальником боевого участка назначил, да не подчинен он мне.

— Только что ж это все я да я? — вдруг спохватился Чапаев.— Пусть и Фурманов все начистоту обо мне выскажет. Вы его спросите, Михаил Васильевич.

— А и в самом деле,— обратился Фрунзе к Фурманову.— Законный вопрос.

Чапаев резко повернулся к Фурманову. Во всей позе — напряженность, словно боится упустить даже малейшее движение.

На сердце стало совсем легко. Большое дело, и за какой короткий срок, сделал военком. Молодчина Фурманов! Мало тех, чей отзыв о себе с таким напряженным вниманием стал бы ожидать гордый и независимый Чапаев.

Фурманов встал, опустил руку на плечо сидевшему Чапаеву, как бы отделяя его от самого себя, улыбнулся и нарочито отчеканенно, подчеркнуто по-солдатски ответил:

— Товарищ командующий! Разрешите ответить по-солдатски: претензий к начальнику двадцать пятой дивизии товарищу Чапаеву никаких не имею. А о достоинствах своих он знает лучше меня.

Чапаев вскочил, как развернувшаяся пружина, и расхохотался:

— Перехитрил... Перехитрил... Я-то ему всяких замечательных аттестаций надавал, а он: «Претензий не имею». Словно на старом смотру... Вот, Михаил Васильевич, всегда нас так интеллигенция вокруг пальца обводит...

Но сказано было без сердца, без огорчения. Все хохотали, и пуще всех Василий Иванович.

Потом началось обсуждение боевой обстановки.

Головы склонились над картой. Докладывал сам Чапаев. Временами красота предстоящей операции как бы захватывала его и он обращался к Фурманову. Фрунзе был судьей. А Фурманов — свой товарищ, свидетель и соучастник всего того, что давало в результате эту общую слаженность, настоящую боевую симфонию, которую как бы воочию, сквозь мятую трехверстку, представлял себе начальник дивизии — боевой Василий Иванович Чапаев.

Временами он прерывал свой доклад и обращался к командующему, словно ожидая оценки.

Фрунзе молчал, но в глазах светилась радость, и она передавалась Чапаеву, и только тогда, когда доклад был окончен, Михаил Васильевич, как бы подводя итог, заметил:

— Значит, через два-три дня встречаемся в Уфе!

* * *

Противник не выдержал первого удара красных полков и отступил. Его преследовали до татарской деревушки Турбаслы, раскинувшейся у ската горы. Утром жители деревушки приветливо встречали бойцов. У каждого дома накрыт столик. На столиках самовары, крынки молока, хлеб, масло, яйца. Все это несколько задержало наши части. На гору взобралась лишь небольшая горсточка бойцов, которая залегла во ржи реденькой цепочкой.

По редкой стрельбе противник установил слабость нашего авангарда и открыл по нему огонь. Он вывел из строя многих красноармейцев, перешел в контратаку.

И вот когда оставшихся в живых тревожила только одна мысль — продержаться хотя бы минуты до прихода своих, из-за горы показалась густая цепь во главе с Фрунзе. Гордые тем, что их ведет в бой сам командующий, красноармейцы ринулись вперед и отбросили врага с занятой позиции.

Вечерняя сводка говорила о победе над белогвардейцами, но в ней же сообщалось, что в бою ранен в грудь начальник политотдела армии, бомбой с неприятельского аэроплана, сделавшего налет на Красный Яр, контужен командующий Фрунзе и пулей с того же аэроплана ранен в голову начальник дивизии Чапаев.

* * *

Еще день крепких, напористых боев — и Уфа занята. Освобожденный пролетариат с красными знаменами встречал победителей.

А на следующий день в Уфу приехали Михаил Васильевич и начальник политотдела (автор воспоминаний).

Их встречают Фурманов и Чапаев. Чапаев с забинтованной головой. На этот раз рапортует Фурманов. Но командующий, не ожидая окончания рапорта, стремительно обращается к Чапаеву:

— Товарищ Чапаев! Что это значит? Врачи вам предписали абсолютный покой... А вы? Это же нарушение дисциплины. Товарищ Фурманов! Военком дивизии! Я и от вас требую дисциплины... Как вы могли допустить, чтобы Василий Иванович был здесь?

Грозу отводит сам Чапаев.

— Я, Михаил Васильевич, как предписали врачи. Они, точно, предписали мне покой. Ну я так понимаю, что покой мне будет только в Уфе, среди своих бойцов. А военком не мог не согласиться со мной, когда я приехал. Он же не мог меня беспокоить... Даже не спорили...

Чапаев пробует засмеяться, но смех выходит тихим. Должно быть, не проходит без следа, когда приходится щипцами вытаскивать пулю из черепа.

Фурманов осторожно берет под руку Чапаева и усаживает на стул.

— Ну и вы тоже хороши,— цедит сквозь свои с колечками усы Чапаев.— Один контуженный, другой с пулей в груди... Приехали да еще выговаривают...

И снова оживляется:

— А не говорил я вам, Михаил Васильевич, что боевой у меня военком? Видите, даже раньше меня в Уфу въехал...

В глазах Фурманова беспокойство: не много ли волнения для больного Чапаева.

В окно заглядывают восторженные чапаевцы. Но у окна не задерживаются. Какая-то особая деликатность, чуткость. Взглянет, увидит знакомую приземистую фигуру во френче, с забинтованной головой, улыбнется и отойдет...

— Чапаев с нами.

Больше ничего и не надо...

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 97—105.

А. В. ГОЛУБЕВ

ПОЛКОВОДЕЦ, НЕ ЗНАВШИЙ ПОРАЖЕНИЙ

...6 марта 1919 года колчаковские войска перешли в наступление на уфимском направлении и, располагая почти четырехкратным превосходством над действовавшей здесь 5-й красной армией, 14 марта овладели Уфой. 8 марта на глубоких тылах армии — в Самарском, Сызранском, Сенгилеевском, Ставропольском и Мелекесском уездах Самарской и Симбирской губерний вспыхнуло крупное кулацкое восстание. В ночь на 11 марта была произведена попытка поднять вооруженный мятеж в Самаре.

К 16 марта восстание было подавлено частями 4-й армии под руководством М. В. Фрунзе, но положение под Уфой продолжало оставаться напряженным. Недооценивая размеров назревавшей опасности, командование фронта предполагало ликвидировать успехи Колчака под Уфой переброской четырех полков из района Оренбурга. М. В. Фрунзе считал неизбежным развитие крупного наступления колчаковских войск из района Уфы, что при неустойчивости 5-й армии и ее тыла должно было создать острую опасность для Волги и тылов Южной группы.

Не получив от командования фронта ясного ответа на свою оценку обстановки, М. В. Фрунзе 18 марта обратился в Реввоенсовет Республики и к В. И. Ленину с письмом, в котором охарактеризовал положение на фронте в целом и обратил внимание на создавшуюся опасность. В качестве первоочередной задачи он намечал срочное укрепление Южной группы, которую он рассматривал как исходную базу для противодействия назревавшему прорыву колчаковских войск к Волге. М. В. Фрунзе не просил новых резервов, но ходатайствовал о подчинении Реввоенсовету группы находившихся в полосе ее действий Самарской, Уральской, Оренбургской и Тургайской губерний, чтобы иметь возможность использовать их ресурсы «без всяких промедлений и сношений с центром» [1]. В тот же день он начал выводить в район восточнее Самары в резерв группы 25-ю Чапаевскую дивизию из состава 4-й армии.

Предложения Фрунзе были утверждены, а его прогноз о развертывании наступления колчаковских войск от Уфы к Волге подтвердился дальнейшим ходом событий. Во второй половине марта и в начале апреля колчаковские войска наступали уже широким фронтом на казанском, симбирском и самарском направлениях. Для отражения этого наступления партия была вынуждена начать широкую мобилизацию сил внутри страны.

Организация контрнаступления против Колчака на уфимском направлении была возложена на М. В. Фрунзе, что явилось признанием его авторитета как полководца. 10 апреля в состав Южной группы были переданы 1-я и 5-я армии, что вместе с 4-й и Туркестанской армиями составляло уже свыше $^{2}/_{3}$ сил всего Восточного фронта; полоса действий группы расширялась на север до устьев Камы, а на юге упиралась в побережье Каспийского моря.

У М. В. Фрунзе был уже готов план действий, и в тот же день он отдал приказ о формировании ударной группировки в районе севернее Бузулука...

Выбирая основное направление наступления, Фрунзе рассчитывал на выход ударной группы в район Уфы с перехватом всех сообщений наступавшей к Волге колчаковской группы с Уралом. Однако непредвиденные обстоятельства заставили М. В. Фрунзе внести уже в ходе подготовки операции в этот исходный план ряд существенных коррективов.

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов. М., 1941, с. 78.

Первым из них было то, что, обычно храбрый до безрассудства, командующий 1-й армией Г. Д. Гай, на которого возлагалось командование ударной группой, на этот раз усомнился в возможности реализации этого плана вообще. Вместо выполнения плана он предложил глубокий отход правого крыла фланга с оставлением Оренбурга и настойчиво добивался этого, обращаясь непосредственно к высшему командованию. М. В. Фрунзе вынужден был отменить переброску частей 1-й армии в состав ударной группы и возложить руководство группой на командование Туркестанской армии, штаб которой к ведению решительной операции был менее подготовлен. Район Оренбурга был включен в полосу 1-й армии с задачей безоговорочного удержания Оренбурга.

Продолжавшийся отход 5-й армии, прикрывавшей симбирское направление, вызвал опасение командования фронта за район Симбирска, где размещались фронтовые управления. Под давлением фронтового командования М. В. Фрунзе был вынужден усилить правый фланг 5-й армии за счет ударной группы, и первоначальный размах ее удара резко сократился. Несмотря на это, М. В. Фрунзе с большим искусством провел всю операцию. Согласовав наступление ударной группы и правого крыла 5-й армии, он в конце апреля — начале мая нанес поражение белым и овладел Бугурусланом, а затем советские войска взяли Бугульму.

Колчаковское командование, опираясь на стягивавшийся в район Белебея резервный корпус генерала Каппеля, готовилось к контрнаступлению. Фрунзе начал подготовку операции против белебеевской группировки противника, поворачивая главные силы Туркестанской и 5-й армий для наступления в восточном направлении. Но в это время произошла смена командования фронта. Вновь назначенный командующий А. А. Самойло при поддержке главкома И. И. Вацетиса попытался внести в ход операции коренные изменения. 10 мая приказом по фронту 5-я армия, включавшая в это время главные силы Южной группы, была изъята из подчинения М. В. Фрунзе и получила приказание наступать круто на север с предстоящим форсированием нижнего течения реки Камы для помощи Северной группе армий фронта. Южная группа должна была обеспечить наступление 5-й армии со стороны Уфы и восстановить положение под Оренбургом и Уральском, где пополнившиеся за счет восставшего казачества Оренбургская и Уральская армии белых начали активные действия против ослабленных сил 1-й и 4-й красных армий, подошли вплотную к Оренбургу и окружили Уральск. Одно-

временно новое командование фронта готовило полное расформирование аппарата Южной группы.

М. В. Фрунзе резко протестовал против новых мероприятий фронта. Он возражал против резкого поворота 5-й армии на север, считая, что такой поворот невозможен, пока окончательно не разгромлена уфимская группа белых, что овладение Уфой и завершение разгрома этой группы будет лучшей формой помощи северному крылу фронта. Командование фронта не отменило своего приказа, но, учитывая настойчивые требования М. В. Фрунзе, передало из 5-й в Туркестанскую армию 2-ю и 25-ю дивизии.

15 мая М. В. Фрунзе отдал приказ на разгром противника в районе Белебея и направил туда силы Туркестанской и 1-й армий. 17 мая части Туркестанской армии овладели Белебеем. М. В. Фрунзе лично вступил в командование Туркестанской армией, которая, форсировав реку Белую, 9 июня освободила Уфу.

В это время резко осложнилось положение на уральском направлении. Уральская казачья армия, продолжая осаду Уральска, нанесла поражение сводным формированиям 4-й армии и передовыми частями подошла на сорок—пятьдесят километров к Самаре. М. В. Фрунзе наметил вывод в резерв из Туркестанской армии 25-й дивизии для наступления на Уральск, предполагая остальными силами армии вести стремительное наступление на Златоуст и Челябинск, чтобы завершить там поражение белых. Но 11—14 июня он получил неожиданное распоряжение командования фронта (в командование фронтом по настойчивым требованиям РВС фронта 29 мая вновь вступил С. С. Каменев) о передаче 2-й и 31-й дивизий на другие фронты, что фактически означало расформирование всей армии. Полагая, что это делается только по плану фронта, М. В. Фрунзе первоначально пытался добиться отмены этих распоряжений, доказывал необходимость немедленного развития наступления на Златоуст, Челябинск, несмотря на всю остроту обстановки на уральском направлении...

Изъятие из состава войск Восточного фронта названных дивизий... производилось по решению Центрального Комитета партии и личным указаниям В. И. Ленина в связи с катастрофическим положением под Петроградом и на Южном фронте. Уже 9 июня, отвечая на возражения Реввоенсовета Восточного фронта, В. И. Ленин телеграфировал: «Сильное ухудшение под Питером и прорыв на юге заставляют нас еще и еще брать войска с вашего фронта. Иначе нельзя. Вам надо перейти к более революционной военной работе, разрывая

привычное. Мобилизуйте в прифронтовой полосе поголовно от 18 до 45 лет... Мобилизуйте 75 процентов членов партии и профсоюзов. Иного выхода нет...» [1]

10 июня ЦК РКП(б) постановил признать Петроградский фронт «первым по важности» и немедленно направить под Петроград две бригады 2-й дивизии, снимаемой с Восточного фронта. 11 июня В. И. Ленин возложил на членов РВС фронта ответственность за отправку этой дивизии и ее боеспособность. В этот же день вновь телеграфировал: «Прекрасно понимая трудность вашего положения, мы абсолютно вынуждены брать у вас еще и еще. Поэтому обязательно, чтобы вы напрягли все силы для ускорения вашей работы по формированию новых частей у вас и в ваших округах. Телеграфируйте исполнение» [2].

Переброска дивизий на другие фронты не имела никакого отношения к предложениям о приостановке наступления Восточного фронта. 20 июня, на другой день после расформирования Туркестанской армии, В. И. Ленин указывал Реввоенсовету Восточного фронта: «...*наступление* на Урал нельзя ослабить, его надо безусловно усилить, ускорить, подкрепить пополнениями. *Телеграфируйте, какие меры принимаете*» [3]. Снимая часть сил с Восточного фронта, ЦК партии и В. И. Ленин отвергали все предложения о приостановке наступления на востоке. Они требовали от фронта продолжения наступления оставшимися силами и пополнения их за счет мобилизации населения районов Урала, встречавшего советские войска как освободителей.

М. В. Фрунзе возражал против немедленного расформирования Туркестанской армии лишь до тех пор, пока считал, что это исходит только от командования фронта. Он принял эти указания к немедленному исполнению, когда узнал, что это делается по решению ЦК и В. И. Ленина в связи с положением Республики в целом. После расформирования Туркестанской армии и передачи ее полосы 5-й армии М. В. Фрунзе согласно указаниям В. И. Ленина целиком переключил внимание на оренбургское и уральское направления...

В качестве первоочередной задачи после завершения Уфимской операции М. В. Фрунзе наметил разгром Уральской казачьей армии и освобождение от осады Уральска, что должно было отделить эту армию от деникинского фронта и создать условия для установления более прочной связи с

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 343—344.
[2] Там же, с. 346.
[3] Там же, с. 355.

11-й Красной Армией. В качестве ядра ударной группы для этой операции он выделил выведенную им в резерв 25-ю стрелковую дивизию В. И. Чапаева. 15 июня он обратился к В. И. Ленину с просьбой морально поддержать осажденный гарнизон Уральска присылкой приветственной телеграммы [1]. Телеграмма В. И. Ленина [2] вызвала ответную телеграмму Уральского гарнизона, обещавшего удержать город до соединения с наступающими красными частями. Но переброска 25-й дивизии ввиду условий того времени и необходимости усилить ее пополнениями проходила медленно. Между тем активность противника в этом районе не спадала. 30 июня деникинские войска заняли Царицын, прервав сообщение с Астраханью по Волге.

В Полевом штабе РВСР положение на правом крыле Восточного фронта расценивали как близкое к катастрофе.

29 июня главком И. И. Вацетис телеграфировал командующему Восточным фронтом: «Мною неоднократно обращалось ваше внимание на ту угрозу для нас на правом фланге Востфронта, которая в настоящее время уже вполне обрисовалась в районе Оренбург — Уральск — Николаевск (ныне Пугачев.— *А. Г.*). В означенном районе противник развивает свои операции активные и планомерные. Принятые вами до сих пор меры не вырвали инициативы действий из рук противника, который зафиксировал свой успех последних дней занятием Николаевска. В стремлении к Волге Дутов давно уже перешел границы уральского казачества, и факт захвата его войсками Николаевска подтверждает лишь мое прежнее предположение о том, что конечным его намерением является действовать в тылу центра Востфронта и захватить Волгу на участке Самара — Саратов. Двинутая вами 25-я стрелковая дивизия вряд ли в состоянии будет достичь решительного успеха над своим многочисленным конным противником, а между тем ликвидировать опасность на правом фланге Востфронта до крайности необходимо в течение двух ближайших недель, дабы не дать возможности Дутову по достижении Волги соединиться с донским казачеством». Не давая конкретных указаний, главком требовал «еще раз пересмотреть условия обстановки» и «оценить эту обстановку в связи с положением левого фланга Южфронта», доложив ему вывод и сделанные распоряжения «не позже 2 июля» [3]...

1 июля В. И. Ленин запросил непосредственно М. В. Фрунзе: «Развитие успехов противника в районе

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 491.

[2] См. там же, с. 351.

[3] Из истории гражданской войны в СССР. М., 1961, т. 2, с. 229.

Николаевска вызывает большое беспокойство. Точно информируйте, достаточное ли внимание обратили Вы на этот район. Какие Вы сосредоточиваете силы и почему не ускоряете сосредоточение? Срочно сообщите о всех мерах, которые принимаете» [1].

Оценка обстановки М. В. Фрунзе была иной. «Операциям противника на Уральском фронте, в частности в районе Николаевска,— телеграфировал он В. И. Ленину в тот же день,— мной уделялось и уделяется самое серьезное внимание ввиду очевидной опасности соединения колчаковско-деникинского фронта на Волге». Успехи противника на этом фронте он объяснял только тем, что против белых действовали «лишь слабые части, совершенно не подготовленные, часто плохо вооруженные», поскольку все лучшие силы были отвлечены на уфимское направление, а здесь пришлось ограничиваться «затыканием дыр за счет вновь формируемых, совершенно небоеспособных частей, что приводило к ряду частичных успехов противника». М. В. Фрунзе сообщал В. И. Ленину, что сейчас им заканчивается сосредоточение 25-й дивизии и он приступает к решительной операции в направлении Уральска в надежде освободить его и весь север области через 10—14 дней [2].

2 июля М. В. Фрунзе резко отклонил предложение командования 4-й армии об оставлении Уральска, назвав это непониманием общей обстановки. 4 июля он сообщил гарнизону Уральска о начавшемся наступлении. 11 июля, точно в обещанный В. И. Ленину срок, ударная группа В. И. Чапаева, имея своим ядром 25-ю дивизию, освободила Уральск от осады, отбросив части противника на юг области. В тот же день М. В. Фрунзе сообщил Ленину: «Сегодня в двенадцать часов снята блокада с Уральска. Наши части вошли в город» [3].

19 июля М. В. Фрунзе вступил в командование Восточным фронтом, сменив С. С. Каменева, назначенного Главнокомандующим вооруженных сил Республики. Под его руководством 3-я и 5-я армии, преодолев Уральский хребет, вступили в равнины Сибири. В Уральском и Оренбургском районах казачьи армии, усиленные Южной армией генерала Белова, продолжали оказывать упорное сопротивление, надеясь на помощь войск Деникина. Основное внимание М. В. Фрунзе в этот период сосредоточивалось на заверше-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 3—4.

[2] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов, с. 181—182.

[3] Там же, с. 186.

нии разгрома в районе Челябинска северных армий Колчака и отделении их от его южной группы... и на подготовке полного разгрома последней. 22 июля он дал распоряжение 1-й и 5-й армиям о скорейшем овладении районами Верхнеуральска и Троицка, что должно было разобщить северную и южную группы колчаковских армий. 25 июля начал перегруппировку сил для разгрома колчаковских войск в районах Оренбурга, Орска и Актюбинска, что должно было восстановить связь с Туркестаном и изолировать Уральскую казачью армию. Медленность сосредоточения вызвала новую тревогу В. И. Ленина. 25 июля он телеграфировал М. В. Фрунзе: «Чрезвычайно тревожными кажутся мне наши неудачи и задержка к югу от Бузулука, под Уральском, под Царевом. Прошу обратить сугубое внимание и поточнее информировать меня» [1].

28 июля Фрунзе ответил: «...положение к югу от Бузулука в районе Уральска опасений не внушает. Не позднее 31-го, думаем даже раньше, весь правый берег Урала от Оренбурга до Уральска будет очищен от противника... Медленность нашего продвижения объясняется характером действий противника, оказывающего упорное сопротивление и ведущего борьбу на истребление. Приходится с боем занимать каждую станицу и хутор.

Серьезное положение к северу от Астрахани... Размеры опасности нами учитываются и соответствующие меры принимаются» [2].

13 августа 1, 4 и 11-я армии были выделены в Туркестанский фронт под командованием М. В. Фрунзе. В конце августа — начале сентября тщательно подготовленной операцией они разгромили Южную и Оренбургскую армии белых и, овладев районами Орска и Актюбинска, восстановили связь с Туркестаном. Уральская армия белых была оттеснена за Лбищенск, но продолжала сопротивление, получая снабжение от Деникина через Гурьев.

18 октября В. И. Ленин указал М. В. Фрунзе: «Все внимание уделите не Туркестану, а полной ликвидации уральских казаков... Ускоряйте изо всех сил помощь Южфронту» [3]. Операция смогла начаться только в начале ноября. Она была осложнена длительными переходами по безлюдным

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 20—21.

[2] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов, с. 194.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 62.

степям. Но 5 января 1920 года Фрунзе донес В. И. Ленину: «Уральский фронт ликвидирован» [1].

Деятельность М. В. Фрунзе весной и летом 1920 года в Туркестане носила в основном военно-политический характер и являлась образцом выполнения директив В. И. Ленина, придававшего этой работе огромное международное значение. Результатом этой деятельности М. В. Фрунзе было укрепление всех звеньев советского аппарата в Туркестане, укрепление и оздоровление партийной жизни, ликвидация всех фронтов Туркестанской республики, освобождение Хивы и Бухары и создание Хорезмской и Бухарской Народных Советских Республик.

* * *

В одном из писем В. И. Ленину из Туркестана М. В. Фрунзе, указывая на бесконечное количество задач, решаемых им, писал: «Я как-то раздвоился — не то быть военным, не то переходить и вплотную браться за партийную или хозяйственную работу. Впрочем, я ни на что не претендую и буду там, где укажут» [2]. Но обстановка в то время была еще такой, что военные вопросы стояли на первом плане, и партии нужны были в первую очередь полководческие таланты М. В. Фрунзе. В сентябре 1920 года, когда М. В. Фрунзе только что закончил Бухарскую операцию, разбив войска бухарского эмира, почти вчетверо превосходившие силы бухарской группы красных войск, а на юге европейской части Советской республики в грозную опасность вырос врангелевский фронт, с которым никак не могло справиться тогдашнее командование Юго-Западного фронта... Владимир Ильич обратился с запиской к тогдашнему председателю Реввоенсовета Республики: «...не назначить ли Фрунзе комфронтом против Врангеля и поставить Фрунзе тотчас. Я просил Фрунзе поговорить с Вами поскорее. Фрунзе говорит, что изучал фронт Врангеля, готовился к этому фронту, знает (по Уральской области) приемы борьбы с казаками» [3]. Кандидатуру М. В. Фрунзе поддержал главком С. С. Каменев, хорошо знавший Фрунзе по его деятельности на Восточном фронте и в Туркестане. 21 сентября пленум ЦК РКП(б) постановил принять предложение главкома о назначении М. В. Фрунзе командующим врангелевским фронтом и С. И. Гусева — членом РВС этого фронта.

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов, с. 247.

[2] Исторический архив, 1958, № 3, с. 40.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 276.

27 сентября М. В. Фрунзе вступил в командование этим фронтом. Во время проезда через Москву он был принят В. И. Лениным.

Тяжелые неудачи на врангелевском фронте летом 1920 года создали впечатление большой устойчивости и силы армии Врангеля. Тогдашний председатель РВС Республики и главком считали невозможной ликвидацию Врангеля без затяжной зимней кампании. В. И. Ленин, учитывая тяжелое положение Советской республики, поставил М. В. Фрунзе задачу ликвидировать врангелевский фронт в кратчайший срок, не допуская зимней кампании.

Обстановка на фронте к моменту приезда туда М. В. Фрунзе сложилась исключительно тяжелая. Армия Врангеля была сравнительно немногочисленной (около сорока тысяч штыков и сабель), однако самой квалифицированной из всех белогвардейских армий. Она имела высокий процент офицерского состава, была лучше других оснащена технически, выработала большую уверенность в своих силах в результате легких побед летом 1920 года. Входившие в состав нового Южного фронта 6-я, 2-я Конная и 13-я армии насчитывали всего около тридцати пяти — сорока тысяч штыков и сабель, их устойчивость и вера в свои силы были подорваны непрерывными предшествующими поражениями, и они отступали под ударами даже значительно меньших по численности, но хорошо управляемых ударных группировок Врангеля.

Переданная в состав нового фронта 1-я Конная армия находилась еще далеко на Правобережной Украине и после неудач на польском фронте переживала тяжелый внутренний кризис. Тыл фронта кишел многочисленными бандами, из которых особенно опасной была «армия» Махно. На новый фронт были направлены крупные резервы из внутренних округов, из Сибири, с Кавказского фронта, но они прибывали медленно, отдельными группами, не давая возможности быстро создать нужное превосходство сил. Положение осложнялось тем, что М. В. Фрунзе не получил готового аппарата управления фронтом. Штаб формировался заново, тыловые управления в основном оставались за Юго-Западным фронтом и обслуживали новый фронт лишь попутно.

Всем этим стремился воспользоваться Врангель, пытаясь до подхода резервов начисто разгромить наличные силы фронта и выйти на соединение с белополяками, толкнув их на продолжение борьбы с Советской республикой. К приезду М. В. Фрунзе врангелевские войска вели стремительное наступление на Донбасс.

3 октября М. В. Фрунзе телеграфировал В. И. Ленину, что ослабленная прежними неудачами 13-я армия (тогда главная на фронте), прикрывавшая Донбасс, «несмотря на значительные подкрепления», ударов врага не выдерживает. «Наша задача — во что бы то ни стало продержаться на левобережном участке и прикрыть Донбасс, не вводя в бой пока не готовой правобережной группы. Самым скверным считаю запоздание конницы Буденного, на что обращаю постоянно внимание главкома...» [1] 4 октября В. И. Ленин дал указание РВС 1-й Конной армии «изо всех сил ускорить передвижение вашей армии на Южфронт. Прошу принять для этого все меры, не останавливаясь перед героическими. Телеграфируйте, что именно делаете» [2].

6 октября М. В. Фрунзе обратил внимание В. И. Ленина на необходимость серьезных мер по приведению в порядок в политическом отношении 1-й Конной армии и высказался за желательность приезда в части армии председателя ВЦИК Калинина. Он сообщил также о соглашении с Махно, которое на время нейтрализовало банды последнего. В. И. Ленин через ЦК партии провел это предложение М. В. Фрунзе в жизнь. М. И. Калинин выехал в части 1-й и 2-й Конных армий и провел в них большую политическую работу.

8 октября Врангель, приостановив наступление на Донбасс, начал вторжение на правый берег Днепра в районах Никополя и Александровска. М. В. Фрунзе оценил это как начало решительного сражения. Он напрягал все усилия, чтобы активными действиями по всему фронту (кроме Каховки) сорвать планы противника. Он просил В. И. Ленина ускорить продвижение к фронту резервов, находящихся в пути на железных дорогах.

Действия войск фронта в Правобережье сначала носили неорганизованный характер. Но обстановка все же сложилась так, что 14 октября ударная группировка противника под Шолохово (северо-западнее Никополя) неожиданно потерпела тяжелое поражение и в беспорядке, бросая артиллерию и обозы, откатилась за Днепр. В тот же день потерпела неудачу атака противника против каховского плацдарма. М. В. Фрунзе сообщал В. И. Ленину, что эта неудача белых, «несомненно, является началом крушения Врангеля. Не позднее чем через неделю начнется наше общее наступление, и сомнения в его победоносном исходе у меня нет» [3].

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов, с. 353.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 295.

[3] *Фрунзе М. В.* Избранные произведения. М., 1957, т. 1, с. 376.

Выводы М. В. Фрунзе повторил в своем донесении член РВС фронта С. И. Гусев.

В ответ М. В. Фрунзе получил «охлаждающую» телеграмму: «Получив Гусева и Вашу восторженные телеграммы, боюсь чрезмерного оптимизма. Помните, что надо во что бы то ни стало на плечах противника войти в Крым. Готовьтесь обстоятельнее, проверьте — изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма. *Ленин*» [1]. Указание В. И. Ленина о необходимости использования бродов при прорыве в Крым определило идею операции по овладению перешейками Крыма.

18 октября М. В. Фрунзе подтвердил В. И. Ленину свою оценку обстановки: «...наш успех на фронте 6-й и 2-й Конной армий несомненно имеет значение перелома. Операция, предпринятая Врангелем, имела очень широкий размах и при удаче грозила нам фактическим уничтожением всех живых сил фронта». Поэтому «крушение этого плана означает и начало стратегического крушения Врангеля» [2].

В ночь на 24 октября, когда был установлен отход противника на восточном участке фронта на мелитопольские позиции, М. В. Фрунзе отдал приказ о немедленном преследовании арьергардов противника и переходе фронта в общее наступление с утра 28 октября, а 26 октября подписал приказ об общем наступлении фронта. Приказ требовал окружить и уничтожить главные силы Врангеля в Северной Таврии. Главная роль в этом отводилась 1-й Конной армии, которая должна была, став на тылах врангелевских сил, не допустить их отхода в Крым.

План М. В. Фрунзе, изложенный в этом приказе... рассматривался как образец глубокого самостоятельного оперативно-стратегического творчества М. В. Фрунзе...

Выход 1-й Конной армии на тылы врангелевских войск вызвал полное смятение главного командования белых. 30 октября Врангель признал свое положение в Северной Таврии безнадежным и отдал приказ о поспешном прорыве в Крым через чонгарские переправы. Однако в этот день 1-я Конная армия из-за плохой разведки не обнаружила главной группировки белых в районе Серагоз и разбросала свои силы на широком фронте от Айкамана до Геническа, исключив возможность организованного взаимодействия между своими дивизиями и другими армиями. 6-я армия не атаковала немедленно Перекопский перешеек своими главными силами, а остановилась перед Турецким валом и на северном побережье Сиваша.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 307.
[2] *Фрунзе М. В.* Избранные произведения, т. 1, с. 380.

30 октября ударная группа Врангеля отбросила у Айкамана на запад 6-ю и 11-ю кавалерийские дивизии 1-й Конной армии, а 31 октября — 1 ноября при поддержке донских частей, наступавших от Мелитополя, проложила себе путь в Крым через чонгарские переправы, оттеснив части 4-й и 14-й кавалерийских дивизий 1-й Конной армии.

2 ноября сражение в Северной Таврии закончилось. Враг потерял почти все тылы, обозы, склады, все бронепоезда, половину артиллерии, свыше 20 тысяч пленными, понес большие потери убитыми и ранеными. Политический эффект его молниеносного поражения был огромным. Но наиболее боеспособное ядро армии Врангеля все же прорвалось в Крым. За счет прорвавшихся частей Врангель начал спешно укреплять оборону Перекопского перешейка. 5 ноября М. В. Фрунзе отдал приказ об атаке чонгарских и перекопских укреплений, создав мощные подвижные эшелоны в армиях и в масштабе фронта. В боях 7—11 ноября армии Южного фронта под личным руководством М. В. Фрунзе овладели этими укреплениями и широким потоком хлынули в Крым. 16 ноября М. В. Фрунзе донес В. И. Ленину: «Южный фронт ликвидирован» [1].

В докладе VIII Всероссийскому съезду Советов в декабре 1920 года В. И. Ленин назвал быструю и решительную победу над Врангелем одной «из самых блестящих страниц в истории Красной Армии...» [2].

Полководческая деятельность М. В. Фрунзе по характеру проведенных им операций крайне разнообразна. Она началась в основном со встречного наступления против Колчака на самарско-уфимском направлении, вылившегося в три последовательно развернувшиеся операции (Бугурусланская, Белебеевская, Уфимская) при одновременной напряженной борьбе в районах Уральска и Оренбурга. При подготовке этого наступления обращает на себя внимание исключительно глубокий прогноз М. В. Фрунзе в развитии событий. Приступив к подготовке контрудара против Колчака почти за полтора месяца до его начала, он правильно определил район сосредоточения ударной группировки, направление главного удара и основы взаимодействия войск на разных направлениях. Все последующие распоряжения фронта и Главного командования сначала подтверждают исходные мысли плана М. В. Фрунзе, а затем начинают мешать его полной реализации... Только исключительная настойчивость М. В. Фрунзе,

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов, с. 449.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 130.

выступившего с глубокой оперативной аргументацией, привела к тому, что, «отвоевав» для уфимского направления 2-ю и 25-ю дивизии, он получил возможность провести одну за другой Белебеевскую и Уфимскую операции, мастерски меняя группировку сил и направления ударов в зависимости от изменяющейся обстановки. Расформирование Туркестанской армии переносит все внимание Фрунзе на оренбургское и уральское направления. Первоначальная оборона на этих направлениях характерна тем, что она строилась в основном на удержании двух центров — Оренбурга и Уральска, и это имело большое политическое и стратегическое значение. Политически это привело к тому, что оба казачьи правительства (оренбургское и уральское) остались без столиц и не могли получить нужного политического авторитета ни в глазах казачества, ни в ставке Колчака.

В оперативно-стратегическом отношении удержание Оренбурга и Уральска исключало возможность глубокого отрыва казачьих армий от своих областей и возможность тесного взаимодействия между ними. Оперативно-тактический опыт этих операций характерен тем, что обе области были очищены от казачьих войск почти исключительно пехотными частями при наличии почти пятикратного превосходства белых в коннице. При аналогичных условиях в пределах Донской и Кубанской областей войска Южного и Кавказского фронтов Республики, как правило, терпели неудачи. Причины успешной борьбы в Уральской и Оренбургской областях в основном заключались в том, что стрелковые соединения здесь более тщательно готовились к борьбе с конницей, имея подробные инструкции и приказы М. В. Фрунзе, и находились под его искусным оперативно-тактическим руководством. В деятельности на Восточном и Туркестанском фронтах М. В. Фрунзе выступает не только как искусный оператор, но и как глубокий стратег, прогнозы которого неизменно оправдывались... Заключения М. В. Фрунзе о положении на этих фронтах всегда являлись отправным материалом для оценки военной обстановки В. И. Лениным.

Деятельность М. В. Фрунзе на врангелевском фронте поражает исключительной оперативно-стратегической целеустремленностью и выдержкой. Он ставил себе задачей нанести быстрое, сокрушительное поражение Врангелю, не допуская зимней кампании, собрав для этого подавляющее превосходство сил. И все оказывается подчиненным этой задаче. Он останавливает наступление Врангеля на Донбасс, не вводя в бой неготовой правобережную группу. Он ведет борьбу с Врангелем за Днепром, не расходуя при этом

главных сил 6-й армии, которая должна была сыграть важнейшую роль в общем наступлении, создав сначала возможность ввода в прорыв 1-й Конной армии, а затем став главной ударной силой для прорыва через Перекопский перешеек.

М. В. Фрунзе необычайно быстро и верно улавливает все переломы обстановки на врангелевском фронте и немедленно реагирует на них. Операция на окружение главных сил Врангеля севернее перешейков, а затем операция по прорыву через укрепления перешейков и овладению Крымом для своего времени являлись классическими образцами фронтовых наступательных операций. По своим формам они являлись идейными предшественниками основного типа успешных наступательных операций второй мировой войны, хотя последние и проводились в более широких масштабах и с новыми средствами борьбы.

Особенностью всей полководческой деятельности М. В. Фрунзе является то, что она проходила при постоянном участии В. И. Ленина. Никогда не вмешиваясь в детали исполнения, В. И. Ленин определял основное направление деятельности М. В. Фрунзе, ставя перед ним конкретные цели и задачи, определяя последовательность их решения, иногда советуя применить те или иные формы борьбы.

М. В. Фрунзе необычайно высоко ценил все эти указания. В них он видел связь между широкой политической стратегией В. И. Ленина и ее конкретным преломлением в вооруженной борьбе. М. В. Фрунзе стремился поставить решение всех технических вопросов на службу политической стратегии В. И. Ленина. У В. И. Ленина он учился широкому политическому и военному кругозору, на основе его указаний вырабатывал умение быстро и верно оценивать обстановку. «Ленинизм,— говорил он впоследствии,— это та совершенно новая струя, которая внесена в учение о классовой войне. В части военной, соприкасающейся с нами, мы в целом ряде трудов товарища Ленина имеем такого рода положения, правила и принципы, которые имеют полную аналогию с нашей военной работой. Стратегия и тактика могут быть с полным основанием перенесены из области чисто военной в область чисто политическую... В классовой борьбе имеется стратегия, имеется тактика как элементарная, так и общая, и только тот, кто усвоит себе существо этой стратегии рабочего класса, может быть руководителем борьбы рабочего класса за его освобождение» [1].

---

[1] *Фрунзе М. В.* Избранные произведения. М., 1957, т. 2, с. 176.

Но М. В. Фрунзе учился стратегическому руководству вооруженной борьбой у В. И. Ленина не только по аналогии между стратегией политической и стратегией военной. Он необычайно высоко ценил В. И. Ленина и как военного стратега, «как руководителя не только в области чистой политики, но политики, переходящей в вооруженную борьбу, в восстание, а затем гражданскую войну», ибо и «в этой части товарищ Ленин выявил себя гениальнейшим стратегом и тактиком»[1].

М. В. Фрунзе был полководцем ленинской школы, и в этом основная причина того, что он не имел ни одного поражения в гражданской войне.

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 278—297.

А. А. ОСИНКИН

РАБОТАТЬ С НИМ БЫЛО СЧАСТЬЕМ

Закончилась битва за Таврию. «Черный барон» поспешно бежал за укрепления Перекопа и Сиваша. Туда, к месту будущей решительной схватки, специальный поезд везет командующего Южным фронтом и его полевой штаб. Я назначен комиссаром этого штаба.

Все ближе и ближе Мелитополь. Едем по местам недавних боев. Еще дымятся сожженные врагом станционные постройки, по сторонам валяется искореженная военная техника. В воздухе все отчетливее чувствуется запах печеного хлеба. Неужели где-то поблизости полевая пекарня? Нет, это горят вагоны с зерном, огненные струйки текут на землю. Даже не верится, что такое могут позволить люди.

— Какие подлецы — жгут хлеб! — слышится в тишине гневный голос Михаила Васильевича. — А в Москве, Питере и Иванове голодают маленькие дети... Разве у них нет детей?.. Вот настоящее лицо наших врагов. Показать бы это ивановским ткачам, они бы голыми руками разорвали мерзавцев.

Фрунзе долго не мог забыть этот случай. Нет-нет да и вспомнит про горящий хлеб. И опять его охватит негодование.

Бывая в частях перед самым наступлением на крымские укрепления Врангеля, командующий старался поднять боевой дух красноармейцев. А когда начались бои, он всячески поощрял стремление командиров соревноваться между собой.

[1] *Фрунзе М. В.* Избранные произведения, т. 2, с. 209.

Помню, как однажды Фрунзе говорил начдиву 30 И. К. Грязнову:

— А ведь Блюхер вас обогнал!

51-я дивизия В. К. Блюхера в это время штурмовала Перекопский вал, а 30-я стрелковая находилась перед чонгарскими переправами.

Услышав от командующего о геройстве соседа, начдив Грязнов в тот же день вызвал к себе начальника штаба, командиров бригад и провел короткое совещание. Вскоре 30-я дивизия начала атаку чонгарских мостов и дамбы. Противник яростно отбивался, ему помогал корабельной артиллерией флот Антанты. Цепи наступавших красноармейцев сильно редели, но живые неудержимо рвались вперед и, выхлестнув на противоположный берег, смяли врангелевскую оборону.

Этот бой явился для 30-й дивизии своего рода революционным экзаменом... Овладев чонгарскими переправами, дивизия 12 ноября захватила станцию Джанкой и отрезала противнику пути отступления по железной дороге. Обойденные ею Юшуньские укрепления были взяты с боем 52-й и 15-й дивизиями.

Командующий фронтом высоко оценил боевые дела 30-й. За ее успехами пристально следил и всероссийский староста Михаил Иванович Калинин. Именно она была у него на примете, когда он предложил назвать именем ВЦИК ту дивизию, которая проявит наивысшую степень доблести. Фрунзе телеграфировал Председателю ВЦИК: «...надежды Ваши дивизия оправдала в полной мере». Кроме почетного имени ВЦИК ей было присвоено наименование «Чонгарская» в память о самом жарком бое, проведенном ею при освобождении Крыма...

При форсировании Сиваша 15-я и 52-я стрелковые дивизии, перешедшие на Литовский полуостров, попали в трудное положение. Противник обрушил на нашу пехоту сильный огонь и начал ее теснить. Требовалась срочная поддержка конницы...

В те дни я по поручению М. В. Фрунзе много занимался вопросами инженерного обеспечения и боепитания. Должен сказать, что саперы и другие специалисты действовали героически. Под огнем противника они сооружали переправы, находясь по шею в холодной воде Сиваша, провешивали броды. Чтобы доставить в части боеприпасы и снаряжение, приходилось перегонять вагоны конной тягой, а когда не хватало лошадей — перекатывать руками.

Однажды в разгар работ по восстановлению пути Михаилу Васильевичу понадобилось переправиться на Литовский полуостров. Паровоз еще нельзя было пускать, и начальник инженеров 4-й армии предложил командующему вагон, запряженный лошадьми. Михаил Васильевич отказался, предпочел ехать верхом. Мало знавший его начинж 4 стал говорить об опасности такой переправы.

— Плохо же вы думаете о нас, туркестанцах,— шутливым тоном возразил Фрунзе.— У нас даже инженеры — хорошие кавалеристы. Поедем, товарищ Осинкин.

Только что положенные и как следует не укрепленные, мостки качались под лошадьми, но они (то ли по привычке, то ли от усталости) никак не реагировали на колеблющуюся дорогу.

Вскоре на станции Таганаш, куда мы прибыли, состоялся митинг. М. В. Фрунзе выступил с небольшой речью. Он говорил о героизме защитников молодой Советской республики. Добрым словом командующий упомянул и саперов. Потом состоялось награждение отличившихся командиров и красноармейцев 30-й дивизии орденами и грамотами ВЦИК. Обстановка была торжественная, но скромная.

В своих воспоминаниях я не стремился обрисовать всю многогранную деятельность М. В. Фрунзе. Но и отдельные эпизоды из его жизни, на мой взгляд, представляют большой интерес. Они убедительно показывают, какой это был простой и душевный человек, как легко было с ним работать.

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 170—173.

ЕНЁ ДЬЁРКЕИ

РЯДОМ С ФРУНЗЕ

Встреча с Лениным в Кремле

Летом 1919 года Красная Армия успешно провела на всех фронтах ряд крупных операций, в результате которых войска Колчака были разгромлены...

В первых числах августа Фрунзе вызвали в Москву...

Светлело затянутое легкими облачками небо. В четыре часа трубач дал сигнал, возвещая о прибытии Фрунзе. Раздались слова команды, и начальник отряда охраны Мартон Шаркёзи доложил о готовности поезда к отправке. Выслушав рапорт, Фрунзе разрешил трогаться...

На следующий день около полудня подъехали к Москве. Поезд сбавил скорость: то и дело попадались стрéлки. Бойцы с удивлением смотрели на огромный город, бегущий навстречу. Поезд шел по окраине Москвы. Справа стали видны огромные корпуса завода Гужона, ...поезд медленно подкатил к платформе Казанского вокзала. Шипя и пыхтя, паровоз остановился, бойцы охраны повыскакивали из вагонов, чтобы занять свои места по обеим сторонам состава. Всероссийский Реввоенсовет прислал для командующего Южной группой две машины...

Большой, с открытым верхом «форд», миновав Красную площадь, въехал в ворота Кремля и остановился перед большим желтым зданием. Фрунзе и Сиротинский [1] вошли в здание, а двое сопровождающих остались ждать их в кремлевском саду...

Любуясь царь-пушкой, они заметили, что через парк в их сторону идет товарищ Фрунзе. Рядом с ним шагал невысокий человек с острой бородкой. Их сопровождали Сиротинский и еще двое незнакомых венграм мужчин.

— Посмотри-ка! Ведь это товарищ Ленин! Тот, что справа от Фрунзе. Я его сразу узнал,— прошептал Агоштон.

Когда Ленин и Фрунзе подошли к венграм, те браво откозыряли. Ленин обратил внимание на их новенькую форму: черные хромовые сапоги, кителя красного цвета и малиновые шаровары.

— Кто эти товарищи? — спросил Ленин, обращаясь к Фрунзе.— Из какой части?

— Из моей охраны, Владимир Ильич...— начал Фрунзе.

— Что? Телохранители? Вы шутите...

— Нисколько. Я как-то вам говорил, что при подвижной группе штаба имеется комендантский взвод.

— Да, да, я помню, но кто они?..— Ленин лукаво улыбнулся и с любопытством оглядел бойцов.

— Это венгры,— пояснил Сиротинский.

— Венгры? — удивился Ленин.— Действительно венгры? — спросил он Вайду и Агоштона, подходя к ним.

— Так точно, товарищ Ленин.

— А почему воюете здесь? По убеждению?

Венгерские товарищи опешили от неожиданного вопроса. Первым нашелся Агоштон. Преодолевая робость, он сказал:

— Разумеется, по убеждению. Наш путь сюда был нелегким. Без убеждения не станешь рисковать жизнью, товарищ Ленин...

---

[1] *С. А. Сиротинский* — адъютант М. В. Фрунзе.

— Слышал я о вас, венгерских интернационалистах,— сказал Ленин. — Вы хорошо воюете. Помните, что здесь вы сражаетесь не только за свободу русских рабочих и крестьян, но и за свободу своего народа...

Ленин положил Агоштону на плечо руку, лукаво прищурил глаза и, улыбнувшись, повторил:

— Желаю вам успеха, товарищи!

Ленин и два его спутника исчезли в лабиринте сада. Фрунзе и Сиротинский остались с венграми.

— Самый большой большевик разговаривал с вами, Ленин... — сказал Фрунзе.

Дьёркеи Е. Рядом с Фрунзе. М., 1963, с. 41—43, 45—48.

Р. П. ЭЙДЕМАН

РУКОВОДИТЕЛЬ И ОРГАНИЗАТОР КРАСНОЙ АРМИИ

...Было бы непосильной задачей дать исчерпывающую оценку товарищу Фрунзе, как полководцу в гражданской войне. Можно сказать, что каждая из операций, проведенная им, заслуживает тщательного и внимательного изучения, как образец военного искусства молодой Красной Армии. Достаточно сослаться хотя бы на операцию Южной группы... весной 1919 года.

Мне хочется остановиться на ней и в историческом разрезе показать, что одна эта операция была бы способна обессмертить ее руководителя.

Надо припомнить сложнейшую обстановку, которая характеризовала начало 1919 года. На юге наши успехи сменяются... наступлением Деникина. Мы теряем украинский хлеб, донецкий уголь. Наступление Колчака ликвидирует на Восточном фронте тот успех, который обозначился в конце 1918 года и в начале 1919 года. Колчак быстро двигается в сторону Казани и Самары. Кажется, что Колчак и Деникин протягивают через Волгу друг другу руки для объятий, чтобы в этих объятиях хрустнули кости молодого Советского государства. Обстановка осложняется тем, что с потерей сибирского и украинского хлеба, донецкого угля и бакинской нефти стиснутая фронтами Советская страна переживает величайшие экономические затруднения, начало которых надо искать еще в мировой войне.

Судьба Советской страны, кажется, висит на волоске. Внутри страны — замерзающие города, останавливающаяся из-за отсутствия сырья и угля промышленность, разбитые

параличом железные дороги, а на фронтах — быстро и стремительно развивающийся успех Деникина и Колчака...

Вот та обстановка, в которой страна впервые услышала имя товарища Фрунзе как полководца Красной Армии... Я припоминаю, с каким напряжением мы в те дни, когда Колчак продвигался к Казани и Самаре, следили за действиями руководимой товарищем Фрунзе группы армий (1-й, Туркестанской, 4-й армий), составлявших правый фланг Восточного фронта, занимавших районы Оренбурга и значительную часть Уральской области и нависавших поэтому над глубокими тылами и флангами Колчака. Создавалось очень выгодное для контрудара, но вместе с тем крайне рискованное положение...

Однако в этой сложнейшей обстановке товарищ Фрунзе принимает смелое решение о сосредоточении в районе Бугуруслана сильной группы для удара по наступающим на Казань и Самару колчаковским армиям, принимает и проводит осуществление этого замысла в жизнь с исключительной энергией и последовательностью. Для этой цели ему приходится обнажать участки и так недостаточно устойчивого фронта, в частности, рисковать Оренбургом. Надо было обладать большой смелостью, брать на себя громадную ответственность, чтобы в этой обстановке, без помощи резервов извне, только за счет растяжки и ослабления своего фронта, создать ударную группу, одно появление которой уже должно было сдерживающе сказаться на дальнейшем прорыве Колчака.

Удар Южной группы в тыл Колчака, сам замысел операции, по ряду объективных условий, не дали полностью тех результатов, которых хотел достигнуть сам товарищ Фрунзе. Колчаку удалось в Самарско-Уфимском районе уйти от полного окружения и разгрома, но перелом был достигнут. Важно, что Колчак оттягивался к Уфе и дальше за Урал, растерянно бросая пачками свои последние резервы. Важно потому, что за Уралом Колчак оказывался в повстанческом котле — районе, где с каждым днем все шире развивалось крестьянское восстание. В условиях охваченного восстанием тыла... отход за Урал означал для Колчака катастрофу и гибель...

Я остановился на Южной группе еще и потому, что результаты ее боевой деятельности поразили всех, знавших состояние армий, входивших в ее состав до этой операции, иначе говоря, до прихода товарища Фрунзе. Это были полупартизанские, малодисциплинированные, в большинстве малоустойчивые части, боевая деятельность которых часто сопровождалась насилиями над командным и комиссарским

составом (убийство члена Реввоенсовета 4-й армии Линдова и т. д.). Представление о состоянии частей заставляло нас всех в известной мере сомневаться за исход операций Южной группы. Мы тогда еще не учли той громадной организационной и политической работы, которую за короткий срок проделал в этих частях товарищ Фрунзе, подготовив их для выдающейся боевой деятельности.

Неутомимый и весь в напряжении, весь волевой, товарищ Фрунзе работал в эти дни над приданием армиям и их частям необходимых организационных форм, над превращением полупартизанских, зараженных «батьковщиной», отрядов в регулярные части Красной Армии, над превращением командиров-партизан в командиров регулярной Красной Армии. В этом смысле деятельность товарища Фрунзе в Южной группе заслуживает особенного внимания и изучения.

Говоря о товарище Фрунзе как о полководце, мне хотелось бы отметить еще одну исключительную черту, особенно ценную в революционной, гражданской войне: товарищ Фрунзе не только замышляет стратегические планы, но он сам очень часто принимает непосредственное наблюдение или даже руководство за их осуществлением, иначе говоря, решительно берет на себя ответственность даже за их практическое осуществление. Во время маневра ударной группы весной 1919 года товарищ Фрунзе находился при ней. В ноябре 1920 года он сам был под Перекопом среди частей, наносивших удары. В борьбе с Махно, видя неустойчивость частей и недостаточно умелое руководство ими со стороны командиров, товарищ Фрунзе берет на себя непосредственное руководство борьбой.

В решающие моменты товарищ Фрунзе всегда в решающих местах. Другая черта — это исключительная настойчивость, последовательность и твердость в проведении принятых решений, способность не теряться в сложнейшей обстановке...

Товарищ Фрунзе, как никто, сумел сочетать в своих решениях политическую обстановку с военной. Товарищ Фрунзе, как никто другой, умел располагать к себе не только руководящие круги армии, но и широчайшие круги красноармейской массы. Один из командиров Красной Армии, в прошлом специалист старой армии, очень метко выразился, что через товарища Фрунзе, как члена партии, многие командиры пришли к пониманию революции.

Товарищ Фрунзе неоднократно — это вытекало из его близости к массам — проявлял себя не только... как талантливый руководитель, но и как героический солдат революции.

Я бы сказал, что товарищ Фрунзе, выдвинутый на ответственные посты, оставался тем же массовиком Арсением, который в свое время в тягчайших условиях реакции сумел поднять на революционную борьбу текстильщиков Иваново-Вознесенского и Шуйского районов. Факты, когда товарищ Фрунзе проявлял себя в качестве героического солдата, некоторые в свое время склонны были объяснить лишь излишней неосторожностью, излишней дерзостью... Это неверно. Товарищ Фрунзе чутьем полководца понимал, что значит психология армии, настроение широких армейских масс в борьбе с врагом. Он — солдат, героически рискующий своей жизнью тогда, когда обстановка требует жертв и примера от него самого.

В критические моменты, когда ударная группа Каппеля обрушилась на войска Южной группы, товарищ Фрунзе появляется среди Иваново-Вознесенского полка, любящего и знающего его, в момент, когда колеблются ряды, он, рискуя жизнью, бросается вперед. На Украине, в тяжелой обстановке, когда наблюдалась известная расхлябанность командного состава, усталость частей в борьбе с изворотливым Махно... товарищ Фрунзе появляется среди войск... рискует собой... но надо было видеть последствия этого шага, чтобы понять, что здесь мы видели того же массовика, того же полководца, обладающего чутьем масс и понимающего, что в известной обстановке его личный пример может явиться решающим моментом в деле поднятия боевой дисциплины.

Это чутье масс сказывается у товарища Фрунзе во всей его деятельности. Я припоминаю, что до прихода товарища Фрунзе на пост народного комиссара по военным и морским делам нашему командно-политическому составу многие важнейшие проблемы строительства Красной Армии казались неразрешимыми. Нужно было иметь чутье массовика, уметь «приложиться к земле» для того, чтобы слышать, чем дышит земля, уметь внимательно следить за развивающейся техникой, чутко прислушиваться к военной мысли не только у нас, но и за границей, чтобы развить ту колоссальную работу, которую за короткий период времени проделал на посту народного комиссара по военным и морским делам товарищ Фрунзе.

Целый ряд крупных и сложных проблем был резко и отчетливо поставлен им перед страной и армией: реорганизация нашей Красной Армии на современных началах, твердое осуществление территориальной системы, внедрение дисциплины в ряды армии, развитие военной техники, военизация страны, установление порядка прохождения служб

командным и красноармейским составом, вопрос мобилизационной готовности — вот картина исключительно широкой деятельности товарища Фрунзе за короткий срок.

Будучи председателем военно-научного общества, товарищ Фрунзе проявляет особую чуткость в вопросах военно-научной мысли. Занятый до крайности, загруженный работой, он сам неустанно работает над собой, поражая всех... своей начитанностью, умением следить за всем, что появляется нового среди военных книг у нас и за границей.

Военно-научное общество для товарища Фрунзе не только один из инструментов поднятия боевой готовности армии, разрешения проблем обороны страны... но и инструмент для выявления новых, способных к росту военных работников, которыми так умел дорожить товарищ Фрунзе.

Товарищ Фрунзе не закончил своей работы. Я бы сказал: как искусный архитектор, он нам оставил высокие леса, по которым мы можем создать себе представление о том грандиозном здании, какое он мыслил себе в лице Красной Армии.

Я не ставлю своей задачей дать исчерпывающий облик товарища Фрунзе, как военачальника... В этом смысле товарищ Фрунзе требует самого внимательного изучения. Такое изучение, я считаю, имеет не только исторический смысл создания памятника этому выдающемуся человеку, который сумел стать близким своей стране и Красной Армии, но и громаднейший практический смысл в деле воспитания Красной Армии, в частности, нашего командно-политического состава. Мне кажется, что при внимательном изучении деятельности товарища Фрунзе, как одного из выдающихся, рожденных самой революцией полководцев, мы можем создать, в известной степени, такой тип полководца, на котором мы могли бы учить и воспитывать наш комсостав.

Воспоминания о Фрунзе.
Иваново, 1959, с. 294—302.

Г. А. САНОВИЧ

У ЗНАКОМОГО ПОРТРЕТА

Бывая в Центральном Доме Советской Армии, я всякий раз останавливаюсь в вестибюле у скульптурного портрета М. В. Фрунзе. Для других его черты застыли в мраморе, а мне при каждом свидании всегда кажется, что Михаил Васильевич смотрит сегодня как-то по-особому.

Вот он сосредоточенно-серьезен. Таким видел его во время Перекопско-Чонгарского штурма в ноябре 1920 года...

Снова вглядываюсь в портрет. Лицо по-прежнему серьезное, но в глазах уже появился живой огонек. Это Фрунзе просит меня, кадрового кавалериста, объездить боевого коня. Великолепный рыжий англо-араб стоит рядом с нами, Михаил Васильевич похлопывает его по шее, любуется красавцем. Хороший конь — надежный друг. На этом быстром, как вихрь, англо-арабе Фрунзе впоследствии ушел от преследования махновской банды...

А вот вижу Михаила Васильевича с улыбкой на лице... После служебного совещания, в котором участвовали командиры дивизий и корпусов, высшие штабные работники и командиры, решили мы собраться в штабном общежитии и в товарищеской обстановке немного отдохнуть. Местом встречи избрали мою комнату...

С. Д. Харламов, помощник Фрунзе по Южному фронту, а затем командующий Трудовой армией, комиссар штаба В. А. Сулацкий и комкор В. М. Примаков уговорили прийти к нам и Михаила Васильевича. Когда все оказались в сборе, Фрунзе огляделся и спросил меня: «А где хозяйка?» Стоявший поблизости инспектор пехоты А. В. Павлов шутливо заметил: мол, дали боевым подругам день отдыха. Все стали рассаживаться вокруг стола, а Михаил Васильевич пошел в соседнюю комнату. Вскоре он вернулся, ведя за руку мою жену. Она смущалась, садиться за стол не хотела, но Михаил Васильевич усадил ее рядом с собой и громогласно объявил, что для хозяйки мужская компания должна сделать исключение. Присутствие хозяйки, сказал он, предостережет молодежь от излишнего энтузиазма... Никогда не было у него ни малейшего желания как-то возвеличить себя. Мы, знавшие Михаила Васильевича в годы его полководческой славы, с удивлением и радостью видели, как он по-товарищески прост с подчиненными, независимо от их рангов, как умеет подметить, поощрить старание и достоинства других.

...В тот вечер, когда они сидели вместе с нами и Михаилом Васильевичем за дружеским столом, веселость Фрунзе объяснялась просто: он чувствовал себя в кругу друзей. Но такое объяснение было бы явно неполным. Бодрость, оптимизм составляли черты характера Фрунзе...

Но был случай, когда Фрунзе меня крепко отчитал. Как раз из-за этой вот мраморной скульптуры. Правда, я и до сих пор ничуть не жалею, что вызвал тогда недовольство командующего: ведь потомкам остался замечательный образ

полководца, единственное изваяние, сделанное при его жизни.

Инициатором затеи со скульптурой был Сергей Иванович Гусев. Как-то в разговоре он сказал: хорошо бы запечатлеть Михаила Васильевича в живописи или скульптуре, нужно что-нибудь придумать. «Только об этом,— предупредил он,— пока никому ни слова: от самого Фрунзе согласия тут не добьешься».

Немного позднее я поехал в Москву. Наряду с официальным заданием С. И. Гусев дал мне секретное поручение пригласить художника. Я побывал у наркома просвещения А. В. Луначарского. Выслушав меня, Анатолий Васильевич согласился, что это нужно сделать, и дал мне рекомендательное письмо к уже известному тогда скульптору Исааку Менделевичу.

Скульптор охотно принял приглашение. Готовясь к предстоящей работе, он раздобыл где-то фотографии Фрунзе и пытливо расспрашивал меня о его характере, привычках, отношении к людям. Его волновал один вопрос: согласится ли Фрунзе позировать?

Признаться, меня это тревожило не меньше, чем Менделевича. Ведь Михаилу Васильевичу мы еще ничего не говорили о задуманном, зная наперед, что он не разрешит вызывать художника из Москвы. Как я и предполагал, Фрунзе сильно рассердился на меня и позировать решительно отказался.

Что делать? Несколько дней Менделевич терпеливо ждал. Я тем временем убедил помощника командующего С. Д. Харламова представить скульптора Михаилу Васильевичу.

При знакомстве с Исааком Менделевичем Фрунзе шутливо сказал, что видит серьезный заговор и покушение на свое рабочее время, но не может отказать московскому гостю, раз уж он специально приехал для этой никому не нужной работы...

— Сколько же времени вы собираетесь у меня отобрать? — спросил скульптора Михаил Васильевич.

— Сеансов восемь нужно бы...

— Что вы, что вы! — замахал руками Фрунзе.— Два сеанса, и то не знаю, как время выкроить.

В конце концов условились, что Менделевич дополнительно поработает в кабинете Михаила Васильевича, когда он будет заниматься один.

Две недели провел Менделевич в Харькове, урывками работая над портретом. Когда в кабинет Фрунзе заходил кто-либо для служебного разговора, скульптор незаметно

удалялся... в соседнюю комнату. Иногда им удавалось побеседовать. Михаил Васильевич живо интересовался новостями в искусстве и литературе, расспрашивал Менделевича о Блоке, Горьком, Ромене Роллане, удивляя собеседника знанием литературы.

Скульптор жил у меня на квартире. Возвращаясь по вечерам от Фрунзе, он радостно говорил, как много удовлетворения доставляют ему эти короткие встречи. Они помогли художнику лучше понять волевой характер полководца, увидеть его светлый ум и доброе сердце, раскрыть секреты его обаяния. Именно эти черты и воплотил Исаак Менделевич в скульптурном портрете. Тогдашняя работа помогла скульптору и в создании монументальных памятников Фрунзе.

Ну, а я могу только гордиться тем, что принял некоторое участие в этом деле. Теперь, глядя на мраморного Фрунзе в Центральном Доме Советской Армии, я с восхищением вспоминаю живого Михаила Васильевича.

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 174—179.

Я. Д. ЧАНЫШЕВ

ПОЛКОВОДЕЦ ЛЕНИНСКОЙ ШКОЛЫ

...На Туркестанском фронте первоочередной задачей была в это время (осень 1919 — начало 1920 года) ликвидация басмачества в Ферганской области и анненковцев, семеновцев — контрреволюционных кулацких казачьих отрядов — в Семиречье.

«Фергана ныне является траурным домом»,— писал тогда М. В. Фрунзе. Там уже два года свирепствовали басмачи, организованные контрреволюционной буржуазией и духовенством.

Местные органы власти, даже часть партийных органов были засорены... меньшевиками, эсерами, дашнаками и буржуазными националистами. Они объявили себя защитниками прав мусульманских народов, но фактически поддерживали басмачей и играли на руку контрреволюционерам и интервентам.

В своем приказе Фрунзе писал: «Товарищи, я... требую, чтобы каждым своим действием, каждым поступком как отдельные красноармейцы, так и целые части внушали населению любовь и доверие к Красной Армии... требую, чтобы не слезы и горе, а радость и благодарность оставляли вы

за собой, проходя селения и кишлаки Ферганы...»[1] Этими указаниями мы, коммунисты центральных войск, прибывшие в Фергану, и руководствовались, помогая местному населению в укреплении Советской власти в Фергане.

В октябре 1919 года, по предложению Ленина, была образована правительственная комиссия ВЦИК (Турккомиссия), под руководством Ш. З. Элиавы и в составе Г. И. Бокия, Ф. И. Голощекина, В. В. Куйбышева, Я. Э. Рудзутака, М. В. Фрунзе[2]. Перед ней была поставлена задача исправить ошибки в проведении ленинской национальной политики, укрепить дружбу народов Туркестана и Советской России. Вся деятельность Турккомиссии проходила под руководством и действенной помощи и поддержке Ильича. В ноябре 1919 года Ленин писал: «Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое. Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам...»[3]

М. В. Фрунзе, хорошо знавший условия и быт народов, проводил в Туркестане ленинскую национальную политику, требуя и от нас этого. Даже к басмачеству он требовал дифференцированного подхода. «Басмачи не просто разбойники,— говорил Фрунзе,— если бы это было так, то, понятно, с ними давно было бы покончено. Нет, главные силы басмачества составляли сотни и тысячи тех, коих так или иначе задела или обидела прежняя власть; не видя нигде защиты, они ушли к басмачам и тем придали им небывалую силу. Вместе с собой они принесли басмачам и поддержку мусульманского населения»[4].

Исходя из этого, Реввоенсовет фронта решил пойти на переговоры с главарями крупных отрядов басмачей, и буквально в течение двух-трех месяцев крупнейшие их отряды... перешли на сторону Советской власти. Старики, бывшие басмачи, мирно отправились по домам, так же как и те, кто

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов, с. 308.

[2] Туркестанская комиссия ВЦИК и СНК РСФСР, 8. 10. 1919— 16. 8. 1922, представляла ВЦИК и СНК РСФСР и действовала от их имени в Туркестанской АССР. Обладала полномочиями государственного и партийного органа.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 304.

[4] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов, с. 308.

не захотел остаться в рядах армии; остальные составили эскадроны, полки и бригады, во главе которых встали наши командиры и комиссары.

Нелегко было обучить бывших басмачей организованному ведению боя, еще труднее — воспитывать их, подчинить эту анархистскую стихию сознательной воинской дисциплине. К тому же некоторые из главарей банд смирились притворно, неискренне; курбаши Ахунджан, например, перешел на нашу сторону только для виду, а на деле отказывался подчиняться приказам командующего, не выполнял его строжайшего требования — не грабить население и не чинить никаких насилий над ним, он отказался вести свой полк в лагеря.

Что было делать с ним?

В мае 1920 года Фрунзе сам приехал в Андижан, где тогда стояла наша Татбригада, чтобы лично потребовать повиновения Ахунджана. Курбаши и на этот раз отказался ехать в лагеря. Тогда мы, командиры Татбригады, по приказу М. В. Фрунзе, решили разоружить отряд Ахунджана следующим «оригинальным» способом.

В новом городе, на центральной площади у церкви, должен был происходить парад войск гарнизона по случаю приезда командующего. Мы решили расположить войска таким образом, чтобы против каждого басмача стояли два красноармейца. По моему сигналу бойцы должны были отобрать винтовки из рук басмачей. Тем временем в клубе Татбригады Фрунзе решил сам разоружить Ахунджана и его курбашей, собрав их на «совещание».

Но мы многого не предусмотрели: во-первых, того, что басмачи могут явиться на парад с оружием, заряженным боевыми патронами, во-вторых, что поглазеть на парад придет много штатского народа. Когда я верхом подъехал к площади, то действительно увидел, что вся она запружена женщинами в нарядных платьях, мужчинами в шляпах и с тросточками. Никакие уговоры отойти в сторону, на тротуар, не действовали. Мужчины делали вид, что не слышат, а дамы в ответ мило улыбались. Еще бы — ведь каждому хотелось посмотреть на бойцов в торжественном строю и послушать музыку...

Поднявшись на трибуну, я поздравил войска, потом стал читать приказ командующего фронтом М. В. Фрунзе, в котором говорилось о неподчинении Ахунджана и предлагалось его полку сдать оружие. Тут я подал сигнал, но при первой же попытке отобрать у басмачей оружие кто-то из них выстрелил. Началась пальба. Штатские кинулись врассыпную,

поднялась паника... Сколько я ни кричал нашим, чтобы они прекратили стрельбу, что и так никто из басмачей не уйдет, ибо все дороги перекрыты повозками — меня никто не слышал.

Я вскочил на первого попавшегося коня и поскакал в клуб, заранее волнуясь, как там прошло дело с разоружением Ахунджана и его курбашей...

Фрунзе, несколько взволнованный, встретил меня на крыльце. Он уже покончил со своей главной частью задачи. Правда... не обошлось без инцидента: курбаши наставили на Фрунзе свои револьверы, но хладнокровие и выдержка Михаила Васильевича спасли положение — басмаческие главари сдали в конце концов оружие, и все обошлось более мирно, чем у нас. Я доложил Фрунзе о том, что произошло на площади, и стал ждать по меньшей мере строгого внушения за неудачный «оригинальный ход». Но не таков был Фрунзе. Ничего не сказав, он только укоризненно покачал головой... От М. В. Фрунзе, начиная с первых встреч, еще в Самаре я ни разу не слышал ругани, грубости и унижения своих подчиненных, поэтому он пользовался исключительным авторитетом и уважением среди солдат, командиров и политработников.

Далеко не все басмачи соглашались на переговоры с советским командованием. Очень многие из них, подстрекаемые буржуазными националистами и поддерживаемые английскими интервентами, продолжали жестокую борьбу с нашими войсками. Правда, благодаря широкой массово-политической работе и большой экономической помощи, которую оказывало Советское правительство трудящимся Туркестана, басмачи уже перестали пользоваться поддержкой местного населения. Но бороться с ними все же было очень трудно: они хорошо знали горную местность, расположение кишлаков, действовали на огромной территории; их конные отряды... налетали всегда внезапно; басмачи необычайно жестоко расправлялись с пленными и с жителями, сочувствовавшими Советской власти, помогавшими ей. Во главе басмаческих шаек стояли и муллы, а влияние последних было еще сильно.

Трудно, даже невозможно сказать, где в Фергане проходила линия фронта, она была везде, и ни бойцы гарнизона, ни мирное население ни в одном месте Ферганы не могли спать спокойно без усиленной охраны. Нас даже несколько смешило требование заместителя М. В. Фрунзе — Ф. Ф. Новицкого, генерала старой армии, показать на карте линию фронта, вторые эшелоны и резервы противника.

Исходя из новых сложных условий борьбы, Фрунзе разработал новую тактику. В Фергане, в волостных центрах, на железнодорожных станциях, хлопковых заводах, были созданы сильные гарнизоны из войск Красной Армии, где размещались и ревкомы. С ними держали постоянную связь «летучие кавалерийские отряды», прочесывающие горные районы и очищающие их от банд курбашей, не давая им покоя ни днем, ни ночью.

Именно благодаря такой тактике было ликвидировано басмачество. Но основной причиной ликвидации басмачества был поворот местного населения на сторону Советской власти, особенно после X съезда партии, на котором была принята новая экономическая политика.

Фрунзе сам выезжал неоднократно в город Фергану, чтобы познакомиться с обстановкой на местах, изучить опыт борьбы с басмачеством, помочь нам, командирам и комиссарам. В марте 1920 года М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев приехали к нам в Андижан, где в это время шли самые отчаянные схватки с басмаческими отрядами... Я, как военный комиссар бригады, сопровождал М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева, когда они посещали воинские части и гражданские учреждения. Потом они провели большой митинг в старом городе. Десятки тысяч жителей собрались на этот митинг. Мужчины в белых и зеленых чалмах, похожие на ожившие ромашки, женщины, с ног до головы закрытые черными паранджами; на крышах — знаменитые трубачи, извлекающие из своих двухметровых карнаев[1] страшные звуки. Тут же стояли подтянутые кавалеристы и артиллеристы. Фрунзе произнес горячую речь... Михаил Васильевич рассказал о ленинской национальной политике, о коварной политике англичан, о тех требованиях, которые предъявляет партия к местным органам власти в борьбе с басмачеством.

Потом М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев решили побывать в Джалал-Абаде и Оше. Я отправился вместе с ними. Михаил Васильевич ехал на своем боевом коне, подаренном ему Чапаевым. Стройный, подтянутый, он выглядел бравым и лихим кавалеристом. Мы на своих аргамаках, отбитых у басмачей, тоже старались не подкачать. Сопровождал нас геройский «Шайтан-Бажан» — гроза басмачей — со своим

---

[1] *Карнай* — духовой мундштучный музыкальный инструмент без клапанов и отверстий. Применялся в Средней Азии как военный (сигнальный) инструмент. Используется как церемониальный инструмент (на парадах, массовых гуляньях) в Таджикистане и Узбекистане.

летучим отрядом: по дороге могли быть столкновения с басмачами. В Оше Фрунзе также провел совещание с местными работниками и командирами частей, выступал на митинге местного населения. После митинга Михаил Васильевич захотел подняться на священную гору Сулейман...

Фрунзе превосходно знал быт, религиозные обычаи и обряды народов Казахстана и Узбекистана. Вообще Михаил Васильевич был человеком широко образованным, начитанным и с большой эрудицией, причем обязан он был этим исключительно себе самому — своей любознательности и настойчивости. Каждое явление, с которым ему приходилось сталкиваться, Фрунзе старался изучать полностью и до конца. Очень интересно и поучительно было его слушать. Все мы любили и уважали своего командующего. Это чувство сохранилось у меня на всю жизнь.

Михаил Васильевич Фрунзе.
Воспоминания родных, близких,
соратников. Фрунзе, 1969,
с. 142—149.

Н. А. ВЕРЕВКИН-РАХАЛЬСКИЙ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВСТРЕЧАХ С М. В. ФРУНЗЕ

22 февраля 1920 года в Ташкент прибыл М. В. Фрунзе, а в конце февраля он посетил Ферганский фронт. Вместе с М. В. Фрунзе прибыл член РВС фронта В. В. Куйбышев.

Для встречи командующего войсками Туркестанского фронта на станции Скобелев был выстроен почетный караул от Ферганских командных курсов. По остановке поезда я вошел в вагон-салон командующего и отдал рапорт.

Первое впечатление — внешний вид кадрового военного, строго одет, подтянут. Он внимательно выслушал мой рапорт, представил члена РВС фронта. Первые же слова, сказанные М. В. Фрунзе, сняли с меня скованность — поразительно тепло смотрели его глаза, тон разговора свидетельствовал о большой душевности этого человека. Таково первое впечатление.

Затем состоялся парад войск гарнизона на площади перед штабом дивизии.

В моем кабинете М. В. Фрунзе были представлены две карты: дислокации частей 2-й Туркестанской стрелковой дивизии и разведывательные данные о группировке басмаческих банд. Всего лишь несколько уточняющих вопросов

последовало от комфронтом и у меня создалось впечатление, что он хорошо осведомлен о положении в Ферганской долине.

Вечером того же дня М. В. Фрунзе в здании городского цирка выступил на митинге личного состава гарнизона. Он говорил о международном положении, о ходе гражданской войны в нашей стране, дал оценку положения в Туркестане и закончил словами: «Товарищи командиры и красноармейцы! Наша задача — разъяснить трудовым массам Советского Туркестана, что царизм одинаково враждебен как русскому рабочему классу, так и трудящимся массам Советского Туркестана. Русский красноармеец должен на деле доказать, что он друг и товарищ узбекскому дехканину и другим национальностям Средней Азии в их национально-освободительной борьбе...»

На следующее утро М. В. Фрунзе пожелал лично побывать на боевом участке эскадрона дивизии, который вел бой в горах в районе урочища Лянгар.

Из города мы выехали на автомашинах, а в кишлаке Уч-Курган нас ожидал конвойный взвод.

Когда мы подъехали к эскадрону, огонь прекратился с обеих сторон. М. В. Фрунзе ознакомился с обстановкой и задачей, которую выполняет эскадрон. Командир эскадрона в ходе доклада отметил боевой поступок одного молодого красноармейца. М. В. Фрунзе тут же объявил красноармейцу благодарность и наградил его новеньким карабином.

В этой поездке М. В. Фрунзе на боевой участок я понял, что наш командующий фронтом стремится видеть действия войск своими глазами, лично ознакомиться с боевой обстановкой, настроением бойцов и командиров, любит постоянно быть в красноармейской гуще.

В течение недели М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев объезжали населенные пункты Ферганской долины, места дислокации частей дивизии. Я их сопровождал в этой поездке и присутствовал на всех партийных собраниях, собраниях партийно-советского актива, в проведении которых они принимали непосредственное участие и на которых выступал М. В. Фрунзе.

Смысл его выступлений — это борьба по решительному исправлению ошибок и перегибов, допускавшихся на местах. М. В. Фрунзе в своей деятельности руководствовался историческим письмом В. И. Ленина «Товарищам коммунистам Туркестана»...

М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев вели беспощадную борьбу со всеми нарушениями национальной политики пар-

тийными и советскими органами власти. За незаконные действия в отношении местного населения применялись самые суровые меры, вплоть до исключения из рядов партии большевиков, снятия с должностей и привлечения к судебной ответственности.

Наряду с этим была развернута большая политическая кампания, направленная на широкое разъяснение местному трудовому народу ленинской национальной политики Советской власти, развертывание агитационной и пропагандистской работы.

В центре внимания М. В. Фрунзе стоял вопрос о борьбе с басмачеством.

На одном из собраний, говоря о борьбе с басмачеством, он заявил, что с военной точки зрения она не вызывает серьезных затруднений. Дело осложняется тем, что в рядах басмаческих банд находится часть бедняков-дехкан, которые вовлечены в борьбу против Советской власти под влиянием местной буржуазии и националистов, реакционного мусульманского духовенства...

Для меня эта поездка с М. В. Фрунзе, его выступления были первой, настоящей школой политической зрелости. И многие вопросы мне стали более понятны и ясны.

Последним пунктом пребывания М. В. Фрунзе на Ферганском фронте был город Наманган. Там стояла кавалерийская бригада, входившая в состав 2-й Туркестанской стрелковой дивизии. Бригадой командовал коммунист, чешский интернационалист, герой гражданской войны Э. Ф. Кужело [1].

Комбриг Кужело устроил конный праздник, на котором присутствовали М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев.

Вечером на станции Наманган мы провожали командующего фронтом М. В. Фрунзе и члена РВС В. В. Куйбышева, отбывавших в Ташкент. Полной неожиданностью для меня и комбрига Кужело явилось вручение нам орденов

---

[1] *Кужело Эрнест Францевич (1890—1934),* чешский интернационалист, член Коммунистической партии с 1918 года, из крестьян. С мая 1918 года комендант крепости Илецкая Защита, формировал интернациональные части Оренбургского фронта. С ноября 1918 года командир интернационального отряда имени 3-го Интернационала, начальник Андижано-Ошского района, 3-й боевой группы, командир 2-го Интернационального полка имени К. Либкнехта. С декабря 1919 года начальник Отдельной ферганской стрелковой дивизии, Наманганской боевой группы, командир Отдельной ферганской конной бригады. Участник боев на Южном фронте и с Махно на Украине. Награжден двумя орденами Красного Знамени. В дальнейшем на хозяйственной работе.

Красного Знамени. Я, бывший кадровый офицер, беспартийный, и вдруг... удостаиваюсь правительственной награды. Этот орден за № 1520 — самый дорогой мне из всех, полученных в последующем.

М. В. Фрунзе на станции Наманган поручил мне от имени ВЦИК РСФСР вручить три ордена Красного Знамени командиру Казанского стрелкового полка Соколову А. П., комиссару полка и командиру 1-го батальона этого же полка.

С комиссаром дивизии товарищем Слепченко мы решили вручить эти ордена в торжественной обстановке 1 мая.

Скобелевский гарнизон, Казанский стрелковый полк и кавалерийский мусульманский полк были использованы на восстановлении узкоколейной железной дороги Кизил-Кийские каменноугольные копи — станция Скобелев.

В этот день, т. е. 1 мая 1920 года, по окончании работ все участники маевки были собраны на митинг, где выступал с докладом военком дивизии товарищ Слепченко. После доклада комиссара я вызвал к трибуне командира Казанского полка А. П. Соколова, комиссара полка и командира 1-го батальона для вручения им орденов Красного Знамени.

К нашему удивлению, командир полка Соколов заявил нам, что он не может принять орден, так как, по его мнению, этими орденами должен быть награжден весь личный состав полка, ведь полк за боевые отличия недавно награжден Красным Знаменем ВЦИК РСФСР.

Я пытался разъяснить, что правительственная награда вручается лично ему как командиру этого полка... Однако все было тщетно.

Об этом событии я доложил в РВС фронта. У телефона был В. В. Куйбышев. Необычный доклад, видимо, заставил задуматься члена Реввоенсовета, и я слышал, как он передавал его суть командующему. После короткой паузы В. В. Куйбышев передал мне распоряжение о возвращении орденов с нарочным в РВС фронта.

В первых числах мая Казанский стрелковый полк был передислоцирован в город Андижан.

Спустя неделю я выехал в Андижан с целью проверки полка. На станции меня встретил Соколов, и я был поражен, когда увидел на его груди орден Красного Знамени.

На городской площади был выстроен Казанский полк для смотра. Я был окончательно потрясен, когда увидел на груди всего личного состава полка ордена Красного Знамени.

На мой вопрос «Откуда ордена?» Соколов отвечал, что он заказал местному ювелиру изготовить ордена Красного Знамени и вручил их личному составу полка, при этом вновь

мотивировал свой поступок тем, что полк награжден Красным Знаменем ВЦИК РСФСР.

Следует сказать, что подделка орденов была исполнена профессионально, выдавало лишь качество эмали.

Об этом чрезвычайном происшествии я не без волнения докладывал в РВС фронта. Как и в прошлый раз, к телефону подошел товарищ Куйбышев, и вновь я слышал, как он передавал мой доклад М. В. Фрунзе.

С затаенным дыханием я ждал решения и вдруг слышу гомерический смех. На сердце отлегло, гроза, кажется, миновала. К телефону подошел М. В. Фрунзе и отдал распоряжение: «Так как в ближайшее время ожидается демобилизация старших возрастов и будут увольнения и из Казанского полка — никаких документов, подтверждающих это стихийное награждение, демобилизованным не выдавать».

Действительно, через месяц поступил приказ о демобилизации старших возрастов.

Ко мне явился командир полка А. П. Соколов с заготовленными удостоверениями о награждении увольняемых за моей подписью. Предположения М. В. Фрунзе о таком возможном обороте дел полностью подтвердились.

Я вернул командиру полка, не рассматривая, удостоверения и приказал ему ни в коем случае не выдавать за его подписью никаких документов о награждении. Таков был приказ командующего фронтом. Между тем на протяжении последующих лет десяти меня осаждали письмами бывшие красноармейцы и командиры Казанского полка с просьбой подтвердить факт награждения их орденом Красного Знамени.

Вскоре, в середине апреля того же года, состоялась вторая моя встреча с Михаилом Васильевичем Фрунзе.

Реввоенсовет Туркестанского фронта в полном составе — командующий фронтом М. В. Фрунзе и члены РВС товарищи Элиава Ш. З., Куйбышев В. В. и Брегадзе И. Г. прибыли в Скобелев для инспектирования вновь сформированного Кавалерийского мусульманского полка... Этот полк был сформирован из сдавшихся басмачей, под командованием их бывшего предводителя.

Парад был впечатляющим. Командир полка Мадамин-бек по-строевому (видимо, тщательно готовился) встретил командующего фронтом и отрапортовал... отсалютовал шашкой и, как положено, сопровождал при объезде строя полка, находясь справа от командующего и несколько сзади.

М. В. Фрунзе выступил с краткой речью, призвал честно служить Советской власти и пропустил полк церемониаль-

пым маршем. Полк выглядел бодро, в строевом отношении без особых замечаний.

Во время обеда, который после парада устроил Мадамин-бек, Михаил Васильевич разговаривал на русском языке, но иногда переходил на узбекский язык, чем немало озадачил и вызвал почтительное уважение присутствовавших на обеде Мадамин-бека и его окружения.

Третья моя встреча с Михаилом Васильевичем Фрунзе произошла в том же году в Ташкенте при его отъезде на Южный фронт...

М. В. Фрунзе пригласил к себе в вагон-салон всех его провожавших. В их числе был приглашен и я. Произошла короткая, задушевная беседа. Шла речь о делах, предстоящих на Южном фронте...

Заканчивая краткое изложение своих воспоминаний о революционном полководце, хочется еще и еще раз подчеркнуть личные качества М. В. Фрунзе: сочетание мягкости характера и обаятельности с высокой требовательностью, прежде всего к себе и к подчиненным; стремление видеть своими глазами действия войск на передовой линии фронта; личная храбрость и бесстрашие; уверенность в великой правде класса, которому он отдал свои силы и жизнь; уникальная работоспособность и глубокие знания военного дела...

Публикуется впервые.

В. Г. КЛЕМЕНТЬЕВ

М. В. ФРУНЗЕ НА ТУРКЕСТАНСКОМ ФРОНТЕ

...13 августа 1919 года командование Туркестанским фронтом было возложено на Михаила Васильевича Фрунзе...

Имея в виду сложную военно-политическую обстановку в Туркестане, М. В. Фрунзе тщательно и заблаговременно начал подготовку всего руководящего командно-политического состава, предназначенного для действий в Туркестане.

М. В. Фрунзе организовал ряд докладов партактиву по вопросам географического описания и политико-экономического состояния Туркестана, о социально-бытовых условиях его коренного разнонационального населения, об основных положениях политической работы Красной Армии в сложных условиях Туркестана и т. д.

Эта конкретная подготовка дала положительные результаты и облегчила действия наших войск в сложной туркестанской обстановке...

Перед М. В. Фрунзе стоял ряд задач: во-первых, ликвидировать Семиреченский белогвардейский фронт, во-вторых, уничтожить басмачество и, в-третьих, провести ряд мероприятий по укреплению Советской власти в районах, охваченных белогвардейскими и басмаческими бандами, осуществляя попутно реорганизацию частей Красной Армии Туркестанского фронта...

Сложность политической обстановки усугублялась состоянием туркестанской партийной организации. Внутри ее существовали две группы: первая состояла преимущественно из русских рабочих, вторая — из местных национальных работников. Они взаимно обвиняли друг друга и в великодержавничестве и в национальных уклонах и, считая, что каждая из них борется за чистоту линии партии, разлагали туркестанскую парторганизацию и делали невозможной ее созидательную работу. На деле и те и другие допустили много ошибок, одни — требуя фактического главенства русских рабочих над всей массой местного населения, другие — стремясь удержать руководство в руках небольшой группы мусульманских работников, подбирая людей не по деловому, а по национальному признаку. Все это проникало в широкие слои населения и увеличивало общую напряженность атмосферы.

В борьбе с этими антипартийными явлениями М. В. Фрунзе последовательно проводил линию партии, твердо осуществляя ленинскую национальную политику. Непосредственными помощниками товарища Фрунзе по выполнению партийно-политических задач были товарищи Валериан Владимирович Куйбышев и Петр Ионович Баранов.

М. В. Фрунзе придавал большое значение разъяснительной работе среди населения о происходящих событиях и сам неоднократно выступал с речами, докладами и сообщениями на массовых митингах и различных собраниях и конференциях. На конкретных примерах он показывал существо контрреволюционной деятельности русского кулачества, баев, манапов, мулл, разъяснял роль иностранной интервенции и помощи, которую контрреволюционным элементам оказывали англичане через Персию и Афганистан...

Что касается борьбы с басмачеством, то и здесь основная тактика М. В. Фрунзе заключалась в проведении политической работы среди населения, особенно дехканства. Главной задачей было разъяснить, какой вред приносит басмачество, разрушающее народное хозяйство и препятствующее мероприятиям Советской власти, направленным на оказание помощи населению, пострадавшему от набегов басмаческих

банд. Кроме того, разъяснительная работа велась и среди самих басмаческих отрядов, причем удавалось добиваться классового расслоения в их среде, ослабления сопротивления Красной Армии и даже перехода части басмачей на сторону Советской власти...

Разъяснительная работа среди населения отнюдь не исключала мер вооруженной борьбы по ликвидации басмаческих отрядов. Эту борьбу Красной Армии приходилось проводить в различных формах, в зависимости от тактики действий басмачей и условий местности...

Разрешение политических и боевых задач в Семиречье и Фергане осложнялось не только внутренними взаимоотношениями (борьба с басмачеством, необходимость оздоровления некоторых частей Красной Армии), но и общим международным положением.

Средняя Азия была одним из тех звеньев, где капитализм рассчитывал нанести чувствительный удар Советской власти и крепко поживиться: интервентов манили богатства малоисследованного края, чудесный хлопок, лучший каракуль, шелк. Английские капиталисты смертельно боялись близости Советского Туркестана к Индии — этому пороховому погребу, готовому к взрыву от революционной искры.

Персия оказалась удобным плацдармом для организации английской интервенции в Туркестан. Но это было малоуспешным для Англии предприятием. В начале февраля 1920 года 1-я Туркестанская армия победоносно разбила интервентов и белогвардейцев, ликвидировав Закаспийский фронт. Тогда английский империализм использует в качестве очередного средства борьбы против Советской власти в Туркестане эмира бухарского...

Эмир, усилив пограничную охрану, предъявил ряд ультимативных требований к полномочному представителю Советской республики, а бухарские пограничные посты начали нагло нападать на красноармейцев, несущих пограничную службу.

Но в то же время в самой Бухаре росло революционное движение. Угнетенный бухарский народ обратился к М. В. Фрунзе с просьбой поддержать революцию силами Красной Армии. Реввоенсовет Туркфронта решил пойти навстречу этой просьбе...

Надо сказать, что, оценивая складывающуюся в Бухаре обстановку, М. В. Фрунзе проявил большую глубину политического анализа и ясность ориентировки, отличающие в нем подлинного большевика-ленинца, вдумчивого теоретика и практика...

Благодаря руководству М. В. Фрунзе, наше положение в Туркестане к августу 1920 года несколько улучшилось, так как ликвидация кулацкого восстания в Семиречье и значительного количества басмаческих банд в Фергане освободила некоторые части Красной Армии и позволила сделать перегруппировку с сосредоточением сил в направлении Бухары.

М. В. Фрунзе придавал большое значение операции против Бухары. Во-первых, успешное завершение этой операции раскрепощало бухарский народ от векового гнета и приобщало его к строительству социализма в великой семье братских народов советских республик. Во-вторых, революция в Бухаре, свержение эмира и уничтожение гнета фанатичного духовенства наносили удар империалистической политике Англии, рассчитывавшей создать против Советской власти на востоке кулак в форме союза Персии, Бухары и Афганистана. В-третьих, в общую хозяйственную систему советских республик цветущая Бухара вносила свой хлопок, а захват этого ценнейшего сырья империалистическими хищниками лишь усилил бы их позиции.

Зная, что Красная Армия сильна не только своим оружием, но и высокой революционной сознательностью и пониманием поставленных задач, товарищ Фрунзе заботился о соответствующей подготовке к операции политического и командного состава. По его указанию был прочитан ряд лекций об экономическом состоянии Бухары, о положении и обычаях ее коренного населения, а также о ее географических данных, климате, характере местности и о возможных в среднеазиатских условиях способах военных действий.

Наибольшее значение в этой подготовке имело проведенное лично М. В. Фрунзе в первых числах августа 1920 года совещание высшего командного и политического состава...

Соответствующая политическая подготовка... была организована и среди красноармейцев. Беседы с бойцами проводились по группам, с учетом того, чтобы содержание сообщений не могло сделаться известным окружающему населению. Боевой дух и политико-моральное состояние частей Красной Армии были на большой высоте. Ничто не могло остановить их революционного порыва. А ведь им предстояло сражаться на степных пустынных пространствах, на неизвестных высотах горной Бухары; их ожидал недостаток питания, топлива, фуража и, главное,— воды...

Успех Красной Армии в значительной степени зависел от внезапности и решительности подготовляемого удара. Поэтому в план операции входило подвести части к Бухаре

в совершенной тайне и этим обеспечить внезапный короткий удар...

М. В. Фрунзе было известно, что эмир выделил большое количество агентов для тщательного наблюдения за передвижением войск от Самарканда и со стороны Красноводска к Бухаре. Для достижения полной скрытности передвижения вся подготовка к операции производилась в большом секрете. Командный и политический состав частей осведомлялся только о непосредственных задачах, чтобы агенты эмира не могли получить хотя бы даже приблизительные сведения. Железнодорожные служащие, кроме нескольких человек, совершенно не знали, куда и для какой цели отправляются эшелоны. Время прохождения составов периодически изменялось. Распоряжения делались не по телефону, а с нарочными, в секретных пакетах, передававшихся ответственным лицом.

На рассвете 29 августа 1920 года начался бой за овладение Старой Бухарой. Сражение длилось три дня...

Население Старой Бухары активно поддерживало Красную Армию. Во время боя течение воды в арыках прекратилось, а пожары в городе, между тем, все увеличивались. Все население приняло участие в ликвидации их и содействовало Красной Армии, чем и как могло. Часть жителей активно помогала в разыскании основной регулирующей подачу воды магистрали. В конце концов был найден главный чиновник водного управления, который, будучи взят под стражу, дал указания о ее местонахождении. Кавалерийский разъезд обеспечил розыск магистрали, и вода была пущена в город.

2 сентября навстречу наступающим частям Красной Армии стало подходить население, сначала небольшими, а затем многочисленными группами. Тысячные колонны мужчин, женщин, подростков и стариков... двигались по улицам. Были освобождены арестованные, жестоко избивавшиеся тюремной стражей. Митинг, открытый в городе, перешел в большой народный праздник. На улицах повсюду было ликование.

Наконец, пал и последний оплот эмира — Арк (кремль), в котором находились дворец эмира и хоромы членов его правительства. На стенах укрепленной твердыни взвился красный флаг...

Основная задача, поставленная перед частями Красной Армии, была выполнена. Трудящимся Бухары была оказана помощь, эмир свергнут, правительство его уничтожено. Бухара была объявлена народной республикой, и этим было положено начало ее экономическому и культурному подъему.

Бухарская операция была последней, проведенной на Туркестанском фронте под руководством М. В. Фрунзе. Едва она закончилась, как он был назначен командующим Южным фронтом. Прощаясь с частями Туркфронта, Михаил Васильевич поручил им продолжать беспощадную борьбу по ликвидации остатков контрреволюционных групп в Туркестане...

Народы Советского Туркестана навсегда сохранят в сердцах... светлую память о замечательном большевике, борце за счастье угнетенных, полководце героической Красной Армии Михаиле Васильевиче Фрунзе.

Труды академии. Военная академия
имени М. В. Фрунзе. М., 1939.
Сборник 1, с. 45—50, 52—56, 58—60.

С. Д. ХАРЛАМОВ

СВЕТЛЫЙ УМ, БОЛЬШАЯ ДУША

За долгую военную службу я повидал немало начальников, но никого из них не могу поставить вровень с М. В. Фрунзе. Облеченный правом приказывать и распоряжаться, он всегда оставался для подчиненных верным боевым товарищем и умным, корректным учителем. В этом я лично сам убедился, будучи его помощником на Южном фронте и во время совместной работы на Украине.

Не забыть мне бурной осени 1920 года. Только что образовался наш Южный фронт, выделившись из Юго-Западного. Штаб, находившийся в Харькове, еще окончательно не сформировался. Из Москвы пришла депеша: командующим назначен Фрунзе. Это имя нам было хорошо знакомо по боевым операциям на Восточном и Туркестанском фронтах. Но никто из нас ни разу не видел командующего и не представлял, каков он из себя.

26 сентября мы, старшие командиры штаба, находились в просторном зале заседаний и в ожидании очередных сводок обсуждали сложную, во многом неясную фронтовую обстановку.

За разговорами у оперативных карт не заметили, как в дверях появился неизвестный военный, одетый в простую серую шинель. Взгляд его был открытый и приветливый. Как старший по должности, я пошел ему навстречу, намереваясь спросить, кто он такой. Но он опередил меня.

— Здравствуйте, товарищи командиры! — негромко сказал незнакомец. — Я Фрунзе...

Все обернулись на голос. Те, кто сидели, вскочили и невольно вытянулись, приветствуя нового командующего фронтом. Когда я доложил, чем занимаются работники штаба, Фрунзе коротко бросил «хорошо» и стал знакомиться с нами. Каждый, представляясь ему, четко называл свою фамилию и должность, а он, пожимая командирам руки, пристально вглядывался в их лица, словно сразу же старался запомнить всех будущих помощников.

— Ну, а теперь,— предложил Фрунзе,— давайте вместе посмотрим, что делается у нас на фронте. Прошу садиться.

Я испытывал некоторую неловкость оттого, что командующий не предупредил нас о своем приезде и никто не встретил его у поезда. Да и с вокзала он шел сюда пешком в сопровождении лишь адъютанта. Вскоре скованность прошла и завязался непринужденный разговор. Дружеская атмосфера этой встречи надолго сохранилась в памяти каждого из нас.

А на следующий день Михаил Васильевич обратился к нам с небольшой речью о моральном воспитании войск, о чутком отношении к красноармейцам. В бою, подчеркивал он, надо думать о человеке-бойце. Это тоже запомнилось. В лице Фрунзе мы увидели начальника совершенно нового склада.

Надо сказать, что в то время некоторые военспецы неприязненно, даже высокомерно относились к красным командирам, считали их недорослями в военном деле. Встреча с Фрунзе их прямо-таки ошеломила. Они увидели, что этот человек, хотя и не прошел академического курса, стоит на несколько голов выше их в знании военных вопросов.

Через два-три дня Михаил Васильевич знал положение на Южном фронте во много раз лучше нас, хотя мы здесь работали уже давно. В своем приказе командующий дал такой ясный анализ обстановки, так четко определил задачи каждой армии, что мы стали считать не его, а себя новичками на юге. Особенно тронули нас простота и сердечность М. В. Фрунзе, его на редкость чуткое отношение к людям. Он как-то сразу определил, на что способен тот или иной работник, и перед каждым поставил посильную задачу. Работа штаба пошла по-новому — энергично, целеустремленно.

А этого как раз и требовала обстановка. Провожая Фрунзе на Южный фронт, В. И. Ленин указывал, что важно не допустить зимней кампании. Михаил Васильевич обещал

Ильичу закончить операцию по разгрому врангелевской армии к декабрю. И мы торопились, поскольку времени оставалось очень мало. Однако действовали продуманно, без спешки.

Фрунзе часто вызывал нас, своих ближайших помощников, к себе и советовался с нами по принципиальным вопросам. Внимательно выслушав работника, он тут же лаконично излагал его мысли и спрашивал:

— Правильно ли я вас понял?

— Да,— обычно отвечал работник.

— А теперь,— говорил командующий,— уясните себе, что я решил.

И он, изложив идею своего решения, четко формулировал приказ.

Михаил Васильевич требовал от всех прежде всего ясного понимания боевой задачи. «Сначала,— говорил он,— изучи, осмысли, что нужно делать, а потом уж действуй».

В то время командующего, как и всех нас, особенно волновал вопрос: где быть главной схватке с врагом? Вначале нам казалось, что она должна произойти на левобережье Днепра. Врангель рвался к Донбассу, чтобы захватить его, обеспечить себе тыл для дальнейшего наступления. В районе Волновахи он бросил в бой свежие силы кавалерии и бронемашины, переброшенные с других участков. Но группа наших войск, где основную роль играла 9-я стрелковая дивизия, отразила этот удар. Она, как отмечал М. В. Фрунзе, грудью прикрыла «Донецкий бассейн, этот источник света и тепла для всей страны». Поздравляя славную дивизию с победой, командующий писал: «Рабоче-крестьянская Россия может гордиться такими своими защитниками. Пока в рядах Красной Армии будут такие геройские полки, как 77-й, легший костьми на поле брани, но ни пяди не уступивший врагу, она будет непобедима».

Все явственнее обозначалась опасность и на Правобережной Украине. 8 октября на рассвете противник переправился через Днепр сначала у острова Хортица, а затем в тридцати верстах от Никополя и в трех верстах от села Беленького. Активные боевые действия он развернул в районе Александровска...

Политическая зоркость помогла Фрунзе быстро разгадать замысел врага. В те дни в Риге завершились переговоры делегаций РСФСР и Советской Украины с польской делегацией. На 8 октября намечалось подписание договора о перемирии. И вот Врангель, чувствуя свой близкий конец, решил сорвать наш мир с Польшей.

«Для армий Южного фронта пробил решающий час...— писал М. В. Фрунзе в приказе от 9 октября. — В этот последний, грозный момент решения тяжбы труда с капиталом вся Россия смотрит на нас... Пусть же каждый красноармеец, каждый командир и каждый комиссар поставит своим долгом сделать все, что только возможно, для обеспечения нашей победы».

С небывалой решимостью и неиссякаемым оптимизмом действовал Фрунзе. Он предельно четко определил задачи 6-й и 2-й Конной армиям, находившимся на Правобережье, призвал их проявить железную стойкость в борьбе с врагом. Туда были направлены подкрепления. Севернее Александровска командующий создал ударную группу. В нее вошли переброшенные из Сибири 30-я стрелковая дивизия и Отдельная бригада, прибывшая из Петрограда бригада курсантов и некоторые другие части. На помощь войскам были направлены корабли Днепровской флотилии.

Кроме того, нашей делегации удалось склонить Махно к участию в боях против Врангеля. Все эти меры, принятые по распоряжению Фрунзе, обеспечили на Южном фронте перелом в нашу пользу.

«Несмотря на ловкие маневры и изворотливость тактики, барон Врангель в своих попытках обосноваться в Приднепровье потерпел полное поражение.

Доблестными частями 13-й армии лавина донцев и кубанцев, двигавшаяся на Донецкий бассейн, была разгромлена под Юзовкой и Волновахой. Выход противника на правый берег Днепра у Александровска и Никополя окончился поражением его 1-го корпуса и гибелью лучшей конницы, что явилось поворотным пунктом кампании и началом разгрома Врангеля» — так М. В. Фрунзе охарактеризовал первые бои.

Провалилось наступление противника и на наш каховский плацдарм. Врангелевские танки и броневики, натолкнувшись на мужество красных артиллеристов и пехотинцев, остались трофеями у наших окопов. Белые отошли на мелитопольские позиции, но и там не смогли удержаться. Они откатились в Крым, потеряв свыше ста орудий, почти все обозы с продовольствием и боеприпасами, много убитых и раненых. Двадцать тысяч белогвардейцев было взято в плен.

Уже на первом этапе борьбы против Врангеля М. В. Фрунзе проявил себя как талантливый полководец, человек исключительной воли и энергии. Его работа служила наглядным уроком для нас, старых генштабистов. Нам

приходилось отбрасывать прежние представления о военном искусстве и переучиваться заново...

С большим блеском провел Фрунзе форсирование перешейков и штурм укрепленных позиций врага, преграждавших Красной Армии путь в Крым. На подготовку этой труднейшей операции Михаил Васильевич имел всего несколько дней. И он уложился в срок. Ведь многое им было предусмотрено заранее, еще в ходе боев на Мелитопольщине: прямая атака Перекопских укреплений, переход Сивашского залива вброд.

Когда прорыв в Крым стал непосредственной задачей, Фрунзе прибыл в расположение передовых частей и перенес свой командный пункт в Строгоновку — на северный берег Сиваша. Изучение оперативной обстановки на месте позволило командующему точно взвесить все факторы. Да, перешеек был сильно укреплен. Турецкий вал высок. Но моральный дух противника уже упал после только что понесенного им поражения. Да, Гнилое море (Сиваш) было капризным и коварным. Но красные герои, воодушевленные первыми успехами, горели решимостью перейти его, тем более что отлив открыл вполне доступные броды, показанные местными жителями. Уверенный в своих войсках, М. В. Фрунзе 5 ноября отдал приказ о штурме. Он и сам хотел идти через Сиваш с первым наступающим эшелоном. Но настойчивые сотрудники отговорили его от такого шага. Ведь в ходе операции могли возникнуть всякие неожиданности, требующие немедленного вмешательства командующего.

О том, как проходил штурм, хорошо известно. Обойденный по Сивашу 15-й дивизией, которая и получила название Сивашской, противник не выдержал прямой атаки 51-й дивизии Блюхера на Перекопский вал. Обе эти дивизии отличились затем в упорных боях под Юшунем, а 30-я стрелковая — в героической атаке чонгарских переправ. Доблестно сражались 1-я и 2-я Конные армии, выполнившие боевую задачу вдвое скорее намеченного срока. В итоге к 16 ноября был освобожден весь Крымский полуостров.

Интересно отметить, что М. В. Фрунзе, ненавидевший белогвардейщину всей пылкой душой революционера, ничуть не проявил жажды мщения. Хотя при штурме перешейков мы потеряли около десяти тысяч убитых и раненых и можно было бы добиваться полного истребления вражеской армии, Михаил Васильевич не пошел на это. Наоборот, он предпринял даже гуманный шаг. 11 ноября, когда красные части прорвались в Крым и стала очевидной бессмысленность дальнейшего сопротивления противника, Фрунзе послал

генералу Врангелю радиограмму, предлагая ему сдаться во избежание еще большего кровопролития. Всем добровольно сложившим оружие гарантировалось полное прощение, а желающим покинуть социалистическую Россию — беспрепятственный выезд за границу. Хорошо понимая, что «черный барон» не дорожит жизнью своих подчиненных, Реввоенсовет Южного фронта обратился по радио непосредственно к офицерам, солдатам, казакам и матросам белой армии. Мы призывали их, если Врангель отвергнет наше предложение, сложить оружие против его воли. «Откажитесь от позорной роли лакеев иностранных империалистов. В настоящий грозный час будьте с Россией и ее народом» [1],— говорилось в конце этого обращения.

Врангелевская армия извещалась, что красноармейцам дан приказ о гуманном отношении к сдающимся в плен и о беспощадном истреблении всех тех, кто поднимет оружие против Красной Армии.

Рьяные врангелевские офицеры уверяли своих солдат, что это ловушка. Но такой приказ действительно был подписан 11 ноября 1920 года. В нем говорилось: «...Революционный Военный Совет Южного фронта приказывает всем бойцам Красной Армии щадить сдающихся и пленных. Красноармеец страшен только для врага. Он рыцарь по отношению к побежденным...» [2]

Не наша вина, что у крымской белой армии оказался такой неумный и жестокий командующий. Его бессмысленное сопротивление привело лишь к новым жертвам в последующие пять дней. Дороживший только собственной шкурой «авантюрист барон», как назвал его М. В. Фрунзе, удрал с кучкой приближенных на корабле в Константинополь, бросив свои войска на произвол судьбы.

* * *

Выше упоминалось, что Михаил Васильевич прибыл на Южный фронт с ленинским наказом — завершить разгром Врангеля до зимних холодов. Такое требование кроме общего желания поскорее перевести страну на рельсы мирного строительства диктовалось еще и тем, что зимняя кампания была бы сопряжена с неимоверными тяготами из-за недостатка обмундирования и продовольствия. Дав Владимиру Ильичу слово покончить с Врангелем к декабрю, Фрунзе,

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов, с. 440.

[2] Там же, с. 441.

как мы увидели, даже сократил этот срок. К 16 ноября весь Крым был очищен от врангелевщины. Тут, мне думается, очень важное значение имел тот факт, что В. И. Ленин сам постоянно беспокоился о Южном фронте, всячески помогал ему, а М. В. Фрунзе помнил об этом и регулярно информировал Ильича о всех своих замыслах.

Сразу же по приезде в Харьков Михаил Васильевич телеграфировал Ленину и о положении на фронте, и об установлении связи с ЦК партии Украины, и о подготовляемой мобилизации незаможних крестьян. Через пять дней, 3 октября, он доложил ему о величайших трудностях, выпавших на долю 13-й армии в Донецком бассейне, о дезорганизованности своего тыла, о скверном настроении запасных частей, совершенно раздетых и плохо питаемых. Не скрывая от Ильича горькой правды, Фрунзе, однако, никогда не падал духом: «В конечном успехе, несмотря ни на что, не сомневаюсь» [1]. И вот противник, встретив мужественный отпор, осекся. «Угрозу Донбассу можно считать ликвидированной...— сообщил Фрунзе Ленину 6 октября. — Не могу утверждать, что здесь мы отныне не будем иметь никаких неудач, но тем не менее в общем ходе борьбы перелом наметился, и мы можем без излишней нервозности продолжать подготовку решающего удара». Далее полководец докладывал вождю о том, что момент для удара по измотанному врагу уже благоприятен, но задерживается подход 1-й Конной армии; о желательности приезда на фронт всесоюзного старосты М. И. Калинина; о скорой распутице, которая может стать главным препятствием.

Когда началось генеральное сражение на Южном фронте, Фрунзе стал регулярно докладывать Владимиру Ильичу о ходе боев. Он просил ускорить присылку подкреплений, неизменно выражал уверенность в победном исходе операции.

15 октября Фрунзе направил Ленину телеграмму, в которой сообщалось о полном крушении стратегического плана Врангеля. «Черный барон» пытался перейти Днепр и, разгромив нашу ударную группу, стать хозяином всего Черноморского побережья. Но это ему оказалось не под силу. В семидневных ожесточенных боях Врангель потерпел полное поражение...

Фрунзе не исключал новых попыток врага разорвать наше кольцо, однако уверенно смотрел на положение дел.

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов, с. 353.

«Больше всего,— писал он Ильичу,— опасаюсь наступления непогоды, но все меры к овладению перешейком тоже принимаются» [1].

И так буквально на каждом этапе боевой операции командующий фронтом отчитывался перед Председателем Совнаркома о своей деятельности. Он был твердо убежден, что Ленин одобрит его замыслы и поможет. Фрунзе подробно доложил в Москву о ходе переправы через Сиваш и штурме Перекопских укреплений. И наконец, 15 ноября в эфир полетела радиограмма товарищу Ленину, Центральному Комитету партии и «Всем, Всем, Всем»:

«Сегодня наши части вступили в Севастополь. Мощными ударами красных полков раздавлена окончательно южнорусская контрреволюция. Измученной стране открывается возможность приступить к залечиванию ран, нанесенных империалистической и гражданской войнами. Революционный энтузиазм, проявленный Красной Армией в минувших боях, является порукой того, что и на поприще мирного строительства трудовая Россия одержит не менее блестящие победы. Красные армии Южного фронта шлют свой привет и поздравляют с победой рабочих и крестьян России и всего мира и всех вождей международной революции. *Командюжфронта Фрунзе»* [2].

Даже по этой далеко не полной переписке можно судить, как глубоко вникал В. И. Ленин в деятельность Военного Совета Южного фронта...

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 155—163.

С. А. СИРОТИНСКИЙ

ГЕРОЙ ПЕРЕКОПА

Разгром барона Врангеля неразрывно связан с именем Михаила Васильевича Фрунзе. До самого конца своей жизни Фрунзе собирался писать историю борьбы с Врангелем. Даже уезжая в свой последний отпуск в Крым, в сентябре 1925 года, он вместе с большим количеством военно-научной литературы захватил и папку с тщательно подобранными материалами по врангелевскому фронту. К сожалению, смерть помешала ему выполнить свой замысел. Михаил

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов, с. 401.

[2] Там же, с. 448.

Васильевич успел написать лишь известный очерк «Памяти Перекопа и Чонгара» и набросать в блокноте план предполагаемого им труда «На Врангеля».

Еще находясь в Туркестане, всецело занятый большой политической и военной работой, Фрунзе внимательно и с большой тревогой следил за ходом событий на Юго-Западном фронте. Сообщение о назначении его командующим Южным фронтом пришло неожиданно. 5 сентября он был еще на объединенном заседании представителей РСФСР и Бухарского революционного комитета, а через пять дней — уже в вагоне поезда, идущего на Москву.

Одной из характерных черт во всей работе Михаила Васильевича была постоянная связь с рабочей массой, безграничная вера в неиссякаемость ее сил. Исключительно теплой, никогда не прерывавшейся была связь Фрунзе с Иваново-Вознесенским рабочим краем — его духовной родиной. В период командования Восточным и Туркестанским фронтами Фрунзе обращался за помощью к ивановским большевикам и всегда находил там живейший отклик и понимание.

23 сентября 1920 года, отправляясь на Южный фронт, Михаил Васильевич вновь обратился в Иваново-Вознесенский губком РКП(б) с просьбой помочь партийными кадрами фронту для борьбы с Врангелем. Фрунзе писал:

«Считаясь с необходимостью быстрого приведения в боевую готовность частей Южного фронта и создания, по существу на пустом месте, фронтового аппарата управления, я обращаюсь к вам, товарищи, с призывом придти мне на помощь в выполнении этих задач присылкой работников-коммунистов.

Я хорошо знаю, что Иваново-Вознесенск и красная губерния дали очень много коммунистов на многочисленные боевые фронты республики. Я понимаю всю трудность работы оставшихся товарищей и тем не менее уверен, что Иваново-Вознесенская организация РКП и организаторы губернии найдут в себе силы для того, чтобы еще и еще раз придти на помощь фронту. Если нельзя будет выделить ответственных работников, пусть будут даны рядовые рабочие-коммунисты».

Когда Михаил Васильевич приехал в Москву, В. И. Ленин вызвал его к себе. Владимир Ильич глубоко интересовался всеми вопросами врангелевского фронта...

Получив необходимые директивы по партийной и военной линии, оформив заявки в снабженческих, гражданских и военных организациях, мы двинулись в Харьков...

Ехали мы во фронтовом поезде. Каждого работника из обслуживающего персонала Михаил Васильевич знал по фамилии. Состав был достаточно громоздким. Он вмещал, кроме охраны поезда, на этот раз увеличенной кавалерийским отрядом, также гараж, вагон с ближайшими сотрудниками и запас топлива. В пути было получено из Москвы телеграфное приказание ускорить движение. Отцепив два вагона и гараж, мы двинулись дальше с предельной скоростью. В Харьков прибыли около 2—3 часов ночи. Я получил от М. В. Фрунзе приказание отправиться в штаб, чтобы сообщить о прибытии командующего Южным фронтом и узнать адрес Сергея Ивановича Гусева, члена Реввоенсовета Южного фронта. Выгрузив автомашины и узнав у коменданта станции адрес, я отправился в штаб фронта.

Утром Михаил Васильевич и я поехали на квартиру к Гусеву. Сергей Иванович дал исчерпывающую информацию о положении на фронте и в тылу и характеристику той части штаба Юго-Западного фронта, которая оставалась на Южном фронте.

Официально новый фронт начал свое существование 27 сентября 1920 года. После первых распоряжений по организации фронтового аппарата Михаил Васильевич издал свой исторический приказ — обращение к войскам Южного фронта. Полководец разъяснил командирам и бойцам стоявшие перед ними задачи:

«На нас, на наши армии падает задача разрубить мощным ударом этот узел и развеять прахом все расчеты и козни врагов трудового народа. Этот удар должен быть стремительным и молниеносным. Он должен избавить страну от тягот зимней кампании, должен теперь же, в ближайшее время, раз навсегда закончить последние счеты труда с капиталом.

...Мне известно, что эту задачу нам придется разрешать в тяжелой обстановке разного рода недочетов и нехваток.

Это известно и всей России, напрягающей последние усилия, чтобы помочь фронтовикам. И, тем не менее, мы ее должны разрешить: *Врангель должен быть разгромлен, и это сделают армии Южного фронта»* [1].

При тяжелой обстановке вступал в командование фронтом М. В. Фрунзе.

Конец сентября был периодом наибольшей активности Врангеля, периодом его упорного стремления на север

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов, с. 342.

и на восток. Врангель угрожал Донецкому бассейну с его заводами и каменноугольными копями.

М. В. Фрунзе принял новый фронт в полном движении, в разгар боевых действий противника, в момент, когда Врангель достиг вершины своих успехов. В последние дни сентября и в первых числах октября на фронте, на александровско-ореховском и мариупольско-волноваxском направлениях неоднократно создавалось для нас тяжелое положение.

Михаил Васильевич снова применяет уже блестяще испытанные на других фронтах и составляющие особенность его стратегии методы работы.

Что бросается в глаза в действиях Фрунзе на Восточном и Туркестанском фронтах? Это, прежде всего, умение сосредоточить против врага не только вооруженные силы, которые были готовы к борьбе, но и организовать, привлечь к активной помощи вооруженным силам все население.

В 1919 году, когда на Восточном фронте под натиском Колчака наши войска откатывались назад, когда почти не было резервов, Михаил Васильевич в самый короткий срок сумел провести большую кампанию по собиранию рабоче-крестьянских сил для защиты Волги. Самарский район был превращен в укрепленный район. Товарищ Фрунзе сумел вовлечь в дело строительства вооруженных сил все партийные, профсоюзные и советские организации бывшей Самарской губернии.

Это умение сочетать чисто военную работу с политической мы наблюдали и в Туркестане, где он, правильно проводя ленинскую национальную политику партии, сумел достичь больших результатов. Он постоянно умел находить в массах все новые и новые источники революционной энергии.

Фрунзе, внешне производивший на многих впечатление мягкого человека, таил в себе железную волю. Его спокойствие и выдержка соединялись с проницательной оценкой противника и чрезвычайно тщательной подготовкой каждой операции.

Выбирая направление для главного удара, Фрунзе быстро и в глубокой тайне сосредоточивал в намеченном районе подавляющие силы. Он переходил в наступление в момент, совершенно неожиданный для противника.

Все это Михаил Васильевич применил и на Южном фронте. Он начал с мобилизации сил для активной помощи фронту. Именно в это время было получено множество писем и телеграмм из разных концов страны: известные и неизвестные Михаилу Васильевичу люди просили или вызвать их или разрешить им приехать на фронт. Не было

завода, фабрики и сколько-нибудь значительной организации, которые не были бы поставлены на ноги лозунгом партии «Смерть Врангелю!».

Силы для удара по Врангелю росли с каждым днем. Товарищ Фрунзе тщательно изучал обстановку и разрабатывал план ликвидации Врангеля. В основу плана были положены указания и советы великого Ленина...

* * *

Партия реализует лозунг: «Тысяча коммунистов для Южного фронта!»

Прибывшие свежие партийные силы вносили в уставшие части Красной Армии новую энергию и веру в победу.

Центральный Комитет партии направил на фронт ряд руководящих работников, в том числе тт. Калинина, Луначарского, Курского [1]. Московский Совет взял шефство над 51-й дивизией. Большую работу проводил лично Михаил Иванович Калинин и аппарат его агитпоезда [2].

---

[1] *Калинин Михаил Иванович (1875—1946),* советский государственный, партийный деятель, Герой Социалистического Труда. Член КПСС с 1898 года. Член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Агент «Искры». Участник революции 1905—1907 годов. В 1912 году избран кандидатом в члены ЦК и членом Русского бюро ЦК РСДРП. Один из организаторов «Правды». Участник Февральской и Октябрьской революций 1917 года. С 1919 года председатель ВЦИК, с 1922 года председатель ЦИК, с 1938 года председатель Президиума Верховного Совета СССР. Член ЦК партии с 1919 года и кандидат в члены Политбюро. Член Политбюро ЦК с 1926 года. Депутат Верховного Совета СССР с 1937 года.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933), советский государственный, партийный деятель, писатель, критик, академик АН СССР. Член КПСС с 1895 года. Член редакций большевистских газет «Вперед», «Пролетарий», вел активную партийную работу под руководством В. И. Ленина. Участник Октябрьской революции. С 1917 года нарком просвещения. С 1929 года председатель Ученого комитета при ЦИК СССР. В 1933 году полпред в Испании. Один из организаторов советской системы образования.

Курский Дмитрий Иванович (1874—1932), советский партийный, государственный деятель. Член КПСС с 1904 года. Участник революций 1905—1907 и 1917 годов. С 1918 года нарком юстиции РСФСР, одновременно в 1919—1920 годах член РВСР, комиссар Всероссийского главного и Полевого штабов Красной Армии. С 1928 года полпред в Италии. Председатель ЦРК ВКП(б), член ЦКК, Президиума ВЦИК и ЦИК СССР.

[2] Агитпоезд «Октябрьская революция»— подвижной аппарат агитации и пропаганды, одна из форм агитационно-просветительской работы, организованной в государственном масштабе. С апреля 1919 года по март 1921 года совершил 12 рейсов. В его работе принимали участие М. И. Калинин, Г. И. Петровский, М. Ф. Владимирский, М. С. Ольминский, А. В. Луначарский, Н. А. Семашко, Д. И. Курский, Н. К. Крупская и другие.

Мероприятия по укреплению частей фронта, приток массы коммунистов, улучшение политической агитации — все это скоро дало положительные результаты. Несмотря на численную слабость наших частей на мариупольско-волновахском и славгородском направлениях, Фрунзе ставит задачу активной обороны и перехода в частичное наступление при всякой к тому возможности.

В первых числах октября происходит ряд переменных боев, иногда с тяжелыми для нас потерями. Части закаляются в боях, все упорнее и упорнее сопротивляются. 9 октября происходит удачный рейд 9-й кавдивизии на Розовку. Была разрушена станция, прервано железнодорожное сообщение, захвачен штаб 1-го Донского корпуса белых. Врангелевская угроза Донбассу ликвидируется. Инициатива постепенно переходит в наши руки. После неудач в направлении на Донбасс и Мариуполь Врангель готовится к новому решительному удару. На этот раз удар намечался на правый берег Днепра. Белое командование придавало этой операции исключительное значение. Врангель хочет захватить Каховку, чтобы развязать себе руки для дальнейших операций на севере и прорваться на соединение с польскими войсками, надеясь этим сорвать мир между Советской Россией и Польшей.

Операция началась ударом на север в районе Александровска. После упорных боев врангелевцы заняли остров Хортицу, вытеснили части Красной Армии на правый берег Днепра и бросили конницу в тыл нашим войскам в Синельниковском направлении...

Над частями нашей 6-й армии и над Каховкой нависла серьезная угроза удара противника с тыла. От исхода боев на Правобережье — одинаково для нас и для Врангеля — зависел успех всей кампании.

После упорных семидневных боев успех начал клониться на нашу сторону. 13 октября части нашей 13-й армии после жестокой схватки разбили белых и заняли остров Хортицу и Кичкасскую переправу. Вторая Конная армия при поддержке 13-й армии вступила в бой с конницей генерала Бабиева и в районе Шолохово нанесла ей жестокое поражение.

...Заднепровская операция закончилась полным разгромом лучших частей армии Врангеля и потерей значительного количества боевого имущества...

Инициатива была окончательно вырвана у белых. Это означало крушение большого стратегического плана Врангеля.

М. В. Фрунзе оценивал положение как начало разгрома Врангеля. Он и член Реввоенсовета фронта товарищ Гусев послали в «Правду» и «Известия» телеграмму об успехе армий фронта. Их сообщение подчеркивало, что разгром Врангеля будет довершен в близком будущем.

Разгром Врангеля на правом берегу Днепра и у Каховки окрылил бойцов. Армии Южного фронта горели стремлением к полной победе над врагом...

В частях шла лихорадочная подготовка к решительному наступлению. 26 октября М. В. Фрунзе отдал приказ о переходе армий Южного фронта в наступление.

Характерной чертой Михаила Васильевича является его глубокий оптимизм, вера в победу над врагом. 26 октября он направил В. И. Ленину телеграмму, полную твердой уверенности в победе:

«Сейчас отдал окончательный приказ об общем наступлении. Решающими днями будут 30, 31 (октября) и 1 ноября. В разгроме главных сил противника не сомневаюсь» [1].

28 октября армии Южного фронта обрушились на белогвардейцев. Первая Конная армия сыграла в этом сражении решающую роль. Она нанесла главным силам Врангеля сокрушительный удар.

Войска Врангеля были разбиты. Но основному ядру белых все же удалось укрыться за Крымскими перешейками. Все попытки Красной Армии захватить с налета сильные укрепления Чонгара и Перекопа окончились неудачей...

Форсирование Крымских перешейков показывает высокое оперативное искусство М. В. Фрунзе. Последующая перекопская операция показательна как образец личного руководства М. В. Фрунзе действующими армиями. С целью более действенно руководить войсками он выехал из Харькова, где находился штаб фронта, непосредственно в прифронтовой район. Командованию штаба было отдано распоряжение добраться в кратчайший срок до Мелитополя и здесь развернуть полевой штаб фронта. Задача оказалась не из легких. Отступавшие белогвардейцы взорвали по пути все железнодорожные мосты, на восстановление которых требовалось значительное время даже при самых героических усилиях наших ремонтных отрядов. Еще не доезжая до Александровска, поезд пришлось остановить. Михаил Васильевич не дождался выгрузки автомобилей и значительную часть пути сделал верхом. Только позже нас догнали автомобили.

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов, с. 415.

Всюду следы кровавых боев... Михаил Васильевич сосредоточенно спокоен. Останавливает попадающиеся по дороге части, расспрашивает красноармейцев о боях, о семьях и бодро заканчивает:

— Еще один нажим — и Крым наш!..

По пути Михаил Васильевич останавливался в штабах армий. Всюду он интересовался настроением красноармейцев и командно-политического состава. Всюду он ставил вопрос о необходимости наладить связь между частями...

Поздно вечером добрались до станции, где расположился полевой штаб 4-й армии. В штабе шла кипучая работа по подготовке штурма Чонгарского перешейка.

Михаил Васильевич собрал совещание. Положение тяжелое. Дивизии были сильно потрепаны в предыдущих боях. При быстрых темпах наступления наших частей обслуживающие аппараты и технические средства остались далеко позади. Все это вынуждало на крайние меры: слияние частей в разгар боев.

К этому надо прибавить наступившие сильные холода, отсутствие топлива, теплого обмундирования и крытых помещений. Бойцы терпели недостаток даже в питьевой воде. Однако все были охвачены небывалым подъемом. Со стороны красноармейцев не поступало никаких жалоб. Призыв партии и приказ Фрунзе были, казалось, выжжены в сердцах бойцов.

6 и 7 ноября М. В. Фрунзе объехал штабы 1-й и 2-й конных армий и 6-й армии. В беседах с командирами он развивал план операций, проверял подготовку частей к решительной схватке. В ночь с 7 на 8 ноября начался штурм Перекопа.

Утром 8 ноября Фрунзе приехал в штаб 51-й дивизии. Здесь он уточнил план операции. В этот же день он собрал штабы 15-й и 52-й дивизий, вникая в мельчайшие подробности боевых действий и снабжения частей, находившихся на Литовском полуострове.

Всю ночь на 9 ноября Михаил Васильевич провел в Строгоновке, на берегу Сиваша, непосредственно руководя штурмом Перекопа. Только после взятия Турецкого вала командующий опять переехал в район 4-й армии.

Снова личное влияние М. В. Фрунзе распространяется на дивизии. Он беседует с начдивом и командирами бригад 30-й дивизии, дает им указания, вытекающие из обстановки на фронте.

Руководство М. В. Фрунзе в этот период является образцом военного искусства. Четкие директивы всегда соединяются

у него с личным контролем и с уточнением на месте всех возникающих вопросов.

В опасный момент М. В. Фрунзе находился там, где решался исход операции. Не теряя управления всем фронтом, он лично направлял боевые действия на решающих участках.

Красные армии Южного фронта преследовали белогвардейцев, в панике отступавших к портам Черного моря.

Используя все способы передвижения, мы двигались по пятам разбитого неприятеля. В одном из городов Крыма, приискивая квартиру, я вошел в пустой, открытый настежь дом. На столе стоял еще неостывший самовар — так поспешно отступали белогвардейцы.

Встречая победоносные красные войска, Михаил Васильевич награждал бойцов и командиров орденами и ценными подарками. Теперь он почти не разлучался с Ворошиловым и Буденным.

12 ноября был занят Джанкой, 14 ноября — Симферополь, Феодосия и Судак, 15-го — Севастополь, Евпатория, Ялта, 16-го — Керчь.

Закончив дела в Севастополе и посетив знаменитую Севастопольскую панораму, Фрунзе, Ворошилов и Буденный отправились на автомобилях в Ялту. Утром перед отъездом оттуда М. В. Фрунзе спустился к морю.

— Как жаль, что у нас нет флота. Мы не выпустили бы их,— говорил он, вглядываясь вдаль.

За разгром Врангеля Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет наградил М. В. Фрунзе золотым оружием, шашкой с надписью: «Народному Герою».

Одновременно М. В. Фрунзе получил новую задачу первостепенной государственной важности — ликвидировать махновщину и был назначен командующим вооруженными силами Украины и Крыма.

Воспоминания о Фрунзе.
Иваново, 1959, с. 282—293.

М. Н. ТУХАЧЕВСКИЙ

КРУПНЕЙШИЙ СТРАТЕГ

Я встретился с Михаилом Васильевичем первый раз под Самарой в период развала и отступления Восточного фронта. Он вступил в командование Южной группой армий. Спокойствие, понимание обстановки, уверенность в благополучном исходе операции так и сквозили во всей его славной

фигуре. Он был личностью, которая укрепляла и партийное и чисто военное общественное мнение в армии, создавая эту основную предпосылку для победы. И победа была одержана.

Ярко вспоминается Михаил Васильевич в период после гражданской войны. Энергичная, всегда инициативная работа на съездах командующих и в области военной литературы, где Фрунзе внедрял марксистский метод, постоянно ставила его во главе всякого прогрессивного начинания. Работа Михаила Васильевича в штабе РККА и РВС СССР связывает его имя с лучшими достижениями в строительстве РККА. Реорганизация и усиление тактического и стратегического обучения, улучшение материального положения армии — все это связывается с именем М. В. Фрунзе.

* * *

В истории обороны СССР личности М. В. Фрунзе придется уделить немало места. Его военная деятельность чрезвычайно разносторонняя. Мы знаем его в этой области и как практика и как теоретика. Михаил Васильевич оставил после себя наследие и в области теории войны, и в области теории и практики строительства вооруженных сил и обороны нашего Советского Союза, и, наконец, в области организации и руководства стратегическими операциями.

По вопросу о теории войны Фрунзе хотя и не оставил нам больших законченных произведений, но в отдельных его статьях, речах, заметках мы имеем достаточный материал для того, чтобы обобщить его взгляды.

Наиболее слабо освещенной работой Михаила Васильевича следует считать его оперативную деятельность на фронтах гражданской войны. О том, что Фрунзе ни разу не имел неуспеха в операциях, что он каждый раз одерживал блестящие победы, об этом знают все. Но методы вождения им армий, методы его оперативного расчета ни разу не были изложены ни им, ни кем-либо другим за него. Я не предполагаю здесь охватить весь этот вопрос полностью. Я затрону лишь одну узкую область оперативной работы Фрунзе, а именно область управления.

Характерными чертами стратегии в его операциях были: исключительные выдержка и спокойствие, уверенность в своих предположениях, трезвая оценка противника, учет его сил и средств на основании самой углубленной разведки, выбор для удара решающего направления, позволяющий нанести противнику полный разгром его сил, мощная группировка, сосредоточиваемая на этом направлении, обеспечивающая перевес в силах.

В операциях, руководимых М. В. Фрунзе, во всех элементах их замысла и исполнения обращает на себя особое внимание *тщательная подготовка операции и твердое управление ею.*

Подготовка операций, производимая на основе неизменно удачно оцениваемой обстановки, включала в себя организационную работу исключительно широкого порядка. Так, например, подготовляя Бугурусланскую операцию, Фрунзе рассчитывал не только на свои действующие войска. Он принял все меры к тому, чтобы, опираясь на рабочее население Самары, создать базу по подготовке пополнений, новых формирований и всех видов снабжения. Вся партийная организация, профсоюзы, все советские органы были привлечены к подготовке решительной Бугурусланской операции.

М. В. Фрунзе показал здесь блестящий пример, как можно побеждать не только группировками и маневрами кадровых организованных частей, но и новыми формированиями, своего рода «организационной импровизацией». Благодаря такому напряжению Фрунзе удалось значительно усилить наши ряды, чего не удалось бы сделать, если бы расчеты возлагались исключительно на помощь из центра. Капитальная подготовка, потребовавшая, конечно, некоторого времени, ярко сказалась при переходе в наступление.

М. В. Фрунзе чужда была манера ставить расплывчатые, бесформенные оперативные задания. Ставя себе конкретную, смелую, оперативную задачу, Михаил Васильевич, естественно, должен был так строить объединение нацеливаемых войск по армиям, чтобы при выполнении его плана частные задачи отдельным соединениям были наиболее простыми.

Сосредоточивая на главном направлении решающий перевес в силах, товарищ Фрунзе в значительной степени предусматривал дальнейший ход развития операции. Благодаря этому достигались значительная цельность операции и ее максимальный эффект.

Когда (по обстановке) вопрос решался на участке какой-нибудь отдельной армии, как, например, это было на фронте Туркестанской армии, под Уфой, Фрунзе, понимая всю необходимость твердого управления и имея свой определенный план действий, но не желая вмешиваться в работу подчиненных, прибегал к радикальным мерам управления. В выше упомянутом случае, под Уфой, Фрунзе вступил в командование Туркестанской армией, оставляя за собой и командование всей Южной группой, и лично провел Уфим-

скую операцию, где в это время был ключ к решению всей операции. В этом сказалась вся гибкость и вместе с тем вся твердость форм управления, которые применял Фрунзе. Эту твердость и гибкость мы замечаем и во всех других его операциях.

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 236—238.

Н. Н. ПАНОВ

ПОЛКОВОДЕЦ

Когда товарищ Арсений (он же Трифоныч, он же Арсеньев, он же Михаил Фрунзе) приехал в Стокгольм как делегат IV (Объединительного) съезда РСДРП, его столь памятный разговор с Лениным состоялся не сразу.

Стокгольм — город-порт на берегу Балтийского моря, весь пересеченный каналами, закованный в тесаный камень, блистающий зеленью парков, вывесками роскошных магазинов. И по людным улицам шведской столицы (как странно вспоминать ее на улицах голодающей, военной Москвы!) идет невысокий русоволосый юноша. Он — гонимый царским правительством агитатор-подпольщик, раненный на Дворцовой площади Петербурга в трагический день Кровавого воскресенья... один из руководителей знаменитой всеобщей забастовки иваново-вознесенских ткачей... командир рабочей дружины, ведшей баррикадные бои в охваченной пожарами восставшей в декабре 1905 года против царского правительства Москве...

Он входит в подъезд четырехэтажного, увенчанного готическими башенками и шпилями здания на площади Остермальмдорг, проходит в уставленный рядами венских стульев зал. Зал стокгольмского Народного дома кажется с первого взгляда почти пустым: он рассчитан на многолюдные собрания, а собралось здесь всего сто с лишним делегатов из таинственной, далекой России. Но какие страсти бушуют в этом почти пустом зале!

На невысокой трибуне — два кумира недавней юности Арсения, ставшие в ходе партийной борьбы непримиримыми идейными врагами. Глава меньшевистской фракции Плеханов — как всегда, сдержанно-вежливый, чуть ироничный, затянутый в поношенный строгий сюртук. И рядом с ним Ленин — властитель дум большевистской фракции съезда. И случается так, что во время первого же голосования по вопросу, нужно ли утверждать новую аграрную программу

или достаточно ограничиться тактической резолюцией, товарищ Арсений подает голос против голоса Владимира Ильича!

Каким укоризненным взглядом обжег Арсения председательствовавший на этом собрании большелобый, стремительный в движениях человек, проголосовавший за необходимость твердого выбора и утверждения той или иной программы! Вскоре в ходе прений, в спорах, продолжавшихся и вне стен Народного дома, молодой большевик понял — прав Ленин, утверждение программы необходимо, чтобы до конца выяснить и уточнить позицию сторон.

И вот новое выступление Михаила Фрунзе на Объединительном съезде — в виде подписи под коллективным заявлением нескольких делегатов-большевиков, вносящих поправку в меньшевистский проект одной из резолюций...

— Товарищ Арсений,— слышит он вскоре, в перерыве между заседаниями, такой знакомый голос. — Вы хромаете? Ранены на баррикадах?

— Нет, Владимир Ильич, не на баррикадах... — Вдруг вспомнил, что действительно в то утро торопился к началу заседания, неловко ступил, и ногу пронизала острая боль.

Знал ли Владимир Ильич об избиении, которому подвергли молодого большевика в пригородном иваново-вознесенском лесу осенью девятьсот пятого года? Там, в сторожке, печатал Арсений вместе с другими товарищами написанные им листовки. По дороге в город его задержали верховые стражники, отобрали листовки. Заарканив пленника, казачий урядник погнал коня рысью. А при въезде в город приказал измученному большевику влезть на изгородь и пустил коня в галоп. Арсений грохнулся на землю, конь потащил его по земле, он очнулся уже в полицейском участке, с изуродованным коленом... Нет, не об этом хотел говорить с Лениным товарищ Арсений...

— Но ведь вы были участником баррикадных боев в Москве? И очень активным участником! — полуспросил, полуконстатировал Ленин.

— Да, Ивановский комитет партии решил послать в Москву отряд боевой дружины, как только мы узнали о начале баррикадных боев. В отряд входили боевики из Иванова и Шуи.

— И командиром отряда назначили вас?

— Да, меня удостоили этой чести.

Он смотрел на Владимира Ильича ясными, широко расставленными глазами. Ленин присел на подоконник, пододвинулся, приглашая сесть рядом.

— А, это очень интересно... Героизм вышел на площадь; истинными героями нашего времени стали те революционеры, которые идут во главе народной массы, восстающей против своих угнетателей. Не поделитесь ли мыслями, которые возникли у вас в результате опыта этих боев?

— У дружинников, Владимир Ильич, да и у руководителей рабочих дружин мало было военного опыта, знаний. Было много энтузиазма, но не хватало умения вести бой. Конечно, царские офицеры в этом отношении превосходили нас, умели правильнее тактически располагать силы.

— А из этого вывод? — Ленин потер руки, ответил сам себе: — Социал-демократическая печать давно уже указывала на то, что беспощадное истребление гражданских и военных начальников есть наш долг во время восстания... Но, кроме того, большевикам нужно самим знать военное дело, иметь своих офицеров, которые военными знаниями превосходили бы слуг царизма. Революции нужны свои офицеры. Вот вы, руководитель боевой дружины, наверное, учились стрелять и стреляете неплохо?

— Стараюсь бить без промаха,— улыбнулся Фрунзе.

— Это хорошо. Но недостаточно для командира. Нужно учиться руководить другими, принимать тактические решения, овладевать умением побеждать врага. Но военная тактика зависит от уровня военной техники — эту истину разжевал и положил в рот марксистам еще Энгельс. Расскажите подробнее об участии в баррикадных боях.

— Мы, Владимир Ильич, почти что прямо с поезда вышли на баррикады. До Москвы не доехали: вы же знаете, поезда тогда ходили только по нарядам забастовочных комитетов. Сошли в Перове. Но защищать баррикады было трудно, когда по ним вели огонь из пушек и пробивали пулеметными очередями насквозь. — Арсений, волнуясь, хмурился, запали, потемнели серо-голубые глаза.

Ленин слушал, склонившись вперед, весь — внимание.

— Подтверждение того, что писал Энгельс? — Арсений кивнул.— Да, это еще один великий урок, который дала нам Москва. Теперь уже нельзя действовать против артиллерии толпой или защищать баррикады с револьверами.

И много лет спустя напомнил нам Михаил Фрунзе в своем докладе «Ленин и Красная Армия» одну мысль Владимира Ильича, высказанную впервые, может быть, как раз в той, стокгольмской, беседе:

— Декабрь подтвердил еще одно глубокое и забытое оппортунистами положение Маркса, писавшего, что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства —

отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное наступление. Мы недостаточно усвоили себе эту истину. Мы недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало.

Наступление во что бы то ни стало! Учиться руководить другими, принимать тактические решения, овладевать умением побеждать врага! Достаточно ли хорошо проводил он в жизнь эти ленинские заветы?

Когда закончился Стокгольмский съезд, Арсений вернулся на родину, выступал с докладами, вел пропаганду в рабочих районах. Он раздавал слушателям прокламацию, написанную им самим: «Буря грянет скоро! В народных низах идет беспрерывная работа накопления революционных сил. Новый взрыв приближается. Решительный бой неизбежен»...

В сибирской глухой деревушке, сосланный после каторги на вечное поселение сюда, организовал он, как рассказывают очевидцы, кружок военного дела. Разбирал в столярной мастерской сводки с фронтов мировой войны, анализировал знаменитые сражения прошлых войн, нанося схемы оперативных планов на свежевыструганные им самим доски.

— Да ты просто генерал, Михаил! — шутливо говорили другие ссыльные — слушатели этих занятий.

— Нет, я не генерал,— строго возражал товарищ Арсений. — Генералом от революции называли Энгельса, так тот был действительно знатоком военного дела, а я просто любитель.

«Любитель»! А всего несколько лет спустя — подлинный генерал от революции, полководец, организатор легендарных побед!

...Москва осени 1919 года. Михаил Васильевич Фрунзе, 34-летний командующий Туркестанским фронтом, награжденный одним из первых орденом Боевого Красного Знамени, порывисто проходит площадями Кремля, входит в скромный ленинский кабинет. Вот как рассказал о втором большом разговоре Ленина с Фрунзе С. А. Сиротинский в своих мемуарах «Путь Арсения».

«— Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Фрунзе,— сказал он, выходя из-за стола и обеими руками пожимая руку Фрунзе. — А ведь я больше помню вас как Арсения, как Михайлова наконец.

Фрунзе стоял смущенный, взволнованный.

— Я и сейчас иногда подписываюсь «Фрунзе-Михайлов»...

— Но что же вы стоите? Садитесь, пожалуйста! За победителями можно и поухаживать. Вот сюда, здесь вам

будет удобнее. — Владимир Ильич усадил Фрунзе в глубокое кресло.

— Первую нашу встречу в Стокгольме помните? Мы говорили о военной работе... Вы к ней отлично подготовились, преотлично,— с явным удовольствием проговорил Ленин».

Да, он подготовился преотлично!..

Весной 1916-го он возвращается в Центральную Россию — измученную, обескровленную уже два года длящейся империалистической бойней. И уже не товарищ Арсений, а вольноопределяющийся Михаил Александрович Михайлов появился в Белоруссии, на Западном фронте, где томилась в окопах полуторамиллионная солдатская масса.

Друзья сумели раздобыть Арсению паспорт на имя военного статистика, без вести пропавшего на фронте. Подтянутый, приветливо-добродушный, не по-обычному разговорчивый с нижними чинами, Фрунзе ведет смелую партийную агитацию в окопах, а попутно пристально знакомится с жизнью штабов и тыловых частей. Это, по собственным словам Михаила Васильевича, очень помогло ему в будущей военной работе.

Февральская революция, первый восторг свободных митингов и демонстраций, избрание товарища Михайлова членом Минского исполкома рабочих и солдатских депутатов. Он назначен начальником минской городской милиции, избран членом фронтового комитета, как представитель белорусского крестьянства едет в полный брожения Петроград — на первый Всероссийский съезд крестьянских депутатов.

Здесь, после 11-летнего перерыва, вновь встретился он с Лениным.

— Товарищи! На наш съезд только что прибыл Владимир Ильич Ленин. Предлагаю предоставить внеочередное слово для выступления товарищу Ленину,— прервав оратора-меньшевика, обратился к делегатам Фрунзе.

— События развиваются молниеносно. Надо быть наготове. Не вернуться ли вам в Иваново? Поедете, конечно, по поручению ЦК,— сказал после этого митинга Михаилу Васильевичу Ленин.

Фрунзе возвращается в Иваново и Шую, он возглавляет боевую работу местных большевиков, в дни Октября организует в помощь московским рабочим... отряд хорошо вооруженных бойцов. После Октября все с большей отчетливостью проявляется его призвание военного деятеля, полководца. «Чудом может казаться, что вчерашний каторжанин, затравленный беглец и ссыльнопоселенец становится образцовым

военным организатором в должности ярославского окружного комиссара»,— писал впоследствии К. Е. Ворошилов.

Но это не чудо! Это творческое претворение в жизнь ленинских установок, высказанных Михаилу Васильевичу еще в давние дореволюционные годы. «Учиться руководить другими, принимать тактические решения, овладевать умением побеждать врага».

В январе девятнадцатого года Михаил Фрунзе назначен командующим 4-й армией Восточного фронта, из последних сил сдерживавшей напор врага. А уже через полгода, в июле, утверждается командующим Восточным фронтом.

...У карты в кремлевском ленинском кабинете Фрунзе докладывал о положении на Восточном фронте. Урал освобожден, разбитые армии Колчака откатываются по сибирским равнинам.

— Молодцы! — сказал Владимир Ильич. — Герои! Такую армию, как армия Колчака, разбили! — Он прошелся по кабинету, вновь остановился у карты. — Но мы пока отрезаны от хлебных районов, от нефти, от хлопка. Вы командующий Туркестанским фронтом. Открыв дорогу на Туркестан, мы еще не очистили его от врагов Советской власти...

И вот новая легендарная страница в истории жизни ленинского полководца.

В январе 1920 года направляется в Ташкент специальный поезд командующего Туркестанским фронтом. Выжженные врагом, обледенелые, голодающие районы. Нетопленые дома, больницы без воды, без хлеба. На разрушенных железнодорожных путях шпалы разобраны для отопления проходивших здесь поездов. На станции Актюбинск поезд командующего простоял 11 дней, так как все запасенное топливо Фрунзе приказал отдать замерзавшим госпиталям. И добравшись наконец до Ташкента, полководец не только руководит военными операциями, но и упорно, повседневно восстанавливает мирную жизнь. Он восстанавливает хлопкоочистительные заводы, паровозоремонтные мастерские. Не без его участия создается в Ташкенте Туркестанский государственный университет. Он налаживает регулярную отправку в центральные районы России десятков цистерн с нефтью и груженных хлопком железнодорожных составов.

Изучив обстановку, опираясь на местные силы революции, он наносит детально разработанный удар по главному оплоту среднеазиатской реакции — по Бухаре, столице Бухарского эмирата. Когда в августе в ряде городов Туркестана вспыхнуло народное восстание, 10 тысяч красноармейцев

прошли по безводной пустыне, взорвали стены многометровой толщины, взяли штурмом Бухарскую цитадель.

А 8 сентября 1920 года Владимир Ильич писал:

«Не назначить ли Фрунзе комфронтом против Врангеля и поставить Фрунзе тотчас... Фрунзе говорит, что изучал фронт Врангеля, готовился к этому фронту...»

И еще один разговор в Кремле, после заседания Реввоенсовета, на котором приехавший из Туркестана Фрунзе был утвержден командующим Южным фронтом.

— Главное, не допустить зимней кампании,— сказал Михаилу Васильевичу Ленин. — Мы не имеем права обрекать народ на ужасы и страдания еще одной военной зимы... Надо сделать все, чтобы уничтожить Врангеля в его же укреплениях. Армия у него сильная, отлично вооруженная, драться умеет. Как полагаете, когда закончите операцию по разгрому?

— В декабре, Владимир Ильич.

— В декабре? — переспросил Ленин.

— К декабрю, Владимир Ильич,— решительно сказал Фрунзе.

Разгром Врангеля был закончен 16 ноября. Невозможно в коротком очерке обрисовать все величие этой титанической битвы, о которой сам Ленин так говорил в докладе VIII Всероссийскому съезду Советов:

«Необыкновенный героизм проявила Красная Армия, одолев такие препятствия и такие укрепления, которые даже военные специалисты и авторитеты считали неприступными».

12 ноября полководец телеграфировал Ленину и Центральному Комитету партии: «Свидетельствую о высочайшей доблести, проявленной геройской пехотой при штурме Сиваша и Перекопа. Части шли по узким проходам под убийственным огнем на проволоку противника... Последнее гнездо российской контрреволюции разорено, и Крым вновь станет советским».

Председатель Совета Труда и Обороны В. Ульянов-Ленин ответил: «Беззаветной храбростью войск Южного фронта РСФСР освобождена от последнего оплота российской контрреволюции... Страна, наконец, может отдохнуть от навязанной ей белогвардейцами трехлетней войны».

«Для меня не подлежит никакому сомнению, что жизнеописание Фрунзе должно быть настольной книгой для воспитания, для подготовки, для закалки большевизма нашей коммунистической молодежи»,— говорил впоследствии всесоюзный староста М. И. Калинин.

...В Центральном музее Советской Армии среди овеянных славой фронтовых алых знамен блестит чистым золотом оправа почетного революционного оружия, которым был награжден после разгрома Врангеля Михаил Фрунзе. В металл вправлен боевой орден Красного Знамени, на оборотной стороне ножен — гравированная надпись: «Народному герою Михаилу Васильевичу Фрунзе от ВЦИК РСФСР». А неподалеку вытянулась под стеклом потрепанная походная шинель народного героя с матерчатыми ромбами на углах воротника. Здесь же остроконечный суконный шлем полководца, солдатский котелок, столовая ложка, вилка и нож, сопровождавшие ленинца во всех его воинских походах...

Девятнадцати лет, окончив с золотой медалью в 1904 году гимназию в Верном, Фрунзе приехал из Средней Азии в Петербург. Вскоре он писал брату, избравшему профессией медицину, по примеру отца, который всю жизнь проработал фельдшером в Семиречье:

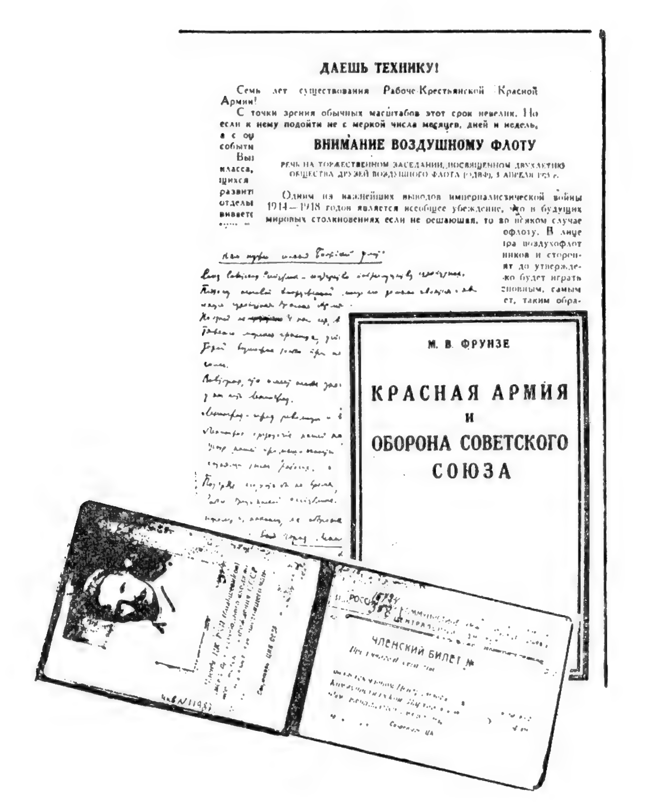
«Я не хочу сказать себе на склоне лет: «Вот и прожита жизнь, а к чему? Что стало лучше в мире в результате моей жизни? Ничего? Или почти ничего?»... Нет, глубоко познать законы, управляющие ходом истории, окунуться с головой в действительность, слиться с самым передовым классом современного общества — с рабочим классом, жить его мыслями и надеждами, его борьбой и в корне переделать все — такова цель моей жизни»...

Партия шагает в революцию.
Рассказы о соратниках В. И. Ленина.
Издание второе. М., 1969,
с. 380—382, 384—388.

ТОВАРИЩ НАРКОМ

Он — сын, он — воспитанник великой Российской Ленинской Коммунистической партии.

Клара Цеткин

К. Е. ВОРОШИЛОВ

М. В. ФРУНЗЕ — ДРУГ И ВОЖДЬ КРАСНОЙ АРМИИ

...Михаил Васильевич гринадлежит к разряду таких людей, жизнь которых оставляет глубокие, неизгладимые следы на бесконечно долгий период человеческой истории...

Все, кому приходилось непосредственно общаться с Михаилом Васильевичем, начиная от красноармейца, рабочего и крестьянина и кончая ответственными работниками нашей партии и Советского государства, сохраняют о нем самые лучшие, самые светлые воспоминания. Да иначе и не может быть. Этот необыкновенно обаятельный, мягкий, добродушный человек производил буквально чарующее впечатление на всех соприкасающихся с ним не только в период передышки, но и в момент наиболее напряженной, даже изнурительной работы...

Большая гражданская война закончена. Михаил Васильевич становится во главе вооруженных сил, расположенных на Украине и в Крыму. Работы, и весьма тяжелой работы, непочатый край. Необходимо демобилизовать, распустить сотни и сотни тысяч рабочих и крестьян. А как это сделать, когда транспорт почти что бездействует, топливо отсутствует, железнодорожные линии занесены снегом, красные части в гарнизонах полураздеты, голодные, а по Украине бродят, как шакалы, банды Махно, Тютюнника и бесконечное множество других шаек контрреволюции, разрушавших и без того разоренное хозяйство страны и срывавших советское строительство?

Михаил Васильевич не испугался этих трудностей. С присущими ему хладнокровием и верой в себя и дело он начинает вместе с другими товарищами огромную работу по демобилизации армии, по укреплению Советской власти, по насаждению советской законности, по восстановлению хозяйства, добиваясь в короткий срок весьма значительных результатов. В то же время он начинает планомерную... работу по ликвидации принимавшего колоссальные размеры и ставшего величайшим бедствием в Советской Украине бандитизма.

Как во всем, так и в борьбе с бандитизмом, товарищ Фрунзе не довольствовался только разработкой планов и общих директив. Он сам лично выезжает в места, наиболее зараженные бандитизмом, и непосредственно руководит борьбой с ним...

Советская Украина по достоинству оценила талант этого выдающегося человека. Михаил Васильевич объединял в своем лице одновременно командующего войсками Украины и Крыма и заместителя председателя Совнаркома Украины, причем гражданской работе он отдал немало сил и времени. Поездка Михаила Васильевича в борющуюся с империализмом Турцию Кемаля-паши в качестве представителя советского украинского правительства лишний раз свидетельствует о том огромном доверии, каким пользовался у украинских товарищей наш незабвенный друг Михаил Васильевич. Кемаль-паша и другие деятели новой Турции с большим уважением отзывались о Михаиле Васильевиче, видя в нем крупного военного и общественного деятеля Советского государства.

Наконец партия в начале 1924 года ставит Михаила Васильевича на ответственный пост заместителя председателя Реввоенсовета СССР. Это назначение явилось результатом обнаруженных крупных недочетов в состоянии и структуре вооруженных сил. Михаил Васильевич берется за чрезвычайно тяжелую и крайне необходимую работу реорганизации Красной Армии. Следуя своему постоянному плану («сначала ознакомься, изучи, а затем действуй»), он и в этой большой работе знакомится с данными, изучает их, а затем намечает и вырабатывает подробный план реорганизации как центральных и местных аппаратов Красной Армии, так и целого ряда других областей РККА.

В этой работе проходит весь 1924 год. Реорганизация заканчивается успешно, и ее результаты незамедлительно сказываются в уточнении работы органов управления, в четкости взаимодействий различных частей военного организма и в общем повышении боеспособности Красной Армии. Наряду с этим Михаил Васильевич ставит определенно и твердо вопрос о дальнейшем развертывании и укреплении территориального строительства. Ничто не могло сбить Михаила Васильевича с раз намеченного им и продуманного пути в своих начинаниях — ни кривые улыбки сомневающихся друзей, ни злобное шипение врагов, видевших в территориальном строительстве ликвидацию вооруженных сил, ни слабая приспособленность командного и политического состава к этому новому, еще на деле не проверенному мето-

ду создания красных частей; всем этим пренебрегал Михаил Васильевич, твердо следуя намеченному пути. И в этой работе, так же как и во всем том, что он делал, он добился громадных результатов. Ныне мы можем сказать, что и в деле территориального строительства он был абсолютно прав. Наши территориальные части выросли в могучую организованную силу, ничем не уступающую кадровым частям нашей армии.

В январе 1925 года Михаил Васильевич назначается народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета Союза ССР. На этом ответственнейшем посту Михаил Васильевич продолжает свою энергичную работу по укреплению реорганизованных аппаратов военного ведомства, по улучшению качества работы в них, а также по поднятию обороноспособности как армии, так и государства в целом. Не место здесь перечислять всю ту огромную массу вопросов, которые были подняты и поставлены товарищем Фрунзе перед партией и правительством, из которых часть была проведена им лично, а другая часть проводится в жизнь ныне военным ведомством. Нужно только сказать, что громадные задачи, которые ставил для разрешения этот незаурядный человек, открыли новую полосу в военном строительстве. Его заветы для нас, его товарищей, остаются и поныне незыблемыми и будут проводиться на пользу Рабоче-Крестьянской Красной Армии и нашего Советского государства.

Вехи, поставленные Михаилом Васильевичем на пути развития вооруженных сил нашего государства, будут и впредь служить нам указанием, в каком направлении следует идти к достижению целей, которые нам дороги, которым служил, для которых отдал все, что у него было лучшего в жизни, и самую жизнь М. В. Фрунзе.

Достойным памятником нашему другу, руководителю Красной Армии и твердому большевику-ленинцу будет наша постоянная, неустанная работа по укреплению боевой мощи Красной Армии — этого оплота мирного труда нашего пролетарского государства.

К. Е. Ворошилов. Статьи и речи. М., 1936, с. 81, 84—86.

Е. А. ЩАДЕНКО

ФРУНЗЕ В БОРЬБЕ ЗА КОМАНДНЫЕ КАДРЫ КРАСНОЙ АРМИИ

...Михаил Васильевич очень много работал над решением необычайно важного для Красной Армии вопроса о создании собственных командных кадров.

Фрунзе отдавал себе ясный отчет в тех огромных трудностях, которые ожидают партию на пути строительства Красной Армии. Человек незаурядной эрудиции, он сознавал, что военное искусство буржуазии «по необходимости всегда было искусством передовым», опиравшимся на самые последние достижения науки и техники. Армейские кадры во все времена и эпохи были наиболее яркими представителями господствующих классов. Составляя замкнутую касту, они ревностно охраняли свою монополию в этой области капиталистической культуры от проникновения «чуждых элементов»,— как саркастически замечал Фрунзе, подразумевая под этим командиров из среды трудящихся. Рабочий класс, захватив власть в свои руки... обязан был в кратчайший срок ликвидировать эту монополию и создать буквально на голом месте свои многочисленные квалифицированные командные кадры.

Уже в первой своей статье о Красной Армии, напечатанной в 1919 году в иваново-вознесенском «Ежегоднике», Михаил Васильевич подчеркивал, что Красная Армия от старой царской армии «отличается не только тем, что она защищает другие цели, но и своим составом. В соответствии с тем, что власть в России принадлежит трудящимся, в Красной Армии тоже на командные посты стараются всюду поставить рабочих и крестьян». Тесную, органическую связь этих командиров с рядовой красноармейской массой Михаил Васильевич оценивал, как самое главное преимущество Советской власти, обеспечившее ей всемирно-историческую победу в гражданской войне, несмотря на то, что Красная Армия была слабее врага и в техническом отношении и в смысле выучки.

Вся громадная работа Фрунзе по командованию армиями и фронтами была пронизана заботой о том, чтобы побольше было в этих армиях «красных офицеров»...

Фрунзе с предельной четкостью и последовательностью проводил линию партии в вопросах формирования командных кадров Красной Армии... Тысячи командиров, прошед-

ших поучительную школу в рядах Красной Армии, смелыми большевистскими руками продвинуты к управлению нашими вооруженными силами...

Заботливо выращивая новый командный состав, Фрунзе в вопросах дисциплины и его морального облика не делал никакой скидки на пролетарское происхождение. Командиры, пытавшиеся нарушить стальную дисциплину, испытывали на себе суровую руку Михаила Васильевича, никогда не дававшего им поблажек. Именно этот осмысленно жесткий подход вернул многих из командиров на путь честной и самоотверженной службы своему народу...

Делая решительную ставку на молодежь, и в первую очередь на молодежь партийную и прошедшую школу гражданской войны, Фрунзе искусно и плодотворно использовал в интересах пролетарской революции все то честное из старого офицерства, что стало на путь добросовестной работы с Советской властью...

Предостерегая, что никакому «пренебрежительному пофыркиванию и поплевыванию в сторону старых спецов места быть не должно»[1], Фрунзе руководствовался при этом великой революционной целесообразностью. Он знал, что дорога к военной науке сложна и терниста, и требуется напряженнейшая учеба, чтобы добиться на ней успеха. С подлинно большевистской прямолинейностью Михаил Васильевич признавал, что новым командным кадрам предстоит еще немало поработать, чтобы стать на уровень предъявляемых к ним требований.

Перечитывая сейчас произведения и речи Михаила Васильевича... кажется, что Фрунзе жив, что он с нами, и ничто не ускользнуло от его проницательного и умного взора.

Разве нужно поправлять или подновлять хотя бы одно слово из следующего его высказывания:

«Переход к единоначалию, широкое применение научных технических средств, сложная политическая обстановка — все это предъявляет все более и более повышенные требования к будущему командиру Рабоче-Крестьянской Красной армии. Армия ждет от своей школы командира-единоначальника, стоящего на высоте современных технических требований и в то же время являющегося общественником, политическим руководителем в полном смысле этого слова» [2]...

---

[1] *Фрунзе М. В.* Собрание сочинений. М.—Л., 1926, т. II, с. 17.
[2] *Фрунзе М. В.* Собрание сочинений. М.— Л., 1927, т. III, с. 172.

* * *

Настойчиво и упорно борясь за формирование командных кадров первой в мире армии социалистического государства, Фрунзе неизменно подчеркивал, что наш командир — это командир нового типа, какого не знали, да и не могли знать капиталистические армии.

«Нужно знать не только свое узко-военное дело,— указывал Фрунзе. — Нужно быть во всеоружии целого ряда других познаний. И тот, кто хочет на самом деле быть командиром, отвечающим полностью своему назначению, тот должен знать столько, сколько ни один из старых командиров не знал. Наши полководцы должны быть во всеоружии знаний не только военных, но и политических, и экономических... без знания этих моментов с успехом руководить армией нельзя» [1].

Красный командир должен знать много, необычайно много, он должен ненасытно и неудержимо учиться. Но сколько бы он ни знал, он еще не будет соответствовать своему высокому званию, если не овладеет наукой наук — марксизмом-ленинизмом, учением Ленина... марксистским методом мышления. Этот метод при овладении им становится методом практической работы, обеспечивающим успех, наиболее действенным, наиболее приближающим победу.

«Красный командир,— говорил Фрунзе,— должен научиться в полной мере владеть тем методом мышления, тем искусством анализа явлений, который дан марксистским учением. Сущность этого метода сводится к тому, что для нас не может быть ничего абсолютного и закостенелого; все течет и изменяется, и всякое средство, всякий метод может найти свое применение в известной обстановке. Искусство командира проявится в умении из многообразия средств, находящихся в его распоряжении, выбрать те, которые дадут наилучшие результаты в данной обстановке и в данное время» [2].

Постановка Михаилом Васильевичем вопроса об овладении военным делом и об овладении методом марксистского мышления может служить превосходным образцом диалектики в действии.

Сколько бы ты ни изучал военное дело, нельзя стать достойным командиром Красной Армии, не изучив марксизма-ленинизма...

---

[1] *Фрунзе М. В.* Собрание сочинений. М.— Л., 1926, т. II, с. 37—38.
[2] *Фрунзе М. В.* Собрание сочинений. М.— Л., 1929, т. I, с. 403.

* * *

Михаил Васильевич всегда проявлял живой интерес к вопросам командирской учебы...

В 1924 году перед Фрунзе открылась возможность поставить на должную высоту обучение во всеармейском масштабе и особенно в Военной академии РККА. И надо сказать, что возможностью Михаил Васильевич воспользовался с присущей ему широтой, умением и настойчивостью и добился выдающихся успехов.

Фрунзе выступал много раз с указаниями, директивами, приказами, советами, обращениями к преподавателям и слушателям академии. Они насыщены многообразным и конкретным содержанием. Особый интерес сохраняют его речь по поводу шестилетия академии и статья «Вопросы высшего военного образования».

«При оценке комсостава в вопросах служебного продвижения,— говорил товарищ Фрунзе,— для Реввоенсовета Союза решающим моментом являлся и будет являться факт боевых заслуг. Предпочтение будет отдаваться тем, кто выдвинулся снизу, кто имеет большой боевой опыт, сохранив свежесть сил. Это должны хорошенько понять наши молодые командиры-академики. Факт академического диплома сам по себе особой роли не играет. И во всяком случае, он не может идти в сравнение с зачетом крупных боевых заслуг. Поэтому первое место в рядах Красной Армии — заслуженному командиру-боевику.

Но, с другой стороны, мы ни на минуту не должны упускать из виду, что ничто не стоит на одном месте, все идет вперед, и тот командир, который будет почивать на лаврах, рассчитывать только на свои старые заслуги и не будет на этом основании идти вперед в деле своего образования, усовершенствования,— этот командир поддержки с нашей стороны не встретит» [1].

Михаил Васильевич разработал ряд практических методов, обеспечивающих наилучшее выполнение этой почетной задачи. Эти методы и поныне лежат в основе учебного процесса, притом не только в академии, начальником которой он являлся и которая ныне носит его славное имя, но и в остальных военных академиях Красной Армии... Ордена, украшающие знамя Военной академии имени Фрунзе, служат лучшим доказательством того, что система обучения, предложенная Михаилом Васильевичем, была и есть действенной и плодотворной.

---

[1] *Фрунзе М. В.* Собрание сочинений. М.— Л., 1926, т. II, с. 171.

* * *

Воспитанию командных кадров Фрунзе отдал немалую часть своего могучего таланта и благородного сердца. Мы, командиры и политработники Красной Армии, во многом являемся его учениками. Мы обращаем к нему при каждом нашем новом успехе свою благодарную память. Мы стремимся быть такими, каким был он, быть подлинными фрунзенцами. Ибо быть фрунзенцем — это значит быть ленинцем,— а нет звания более почетного для воина Красной Армии, чем звание ленинца...

Красная звезда, 1940, 31 октября.

С. А. СУКЕНИК

ГОРЕНИЕ

Кончилась гражданская война. Но и в мирное время, в спокойной, будничной работе М. В. Фрунзе, как в недавних боевых операциях, был напорист и неутомим. Особенно это чувствовалось в инспекционных поездках. Мне не раз приходилось бывать с ним в соединениях и частях Красной Армии. Я работал тогда военным комиссаром управления инспекции пехоты, артиллерии и кавалерии штаба войск Украины и Крыма.

Все, кто сопровождали Михаила Васильевича, удивлялись, как может он работать целыми днями без отдыха да и по ночам долго засиживаться у себя в вагоне над изучением различных документов. Его пример нас, конечно, подбадривал, и мы тоже гнали прочь сон и усталость.

А как умел Михаил Васильевич вникать в дела и нужды инспектируемых частей, не упуская из поля зрения никаких мелочей. Иные их, может быть, и не заметили бы. Как он по-товарищески просто беседовал с бойцами и командирами! Для нас это была подлинная школа. Всякий раз после инспекции командующий собирал нас и давал ясные указания, касаясь не только основных вопросов боевой подготовки войск, но и отдельных частных недостатков и упущений.

Вспоминается лето 1921 года. Наш штабной поезд шел из Харькова к Черному морю.

Предстояла проверка обороноспособности одного из береговых укреплений. И вот что происходило по пути следования.

М. В. Фрунзе и Дм. Фурманов (во втором ряду первый слева) среди иваново-вознесенских рабочих — делегатов IX съезда Советов. Март 1921 г.

М. В. Фрунзе в группе делегатов Харьковской парторганизации на X съезде РКП(б). 1921 г.

М. В. Фрунзе в группе работников посольства Украины в Анкаре. 1922 г.

М. В. Фрунзе на встрече с руководителями Турецкой республики. Анкара. 1922 г.

М. В. Фрунзе.
В рабочем кабинете.
20-е годы.

*Г. И. Котовский, С. М. Буденный,
М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов,
А. С. Бубнов, О. И. Городовиков
на заседании РВС СССР.*

М. В. Фрунзе, С. М. Киров.
Баку. 1924 г.

М. В. Фрунзе с местными жителями в районе военных учений. 1924 г.

М. В. Фрунзе, Ш. З. Элиава и Г. К. Орджоникидзе. Тифлис. 1924 г.

М. В. Фрунзе инспектирует войска.
Баку. 1925 г.

М. В. Фрунзе беседует с командующим Ленинградским военным округом Б. М. Шапошниковым на перроне Московского вокзала. Ленинград. 1925 г.

М. В. Фрунзе обходит строй почетного караула. Ленинград. 1925 г.

С. М. Киров, М. В. Фрунзе, Г. К. Орджоникидзе, К. Е. Ворошилов в группе комсомольских работников — делегатов XIV конференции РКП(б). Апрель 1925 г.

М. В. Фрунзе, И. С. Уншлихт на XIV конференции РКП(б). Апрель 1925 г.

М. В. Фрунзе.
Председатель Реввоенсовета СССР
и народный комиссар
по военным и морским делам.
1925 г.

М. В. Фрунзе на параде в лагерях Московского военного округа. 1924—1925 гг.

М. В. Фрунзе среди моряков Балтийского флота. 1925 г.

М. В. Фрунзе среди пионеров.
Москва. 1925 г.

М. В. Фрунзе с детьми —
Тимуром и Таней.
1925 г.

М. В. Фрунзе (сидит во втором ряду пятый слева) среди спортсменов. 1925 г.

М. В. Фрунзе принимает парад на Красной площади в Москве. 1924 г.

Михаил Васильевич обычно не упускал ни одной возможности ознакомиться с войсковыми частями. На этот раз на железнодорожной станции, где по указанию Фрунзе поезд задержался, оказалась расквартированная неподалеку кавалерийская бригада из корпуса Г. И. Котовского. На привокзальной площади нас ожидали ординарцы с оседланными лошадьми. Ехавший с Фрунзе член правительства Украины Д. З. Мануильский[1] тоже захотел посмотреть кавалеристов. Для Дмитрия Захаровича подобрали самую спокойную лошадь.

Командующий и все, кто его сопровождали, сели на коней и направились к месту построения кавалерийской бригады.

Смотр протекал обычно. Приняв рапорт комбрига и поздоровавшись с личным составом, Фрунзе стал объезжать строй. Он останавливался перед каждым взводом: осматривал обмундирование и вооружение, задавал вопросы бойцам и командирам. По боевой готовности часть эта значилась на хорошем счету. Теперь она тоже произвела на Михаила Васильевича, в общем, приятное впечатление. Казалось, какие недостатки можно обнаружить при такой беглой проверке?

А вот Фрунзе по мелочам сумел обнаружить серьезный недостаток. После смотра он приказал построить командный состав в сторонке и обратил его внимание на внешний вид бойцов: огнестрельное и холодное оружие у них самое разнообразное, обмундирование тоже с отклонениями от установленной формы. Командиры как-то по-новому взглянули на себя и своих подчиненных, поняли, что не только в боевой учебе, но и во внешнем виде бойцов недопустимы никакие отступления от воинских требований. И они дали командующему слово навести в бригаде идеальный порядок.

Указание, сделанное Фрунзе по конкретному случаю, стало обязательным для всех воинских частей. За самовольные отступления от установленной формы одежды и ношение неположенного оружия виновные привлекались к ответственности.

---

[1] *Мануильский Дмитрий Захарович (1883—1959),* деятель российского и международного революционного движения, академик АН УССР, член КПСС с 1903 года. Один из организаторов Кронштадтского и Свеаборгского восстания 1906 года. Участник Октябрьской революции, член Петроградского ВРК. В 1928—1943 годах секретарь ИККИ (с 1924 года член Президиума). В 1944—1953 годах зам. пред. СНК (СМ) и нарком иностранных дел УССР. Член ЦК КПСС в 1923—1952 годах (с 1922 года кандидат). Депутат Верховного Совета СССР в 1937—1954 годах.

На территории Винницкой области располагался тогда Червонный казачий корпус В. М. Примакова[1]. Этого прославленного в боях кавалерийского начальника Фрунзе очень уважал и ездил к нему всегда с удовольствием. В тот раз он тоже заглянул к червонным казакам, хотя и не располагал временем. Михаил Васильевич поговорил с самим Виталием Марковичем, с несколькими командирами. Из коротких бесед об условиях жизни подразделений, об уровне подготовки командно-политического состава Фрунзе сделал очень важный вывод. Оказалось, что в корпусе не хватает политработников, хорошо знающих военное дело. Такое же положение вскоре выявилось и в других соединениях. Это побудило Фрунзе принять практические меры.

Вернувшись из поездки, командующий распорядился сформировать в Харькове при штабе войск Украины и Крыма Отдельный школьный эскадрон и организовать там подготовку политруков для кавалерии. Укомплектовали его людьми, имевшими боевой опыт гражданской войны, преимущественно коммунистами. Расквартировали эскадрон на Сенной площади (ныне площадь Восстания). Преподавателями назначили лучших военных специалистов и политических работников. Михаил Васильевич пристально следил за обучением и воспитанием будущих политруков.

Свои знания военной теории курсанты вскоре подкрепили боевой практикой. Тем летом на Харьковщине появились разрозненные группы махновцев и других недобитых бандитов. На борьбу с ними по приказу Фрунзе был направлен и школьный эскадрон. Участие в боевой операции, проведенной быстро и решительно, явилось для курсантов своеобразным экзаменом. Они выдержали его с честью.

Осенью командующий лично убедился в том, что первый опыт подготовки квалифицированных политруков вполне удался. На выпускных экзаменах курсанты показали глубокие теоретические знания и отличную кавалерийскую выучку.

Стало ясно, что дело это стоящее и его надо расширять. Учитывая большую нужду войск в политработниках с военной подготовкой, М. В. Фрунзе стал горячим сторонником

---

[1] *Примаков Виталий Маркович (1897—1937),* член КПСС с 1914 года, в 1917 году член Киевского комитета РСДРП(б), делегат 2-го Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК. В 1918 году по решению Украинского советского правительства сформировал 1-й полк Червонного казачества, затем командир 1-й бригады, начальник 8-й кавалерийской дивизии и 1-го конного корпуса Червонного казачества. В дальнейшем на командных должностях, комкор. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

организации специального учебного заведения с более длительным сроком обучения. На базе школьного эскадрона создали военно-политический техникум. Это было в полном смысле детище Фрунзе. Командующий заботился обо всем, что касалось техникума: о разработке программ обучения политруков для различных родов войск; о форме одежды, которая опрятностью и красотой выгодно отличала курсантов от остальных военнослужащих Харьковского гарнизона, о бытовых нуждах обучающихся. Зная, что питание курсантов явно недостаточное при такой напряженной учебе, Михаил Васильевич лично связался по телефону с руководством Полтавской партийной организации и убедил его в том, чтобы полтавчане взяли шефство над техникумом. После этого продовольственное снабжение курсантов заметно улучшилось.

Проявляя большую заботу о нуждах учащейся молодежи, Фрунзе в то же время стремился, чтобы она быстрее зрела идейно, лучше разбиралась в происходящих событиях, в политике Коммунистической партии и Советского правительства. В частности, курсантов регулярно приглашали на партийные собрания коммунистов Петинско-Журавлевского района Харькова. Там они слушали выступления М. В. Фрунзе о международном и внутреннем положении нашей страны...

В Харькове, на Донец-Захаржевской улице, находилась типография, которой ведал военно-редакционный совет. Там печаталась армейская газета, выполнялись заказы нашего штаба и частей гарнизона.

Летом 1922 года на одном из собраний рабочих типографии кто-то предложил присвоить предприятию имя Фрунзе и зачислить Михаила Васильевича в штат почетным наборщиком с заработной платой по девятому разряду. Предложение было единодушно принято, избраны делегаты, которым поручили известить об этом «именинника».

Михаила Васильевича очень удивила и смутила эта неожиданная новость. Ему, исключительно скромному человеку, не хотелось принимать такие почести. Но делегаты настойчиво доказывали, что отказ Фрунзе сильно огорчит рабочих, а согласие поднимет их трудовой энтузиазм. И ради общественных интересов Михаил Васильевич согласился. С каким волнением листал он расчетную книжку!.. Полистал ее Фрунзе, вздохнул и на уголке аккуратно написал, чтобы начисляемую ему зарплату почетного наборщика типография использовала на культурные нужды. Прощаясь, он попросил делегатов передать рабочим, что благодарит их и

считает за высокую честь быть членом такого замечательного коллектива.

В том же 1922 году, весной, к Михаилу Васильевичу обратился за помощью наш штабной работник инспектор кавалерии А. А. Юшков. У Александра Александровича случилось горе: опасно заболела жена, которой необходимо было специальное лечение. Средствами для этого Юшков не располагал. Как быть? Он долго размышлял, стоит ли по такому сугубо личному вопросу беспокоить командующего. Зато каким радостно взволнованным возвращался он от Фрунзе. Михаил Васильевич близко к сердцу принял несчастье этой семьи. По его указанию Наталию Андреевну Юшкову немедленно отправили на юг. Несколько месяцев провела она в Гурзуфе и Симеизе, пока не выздоровела. Находясь в Крыму на отдыхе, Фрунзе счел своим долгом навестить больную...

Мне тоже пришлось однажды, в трудную минуту, обратиться к Фрунзе по личному вопросу.

Было это в начале 1922 года. Родители моей жены, проживавшие в крымском поселке Армянск, возле Перекопа, вдруг прислали мне телеграмму: «Спасите, умираем с голоду». Страшные слова ошеломили меня, а жена сразу упала в обморок. Вызвав к ней врача, я поспешил на службу. Первой моей мыслью было обратиться к Фрунзе за разрешением выехать в Армянск.

Командующего в штабе не оказалось, и я попросил его старшего адъютанта С. А. Сиротинского сообщить, когда Фрунзе появится. Сидя в своем кабинете, я не переставал думать, как изложить просьбу о непредвиденном отпуске. Очень беспокоился, хотя знал, что Михаил Васильевич прост и отзывчив.

Минут через пятнадцать раздался телефонный звонок. Сергей Аркадьевич Сиротинский сообщил: Фрунзе у себя, но скоро должен уехать... Я поспешил и так сильно разволновался, что не мог произнести ни слова. Только показал ему телеграфный бланк.

Видя мое состояние, Михаил Васильевич прочел телеграмму и спросил:

— От кого это? Что вы думаете делать?

— Родители,— еле слышно ответил я и снова умолк.

— Ну что ж, думать тут нечего,— сказал Фрунзе.— Привозите их в Харьков. Пяти дней вам достаточно?

Тут же Михаил Васильевич позвонил начальнику военных сообщений А. М. Постникову и распорядился предоставить мне для поездки вагон-теплушку.

— И подыщите такую,— добавил он,— чтобы была с печкой и верхними полками.

Стояла суровая, холодная зима. А на душе стало тепло и спокойно.

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 180—185.

И. М. ГРОНСКИЙ

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Последний раз я встретился с М. В. Фрунзе в 1925 году в Москве в Кремлевской больнице. Этот год был для меня знаменательным во многих отношениях. Осенью я окончил Институт красной профессуры[1] и по распределению Центральным Комитетом партии был назначен ректором Урало-Сибирского университета, собирался уже ехать в Свердловск, но заболел. Поднялась высокая температура. Домашних это встревожило, а зашедшие ко мне ближайшие друзья по институту Ян Стэн и Н. А. Карев, ознакомившись с положением, тут же позвонили в Лечсанупр Кремля, к которому слушатели ИКП были прикреплены.

Приехавший по их вызову врач ЦК В. В. Потемкин, после тщательного осмотра, предложил немедленно лечь в больницу. И хотя я решительно возражал, Василий Васильевич вызвал машину и отправил меня в Кремлевскую больницу, находившуюся в то время в Потешном дворце Кремля.

Больница, несмотря на ее громкое название, была более чем скромной. Да и больных в ней, как я узнал, было немного: всего лишь человек 10—15.

Небольшая чистенькая комната — палата на втором этаже ничем особенно не отличалась: простая металлическая кровать, два или три венских стула, тумбочка и небольшой

---

[1] *Институт красной профессуры (ИКП),* специальное высшее учебное заведение, готовившее преподавателей общественных наук для вузов, а также работников для научно-исследовательских учреждений, центральных партийных и государственных органов. Организован согласно подписанному В. И. Лениным постановлению СНК РСФСР от 11 февраля 1921 года в Москве. Находился в ведении Наркомпроса, общее руководство осуществлялось агитационно-пропагандистским отделом ЦК партии. В 1930 году ИКП был разделен на несколько самостоятельных институтов. По мере укрепления высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов подготовка научных кадров была сосредоточена в аспирантуре, ИКП начали терять свое значение и в 30-е годы были закрыты.

стол, вот, пожалуй, и вся обстановка. Поразили меня только, пожалуй, толстенные стены Потешного дворца.

Мой осмотр палаты прервали вошедшие врач и сестра. Врач долго и очень тщательно меня осматривал и расспрашивал. После осмотра и беседы я поинтересовался, что же они нашли у меня, какое заболевание? В ответ врачи развели руками. Температура почти 40 градусов. Вы серьезно больны. А чем? Не ясно. Завтра мы покажем вас консилиуму, а сейчас медсестра принесет вам лекарства и ложитесь в постель.

Приняв принесенные сестрой лекарства, я лег в постель и сразу же крепко уснул.

На другой день после скромного завтрака лечащий врач позвал меня на консилиум. Спустившись со второго этажа, в коридоре, где находились кабинеты врачей, я неожиданно встретился с М. В. Фрунзе. Поприветствовав его простым поклоном, я хотел было идти дальше, но Михаил Васильевич остановил меня. Здороваясь, протянул руку и смеясь проговорил: «Старый знакомый! Что с вами? Больны? Чем?»

Отвечая, я сказал, что у меня высокая температура, а чем она вызвана — не знаю. Да и врачи не знают.

— А где работаете? Чем занимаетесь? Находитесь попрежнему в рядах Красной Армии?

— Нет, Михаил Васильевич, из Красной Армии я давно демобилизован, был на партийной работе, учился в Институте красной профессуры. В этом году окончил его и при распределении Центральным Комитетом партии назначен ректором Урало-Сибирского университета, но заболел и, как видите, оказался в больнице. Сейчас иду на консилиум.

— Так-так. Окончили, говорите, Институт красной профессуры. Интересно! Ну, что ж. Не буду вас задерживать. Идите к медикусам, а после консилиума, если вам не трудно, давайте встретимся и потолкуем. Ваш институт меня интересует.

Расставшись с Михаилом Васильевичем, я какое-то время стоял и глядел вслед удалявшемуся наркомвоенмору. Он шел легко и по-военному четко. Но не это поразило меня, а его феноменальная память. Последний раз я виделся и беседовал с М. В. Фрунзе в 1919 году. С тех пор много воды утекло. Загруженный делами М. В. Фрунзе, думал я, едва ли мог меня запомнить. Однако я ошибся. Мои размышления прервал лечащий врач, напомнивший о консилиуме.

Возвращаясь с консилиума, я вновь встретился с Михаилом Васильевичем. Он с кем-то разговаривал около лестницы, кажется, с врачом. Распростившись со своим собесед-

ником, М. В. Фрунзе спросил меня о результате консилиума. Кратко рассказав ему о замечаниях врачей, в частности о необходимости хирургического вмешательства, я добавил: «По-моему, врачи ошибаются, ничего серьезного у меня нет, что, вероятно, через день или два и будет установлено».

— Говорите, врачи назначают на хирургическую операцию? Ну, что ж. Если она потребуется, то поедем в Боткинскую больницу вместе.

— Почему в Боткинскую больницу?

— Хирургического отделения в Кремлевской больнице нет, поэтому хирургических больных и отправляют туда.

— А почему вас, Михаил Васильевич, отправляют туда? Требуется операция? Что-нибудь серьезное?

— Врачи находят что-то не в порядке с желудком. То ли язва, то ли что-то другое. Одним словом, требуется операция. Но хватит о болезнях. Расскажите об Институте красной профессуры. Когда он создан? Какие предметы вы там изучали? Кто преподавал? Какой пользовались литературой? Расскажите подробнее. Временем мы не ограничены. Поэтому не спешите.

Отвечая Михаилу Васильевичу, я сказал, что Институт красной профессуры был создан в 1921 году по инициативе В. И. Ленина. Экзамены в институт были исключительно строгие. Было принято всего-навсего сто человек. Большинство с высшим и законченным средним образованием. Рабочих было принято в ИКП всего лишь два человека, правда, с солидным стажем участия в революционном движении и с таким же солидным запасом знаний, полученных путем самообразования.

В первые годы существования ИКП занятия проходили по четырем разделам: политической экономии, философии, русской истории и истории стран Западной Европы. Лекций в институте не было. Их заменяли семинары, руководимые крупнейшими учеными, членами партии и беспартийными.

Из руководителей семинаров по изучению политической экономии я отметил бы Ш. М. Дволайцкого, сравнительно молодого, но очень талантливого ученого. А по другим предметам А. М. Деборина, руководившего семинаром по философии. Семинаром по русской истории руководил М. Н. Покровский, по истории стран Западной Европы — А. Н. Савин.

Создавая в 1921 году Институт красной профессуры, партия, насколько я понимаю, ставила две очень важные задачи: во-первых, подготовить ученых марксистско-ленинской школы по важнейшим гуманитарным наукам, во-вторых,

воспитать хорошо подготовленных теоретически будущих партийных и советских руководителей.

— Вот кратко все основное, что я могу сказать вам, Михаил Васильевич, об институте. Не понимаю только одного: зачем вам потребовались эти данные? Ведь все те науки, которые я назвал, да и основную литературу по ним вы знаете достаточно хорошо. Заключаю об этом по нашим с вами разговорам, правда, немногочисленным, но исключительно содержательным. Не скрою, из них я вынес впечатление о ваших разносторонних и глубоких знаниях. Поверьте, это не комплимент, да комплименты и не нужны. В них, убежден, вы не нуждаетесь.

— Так-таки вы и не понимаете, зачем мне потребовались сведения об Институте красной профессуры?

— К стыду своему, не понимаю.

— А вы слышали что-нибудь о Военной академии[1], ее даже кое-кто называет Академией Генерального штаба?

— Не только слышал, но и знаком кое с кем из выпускников, получивших там необходимые военные знания. И все же, Михаил Васильевич, наша Военная академия едва ли отвечает тем требованиям, которым должна отвечать Академия Генерального штаба. Положим, я не специалист, чтобы правильно судить об этом.

— И все же судите правильно. Наша современная Военная академия лишь шаг к созданию настоящей Академии Генерального штаба. Мы должны иметь такую Академию Генерального штаба, которая бы не только ни в чем не уступала, но и превосходила академию Генштаба старой русской армии, подобные академии западноевропейских стран. А если это так, если мы серьезно относимся к строительству вооруженных сил Советского государства, а мы к этому делу, скажу вам, относимся с величайшей серьезностью,— то мы должны поставить перед собой задачу воспитания всесторонне образованных полководцев, генералов пролетарской революции.

---

[1] Речь идет об академии, которая была создана по личному указанию В. И. Ленина и открыта 8 декабря 1918 года как Военная академия Генерального штаба Красной Армии. Приказом Реввоенсовета Республики № 1675 от 5 августа 1921 года она была переименована в Военную академию РККА. С 19 апреля 1924 года по 26 января 1925 года начальником академии был М. В. Фрунзе. 5 ноября 1925 года приказом РВС СССР № 1086 присвоено наименование «Военная академия РККА имени М. В. Фрунзе», в настоящее время: Военная орденов Ленина и Октябрьской Революции Краснознаменная ордена Суворова академия имени М. В. Фрунзе.

Воспитанники Академии Генерального штаба должны выходить из ее стен не только крупнейшими теоретиками и практиками военного дела, но и хорошими политиками, то есть людьми, обладающими солидными знаниями таких наук, как история, философия, социология, политическая экономия и даже искусство, прежде всего эстетика и художественная литература. Другими словами, в Академии Генерального штаба мы должны воспитывать своих Клаузевицев [1] и своих Суворовых [2]. Теперь, надеюсь, вам понятно, почему я расспрашивал вас об Институте красной профессуры. Будущая война с империалистическими державами (а от нападения на Советский Союз они не отказались) потребует от командования Красной Армии очень больших знаний.

Сейчас во всем мире идет перевооружение армий и флотов. На вооружение вводятся все новые и новые виды оружия — самолеты, танки, артиллерия и т. д. Характер будущей войны предсказать, да еще во всех деталях, разумеется, нельзя. Но одно ясно: вооруженные силы воюющих держав будут во много раз больше насыщены техникой, чем в последнюю мировую войну, и эта техника будет неизмеримо более совершенной. А это повлечет к изменению как стратегии, так и тактики войны, потребует от командного состава всех родов войск куда более глубоких и разносторонних знаний. Поэтому нам, не откладывая, необходимо приступить к созданию настоящей академии Генерального штаба, способной готовить высший командный состав Красной Армии, ни в чем не уступающий в знаниях генералитету главнейших империалистических держав. Более того, превосходящий его как по специально военным, так и общенаучным знаниям [3].

На другой день мы вновь встретились с Михаилом Васильевичем. На этот раз наша беседа носила другой характер.

---

[1] *Клаузевиц Карл (1780—1831),* немецкий военный теоретик и историк, прусский генерал.

[2] *Суворов Александр Васильевич (1730—1800),* русский полководец, генералиссимус, не проиграл ни одного сражения. Создал прогрессивную систему взглядов на способы ведения войны и боя, воспитания и обучения войск, во многом опередив свое время.

[3] ЦК ВКП(б) и СНК СССР 2 апреля 1936 года приняли решение: сформировать Академию Генерального штаба, возложив на нее подготовку командных кадров старшего и высшего звена Красной Армии и разработку важнейших проблем современной военной науки и военного искусства. В настоящее время Военная орденов Ленина и Суворова I степени академия Генерального штаба Вооруженных Сил СССР имени К. Е. Ворошилова.

Мы говорили о развитии Советского Союза, главным образом экономическом, в первую очередь — промышленном.

В конце беседы речь зашла о положении в партии, о предстоящем XIУ съезде.

— Времени до съезда осталось мало,— сказал Фрунзе.— Думаю, что в ноябре болезни я преодолею и к съезду буду в полной форме. Даже и в том случае, если придется перенести хирургическую операцию. Да она и не столь значительна. Владимир Николаевич Розанов уверяет,— а я верю ему,— что в больнице долго меня не задержат.

На другой день после описанной выше беседы, утром, лечащий врач позвал меня на врачебный консилиум. Спускаясь на первый этаж, я увидел М. В. Фрунзе. Он стоял у гардероба, расположенного рядом с лестницей. Михаил Васильевич получал одежду. Поздоровавшись, я спросил: уж не в Боткинскую ли больницу он собирается?

— Вы угадали. Еду туда. Когда вы приедете, известите. Продолжим наши беседы.

М. В. Фрунзе был, как всегда, спокоен. Говорил ровно. Только на лице не было обычной приветливой улыбки. Оно было сосредоточенно-серьезным. Мы крепко пожали друг другу руки. Я пошел на консилиум и не подозревал, что больше уже никогда не увижу этого обаятельного человека, великого полководца и такого же великого революционера-большевика ленинской школы.

Публикуется впервые

С. Д. ХАРЛАМОВ

ТВОРЕЦ НОВОЙ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ НАУКИ

Деятельность Михаила Васильевича на Украине была широкой и многогранной. Хочу сообщить о ней всего лишь несколько фактов.

Вспоминая те дни, я вижу Фрунзе прежде всего творцом новой советской военной науки. Он организовал при штабе постоянное совещание наиболее видных военных деятелей, председательствовал на заседаниях, активно участвовал в обсуждении злободневных проблем. По предложению Михаила Васильевича летом 1921 года был создан военно-политический журнал «Армия и революция». В его редколлегию ввели и меня. Вот как формулировались цели этого органа в первом обращении к читателям:

«Красная Армия с честью разрешила вопросы, поставленные перед ней историей. Разгромив отечественную

контрреволюцию, мы вышли из борьбы победителями. Но это не значит, что борьба окончена и мы можем сложить оружие. В будущих битвах нам придется столкнуться с научно-организованными и технически хорошо вооруженными армиями. Поэтому перед нами стоит задача — превратить нашу армию в мощную силу, спаять ее сверху донизу в единый боевой организм, сплоченный общностью идеалов...

Мы должны подвести под Красную Армию научный фундамент, переформировать ее на основе единой военной доктрины, научной теории войны, вооружить современными орудиями истребления, усвоить последние усовершенствования военной техники, изучить применение технических средств и войск в современном бою...

Задача журнала — определить общую линию, внушить научно правильный взгляд на вопросы военного искусства и, наконец, развить творческую энергию в рядах самой армии».

Михаил Васильевич сам всесторонне разрабатывал этот научный взгляд на военное искусство, изложив его в статье «Единая военная доктрина и Красная Армия». До сих пор испытываю чувство радости оттого, что принял какое-то участие в публикации этой статьи в первом номере нашего журнала...

Гражданская война оставила многих детей сиротами, особенно в семьях горняков Донбасса. Михаила Васильевича очень беспокоила их судьба. Он велел собрать таких ребят, организовать для них в Полтаве военную общеобразовательную школу-интернат. Это был, по существу, первый опыт нынешних суворовских училищ. Нашему примеру последовал Кавказский округ. Однако вскоре такую меру центр признал несвоевременной, военизированная школа была преобразована в обычную наркомпросовскую.

По инициативе Фрунзе при нашем штабе возникло военно-научное общество с филиалами в войсковых частях. Под Чугуевом организовали большой лагерь для всех родов войск и вузов, я был назначен начальником лагерного сбора. Вторым общевойсковым лагерем был Сырецкий, близ Киева. В то время штабом РККА готовились новые военные уставы, и практические занятия в Чугуевском лагере оказывали Уставной комиссии немалую пользу. Командующий внимательно следил за лагерной жизнью, часто к нам приезжал, проводил совещания и разбор учений. Для разработки ряда тем оперативного масштаба М. В. Фрунзе проводил корпусные маневры под Винницей и совместно с Черноморским флотом — учебную высадку десанта. Маневры, как и лагерные

сборы, давали обильный материал военно-научному обществу, помогали совершенствоваться курсантам и преподавателям наших школ.

На практической работе под руководством Михаила Васильевича мы, старые генштабисты, воспитанные на «вечных и неизменных» принципах, проходили как бы курс советской академии. По мере усвоения основ диалектического материализма мы освобождались от прежних догм. Радостно сознавать, что светлый ум и добрая душа революционера-полководца помогли большой группе старых военных специалистов встать в ряды защитников социалистической республики и активных строителей Советских Вооруженных Сил.

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 163—165.

В. А. СУЛАЦКИЙ

ЧУДЕСНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Работать рядом с М. В. Фрунзе, под его руководством, мне посчастливилось после гражданской войны — с весны 1921 до осени 1925 года. А до этого, в огневом семнадцатом, привелось два раза встретиться с ним. Встречи, правда, были короткими, даже мимолетными, но они уже тогда позволили на всю жизнь запечатлеть образ этого чудесного человека. С них-то мне и хочется начать свои воспоминания.

В августе 1917 года я оказался в Минске. Прибыл туда из Москвы не по доброй воле. В то бурное время я, молодой прапорщик старой армии (выпускник шестимесячных курсов Тифлисского училища), прозрел политически и стал большевиком. Военная организация Московского комитета РСДРП(б) поручила мне вести агитацию как у себя в 193-м запасном полку, так и в других частях гарнизона. За эту подрывную работу офицерский суд чести приговорил меня к отправке на фронт. Такой же приговор вынесли моим сослуживцам и товарищам по большевистской партии Василию Горшкову, Льву Малиновскому и Сергею Катаржису.

Мы стояли перед строем маршевых рот у лагерной церкви на Ходынском поле, и нас отчитывали в назидание доблестному воинству. Потом произошел казус: меня, большевика-«преступника», вынуждены были назначить начальником эшелона. Оказалось, что из четырех отправляемых

на фронт прапорщиков я раньше всех получил офицерский чин. Однако полковое начальство застраховало себя: с меня взяли расписку в том, что личный состав четырех маршевых рот и конвой будут в целости и сохранности доставлены по назначению.

С Ходынки до Александровского (ныне Белорусского) вокзала нашу колонну вел представитель полкового комитета офицер А. А. Померанцев[1]. Солдаты были одеты в новое обмундирование, гремел духовой оркестр, но люди шли с опущенными головами. Всех одолевали тяжкие думы, никому не хотелось погибать в окопах ненавистной войны.

Уже на вокзале началось брожение. Малиновский и Катаржис отказались уезжать из Москвы и вернулись в свой полк. Мы с Горшковым, который был назначен ответственным за питание людей в пути, тоже поступили бы, как они. Сдерживала суровая кара, обещанная за невыполнение обязанностей по эшелону. При погрузке в вагоны маршевые роты заметно поубавились. В пути они стали еще быстрее таять. Первая вечерняя поверка выявила, что на остановках мы растеряли чуть ли не половину личного состава. А к концу дороги в эшелоне осталось вместе с конвойными и командирами не более восьмидесяти человек.

Внутренне я ликовал: вот она какова, преданность Керенскому! В то же время тревожился: что-то будет? Ведь мне доверили доставить на фронт около тысячи двухсот человек...

В Минске комендант 101-го этапа, узнав о случившемся, раскричался. Прибывших солдат и унтер-офицеров он отправил в казармы, а меня и командиров рот долго допрашивал, как все произошло. Затем приказал отправить караул на вокзал и выставить посты для задержания дезертиров. Меня комендант отправил в распоряжение начальника этого караула.

Взяв документы нашего эшелона и списки дезертировавших, я отыскал Горшкова, и мы вместе ушли из этапного управления. Целый день бродили по городу, заходили в чайные, на сборные пункты. Минск был забит солдатами, затеряться среди них нетрудно. Побывали и на вокзале.

---

[1] *Померанцев Алексей Александрович* по своим убеждениям и тогда был близок к большевикам. Октябрьские бои в Москве он провел в рядах восставших, был ранен на Остоженке (Метростроевская улица), в одном из переулков, который назван его именем. Профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Начальник караула, выставленного для поимки дезертиров, сообщил, что ни одного человека из московского эшелона не обнаружили.

Что же нам-то с Горшковым делать? Вспомнили разговоры на сборных пунктах о начальнике минской милиции Михайлове. Про него солдаты говорили с уважением: решительный, дескать, человек, всей армии известный большевик... Невольно подумали: а не зайти ли к нему посоветоваться?

Встретил нас удивительно приятный мужчина невысокого роста, стройный, плотный, энергичный. Его светлые глаза смотрели твердо, проницательно.

Своей сердечностью товарищ Михайлов как-то сразу расположил нас к себе. Мы откровенно рассказали ему обо всем и спросили, что делать дальше. Он сказал:

— Вы, как вижу, неплохие большевики. Продолжайте работать в том же духе. И не тревожьтесь за свой эшелон: до суда вас не допустим...

Михайлов дал свой домашний адрес и попросил вечерком зайти, чтобы поговорить обстоятельнее. Мы с радостью приняли его приглашение. Когда мы пришли к нему домой, нас любезно встретила молодая, приятного вида женщина. Это была жена Михайлова. Он ласково называл ее «хозяйка».

За разговорами просидели допоздна. Меня, естественно, больше всего тревожила ответственность за разбежавшийся эшелон.

— Не беспокойтесь,— сказал Михайлов.— В таких случаях необходима твердость и решительность.

Он, видимо, и сам хорошенько обдумал наше положение и уже успел посоветоваться, с кем надо. Михайлов предложил Горшкову остаться в Минске для работы среди солдат, а мне отправиться по назначению в 17-й Археогородский полк. Штаб его располагался в местечке Снов, неподалеку от станции Барановичи. Расчет был таков: сразу меня не схватят. А когда я по приезде выступлю на митинге и собраниях, солдаты сразу узнают во мне большевика. Тогда они не только в обиду не дадут, а изберут своим делегатом.

Предвидение Михайлова сбылось. Солдаты Археогородского полка избрали меня сначала в дивизионный, а затем во фронтовой комитет. В это время я получил от Льва Малиновского постановление исполкома Моссовета. В нем говорилось о том, что депутатов до истечения срока их полномочий запрещается посылать и переводить куда бы то ни было. Этим я и воспользовался как член Совета солдат-

ских депутатов Московского гарнизона. Пробыв в прифронтовой полосе около месяца, я вернулся в Москву, в свой 193-й запасный полк. Там оказался и Горшков, приехавший из Минска для связи. Мы немедленно включились в революционную работу...

Весной 1921 года, находясь на Западном фронте, я неожиданно получил предписание отправиться в Харьков, в штаб командующего войсками Украины и Крыма. Обрадовался: к Фрунзе!.. В ходе гражданской войны я внимательно следил за боевой деятельностью Михаила Васильевича, ставшего самым популярным пролетарским полководцем. И вот теперь мне предстояло работать вместе с ним, под его руководством.

Сразу по приезде в Харьков я был принят М. В. Фрунзе. Встретил он меня с прежней теплотой и сердечностью. Расспросив, что я делал все эти годы, он затем предложил мне должность военного комиссара в его штабе. Я, признаться, не ожидал такого назначения и стал отказываться:

— Не справиться мне... Я всего-навсего прапорщик армейской пехоты, а тут в управлении генералов полно.

— Не робейте,— ободрил меня Фрунзе.— И зря вы считаете себя прапорщиком. У вас за плечами многолетний боевой опыт комиссара. Остальное приобретете на практике. В инспекциях и управлениях подобраны хорошие люди. Необходимо объединить их усилия и наладить контроль. Партийная организация у нас крепкая, всегда поддержит и поможет.— И весело заключил: — Уверен, что дело у вас пойдет!

С этого дня я работал вместе с Михаилом Васильевичем до самой его кончины. Он был замечательным коммунистом-руководителем, обаятельным и душевным человеком.

В харьковском штабе работали люди самых различных категорий. Наряду с профессиональными революционерами и перешедшими на сторону революции младшими офицерами старой армии там находились и бывшие царские генералы, изъявившие желание служить новой, народной власти. Их называли тогда военными специалистами, или, сокращенно, военспецами...

Михаил Васильевич сумел создать в своем штабе такую обстановку, которая исключала всякую подозрительность к военным специалистам, благоприятствовала наиболее полному проявлению их способностей.

Так же, по-партийному, я бы сказал, по-ленински, относились к старым военным кадрам заместители командующего войсками Украины и Крыма К. А. Авксентьевский

и Р. П. Эйдеман, начальник Политического управления Ф. Я. Кон. Михаил Васильевич в первые же дни посоветовал мне учиться у них работе с людьми, чаще обращаться к ним за помощью. Так я и поступал. И все-таки главным моим наставником и учителем оставался сам Фрунзе.

Своим примером он показывал всем нам, как надо жить и трудиться, как строить взаимоотношения с сослуживцами.

Особенно восхищало нас умение Михаила Васильевича разговаривать с людьми. Своей простотой он как-то сразу располагал собеседника на откровенность. Он никогда никого не унижал, никогда не навязывал другому своих мыслей, а терпеливо убеждал. Поощряя разумную инициативу, Фрунзе ободрял и окрылял человека, поднимал его в собственном сознании и в глазах окружающих.

Советы и указания Михаила Васильевича отличались исключительной глубиной мысли и неотразимой логикой. Мне не раз приходилось присутствовать при его разговорах с боевыми командирами и другими должностными лицами, у которых возникали какие-либо сомнения и колебания. Терпеливо и тактично Фрунзе разъяснял таким товарищам их ошибки. Чаще всего в этих случаях он ссылался на указания великих учителей пролетариата, на требования большевистской партии. Михаил Васильевич на память цитировал Маркса, Энгельса, Ленина. «По такому-то вопросу,— говорил он,— у Владимира Ильича есть определенное указание...» Или: «Ленин учит нас...» И надо подчеркнуть, что Фрунзе всегда добивался своей цели, помогая собеседнику разобраться в обстановке и преодолеть сомнения.

Очень подвижной по натуре, Михаил Васильевич не засиживался в кабинете. И от работников штаба он требовал чаще бывать в войсках. Каждую поездку он тщательно продумывал, а перед работниками, которые сопровождали его, всегда ставил ясные, конкретные задачи: что выяснить, в чем оказать помощь на местах.

Как член правительства Украинской республики, М. В. Фрунзе не переставал думать и о больших государственных делах. Помню, во время одной из командировок он вдруг заговорил о топливе для городов. Внимательно выслушав мнение товарищей, Михаил Васильевич тут же наметил целую программу борьбы с топливным голодом. Потом его мысли воплотились в конкретных мероприятиях, на выполнение которых были брошены и многие штабные работники. В частности, начальник военных сообщений А. М. Постников по поручению командующего наладил

бесперебойную работу узкоколейной железной дороги, по которой топливо из Чугуевского и других лесов доставлялось в Харьков.

Сотрудники штаба Муратов, Вишневский и Санович руководили заготовкой дров и транспортировкой их до железнодорожной станции. Много сделал для решения этой проблемы и лично сам Михаил Васильевич. Он тормошил разные организации, от которых зависело дело, раз десять связывался по телефону и телеграфу с главкомом, начальником военных сообщений республики и другими работниками центра, добиваясь содействия в борьбе с топливным голодом.

Не менее острой в 1921 году была и продовольственная проблема. Послевоенная разруха и недород вызвали голод во многих районах Советской республики. На плечи М. В. Фрунзе легло бремя новых забот. Он возглавлял военную комиссию помощи голодающим. По его заданию были подобраны и направлены на наиболее ответственные участки надежные работники, организован сбор средств, ценностей и продовольствия, сформированы специальные поезда и санитарные «летучки».

В то тяжелое время Михаил Васильевич служил для нас образцом выдержки и организованности. Помню общее собрание штабных сотрудников. Выступая на нем, Фрунзе обратился ко всем с призывом: «Давайте выручать из беды своих сограждан, отдадим в фонд борьбы с голодом ценные вещи, какие есть в семьях».

Мне, как комиссару штаба, пришлось непосредственно заниматься сбором и учетом ценностей. Никогда не забуду тех дней. Люди приносили золотые кольца и серьги, серебряные ложки и вилки. Надо полагать, им нелегко было расставаться с привычными предметами, с дорогими сердцу вещицами. Но сознание у них оказалось выше бытовых привязанностей. Все члены партии и многие беспартийные сдали золотые часы, которыми их когда-то наградили, портсигары с дарственными надписями.

По предложению Михаила Васильевича на Украине была создана артистическая труппа во главе с известным оперным певцом Платоном Цесевичем. Фрунзе распорядился выделить для нее специальный поезд, а артистов поставить на красноармейское довольствие. Все средства, собранные от выступлений этой труппы, шли в фонд помощи голодающим.

Особенно тревожился М. В. Фрунзе за детей. Для их спасения он не жалел ничего. В охваченные голодом районы

направлялись санитарные «летучки». Вывезенным оттуда ребятам оказывалось всяческое внимание. При штабе командующего открылось несколько детских учреждений.

Своей неиссякаемой энергией и жаждой знаний Михаил Васильевич заражал всех, кто с ним вместе работал. Мы видели, что этот умный, очень эрудированный человек продолжает непрерывно и настойчиво учиться. Он много читал. Из издательств к нему ежедневно поступали новые книги.

На квартире М. В. Фрунзе частенько собирались сотрудники штаба. Завязывались оживленные беседы на военные, политические и литературные темы. Под влиянием этих встреч наши сотрудники потянулись к учебе. Группа штабных работников, в которую входил и я, начала изучать английский язык, освоила стенографию. Многие стали готовиться к поступлению в военные и гражданские вузы.

К умному и отзывчивому Михаилу Васильевичу люди тянулись, как растения к свету. Боевые друзья, давние товарищи и совсем незнакомые люди, нуждавшиеся в совете и помощи, шли к нему, чтобы повидаться и поговорить. И Михаил Васильевич, несмотря на большую занятость, всегда находил время для беседы с ними, внимательно выслушивал каждого. Если это было в его силах и компетенции, он безотлагательно решал вопросы. Если же к нему обращались не по адресу, он просто и спокойно объяснял, куда надо пойти, к кому обратиться. Никто не уходил от Фрунзе обиженным или недовольным.

А какой обильной была его ежедневная почта! Сначала Михаил Васильевич сам читал все письма, приходившие из разных концов страны, и по каждому давал секретариату указания: что ответить, куда направить. Затем поток корреспонденций вынудил Фрунзе создать при штабе бюро писем... Поступавшая корреспонденция аккуратно регистрировалась и тщательно изучалась. Сотрудники бюро докладывали Михаилу Васильевичу о ее содержании, а многие письма он по-прежнему читал лично. И ни одно из обращений к нему не оставалось без ответа.

В коротких воспоминаниях трудно высказать все, что сохранила память о М. В. Фрунзе. В заключение хочется подчеркнуть, что работа под руководством Михаила Васильевича сначала в Харькове, а затем в Москве явилась для меня замечательной школой. Образ этого чудесного человека навсегда остался в моем сердце.

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 187—194.

С. И. АРАЛОВ

МИССИЯ М. В. ФРУНЗЕ В ТУРЦИЮ

Известие о поездке Фрунзе[1] было воспринято в Турции как свидетельство истинной дружбы советского и турецкого народов. Оно ободрило турецкий народ и его руководителей, вселило в них уверенность, что в лице советских республик они имеют надежных и верных друзей, на помощь которых можно смело рассчитывать.

В ответ на сообщение о предстоящем приезде М. В. Фрунзе турецкое правительство уведомило полпреда РСФСР в Анкаре, что Фрунзе встретит в Турции самый дружественный прием.

К моменту приезда Фрунзе положение Турции оставалось весьма тяжелым. Турция не имела сил и средств для победоносного завершения затянувшейся войны: материальные ресурсы страны были израсходованы. Внутри Турции начали поднимать голову феодально-клерикальные элементы, настойчиво требовавшие соглашения с Антантой.

Используя эти реакционные силы, западноевропейские империалисты старались подорвать дружественные отношения между Турцией и Советской Россией. Расчет их был прост: лишившись поддержки и помощи Советской России, Турция оказалась бы вынужденной пойти в кабалу к империалистам.

В связи с подписанием в Анкаре 20 октября 1921 года франко-турецкого договора активность оппозиции против внешнеполитической линии Кемаль-паши[2] значительно возросла. Национальное правительство Турции находилось на распутье.

В этих условиях поездка Фрунзе вышла далеко за рамки ее официального назначения — подписания украинско-турецкого договора. Она должна была сыграть и действительно сыграла важную роль в установлении личного контакта с руководящими деятелями Турции. Она предотвратила капитуляцию Турции перед империалистами Антанты и способствовала упрочению советско-турецкой дружбы.

---

[1] М. В. Фрунзе с ноября 1921 года по январь 1922 года возглавлял Чрезвычайное посольство Украины в Турции.

[2] *Мустафа Кемаль Ататюрк* (букв. — отец турок) *(1881—1938)*— руководитель национально-освободительной революции в Турции 1918—1923 годов. 1-й президент (1923—1938 годы) Турецкой республики. Выступал за укрепление национальной независимости и суверенитета страны, за поддержание дружественных отношений с СССР.

За время пребывания в Турции, с 25 ноября 1921 года по 15 января 1922 года, Фрунзе провел большую работу. Еще до открытия официальных переговоров о заключении договора между УССР и Турцией Фрунзе имел беседы с Мустафой Кемалем, с министром иностранных дел Юсуфом Кемалем и другими представителями национального правительства по широкому кругу политических и военных вопросов.

25 декабря 1921 года в Анкаре открылась конференция по подготовке Украинско-турецкого договора, в основу которого был положен Московский договор от 16 марта 1921 года. Переговоры протекали в обстановке сердечности и взаимопонимания, и стороны быстро пришли к соглашению. 2 января 1922 года М. В. Фрунзе и Юсуф Кемаль подписали договор о дружбе и братстве между Украинской ССР и Турцией...

Поездка М. В. Фрунзе оставила заметный след в истории советско-турецких отношений. Успех миссии Фрунзе показал всему миру, что дружба между нашими странами продолжала крепнуть и развиваться.

Михаил Васильевич Фрунзе. Воспоминания родных, близких, соратников. Фрунзе, 1969, с. 195—199.

Л. С. КОЛЯДКО

МИССИЯ В ТУРЦИЮ

Миссия М. В. Фрунзе в Турцию в качестве чрезвычайного и полномочного посла Советской Украины имела важное значение. В соседней с нами стране, оказавшейся побежденной в первой мировой войне и поделенной державами Антанты, происходили серьезные политические перемены: новое правительство Мустафы Кемаля возглавило народное движение против султанского режима за независимость. Советские республики сочувственно относились к этой борьбе. В марте 1921 года между РСФСР и новой Турцией был заключен договор о дружбе и братстве; в октябре такой договор с правительством Кемаля подписала Закавказская федерация. Теперь и Украинская ССР намеревалась установить добрые отношения с черноморским соседом.

Турецкое правительство, пригласившее делегацию Советской Украины в Анкару, приветствовало назначение послом Фрунзе, боевая слава которого перешагнула через море.

Из Харькова Михаил Васильевич выехал 4 ноября 1921 года специальным поездом. Его сопровождали военный советник А. К. Андерс, дипломатический советник, член коллегии НКИД УССР Ждан-Пушкин и довольно значительный штат. Мне тоже посчастливилось тогда быть вместе с ним. Большинство из нас выезжало за границу впервые, поэтому Фрунзе попросил Ждан-Пушкина хоть немного подучить новичков в дороге французскому языку. Занятия проводились до самого Баку.

Сам Михаил Васильевич не терял ни минуты. В Баку он побывал у секретаря ЦК Компартии Азербайджана Сергея Мироновича Кирова и поинтересовался, как идет восстановление нефтяной промышленности. В Батуми посетил Ботанический сад. Увидев, с какими трудностями сталкиваются научные сотрудники, Фрунзе немедленно отправил в Наркомзем РСФСР докладную записку, в которой просил оказать ботаникам самую срочную помощь.

Немало поломал голову Михаил Васильевич над выбором дальнейшего пути. Самым коротким и удобным был, конечно, морской маршрут. Однако правительство Мустафы Кемаля все еще находилось в состоянии войны с Грецией, подстрекаемой державами Антанты, и греческие боевые корабли довольно часто появлялись в Черном море. Сухопутный маршрут был хотя и безопасней, зато намного длиннее, труднее и экономически невыгоднее.

По горным дорогам пришлось бы передвигаться на лошадях; для нашего многочисленного посольства этот транспорт обошелся бы слишком дорого.

Фрунзе избрал морской путь, хотя и при таком варианте сухопутный участок с грунтовыми дорогами составлял не менее четырехсот километров. Вот почему уже в Батуми Михаил Васильевич сократил число своих помощников на одну треть. В дальнейшем в Трапезунде он еще раз уменьшил состав посольства.

Переход через Черное море осуществлялся с максимальной предосторожностью. Михаила Васильевича под вымышленной фамилией устроили на итальянский пароход «Саннаго»... Для персонала посольства и груза из Новороссийска прислали пароход «Георгий». При погрузке на него я впервые увидел, как выглядит в натуре миллион золотых рублей царской чеканки. Это был первый взнос в счет займа, предоставленного нами правительству Кемаля.

В течение ночи на 26 ноября незаметно дошли до Трапезунда. Никакой торжественной встречи не было, поскольку посол прибыл инкогнито. В порту стояли четверо суток.

Однажды на двух турецких канонерках[1] поднялась суматоха. Из города одна за другой стали подъезжать подводы с подушками, перинами и узлами. Военные моряки тащили это добро на корабли, гремели якорные цепи. Чувствовалось, что застоявшиеся корабли собираются в поход. И верно: вечером они ушли вдоль берега на восток.

Через день корабли возвратились, да так неловко развернулись на рейде, что сели на мель. Нашему «Георгию» пришлось выручать их. Вскоре выяснилось, что турки ходили к нам в Батуми за боеприпасами и оружием и слишком перегрузили свои канонерки. Так мы стали свидетелями дружеской помощи Советского правительства молодой Турецкой республике.

В Трапезунде к нашему посольству был прикомандирован официальный турецкий представитель — морской капитан Гассан-бей. По-русски он говорил хорошо и признался нам, что воевал против большевиков на Каспии в составе мусаватистского[2] флота.

Вечером 29 ноября наш «Георгий» направился дальше в Самсун. Погода была тихая, море успокоилось, но наши моряки почему-то приуныли. Они, оказывается, торопились в Севастополь: могли испортиться заготовленные ими фрукты.

Плавание проходило спокойно, если не считать маленького инцидента. Однажды ночью нас с моря осветил прожектор. Встревоженный Гассан-бей быстро переоделся в нашу матросскую робу. На этом все и кончилось.

К Самсуну подошли поздно вечером. И все-таки в порту оказалось немало народу. Местные власти разместили нас в гостинице «Монтика-Палас». Гассан-бей предупредил, чтобы мы не платили носильщикам за доставку багажа. «Вы наши друзья,— сказал он,— и находитесь под гостеприимным покровительством правительства новой Турции». Нам было неловко перед носильщиками, но те сами нас выручили. Когда хлопоты с багажом окончились и полиция ушла, они собрались в темном коридоре гостиницы и попросили уплатить им:

— Хотя полиция и приказала перенести багаж бесплатно, но мы знаем, что большевик справедливый человек и не станет обижать рабочего.

---

[1] *Канонерка* — канонерская лодка — боевой артиллерийский корабль, предназначенный для ведения боевых действий в прибрежных районах и на реках.

[2] *Мусаватисты («Мусават»)* — контрреволюционная буржуазно-националистическая партия в Азербайджане в 1911—1920 годах. Вместе с турецкими и английскими интервентами боролась против Советской власти, в сентябре 1918 года возглавила буржуазно-помещичью диктатуру в Азербайджане.

Мы поблагодарили их за добрые слова и рассчитались.

Весь следующий день М. В. Фрунзе был занят отправкой донесений в Москву и Харьков. О своем приезде он сообщил также турецкому министру иностранных дел.

Из Самсуна мы должны были совершить путешествие в глубь материка по дороге, построенной еще римлянами. Для этой цели нам предоставили пятнадцать крытых пароконных повозок — яйли. Удобно разместившись, мы 2 декабря двинулись в путь. Стояло серое, пасмурное утро, накрапывал дождик. Спереди и сзади наш караван охраняла команда турецких конных жандармов, одетых в рваные бурки и башлыки.

Фрунзе (в военной форме и кавказской бурке) ехал верхом. Его зеленый башлык возбуждал любопытство. Прохожие часто спрашивали о чем-то жандармов, и в ответах наших провожающих мы нередко улавливали слово «большевик»... Жители принимали нас с шумной радостью, подготовили баню из серного источника, обильно угощали ужином.

Такие торжественные встречи советскому послу жители устраивали почти на каждом привале. Михаил Васильевич охотно вступал в разговоры с крестьянами, любезно объяснял им цели нашей поездки, сам расспрашивал их о жизни. Он живо интересовался всем окружающим.

Вспоминается уютный и живописный городок Чорум с многочисленными стрельчатыми минаретами[1] и просторной базарной площадью. Несмотря на позднюю осень, торговые лавки были сплошь увешаны тяжелыми синевато-голубыми кистями винограда. Михаил Васильевич невольно залюбовался ими, а вечером обстоятельно расспросил об этом сорте винограда чорумских старожилов...

13 декабря наш караван, прошагав двенадцать дней по старой булыжной дороге, добрался наконец до станции Яхши-хан. В тот день мы поездом прибыли в Анкару. После официальной встречи на вокзале нас разместили в большом заезжем доме. Даже для посла не нашлось более приличного помещения.

В те времена Анкара не имела современного столичного вида. Она выглядела как рядовой провинциальный город (сорок тысяч жителей) с узкими тесными улицами, с дымящимися котлами халвы на каждом перекрестке и многочисленными пешеходами. Над старыми, покосившимися домами

---

[1] *Минарет* — башня (круглая, квадратная или многогранная в сечении) для призыва мусульман на молитву; ставится рядом с мечетью или включается в ее композицию.

господствовала старинная крепость, окруженная стеною из каменных плит. Эти плиты, судя по надписям, были остатками еще более старинных зданий времен греческого и римского господства в Турции.

Чувствовалась близость фронта. В городе было много офицеров и солдат. На запад непрерывно двигались верблюжьи караваны и табуны осликов с военными грузами...

Так мы, представители загадочной Страны Советов, расположились в штаб-квартире руководителей другой революции, прибыв к ним в самый разгар их боевой схватки со своими врагами.

Сразу по приезде в Анкару М. В. Фрунзе установил связь с посольствами советских республик — РСФСР и Азербайджана. Прежнего полпреда Российской Федерации Нацаренуса уже не было: его отозвали в Москву, а новый — С. И. Аралов — еще не прибыл. На месте оказался лишь азербайджанский полпред М. Авилов. К этому времени наши дипломаты уже обжились в Анкаре, хорошо знали всех турецких руководителей, были осведомлены об интригах врагов новой Турции. Они во многом облегчили работу М. В. Фрунзе, на первых порах помогли ему быстро установить личные контакты с вождями турецкой революции.

Начались официальные визиты Фрунзе к важнейшим государственным деятелям и ответные к нему. Однажды под вечер в нашей резиденции появился сам Мустафа Кемаль-паша в сопровождении охраны. Мы увидели высокого худощавого человека с бритым волевым лицом и черными глазами. На нем было кожаное пальто и рыжеватая каракулевая папаха. Михаил Васильевич встретил его в своей приемной. Между ними состоялась получасовая беседа.

После этого визита мы вступили в официальные переговоры с турками о заключении дружественного договора между УССР и новой Турцией. К нам стали наведываться местные журналисты. Обычно они приходили под вечер, выспрашивали новости, интересовались особой посла, гражданской войной, конфискацией земли у помещиков, состоянием нашего хозяйства. В разговоре некоторые из них заявляли, что советские порядки для Турции не подходят, поскольку здесь иные исторические и экономические условия. Но мы и не агитировали их за наш строй. Журналисты относились к нам недоверчиво, о своих делах говорили очень сдержанно. Стоило кому-либо из нас открыть записную книжку, как гости комкали разговор и удалялись.

Вспоминая те дни, понимаю, что мы, с нашим тогдашним большевистским аскетизмом, сами о том не подозревая, дей-

ствовали во время приемов неумело, наивно и даже коряво. Пусть даже были мы не дипломаты, а только солдаты. Сваренный по-турецки, до черноты, чаек, которым мы угощали посетителей, не располагал собеседника на откровенный разговор.

Михаил Васильевич внимательно и пристально изучал экономическое положение Турции. По его указанию мы покупали в магазинах книги, брошюры и журналы. Кое-что предоставили ему посольства РСФСР и Азербайджана.

Однажды мне поручили побеседовать с министром общественных работ Турции Реуф-беем. К этой встрече я тщательно готовился... Но о том, что Реуф-бей скрытый враг Мустафы Кемаля и его дела, я тогда не знал.

Беседа должна была вестись на английском языке, и я пришел с переводчиком. Господин министр принял нас немедленно, но оказался удивительно неразговорчивым. Каждый мой вопрос он тщательно записывал, а отвечал односложно «да» или «нет». Когда его просили высказаться пространнее, он ограничивался общими рассуждениями. Лишь много лет спустя я узнал из мемуаров Мустафы Кемаля о двуличии Реуф-бея и его заговорщической деятельности.

Пока наши советники и работники министерства иностранных дел Турции готовили проект договора, Фрунзе совершил поездку на фронт. Это был очень подходящий момент для демонстрации дружеских советско-турецких отношений: турки только что одержали крупную победу над греками на реке Сакарии, в ста километрах от своей столицы.

В конце декабря М. В. Фрунзе выступил с речью в Великом национальном собрании — меджлисе[1]. Он приветствовал турецкий народ, объяснил цель нашего приезда в Анкару, заверил в поддержке советскими республиками новой Турции, пожелал ей скорой и окончательной победы в борьбе за полную независимость. На другой день все газеты Анкары напечатали эту речь с весьма дружескими комментариями.

Работа наша приближалась к концу. По дипломатическому ритуалу полагался заключительный ужин. О нем мы подумали еще в Тбилиси и Батуми, захватив с собой необходимые припасы. Приглашенных собралось около ста человек. Среди гостей члены правительства во главе с Мустафой Кемалем. Мы обратили внимание на то, что все они пришли в повседневной рабочей одежде. У начальника военной академии китель был даже с обтрепанными рукавами. Видимо гости

[1] *Меджлис* — парламент в Турции.

хотели подчеркнуть, что их страна переживает большие трудности.

Общество состояло из одних мужчин. В те времена турок не водил свою жену в чужой дом, да еще в большевистский. Ужин сопровождался питьем чистой, родниковой воды. Другие напитки за столом запрещались кораном. Но узкий круг лиц был конфиденциально предупрежден не уходить после ужина. Они согласились и ждали. И тут перед нами возникла новая помеха. Ярый приверженец корана председатель совета министров Февзи-паша никак не уходил домой. А пока он сидел у нас, не смели уйти и другие гости, хотя ужин уже кончился. Выручили молодые азербайджанские дипломаты. Они очень ловко устроили Февзи-паше торжественные проводы, а следом за ним ушли и остальные не посвященные в наш план.

Тогда на столе появились кавказские вина и коньяки. Настроение у гостей вскоре поднялось, языки развязались, и полились речи...

Зазвучали песни, русские вперемешку с турецкими. Один из гостей, маленький и вертлявый, пустился в пляс. Он танцевал так стремительно и неистово, что не выдержал и упал на ковер. Конвойные аскеры завернули его превосходительство в бурку и отправили домой.

Утром 5 января 1922 года мы попрощались с Анкарой. Михаила Васильевича провожали министр иностранных дел Юсуф Кемаль-бей, гарнизонное и полицейское начальство, а также гражданские власти. Домой отправились знакомым способом и по знакомой дороге. Фрунзе по-прежнему ехал верхом. Торопились, насколько допускало состояние дорог и силы лошадей.

Когда въехали в город Хавза, памятный серной баней и хорошим ночлегом, остановились. Но на этот раз ограничились кормлением лошадей. Километров через десять нас остановил военный патруль и предупредил: дальше ехать нельзя.

— Что такое? Почему нельзя?

— Нельзя, и все. Надо спросить разрешения офицера. Там, впереди...

Послали одного патрульного пригласить офицера, а сами стали ждать. Была глубокая, тихая ночь. Из темноты выступали неясные силуэты гор.

Через час явился офицер, долго расспрашивал, кто мы, куда едем, обходил и считал наши повозки. Наконец, удостоверившись, что наши ямщики — турки, он объяснил, что в районе происходит восстание греков и в ночное время дальше

ехать опасно. Офицер посоветовал вернуться в Хавзу, хотя не препятствовал, если мы решим продвигаться вперед.

Посол решил: «Греки нам ни к чему, и мы грекам тоже. Приготовьте оружие и поедем».

Мы двинулись по дороге на Самсун. Наступило утро, серое и мокрое. Кругом было тихо и спокойно. Мы радовались близкому концу путешествия. Горы уже порядком надоели нам, привыкшим к широким русским равнинам.

И вот за поворотом дороги мы увидели направляющуюся навстречу нам толпу стариков, женщин и детей. Их было человек двести. Впереди шел священник с крестом на груди. Оборванных до последней степени людей конвоировали турецкие солдаты. Над толпой висел непрерывный глухой вой. Дальше по обочинам дороги стали встречаться трупы заколотых и расстрелянных стариков, женщин, молодых девушек и даже детей. Мы насчитали около ста несчастных. На наши расспросы патрульные аскеры отвечали, что эти люди умерли от болезней. Но лужи крови и следы пуль опровергали их ложь.

Наблюдая эту страшную картину истребления беззащитных людей, Михаил Васильевич громко негодовал...

13 января, вечером, мы были в Самсуне. При въезде в город М. В. Фрунзе встречал советский полпред С. И. Аралов, следовавший на свой пост в Анкару. Весь день нашего пребывания в Самсуне они провели вместе.

В порту нас ожидал пароход. На нем мы вернулись в Батуми, а оттуда специальным поездом — в Харьков.

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей
и соратников. М., 1965, с. 200—208.

С. Ф. КУВШИНОВ

ПОД ФЛАГОМ НАРКОМА ПО БАЛТИКЕ

Зима 1925 года в Ленинграде выдалась студеная, снежная. Многоводная река Нева покрылась полуметровым ледовым панцирем. Я в то время служил краснофлотцем-сигнальщиком на плавучей базе подводных лодок «Смольный». На зиму наши корабли поставили на ремонт к стенке Балтийского завода.

Однажды нас выстроили по большому сбору в кубрике. Пришли командир и комиссар корабля. Военком зачитал приказ М. В. Фрунзе о его вступлении в должность народного комиссара по военным и морским делам и председателя Революционного Военного Совета СССР. Слушали мы внима-

тельно и сосредоточенно. В самом начале приказа говорилось о заветах Ильича, который у каждого из нас жил в сердце.

«Оборону Советской земли,— писал М. В. Фрунзе,— приходится осуществлять после неслыханно тяжелой утраты, понесенной нами в лице товарища Ленина, величайшего вождя всех трудящихся и подлинного вдохновителя нашей Красной Армии. Тем тверже и непоколебимее Красной Армии надлежит теперь проводить в жизнь великие заветы, начертанные всей его жизнью на красных скрижалях борьбы и победы угнетенного человечества над вековыми поработителями» [1].

До сих пор помнятся высказанные в то время в приказе мысли о неуклонном стремлении Страны Советов к миру, о необходимости сделать невозможной всякую войну. Теперь я перечитываю этот документ с гордостью за свою страну: десятилетия неустанно борется она за мирное сотрудничество народов, населяющих нашу планету.

В тот день среди краснофлотцев корабля много было разговоров о новом наркоме. О Михаиле Васильевиче мы, комсомольцы, знали мало, лишь общие сведения: соратник В. И. Ленина, в гражданскую войну командовал армиями, фронтами. А мне и моим товарищам по комсомолу хотелось знать подробнее о его жизни и боевых подвигах. На другой день я перебрал все книги нашей корабельной библиотечки, которой заведовал в порядке партийной нагрузки, но о Фрунзе ничего не нашел. Как бы угадывая наши желания, газета «Красный Балтийский флот» напечатала краткую биографию наркома. Мы восхищались, читая о том, что М. В. Фрунзе с юных лет стал преданным коммунистом-ленинцем и целиком посвятил себя делу революции. Однако полученных сведений нам оказалось недостаточно, и мы попросили комиссара корабля... провести с нами беседу...

Он — старый матрос-большевик, участник штурма Зимнего, в гражданскую войну воевал на Восточном фронте, плавал на флотилии под командованием Николая Маркина [2], осво-

---

[1] *Фрунзе М. В.* Собрание сочинений. М. — Л., 1927, т. III, с. 67.

[2] *Маркин Николай Григорьевич (1893—1918)*, командир Красного Флота, член Коммунистической партии с 1916 года, из крестьян. С 1914 года на Балтфлоте, матрос. Член ЦИК 1-го созыва. В начале ноября 1917 года в Наркомате иностранных дел на должности секретаря и контролера. Вел борьбу с саботажем, создавал и укреплял аппарат Наркоминдела. В июне 1918 года в Нижнем Новгороде руководил формированием Волжской военной флотилии, с августа помощник командующего флотилией. Возглавлял десант матросов в бою за Казань, командуя отрядом судов, участвовал в боях на реке Каме. Погиб 1 октября в бою под Пьяным Бором.

бождал города на Волге и Каме, принимал участие в боевых операциях, которыми руководил М. В. Фрунзе. Беседа прошла оживленно, интересно. Мы многое узнали о боевой деятельности М. В. Фрунзе как полководца, народного вождя, бесстрашного революционера.

А вскоре мы встречали и увидели самого Михаила Васильевича. В конце февраля он приехал в Ленинград и посетил Балтийский завод, где находились на ремонте наши корабли.

Как обычно, о приезде на флот высших военных руководителей мы узнавали за несколько дней и обстоятельно готовились: мыли корабли и шлюпки, чистили оружие и обмундирование. А М. В. Фрунзе появился неожиданно — видимо, хотел посмотреть флот в будничной, повседневной рабочей обстановке. Моряки, конечно, сожалели, что не могут показать народному комиссару свои корабли во всей флотской красе. Наши подводные лодки вмерзли в толстый невский лед и казались безжизненными. Палубы были вскрыты, виднелись все внутренние помещения, там и сям вились электропровода, воздушные шланги и трубы парового отопления.

На плавбазу «Смольный» наркома ожидали после посещения им линкора «Парижская Коммуна»... Я в то время нес сигнальную вахту на верхнем ходовом мостике и сильно волновался: как бы не проглядеть момент, когда М. В. Фрунзе сойдет с линкора, чтобы вовремя доложить своему командованию.

К нашему кораблю М. В. Фрунзе подошел с группой из нескольких человек. С ним были начальник Морских сил В. И. Зоф [1], командующий флотом А. К. Векман [2], которых я знал в лицо, и несколько не знакомых мне военных.

---

[1] *Зоф Вячеслав Иванович (1889—1937)*, советский военный деятель, член КПСС с 1913 года. В 1917 году один из связных В. И. Ленина с ЦК. В 1919—1920 годах член РВС Балтфлота, в 1921—1924 годах комиссар при командующем Морскими силами Республики. В 1924—1926 годах начальник ВМС и член РВС СССР.

[2] *Векман Александр Карлович (1884—1955)*, командир Красного Флота. Участник 1-й мировой войны, капитан 2 ранга. С марта 1919 года в арт. отделе Главного управления кораблестроения, затем начальник Минного, Верхне-Астраханского отряда судов Астрахано-Каспийской военной флотилии, далее начальник штаба, начальник Северного отряда Волжско-Каспийской военной флотилии, начальник Морских сил Каспийского моря. В 1920—1922 годах командовал соединениями на Балтике. Затем начальник Морских сил Черного, Балтийского и Каспийского морей. Профессор Военно-морской академии, вице-адмирал.

Их встретили командир бригады Румянцев и комиссар Ковалев. Вначале группа наркома зашла на наш корабль, в кают-компанию, а потом проследовала на подводные лодки, стоявшие у нашего борта.

С верхнего мостика я наблюдал за начальством. Хорошо запомнился мне внешний вид М. В. Фрунзе: среднего роста, с небольшими усами, одет просто — в красноармейском шлеме с большой яркой звездой из сукна, в длинной кавалерийской шинели с малиновыми петлицами. В этой форме он напоминал древнего русского витязя.

Народный комиссар не торопясь обошел лодки, спускался в их тесные отсеки, попутно задавал вопросы морякам и внимательно выслушивал их ответы. Затем М. В. Фрунзе возвратился на «Смольный». Личный состав нашего корабля построился на верхней палубе в рабочем платье. Народный комиссар прошел вдоль строя, поздоровался и нескольким матросам задал вопросы: довольны ли они питанием, хватает ли обмундирования и хорошего ли оно качества.

На пищу мы особенно не обижались — кормили сносно. А вот с обмундированием было тогда неважно. Помню, один кочегар заявил, что пары рабочего платья мало и одних рабочих ботинок надолго не хватает. Адъютант наркома записал это заявление, а Михаил Васильевич тут же сказал, что наши претензии будут рассмотрены и по возможности удовлетворены...

Через несколько дней М. В. Фрунзе выступил перед командно-политическим составом флота и Ленинградского гарнизона. Об этом мы узнали из нашей флотской газеты. Нарком делился своими впечатлениями от посещения кораблей Балтийского флота.

«Наше положение крепкое, материальное положение флота, конечно, будет улучшено,— говорил М. В. Фрунзе.— Недочеты есть, но они будут моряками устранены. Теперь нужно работать настойчиво по воспитанию краснофлотцев. В связи с этим ответственность комполитсостава вырастает в огромной степени.

Наша задача — укрепление дисциплины. Здесь первый долг командира — быть примером! Ни наша партия, ни Советское правительство не считают возможным твердо обеспечить безопасность границы рабоче-крестьянского государства, если у него не будет сильного военно-морского флота. Поэтому флоту будет уделено большое внимание. Товарищи моряки могут и должны работать с полной энергией, с полной уверенностью в завтрашнем дне».

Не обошел Михаил Васильевич и бытовых вопросов. В газете «Красный Балтийский флот» мы на следующий день прочитали: «Вопрос о ставках сверхсрочников поставлен Реввоенсоветом и будет разрешен положительно, но не раньше осени. К концу марта я считаю нужным, чтобы моряки обязательно имели второй комплект рабочего обмундирования. На флоте питание должно быть улучшено — выше, чем в армии. Трудная работа моряков требует этого. Теперь возможности в этом отношении большие. Морской паек должен быть сильно увеличен. Нужно лучше обучать коков приготовлению пищи».

В заключение своего выступления М. В. Фрунзе так отозвался о флоте: «Я не видел раньше Балтийского флота. Поэтому мне трудно сравнивать его прежнее состояние с теперешним. Но по тому, с чем я ознакомился на кораблях, я могу определенно сказать, что флот идет вперед».

Помнится, не прошло и трех месяцев после приезда М. В. Фрунзе, как мы почувствовали улучшение в своей жизни и службе.

Во-первых, завод ускорил ремонт кораблей. Во-вторых, наши машинисты, кочегары и подводники получили по второй паре рабочих ботинок. Улучшилось питание, особенно у краснофлотцев подводных лодок. Осенью всем матросам выдали по второй паре рабочего платья, а пальто невоенного покроя, которые мы в то время носили, были сменены на форменные шинели темного цвета.

В-третьих, прекратилась посылка корабельного состава на городские работы и в гарнизонный караул. Мы стали больше заниматься ремонтом судов и учебно-боевой подготовкой. Заметно повысилось политико-моральное состояние личного состава. Появились ударники труда на ремонте... Увеличился приток моряков в партию и комсомол.

Весной Балтийский завод при активной помощи состава подлодок досрочно закончил ремонт кораблей, и, как только Нева и залив очистились от льда, бригада перешла в Кронштадт на летнюю стоянку. Ошвартовались в Средней гавани... Подлодки ежедневно стали выходить в море.

В первых числах июня на флот прибыл начальник Морских сил В. И. Зоф. Он через газету «Красный Балтийский флот» сообщил, что 20 июня состоится учебный поход в Южную Балтику. Приятная новость обрадовала нас, моряков. Наши корабли так далеко еще не ходили. В то время это было уже заграничное плавание, так как граница тогда проходила в районе островов Сескар и Лавансаари.

За несколько дней до выхода флота в море мы на мостике «Смольного» занимались сигналопроизводством. Руководил тренировками флагманский штурман. Стоявшие возле нашего борта подводные лодки шумели дизелями и моторами, заряжали аккумуляторы и опробовали механизмы. Линейный корабль «Парижская коммуна», крейсер «Аврора» и канонерские лодки пылили на всю гавань — грузили полный запас угля. Словом, всюду наблюдалось предпоходное оживление.

Но больше всех волновались мы, сигнальщики базы. Наш «Смольный» обычно покидал базу один-два раза за кампанию. Фактически мы моря-то как следует и не видели. А на стоянке разве приобретешь настоящие навыки. А теперь вот опять: другие шли в многодневный поход, а мы оставались в гавани. Каждый из нас стал обдумывать, как попасть в плавание.

В перерыве занятий я осторожно завел разговор о предстоящем походе флота и с досадой сказал:

— А нам опять стеречь пустую гавань.

Услышав мои слова, штурман задумался. По окончании занятий он неожиданно спросил:

— Кто желает плавать на подводных лодках?

Желание изъявили все сигнальщики. Но флагманский специалист отобрал только двоих: меня и моего товарища Сашу Кошелькова. Так я попал на подводную лодку, где комиссаром был Дианов, впоследствии ставший адмиралом, заместителем начальника одного из училищ, а минером — краском Скриганов, ставший видным подводником, командиром бригады подводных лодок на Тихоокеанском флоте, адмиралом...

Жизнь на лодке шла своим морским порядком: четыре часа — вахта, четыре — отдых. Трудовая нагрузка большая, но мы не чувствовали усталости. В свободные минуты с большим интересом слушали рассказы комиссара об участии М. В. Фрунзе в гражданской войне, а штурман рассказывал об исторических местах, мимо которых проходили. Выпустили стенную газету — маленькая она, всего из трех заметок — и все-таки радовались ей. Хотя социалистическое соревнование не было еще официально узаконено, мы поместили в газете обязательства личного состава: ни одного отказа механизмов, ни одного нарушения инструкций.

Через двое суток утром, где-то на широте Либавы, когда лодка была в надводном положении, мы заметили на горизонте дымы. Командир скомандовал срочное погружение. Лодка пошла выполнять задание, предусмотренное

планом учения. Заняв позицию, мы стали ждать приближения эскадры. Когда стали хорошо видны корабли, командир лодки пошел на сближение. Атака оказалась удачной: лодка дала по «Марату» условный торпедный залп «воздушным пузырем» и всплыла в нескольких кабельтовых от линкора.

На фок-мачте флагмана замелькали наши позывные и сигнал: «Флагман выражает свое удовольствие вашим маневром». Мы приняли сигнал как благодарность наркома всему экипажу. Эта весть быстро облетела все отсеки лодки и подняла настроение моряков.

После встречи с эскадрой к нам подошла другая лодка нашего дивизиона. Она передала несколько экземпляров походной многотиражной газеты «В море», отпечатанной на «Марате». Газета небольшая, состояла из двух страничек. В ней была напечатана небольшая статья М. В. Фрунзе, в которой он писал:

«...Мы строим и построим сильный Балтийский флот. Ядро его у нас уже есть. Наша походная эскадра — неплохое начало. Республика позаботится, чтобы это начало увенчалось еще лучшим концом.

«Лучше меньше, да лучше»,— говорил... Ильич,— писал М. В. Фрунзе.— Помня об этом, не будем особенно гнаться за числом. Надо сначала привести в порядок то, что у нас есть... Надо добиться того, чтобы суда наличного флота представляли не ряд отдельных органически не связанных между собой единиц, а живое единое целое, действующее как цельная, исправная, хорошо налаженная машина в руках своего командира-флотоводца.

Достигли ли мы этого умения? Далеко нет. Так будем же дружно работать, будем все, как один человек, от рядового до командующего... Этим будет сделан первый и самый важный шаг к созданию сильного Красного флота.

Товарищи моряки,— пишет в заключение М. В. Фрунзе,— сейчас вы плаваете на старых кораблях, но мы будем строить новые, более мощные».

Эту статью мы тут же прочитали вслух. Всех нас обрадовали уверенные слова наркома...

Через семь суток наша эскадра возвратилась в родной Кронштадт. Мы приобрели хорошую морскую закалку и с честью пронесли флаг наркома через седые просторы Балтики.

Статья «Под флагом наркома» — см.: М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 212—219, исправленная и дополненная автором.

Ю. Ф. РАЛЛЬ

БАЛТИЙСКИЙ ПОХОД

Поход 20—27 июня 1925 года памятен всем его участникам как по продолжительности, так и по тому, что он совершался под флагом Председателя Революционного Военного Совета Республики и народного комиссара по военным и морским делам Михаила Васильевича Фрунзе.

Пребывание Фрунзе на судах во время похода носило характер чисто делового ознакомления с жизнью и работой флота.

Председатель Реввоенсовета прибыл из Ленинграда на эскадренном миноносце к месту летней стоянки флота. Тотчас по приходе миноносца на рейд ранним утром 20-го числа Фрунзе перешел на линейный корабль «Марат», где и был поднят соответствующий флаг.

В восемь часов, после торжественного подъема флага, первый отряд, состоящий из линейных кораблей и эскадренных миноносцев, вышел в море. Народный комиссар внимательно наблюдал маневрирование судов при съемке с якоря и перестроениях в походный порядок.

Михаил Васильевич поражал всех видевших его впервые способностью быстро вникать в сущность дела, не отвлекаясь на встречавшиеся мелочи.

Так, например, наблюдая управление линейным кораблем из боевой рубки, товарищ Фрунзе только всматривался в действие различных приборов, прислушивался к отдаваемым командам, получаемым донесениям и т. д. Лишь когда корабль, закончив разворачивание, лег на нужный курс, Михаил Васильевич потребовал дополнительных объяснений того, что ему осталось непонятным.

Выйдя из боевой рубки, Председатель Реввоенсовета выразил свое восхищение применением самых последних способов внутренней связи и надежностью действий всех приборов. Попутно в разговоре М. В. Фрунзе отметил, что для поддержания в исправности разных точных приборов требуются краснофлотцы высокой квалификации, и тотчас спросил, сколько сверхсрочно служащих числится на корабле и хорошо ли они обеспечены.

После того как отряд лег на длинный курс и было решено не менять строя, М. В. Фрунзе предпринял обход корабля с целью ознакомиться с обстановкой и службой на походе. Был осмотрен центральный пост, помещение подводных торпедных аппаратов, а затем приступили к

осмотру двенадцатидюймовой башни и демонстрации действий всех приборов при раздельном и автоматическом заряжении. Бойкие ответы прислуги на все заданные вопросы, по-видимому, произвели хорошее впечатление. Однако, хорошо знакомый с боевой практикой, Председатель Реввоенсовета тотчас заинтересовался, как будет стрелять башня, если в бою прекратится питание ее током. Перевод на ручное управление и отдельные манипуляции при этих условиях особенно заинтересовали Фрунзе, и он обратил внимание личного состава на необходимость практиковаться именно в этих особенных условиях.

Смысл его замечаний сводился к тому, что в первые моменты боя очень важно нанести возможно больше повреждений противнику, пользуясь всеми механическими и электрическими приборами. Поэтому приборы должны всегда находиться в образцовом состоянии, но в конце боя, когда сражение переходит на выдержку, когда важно проявить наибольшее упорство, могут понадобиться, может быть, и более длительные приемы ручного управления артиллерией, позволяющие использовать подбитые башни.

В кочегарках Фрунзе внимательно следил за работой матросов и наглядно сравнивал условия действия котлов на донецком и кузнецком угле. Сравнительно низкая температура, чистота в помещениях и бодрый вид кочегаров не ввели в заблуждение опытного военачальника. М. В. Фрунзе быстро оценил производимую матросами физическую работу и стал их расспрашивать, достаточно ли их сытно кормят. Узнав, что кочегары довольствуются на общих основаниях, народный комиссар справился о размере морского пайка, а затем перешел в турбинное отделение.

По пути в турбинное отделение Фрунзе интересовался, какими способами можно предохранить кочегаров от отравления газами, и обратил внимание высшего командования на необходимость разрешить этот вопрос в самом срочном порядке.

Спустившись в тропическую температуру турбинного отделения, М. В. Фрунзе не оставил заботившую его мысль, спросил, каким способом предохранить этот отсек от всасывания отравляющих веществ с верхней палубы. На ответ, что одним из способов является остановка вентиляции, он приказал выключить вентиляторы, а сам с часами в руках в течение нескольких минут наблюдал за повышением ртути в термометре. По прошествии некоторого времени М. В. Фрунзе приказал пустить вентиляторы и заметил,

что нам, временным посетителям, можно было бы и еще потерпеть, а вахтенной смене надо будет оставаться в созданной температуре долгое время.

Проходя мимо пирамид с винтовками, народный комиссар взял одну из них и внимательно осмотрел ее. Упущений в содержании ручного оружия обнаружено не было. К полудню М. В. Фрунзе вышел обедать в салон и, несмотря на то что для него была приготовлена особая пища, ел вместе со всеми обычную пищу с командирского камбуза. Здесь же, за столом, им было отдано приказание об увеличении пайка на время походов. Это распоряжение было передано сигналом и по радиотелеграфу на все суда Балтийского флота.

Потом Фрунзе чаще всего находился на юте[1]. Оттуда он наблюдал за морем, за действиями судов отряда, там беседовал с представителями высшего командования и сотрудниками штаба. Каждый день утром, за пятнадцать — тридцать минут до подъема флага, Фрунзе поднимался на ходовой мостик и знакомился с происшествиями за ночь, местом нахождения по карте и состоянием моря.

Отряд подходил к маяку Альма-грундет. На горизонте вырисовывались шведские шхеры[2], между которыми расположены входные фарватеры в Стокгольм. М. В. Фрунзе рассказал, как в 1906 году он на финском пассажирском пароходе ехал на съезд. Вспомнил, как нелегко было обмануть бдительность жандармов в Або, а еще труднее предположить, что через десять с небольшим лет удастся добиться победы пролетариата на одной шестой части суши земного шара.

Внимательно осмотрев знакомые места, народный комиссар спустился вниз и после подъема флага пошел познакомиться с жизнью моряков на походе. Команда была разведена на политзанятия. М. В. Фрунзе зашел в один из отсеков и некоторое время слушал вопросы, задаваемые политруком, ответы краснофлотцев и объяснения политрука. Затем, увлекшись, начал сам задавать вопросы и объяснять, в чем разница между продналогом и продразверсткой. Объяснения Фрунзе были очень понятными, так как говорил он... избегая всяких газетных, малопонятных слов и

---

[1] *Ют* — кормовая надстройка судна. В юте размещают каюты и служебные помещения.

[2] *Шхеры* — небольшие, преимущественно скалистые острова близ невысоких сложнорасчлененных берегов морей и озер. Распространены главным образом в областях плейстоценового оледенения (Финляндия, Швеция).

выражений. Краснофлотцы слушали внимательно и задавали деловые вопросы. Занятие под руководством народного комиссара продолжалось около двадцати минут.

Выйдя из отсека, М. В. Фрунзе дал несколько руководящих указаний политработникам, зашел еще в два места, где тоже послушал, как проходят политзанятия, и поинтересовался бытовыми условиями краснофлотцев в кубриках. Затем он зашел в ленинский уголок и в центральную радиорубку.

После этого обхода М. В. Фрунзе убедился, что существующие помещения очень трудно приспособить для нужд массовой культурно-просветительной работы. Возвратясь к себе, он высказал мысль, что при постройке новых судов это обстоятельство должно быть учтено для создания ленинских уголков соответствующих размеров.

Полеты шведских и германских гидросамолетов всегда возбуждали интерес М. В. Фрунзе. Он выходил наверх и делился с присутствовавшими мыслью, что для гидросамолетов во время войны будет обширное поле деятельности как в смысле разведки, так и в смысле атак. Особенно интересовался Фрунзе, на каком расстоянии можно заметить воздушного противника и как скоро о замеченных самолетах можно известить соседние суда.

Практика плавания в тумане при входе в Фемари-бельт вызвала живейший интерес у М. В. Фрунзе. Он внимательно наблюдал работу штурманов, интересовался способами определения места и действием электрического лота Томсона.

К моменту постановки отряда на якорь у острова Лангеланд М. В. Фрунзе вышел на верхний мостик и внимательно изучал прилегающие берега. Маневр при постановке на якорь «все вдруг», проведенный очень удачно, вызвал его одобрение.

В воздух поднялись датские гидросамолеты для наблюдения за действиями нашего отряда. Стоянка в открытом море, пополнение запасов топлива и пресной воды с транспортов, дозорная служба при этих условиях и, наконец, способ наблюдения за противником при помощи авиации, примененный датчанами,— все это дало М. В. Фрунзе полное представление о службе во флоте и о необходимости более тесной связи между флотом и гидроавиацией.

На следующий день М. В. Фрунзе сделал доклад о международном положении. Обстановка была также чисто флотская — на юте под тентом собрались делегаты с эсминцев и команда линейного корабля «Марат». Снова для всех,

слушавших доклад, Фрунзе дал наглядный урок простого и ясного изложения событий в Марокко и Китае. Каждый командир, политработник и краснофлотец почерпнул для себя много новых сведений и понял, как нужно излагать события.

Подобный же доклад был сделан и на линкоре «Парижская коммуна», куда Председатель Реввоенсовета перешел на паровом катере.

К вечеру 23 июня отряд снялся с якорей и начал возвращаться в Кронштадт. Шли вдоль южного побережья Балтийского моря курсом на Либаву. Засвежевшим ветром развело порядочную волну. Эсминцы изрядно покачивало, изредка раскачивало и линейные корабли. На рассвете 25 июня наш отряд разошелся на контркурсах с английским отрядом судов. Несмотря на ранний час, М. В. Фрунзе был на мостике и внимательно разглядывал иностранцев.

При входе в Финский залив были произведены упражнения в двухстороннем маневрировании остальными отрядами, а также отражения атак подводных лодок. Фрунзе внимательно всматривался в действия обеих сторон и часто требовал разъяснений от присутствовавших.

К ночи отряды собрались на якоря северо-восточнее острова Оденсхольм. Была произведена погрузка угля на линейный корабль «Парижская коммуна» и подача пресной воды на эскадренные миноносцы, после чего флот продолжал свой путь в Кронштадт, куда и прибыл на рассвете 27 июня. М. В. Фрунзе перед отъездом обошел выстроенную команду «Марата» и перед фронтом каждой вахты сказал по короткой речи; отметил достижения флота, подвел итог походу и наметил ближайшие задачи.

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 220—225.

В. В. ВИШНЕВСКИЙ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНО ПРОСТ

Студеная осень, 20-й год. Крым. Мы только что вылезли из своих горных, лесных убежищ и начали движение по тылам белых. С севера через Перекоп вел Фрунзе пять армий. Наш матросский отряд (мокроусовцы) налетал на белых из-за всех углов, рвался навстречу северным частям.

Дело сделали. И вот когда мы наконец соединились с регулярными частями, когда Крым стал нашим, отряд направился обратно к морю. Ждали нас корабли.

На одной из узловых станций — штаб фронта. Тут Фрунзе. Хотелось его увидеть — человека, который сумел провести войска через Сиваш и через Перекоп.

Вышел он к нам. Замечательно прост, дружелюбно ласков. Мы, через меру наполненные радостью победы, возвращением на море, говорили без умолку, обо всем.

К М. В. Фрунзе подходили штабные. Он, однако, не оставлял нас. Расспрашивал о том, как именно мы действовали в белом тылу, что будем делать на флоте.

— На флоте? Ну, тут хватит. Подмогайте только.

Сказал, что «подможет». И верно, Южный фронт много тогда сделал для Черноморского флота, начавшего свое возрождение.

— А вы к нам в гости будете?

— Соберусь, спасибо.

Распрощались.

* * *

Больше четырех лет прошло с той встречи. Пришлось попасть на Балтику. И вот в конце февраля 1925 года — слух: едет Фрунзе. Он тогда был уже Председателем Реввоенсовета СССР и наркомвоенмором СССР.

24 февраля Фрунзе приехал. На Октябрьском вокзале почетный караул. Стоят моряки. Идут потом мимо, взглянул Фрунзе и — «Ура красным морякам».

Заехал ненадолго в штаб ЛВО [1] и прямо на Балтийский завод, на наши корабли. Никаких парадов. Фрунзе знакомился с флотом в его будничной работе, по-настоящему.

Начал осмотр с «Парижской коммуны». Весь корабль обошел, пищу попробовал, в машину спустился, потом в башню. Везде с краснофлотцами ведет беседу. Берет вопросы прямо: «Чем недовольны? Что нужно изменить, выдать?»

С линкора перешел на «Смольный». Команды подлодок вначале сдержанно присматривались к М. В. Фрунзе — потом заговорили. Выкладывают все от сердца. О довольствии, о жалованье.

Прекрасное впечатление осталось от посещения. М. В. Фрунзе говорил о будущих задачах флота. Особо остановился на широкой подготовке гражданских комсо-

[1] *ЛВО* — Ленинградский военный округ.

мольцев к военно-морской службе. Эти его слова были как бы директивами...

Долго обсуждали у нас посещение М. В. Фрунзе. А вскоре последовали и приказы, много улучшавшие быт краснофлотцев.

* * *

Второй и последний приезд М. В. Фрунзе на флот был в июне 1925 года. Впервые в истории Советской России глава вооруженных сил принял участие в большом походе кораблей. Это был знак большого внимания к флоту. Недаром за границей шумели об этом июньском походе Балтфлота.

Фрунзе стремился узнать о морской силе как можно больше. В беседах с различнейшими работниками флота он буквально впивался во все детали морской службы, организации, тактики...

Много обсуждалось (уже в походе) вопросов пополнения судового состава. Моряки просили: «Поддержите, товарищ Фрунзе. Ценные суда восстановить можно».

Фрунзе сразу не давал обещаний, а делал, что нужно, все взвесив...

Семь дней был Фрунзе на «Марате». Наблюдал за флотом во всей широте. В Кильской бухте сделал осмотр «Парижской коммуны».

В походе показал нам образец неутомимой деятельности: помимо общего руководства, Фрунзе успевал сделать доклад, дать материал в походную газету, вести постоянное наблюдение за работой.

Только приступы мучительной болезни заставляли Фрунзе ослаблять свою энергию. Однако, когда началась качка, Михаил Васильевич был уже наверху. Стоя вместе с товарищем Зофом, он присматривался, как держится молодежь.

Вспоминается статья М. В. Фрунзе (ей суждено было стать его последней статьей о флоте), данная в походную газету «В море». Статья, которую мы никогда не забудем.

«...Мы строим и построим сильный Балтийский флот. Ядро его у нас уже есть. Наша походная эскадра — неплохое начало. Республика позаботится, чтобы это начало увенчалось еще лучшим концом».

Статья была набрана в походной типографии линкора, в открытом море.

Отсюда, с открытого моря, Председатель Реввоенсовета СССР и народный комиссар по военным и морским делам

громко заявлял о том, что *нашей стране нужен сильный флот...*

Фрунзе говорил морякам: *«Будем же дружно работать, будем все, как один человек, от рядового до командующего, стараться над достижением этой выучки...»*

— Есть, товарищ Фрунзе! — ответили мы тогда.

М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 209—211.

Г. И. СЕРЕБРЯКОВА

М. В. ФРУНЗЕ

В 1920 году Крым был очищен от врангелевской армии. В Мисхоре, несмотря на голод и трудности с доставкой продовольствия, дачи сбежавшей буржуазии и дворцы знати превращались в санатории для рабочих и крестьян. В одну из уцелевших вилл, расположенную недалеко от моря, приехали в 1921 году на отдых партийные работники. В их числе был и Михаил Васильевич Фрунзе с женой, ребенком и молоденькой свояченицей.

Помню, как в углу коридора прославленный воин чистил свои потрескавшиеся, изрядно прохудившиеся сапоги и что-то тихонько напевал.

Я работала комиссаром Мисхорского района и чувствовала себя весьма значительной особой из-за браунинга, который носила на ремне гимнастерки. Мне было тогда пятнадцать лет.

— А, комиссарик, как нынче улов камсы в Алупке, будем мы есть рыбные котлеты на обед? — обратился ко мне с веселой улыбкой Фрунзе, продолжая чистить голенища.

Я увидела его свежее лицо, обрамленное каштановой бородкой, типичное для русского учителя. Очень хорош был у него взгляд светлых, смеющихся глаз.

Так мы познакомились. Жена Фрунзе Софья Алексеевна и ее сестра Маргарита оказались бесхитростными, приветливыми молодыми женщинами. Обе они много возились с восьмимесячной Танюшей. Фрунзе был необыкновенно нежный семьянин. Часто по вечерам, когда я заходила к ним в комнату, в эту пору недолгого отдыха, он играл со своей дочуркой, купал ее или укладывал спать. Он был так прост в обращении, что я не могла себе представить того большого места, которое он занимал в жизни нашей партии, в государстве и в гражданской войне как полководец. Была в нем

неповторимая приветливость, благодушие и доброта. Он очень любил шутить и часто обращался ко мне: «товарищ комиссарик», с притворной серьезностью рапортовал, как старшему. На прогулках он столь умело подсвистывал птицам, что они отвечали ему трелями. Как-то он долго охотился за майским жуком, чтобы поймать его для своей девочки, и в конце концов был укушен ядовитой сколопендрой. Рука вспухла, но Михаил Васильевич шуткой разгонял беспокойство жены. Вообще этот обычно немногословный и серьезный человек среди друзей и близких становился веселым и по-мальчишески шаловливым. Нельзя забыть его смеха, звонкого, захлебывающегося, радостного.

Несмотря на то, что на Ай-Петри еще орудовали белые бандиты, а в санатории часто гас свет, и за весь месяц пребывания там ни разу не было доставлено ни грамма сливочного масла, и питание далеко не отвечало самым скромным потребностям, Фрунзе, его семья и товарищи были всегда всем довольны и наслаждались солнцем и воздухом.

Ближе познакомившись со мной, Фрунзе нередко терпеливо выспрашивал меня о моем детстве, побеге в Красную Армию, о планах на будущее. Не всем дано умение слушать так собеседника, как это делал он. Его искрящиеся синие глаза красноречиво отвечали на каждое услышанное слово и воодушевляли. Вероятно, столь глубокое знание людей он приобрел в долгой работе пропагандиста и командира.

Иногда Михаил Васильевич вспоминал о своем прошлом. Он был увлекательным рассказчиком...

В 1925 году Михаил Васильевич часто бывал у нас дома. Он никогда не жаловался на нездоровье, хотя после тяжкого тюремного заключения до революции нажил мучительную болезнь желудка. Это был на редкость жизнелюбивый, исключительно образованный в самых различных областях человек, интеллигент в том значительном высокопохвальном смысле, который вкладывал в это понятие Горький.

Фрунзе был доподлинно полководцем нового склада именно потому, что одновременно являлся глубочайшим мыслителем-марксистом, неутомимым идейным борцом и великим человеколюбцем. Как и все большевики ленинской гвардии, он мог в любой момент, по воле партии, с тем же блеском и пользой, выполнять любое, не только воинское задание.

В последние годы жизни Фрунзе готовил кадры военных советников для Китая, порабощенного и задавленного нищетой...

Примечательна была и страстная приверженность Фрунзе к миру. Гуманист, отдавший всего себя служению идее

коммунизма, он понимал, что только непоборимое воинское могущество и сила предотвратят хаос и приведут к осуществлению мечты всех передовых людей — исчезновению войн.

Смерть Фрунзе была огромным и совершенно неожиданным для партии ударом. Он умер совсем молодым, работоспособным, сильным. Его преждевременная смерть убила и Софью Алексеевну. Она всего на год пережила мужа, так и не примирившись с его потерей.

Прошло несколько десятилетий, а образ этого одухотворенного, отважного, талантливого человека не меркнет. Он всегда гордился тем, что состоит в партии коммунистов, и в памяти народа он остается одним из самых светлых, героических и незабываемых революционных руководителей и полководцев.

Серебрякова Г. И. О других и о себе. Новеллы. М., 1971, с. 54—56.

П. П. КАРАТЫГИН

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

С именем Михаила Васильевича Фрунзе для многих тысяч наших товарищей навсегда останутся связаны самые лучшие воспоминания о годах упорной борьбы, бранных тревог и лишений и вместе с тем о годах яркой жизни, великих подвигов и славных побед.

Нужно ли говорить о товарище Фрунзе как об одном из крупнейших наших политических и военных деятелей? Нужно ли перечислять все то огромное, что внес он в общую революционно-творческую работу по созданию и укреплению нашего рабоче-крестьянского государства и его оплота — Красной Армии?..

Велики и многообразны были задачи наших первых командармов. Огромна была работа, выпадавшая на их долю. Ведь тогда не было готовых армий, ожидающих только приказов своих назначенных вождей. Эти армии создавались, организовывались, воспитывались и обучались самим командармом, сливавшимся воедино со всей массой вверенной ему армии. Нераздельно живя с ней общей жизнью, связанный с ней единством мысли, воли и чувств, командарм учился и воспитывался вместе со своей армией, являясь всюду первым работником, первым примером.

Эти моменты особенно ярко и были выражены в личности товарища Фрунзе. До самоотречения преданный делу революции, обладающий твердой волей и неистощимой энер-

гией, он был воплощением той силы, которая вносила жизнь и движение в окружавшую его среду. И не чем иным, как своим личным примером он столько раз заставлял оживать мысль, пробуждаться волю и крепнуть усталые руки бойцов в моменты тяжелых военных испытаний.

На долю товарища Фрунзе — с первых и до последних дней его командования войсками — всегда выпадали едва ли не труднейшие задачи, едва ли не самые путаные и сложнейшие положения обстановки. Но он всегда с неизменным успехом разрешал эти задачи, ибо дерзал и умел преодолевать обстановку, воспитывая свои дивизии и армии в неуклонном стремлении к победе.

Через эту его великую школу прошли многие, многие дивизии нашей Красной Армии, вырастая и укрепляясь на глазах у противника и совершая то, что еще недавно казалось невозможным и недостижимым.

Едва смолкли раскаты военной грозы, товарищ Фрунзе с тем же воодушевлением, энергией и настойчивостью устремляется на мирную творческую работу. Он — первый организатор движения нашей военной мысли, пионер всех новых начинаний по укреплению военной мощи СССР. И здесь его деятельность, независимо от занимаемых им постов,— от комвойск Украины до руководителя Вооруженных Сил Союза ССР,— неизменно характеризуется глубиной и широтой мысли, проникновением в корень вещей, всесторонностью подхода к сложным проблемам создания военной мощи СССР. И в наркомвоенморе Фрунзе соединялись и руководитель Красной Армии, и государственный политический деятель, и широкий общественник, и участник-организатор экономического развития страны.

Он ищет новых путей в организации и строительстве армии с тем, чтобы, не ослабляя действительной мощи ее, сохранить максимум сил и средств для мирного строительства и экономического развития страны. Ибо эту силу Красной Армии он органически связывает с общей политико-экономической мощью страны и залог обороноспособности Союза ССР видит в теснейшем единении всех военных и хозяйственных сил страны. Отсюда — его исключительное внимание к вопросам подготовки страны к обороне и его курс на «военизацию» работы всего гражданского тылового аппарата.

«Задача подготовки страны к обороне в современных условиях далеко не укладывается в рамки наличных возможностей армии и одного военного ведомства. Задача эта должна стать делом всей страны, всего советского аппара-

та» — вот положение, которое он выдвинул сперва на страницах военной печати и которое затем проводит в порядке научно-воспитательной кампании в военных, административных и общественных кругах, стремясь к установлению единства взглядов и к внедрению сознания всей важности этой задачи.

Яркими и глубокими штрихами был отмечен весь жизненный путь товарища Фрунзе — от первых шагов студента-революционера, борца за идею освобождения трудового народа, до высокотворческой работы в составе правительства рабоче-крестьянского государства.

Но наряду с яркой внешней деятельностью этот путь скрывает в себе огромнейшую самообразовательную и самовоспитательную работу. Товарищи и все более или менее близкие сотрудники Михаила Васильевича хорошо знают, какой упорной научной работой были заполнены немногие часы и минуты его досуга. И только природные дарования и эта глубокая и упорная самообразовательная и самовоспитательная работа позволили товарищу Фрунзе... превзойти на поле сражений своих противников — генералов с их академической школой и старым боевым опытом. Только это позволило товарищу Фрунзе смело и авторитетно руководить военной научной мыслью и общим развитием Красной Армии.

Но вместе с тем для товарища Фрунзе существовала и другая, высшая школа, обеспечившая ему широту и ясность руководческой мысли, проникновение в ход исторической обстановки, глубокое понимание задач строительства армии и неотрывность от общей политической жизни страны. Эта школа — ВКП(б).

Красная звезда, 1927, 30 октября.

А. И. ВЕРХОВСКИЙ

М. В. ФРУНЗЕ — ВОЕННЫЙ ТЕОРЕТИК

М. В. Фрунзе — полководец, организатор и политический вождь оставил большой след в военной науке своей теоретической работой. Эта работа сказалась: 1) непосредственно в руководстве боевыми операциями, 2) в основных методологических установках военной науки, 3) в теории стратегии и 4) в тактике.

Рассмотрим эти четыре области теоретической работы товарища Фрунзе. С самого начала гражданской войны ему

пришлось выступить как руководителю крупных войсковых соединений, а такое руководство неосуществимо без твердого научного базиса. Война, как и каждая массовая организация, не может управляться только эмпирически — нужно глубокое понимание военных явлений, нужно знать те методы и пути, которыми можно достичь победы. Во время самих походов Фрунзе много работал и над военной историей, и над теорией военного искусства. Именно это дало базу его творческой интуиции, дало возможность понять те новые формы стратегии и тактики, которые создались в гражданской войне. Война шла на широко разбросанных фронтах. Если в мировой войне на русском фронте, на 400 *км* Галицийского сражения, в 1916 году было около 400 тысяч бойцов, то в борьбе с Колчаком на 500 *км*, от Перми до Уфы, действовало лишь 80—90 тысяч. Однако и в этой обстановке М. В. Фрунзе сумел осуществить основные принципы военного искусства, то есть найти важнейшее операционное направление Бузулук — Бугульма, удар по которому сломал становой хребет армии наступления Колчака. Он сумел на этом направлении сосредоточить превосходящие силы и обрушить их внезапно для врага на тыл неприятеля. Эта операция будет образцом правильного научного понимания основ военного дела, и молодые поколения будут изучать на ней теорию борьбы на растянутых фронтах.

Отгремела гроза боевой бури, и М. В. Фрунзе, проверив значение научного подхода к боевой практике, продолжал на Украине свою теоретическую работу, объединяя вокруг себя в научной работе командиров, работавших под его руководством. К 1922 году точка зрения М. В. Фрунзе на многие вопросы теории военного дела сложилась совершенно определенно. К XI съезду РКП(б), к совещанию его военных делегатов (апрель 1922 года) товарищ Фрунзе выступил с тезисами, в которых он формулировал основные вопросы обучения и воспитания Красной Армии. М. В. Фрунзе утверждает в этих тезисах, что можно и должно говорить о едином военном мировоззрении (военная доктрина) в вопросах строительства Красной Армии и методов ведения боевых операций. Совокупность этих взглядов, сведенных в систему при помощи марксистского метода анализа общественных явлений, даст армии необходимое ей единство воли и мысли. Это основное положение, выдвинутое и защищенное М. В. Фрунзе... с течением времени действительно стало основной руководящей линией строительства армии. Ремесленный подход к военному делу, который грозил бы научным вырождением армии, был решительно отвергнут,

и изучение военного дела было поставлено на строго научную базу. Но если М. В. Фрунзе в острой идейной борьбе отстаивал научный подход к военному делу, то, с другой стороны, ему пришлось вести борьбу с пережитками военной науки эпохи до мировой войны, ни в какой мере не отвечавшей той новой эпохе, в которой пришлось жить и действовать М. В. Фрунзе. «Вечные и неизменные» принципы, которые ставились некоторыми военными учеными в основу военной науки для нашей эпохи с ее быстро меняющейся политической обстановкой и ростом техники, служили уже не организующим и прогрессивным фактором, но, наоборот, затемняли основное положение — эволюцию форм стратегии и тактики, столь характерную для нашей эпохи быстрых перемен в политической и технической обстановке. Эта диалектическая постановка вопроса прошла красной нитью через все труды и выступления М. В. Фрунзе как военного теоретика.

В основу всей его практической деятельности как реформатора армии была положена ясная теоретическая концепция современной стратегии, борьбы рабоче-крестьянского государства с буржуазным миром под руководством пролетарской диктатуры. Из этой концепции вытекала та военная система, которую он предложил и провел... М. В. Фрунзе ясно видел те новые формы, которые ныне, в обстановке употребления автоматического и скорострельного оружия, приобретает война капиталистических государств, затушевывающих свои классовые противоречия, с массовым восстанием у себя и с первым рабоче-крестьянским государством. Для нас это — в полном смысле слова война всего народа. Наша победа возможна при опоре на массы...

Военная система, приближающаяся к милиции,— а именно ее и защищал М. В. Фрунзе,— является той системой, которая делает все логические выводы из основных положений, определяющих борьбу трудящихся масс против капиталистов. Руководство в руках рабочего класса и его партии, ставка на массы, доверие к крестьянству,— вот посылки, положенные М. В. Фрунзе в основу строительства наших Вооруженных Сил. Единство фронта и тыла, охват всей массы трудящихся единой системой кадра — вот выводы, которые явились плодом глубокой работы М. В. Фрунзе над современной стратегией в ее широком охвате...

Не менее интересны работы М. В. Фрунзе в области тактики. Здесь ему пришлось бороться, с одной стороны, с пережитками взглядов позиционной войны, с излишним методизмом и медлительностью, а с другой стороны, нужно

было преодолеть некоторое пренебрежение к огню и технике. Как известно, гражданская война характеризовалась малой плотностью огня, как пулеметного, так и артиллерийского, а отсюда влияние их не так ярко ощущалось нашим командным составом. М. В. Фрунзе утверждал, что будущие революционные войны будут войнами широкого маневра; отсюда все воспитание армии направлялось им для развития способности быстро маневрировать. Коннице, с таким блеском проявившей себя на полях гражданской войны, он придавал большое значение; работа над тактикой кавалерии, над развитием ее организационных форм никогда не выходила из сферы внимания М. В. Фрунзе. С другой стороны, М. В. Фрунзе видел, что нам нужно готовиться к иной войне, чем война 1918—1920 годов. Его усилия были настойчиво направлены к тому, чтобы сосредоточить работу армии на усвоении техники руководства войсками, на управлении крупными силами артиллерии, пехотного оружия, авиации, которые понемногу завоевывали место в нашей армии.

М. В. Фрунзе, глубоко и систематически изучавший структуру современной войны, ясно видел, что одно изучение стратегии недопустимо, и старался направить усилия наших командиров в сторону изучения тактики, поддерживал тех, кто работал в этой области.

Наконец, крупные споры в ту пору, когда работал М. В. Фрунзе в военно-научной области, возбуждали вопросы о так называемом «духе армии», о тех моральных силах, которые двигают войска в бой. В своих трудах М. В. Фрунзе дает направление теоретической работе нашей армии и в этой области. Он выделял ту громадную роль, которую играют морально-политические силы на войне, их влияние на победу. Он давал ясное представление, прямо вытекающее из марксистского анализа общественных явлений, что эти силы являются лишь прямой производной той экономической и политической обстановки, в которой развертывается война. В этом вопросе, как и во всех остальных вопросах подготовки и ведения войны, М. В. Фрунзе охватывал явления в целом. Большое значение он придавал политическому аппарату армии и политработе, как новому оружию, которое в величайших размерах укрепило и увеличило боевую мощь Красной Армии.

Нельзя сомневаться в том, что в более благоприятной обстановке, когда схлынула бы напряженная работа по организации армии, М. В. Фрунзе дал бы капитальные труды по основным вопросам военного дела.

Известия, 1927, 30 октября.

И. С. УНШЛИХТ

ЛУЧШЕМУ ЛЕНИНЦУ, ПЕРВОМУ КРАСНОМУ КОМАНДАРМУ

...Жизнь Фрунзе как бы распадается на четыре основных периода. Первый период — юношеские годы, подпольная работа. Второй период — долгие годы каторги, тюрьмы, ссылки. Третий период — Михаил Васильевич в огне гражданской войны. И четвертый период — творческая работа в мирной обстановке...

В 1924 году Фрунзе был поставлен партией на ответственный пост руководителя всеми вооруженными силами страны. Здесь пришлось ему целиком применить свой громадный военный опыт с тем, чтобы придать стройность всей организации военных сил Союза, привести ее в соответствие с требованиями современной войны. Ему пришлось работать в чрезвычайно сложной обстановке, которая требовала широкого политического кругозора, уменья твердо держаться ленинского пути в мирном строительстве Красной Армии. Он и здесь блестяще оправдал доверие партии, оставшись ленинцем целиком и полностью во всех отраслях своей работы. С именем его связана реформа Красной Армии 1924 года...

Несомненно, что в период гражданской войны нельзя было в полной мере осуществить планомерное строительство вооруженных сил революции. Эта возможность открылась лишь после ликвидации всех фронтов гражданской войны. Перед руководящим составом военного ведомства стояла труднейшая задача: правильно наметить план развития военных сил Союза в обстановке систематического роста вооружения капиталистического мира и необходимости строжайшей экономии средств на нужды обороны.

Выход из этого положения с полной ясностью вытекает из учения ленинизма о построении вооруженных сил революции. Михаилу Васильевичу принадлежит та заслуга, что он совершенно отчетливо осознал и формулировал его, определив твердо дальнейший путь развития Красной Армии. Выход этот заключается в том, что в обстановке развивающихся и укрепляющихся социалистических элементов в нашей стране, в обстановке непрекращающегося роста активности трудящихся масс неизбежно было направление развития вооруженных сил страны по такому пути, когда сами массы принимали бы активное участие в деле подготовки Союза к обороне.

Идея территориального строительства нашла в Михаиле Васильевиче своего горячего и убежденного защитника. В резолюции пленума РВС СССР (декабрь 1924 года), прошедшего под его руководством, прямо говорилось: «Красная Армия вступила в полосу планового территориального строительства и его закрепления. В процессе опыта территориальных формирований и вневойсковой подготовки мы имеем глубокие достижения: с одной стороны, в том отношении, что территориальная система в целом получила свое принципиальное признание в рабоче-крестьянских массах, а с другой — углубление ее дает все основания рассчитывать, что терсистема в соединении с существующими кадровыми частями безусловно в состоянии гарантировать создание боеспособных частей и обеспечение обороноспособности Союза».

Михаилу Васильевичу в громадной степени обязаны мы были преодолением скептического отношения к терсистеме, бюрократической неспособности не видеть ничего дальше того, что дал военный опыт буржуазии.

Прошедший год еще в большей мере убедил нас в правильности избранного пути. Территориальные формирования Красной Армии крепнут и развиваются. Выполняя завет Михаила Васильевича, мы неусыпно работаем над совершенствованием и уточнением отдельных сторон терстроительства.

Михаил Васильевич не только был убежденным сторонником и пропагандистом идеи терсистемы, но и внимательно изучал достигнутые практические результаты. Ему прекрасно были известны отдельные недочеты, и он же бдительно следил за тем, чтобы при проведении этого опыта не пострадала обороноспособность страны в целом. Твердой рукой осуществляя переход Красной Армии на новые рельсы, он неустанно работает над укреплением кадровых частей РККА, которые должны принять на себя первый удар врага: «Выход мы находим в сочетании кадровой армии с милиционной системой»,— говорил он в своем докладе на 3-м съезде Советов. Михаил Васильевич потратил много энергии на то, чтобы добиться стройности в организации РККА, планомерности во всей ее работе, улучшения бытовых условий, поднятия уровня боевой подготовки красноармейца и командного состава...

Михаилу Васильевичу была совершенно чужда всякая узость, рутина при постановке вопросов о перспективе развития вооруженных сил страны. Он внимательно учитывал и усиленно подчеркивал во всех своих выступлениях характер будущей войны, которая потребует напряжения всех сил страны. «Раз непосредственная тяжесть ведения войны падает на весь народ, на всю страну, раз тыл приобретает такое

значение в общем ходе военных операций, то, естественно, на первое место выступает задача всесторонней и планомерной подготовки его еще в мирное время» [1],— писал он в статье «Фронт и тыл в войне будущего». Умело сочетая моменты военные и политические, Михаил Васильевич выдвигал лозунг «военизации страны», широкой пропаганды военных знаний и навыков среди населения, подготовки всего хозяйства страны к будущей войне.

Военно-научное общество, ныне ОСО [2], с полным правом может считать своим действительным основателем и вдохновителем Михаила Васильевича. Ему принадлежит идея массового характера этого общества. «Оно не должно будет замыкаться в пределах чисто военных узких интересов. Нет, оно должно будет, учитывая характер будущей войны, учитывая характер системы нашей обороны, развертывать широкую работу и вне рядов Красной Армии» [3]...

Первый съезд ВНО в этом году прошел уже без участия Михаила Васильевича. Но мы можем с полным правом утверждать, что вся его работа и принятые решения прошли по линии, начертанной покойным Фрунзе. Деятельность Авиахима [4] и других обществ, связанных с обороной, которым М. В. Фрунзе придавал громадное значение, работа которых протекала при его активном участии, также шла в соответствии с путями, которые он наметил. Фрунзе не ограничивал лозунга военизации страны лишь одной пропагандой: он мыслил его, как всестороннее приспособление хозяйства страны к будущей войне, как учет нужд обороны во всех отраслях хозяйственной жизни Союза: «Путь к этому лежит в усвоении твердого курса на военизацию, еще в мирное время, работы всего гражданского аппарата».

Мы не имеем возможности останавливаться на деталях этой стороны деятельности М. В. Фрунзе. Скажем лишь, что им заложен прочный фундамент для теснейшей увязки работы военного ведомства с государственным аппаратом в целом и что мы теперь твердо идем по этому пути.

Мы подходим к вопросу о военной технике, развитие которой он мыслил только в теснейшей связи с развитием техники и промышленности Советской страны в целом. «Основные

---

[1] *Фрунзе М. В.* Собрание сочинений. М. — Л., 1926, т. II, с. 98.

[2] Общество содействия обороне СССР — создано на базе военно-научного общества 27 июля 1926 года.

[3] *Фрунзе М. В.* Собрание сочинений. М.— Л., 1927, т. III, с. 262.

[4] Общество друзей авиационной и химической промышленности — создано в 1925 году на основе объединения ранее существовавших Общества друзей воздушного флота и Общества друзей химической обороны и химической промышленности.

организационные вопросы внутреннего строительства освещены и вырешены,— писал он, подводя итоги реорганизации 1924 года.— Это открывает для военведа возможность вплотную подойти к вопросам улучшения военной техники и расширения военной промышленности. Эти вопросы в дальнейшем должны будут стоять в центре нашего внимания».

Положение Михаила Васильевича остается в полной силе и теперь. Многое сделано в этом отношении, но несравненно больше предстоит сделать. Перед работниками РККА широкое поле проявления инициативы и творчества в деле обороны. Необходимо значительно расширить кругозор наших военных работников; одновременно необходимо заинтересовать и привлечь все комиссариаты, учреждения к согласованной работе по обороне Союза.

Я остановлюсь еще только на одной стороне деятельности покойного Фрунзе — на его неустанных заботах о политической крепости и сплоченности Красной Армии. Он требовал теснейшей увязки всей военной работы с учением и директивами ленинской партии, указывая, что нам «важно до самого основания, до самой глубины быть знакомыми с сущностью ленинизма — этой «стратегией» и «тактикой» пролетарской борьбы» [1]...

Будучи сам ленинцем до конца, Михаил Васильевич вел упорную борьбу за ленинское единство как в рядах нашей партии, так и в рядах Красной Армии. С этим он связывал и требование строжайшей дисциплины, подчеркивая, что «революционная дисциплина Красной Армии механической быть не может... Наш красноармеец — полноправный гражданин республики... Он может вполне вникнуть в смысл и дух правил военного порядка и отдаваемых распоряжений» [2]... «Только идя этим ленинским путем, мы сможем получить настоящую, крепкую, железную дисциплину в рядах Красной Армии» [3],— говорил он...

Переход к единоначалию в РККА был осуществлен под руководством Михаила Васильевича, который подчеркивал, что эта мера отнюдь не означает умаления роли политорганов РККА: «Основная задача их заключается в том, чтобы в недрах Красной Армии обеспечить руководящую политическую роль за рабочим классом в лице его авангарда — Российской коммунистической партии» [4]...

---

[1] *Фрунзе М. В.* Собрание сочинений, т. III, с. 16.
[2] *Фрунзе М. В.* Собрание сочинений, М.— Л., 1926, т. II, с. 188.
[3] Там же, т. III, с. 32.
[4] Там же, т. II, с. 175—176.

Во всей своей работе Михаил Васильевич стремился к тому, чтобы Красная Армия оставалась единой, крепкой, сплоченной, дисциплинированной, чтобы в ней целиком осуществлялось руководство ленинской партии...

Война и революция, 1926, № 10, с. 5, 8—12.

Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ

ПАМЯТИ М. В. ФРУНЗЕ

В лице товарища Фрунзе мы потеряли человека, несомненно, очень и очень большого, большого работника нашей партии. Пусть товарищ Фрунзе не назывался нами вождем нашей партии, вождем нашей революции, пусть его имя не красовалось рядом с именем Ленина и других наших вождей,— но, товарищи, кто с ним был близок, кто с ним сталкивался, тот должен сказать, что это был крупнейший работник, это был лучший вождь нашей Красной Армии. В смысле военных знаний, в смысле организации военных сил товарищ Фрунзе не имел равного среди наших членов партии.

Товарищи военные знают, что товарищ Фрунзе не получил решительно никакого военного образования, и тем не менее мы должны признать в нем большого знатока своего дела, несравненного организатора побед над Колчаком и Врангелем. Вы знаете, с какой энергией напирал он на наших врагов. Вы все видели результаты его работы, видели, что человек, никогда не учившийся военному делу, стал наносить смертельные удары тем, которые прошли всю военную науку и которые возглавляли в тот период военную силу наших врагов.

Великая революция всегда рождала великих людей, великих полководцев, и не будет преувеличением, если скажем, что наша Великая Октябрьская революция со многими другими именами выдвинула ярко блестевшую звезду — товарища Фрунзе, преданного делу революции и полного любви к пролетариату.

Когда война закончилась и нужно было строить нашу армию по-иному, Фрунзе был одним из тех, кто первый поставил этот вопрос и стал его разрешать по-своему. Я уверен, что среди нас не будет ни одного товарища, который, хотя бы раз соприкоснувшись с Фрунзе, не почувствовал к нему глубочайшей любви и уважения. Сегодня, товарищи, его уже нет с нами...

Красная Армия потеряла вождя, но, товарищи, большевики не привыкли плакать, и мы воскликнем: «Красная Армия потеряла вождя. Да здравствует Красная Армия!» Из рядов старой гвардии уходит один из лучших ее бойцов. Мы скажем: «Да здравствует наша молодая гвардия!» Наша Коммунистическая партия теряет члена своего Центрального Комитета, теряет одного из лучших своих бойцов, но мы скажем: «Да здравствует Российская Коммунистическая партия! Да здравствует Коммунистический Интернационал!»

Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. М., 1956, т. 1, с. 410—411.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аралов Семен Иванович — член КПСС с 1918 г. В социал-демократическом движении с 1903 г. Участник Октябрьской революции в Петрограде. В гражданскую войну член РВС Республики, член РВС армии и Юго-Западного фронта. С 1921—1925 гг. полпред в Литве, Турции, затем работал в коллегии НКИД, в ВСНХ.

Баранов Петр Ионович — член КПСС с 1912 г. В гражданскую войну член РВС ряда армий и Туркестанского фронта. В 1923 г. начальник бронесил, в 1924—1931 гг. начальник ВВС РККА. Член ЦКК с 1924 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1927 г. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Белобородов Федор Афиногенович — ветеран гражданской и Великой Отечественной войн, член КПСС с 1928 г. Встречался с М. В. Фрунзе на Западном фронте после Февральской революции 1917 г. В 1918—1922 гг. служил в 25-й Чапаевской дивизии помощником командира полка имени Степана Разина, затем начальником снабжения 73-й бригады. После гражданской войны работал в органах снабжения.

Боголюбова Людмила Васильевна — сестра Михаила Васильевича Фрунзе, член КПСС с 1939 г. Оказала большую поддержку ему во время пребывания в тюрьме, на каторге, в ссылке. Участница Великой Отечественной войны, полковник медицинской службы, служила в Центральном военном госпитале.

Броун Виктор Осипович — участник революционного подполья в Шуе. Квартира его матери была конспиративной квартирой М. В. Фрунзе. Писатель-публицист.

Бубнов Андрей Сергеевич — советский государственный, партийный деятель, член КПСС с 1903 г., активный участник революций 1905—1907 и 1917 гг. Впоследствии член Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), заведующий агитпропом ЦК, секретарь ЦК РКП(б), начальник ПУ РККА, член РВС СССР, Оргбюро ЦК ВКП(б), редактор газеты «Красная звезда», нарком просвещения РСФСР. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Буденный Семен Михайлович — Маршал Советского Союза, герой гражданской войны, член КПСС с 1919 г., трижды Герой Советского Союза. В гражданскую войну командир конного корпуса и командующий 1-й Конной армией. В 1924—1937 гг. инспектор кавалерии РККА, в 1939—1941 гг. заместитель и 1-й заместитель наркома обороны. В Великую Отечественную войну командующий войсками Юго-Западного и Северо-Кавказского направлений, командующий Резервным и Северо-Кавказским фронтами. Член

ЦК КПСС, ВЦИК и ЦИК СССР. Депутат Верховного Совета СССР, член Президиума Верховного Совета СССР в 1938—1973 гг.

Варенцова Ольга Афанасьевна — в российском революционном движении с 1887 г., член КПСС с 1893 г. Один из руководителей Иваново-Вознесенского и Северного рабочих союзов. Участница революций 1905—1907 и 1917 гг. В 1919—1921 гг. секретарь Иваново-Вознесенского губкома, в 1922—1923 гг. член ЦКК, позднее работала в Истпарте, Институте марксизма-ленинизма.

Веревкин-Рахальский Николай Андреевич — участник первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн, член КПСС с 1930 г. В 1919—1920 гг. начальник стрелковой дивизии; был начальником полевого штаба Туркестанского фронта, позднее на преподавательской работе, начальник Военной академии имени М. В. Фрунзе; генерал-лейтенант.

Верховский Александр Иванович — советский военный историк, комбриг. До Октябрьской революции генерал-майор, в августе — октябре 1917 г. военный министр Временного правительства. С 1919 г. в Красной Армии, с 1921 г. на преподавательской работе. Имеет труды по тактике и военной истории.

Вишневский Всеволод Витальевич — советский писатель, член КПСС с 1937 г. Участник Октябрьской революции и гражданской войны, редактор журнала «Краснофлотец»; в годы Великой Отечественной войны военный корреспондент «Правды», позднее редактор журнала «Знамя».

Ворошилов Климент Ефремович — советский государственный, партийный и военный деятель, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, член КПСС с 1903 г. Участник трех революций в России. С 1925 г. нарком по военным и морским делам и председатель РВС СССР; с 1934 г. нарком обороны СССР. С 1940 г. заместитель председателя СНК СССР и председатель Комитета обороны при СНК СССР. В Великую Отечественную войну член ГКО. С 1946 г. заместитель председателя Совета Министров СССР. В 1953—1960 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Член ЦК КПСС в 1921—1961 гг. и с 1963 г. член Политбюро (Президиума) ЦК в 1926—1960 гг. Депутат Верховного Совета СССР с 1937 г.

Гамбург Иосиф Карлович — ветеран гражданской и Великой Отечественной войн, член КПСС с 1904 г. Вместе с М. В. Фрунзе отбывал ссылку в Сибири, работал в Минске и Иваново-Вознесенске. На фронтах гражданской войны занимал ответственные должности по снабжению войск. С 1925 г. помощник начальника ВВС СССР, заместитель председателя авиатреста. После демобилизации из рядов Красной Армии работал в промышленности.

Голубев Александр Васильевич — член КПСС с 1917 г., участник гражданской войны в должностях комиссара полка, бригады, дивизии, затем на командных должностях; с 1929 г. преподаватель, начальник факультета Военной академии имени М. В. Фрунзе. С 1936 г. в академии Генерального штаба, с 1942 г. в Генеральном штабе, с 1954 г. в отставке. Автор трудов по истории гражданской войны в СССР.

Гронский Иван Михайлович — в революционном движении с 1912 г., член КПСС с 1918 г.; участник Февральской и Великой Октябрьской революций, первой мировой и гражданской войн. С 1918 г. на партийной работе. Делегат XIII, XVI и XVIII съездов партии, XVI и XVII Всесоюзных партийных конференций. Окончил Институт красной профессуры. С 1925 по 1934 г. в редакции газеты «Известия», в 1928—1934 гг. ее главный редактор. Был главным редактором журналов «Новый мир» и «Красная Нива». В 1932—1933 гг. председатель Оргкомитета Союза писателей СССР.

Гусев Сергей Иванович — член КПСС с 1896 г. Участник революций 1905—1907 гг. и 1917 г. в Петрограде, член ВРК. С 1918 г. один из политических руководителей Красной Армии. С 1921 г. начальник Политуправления РККА, член РВС. В 1923—1925 гг. секретарь ЦКК РКП(б). Кандидат в члены ЦК партии в 1920—1923 гг., член ЦКК с 1923 г. (член Президиума в 1923—1927 гг.), с 1929 г. член Президиума ИККИ.

Додонова Анна Андреевна — участница революционного движения, член КПСС с 1911 г. В дни Октябрьской революции — секретарь Московского ВРК. В 1918 г. заведующая культотделом Моссовета, в 1920—1932 гг. председатель Московского пролеткульта, член президиума ЦК Пролеткульта. С 1932 г. аспирантка, затем на научной и педагогической работе. Была на руководящей работе в МОПР, в Академии педагогических наук.

Дьёркеи Енё — венгерский военный историк, член ВСРП с 1953 г., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Военно-исторического института и заведующий сектором музея Венгерской Народной Армии. В 1969—1972 гг. — аспирант Института всеобщей истории АН СССР. Автор ряда работ о венгерских интернационалистах, сражавшихся в годы гражданской войны на стороне Советской Республики. Книга «Рядом с Фрунзе» написана им на основе воспоминаний участников описываемых событий.

Каменев Сергей Сергеевич — советский военный деятель, член КПСС с 1930 г., в годы гражданской войны командовал Восточным фронтом, затем был главнокомандующим вооруженными силами Республики. Впоследствии инспектор, начальник штаба, главный инспектор, начальник Главного управления РККА, член РВС СССР. В 1927—1934 гг. заместитель наркома по военным и морским делам и заместитель председателя РВС СССР, затем начальник Управления ПВО и член Военного совета при НКО СССР.

Караваев Петр Николаевич — член КПСС с 1903 г. В годы первой русской революции вел партийную работу в Костроме, Иваново-Вознесенске. На процессе тридцати восьми ивановских большевиков (1910 г.) приговорен к ссылке на поселение. В последние годы жизни работал заведующим сектором партархива Института марксизма-ленинизма.

Каратыгин Петр Петрович — в Красной Армии с 1918 г. В годы гражданской войны был начальником оперативного отдела штаба Туркестанской армии, начальником оперативного отдела и врид начальника штабов Южной группы Восточного фронта, затем Туркестанского и Южного фронтов.

Клементьев Василий Григорьевич — член КПСС с 1918 г., активный участник гражданской и Великой Отечественной войн, был заместителем командующего 18-й армией, генерал-майор.

Козлов Иван Андреевич — участник российского революционного движения, один из руководителей партийного подполья в Крыму в гражданскую и Великую Отечественную войны, член КПСС с 1905 г. В 1908—1911 гг. находился в заключении во Владимирской каторжной тюрьме. Писатель, лауреат Государственной премии, автор книги «В Крымском подполье».

Колядко Лука Семенович — солдат царской армии, активный участник гражданской и Великой Отечественной войн. Генерал-майор.

Кувшинов Семен Филиппович — член КПСС с 1925 г. Служил матросом на Балтийском флоте, окончил военно-политическое училище, занимал политические и командные должности, капитан 1-го ранга в отставке.

Курганова Юлия Яковлевна — двоюродная сестра Михаила Васильевича Фрунзе. После Великой Октябрьской социалистической революции на педагогической работе.

Надежина Лидия Васильевна — сестра Михаила Васильевича Фрунзе. В 1915 г. окончила гимназию, работала в статистическом отделе Переселенческого управления, в агрономической лаборатории, затем в органах народного образования. С 1942 г. работала в Ташкенте в ремесленном училище, в управлении делами Совнаркома. До 1952 г. сотрудник Ленинградского НИХИ.

Новицкий Федор Федорович — генерал-лейтенант авиации. Участник первой мировой войны. В Советской Армии с 1918 г. В гражданскую войну на руководящих должностях на Восточном и Туркестанском фронтах. С 1921 г. начальник штаба РККВФ, с 1923 г. начальник факультета Военной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского, в 1933—1938 гг. для особо важных поручений при начальнике ВВС РККА, затем в отставке. В 1940—1944 гг. работал в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Занимался исследованием полководческого искусства М. В. Фрунзе.

Орджоникидзе Григорий Константинович — советский государственный, партийный деятель, член КПСС с 1903 г. Участник революции 1905—1907 гг. на Кавказе. В 1912 г. избран членом ЦК и Русского бюро ЦК РСДРП. Участник Октябрьской революции в Петрограде. В гражданскую войну один из политических руководителей Красной Армии. Возглавлял борьбу за Советскую власть на Северном Кавказе и в Закавказье. С 1920 г. председатель Кавказского бюро ЦК РКП(б), первый секретарь Закавказского крайкома партии. В 1924—1927 гг. член РВС СССР. С 1926 г. председатель ЦКК ВКП(б) и нарком РКИ, заместитель председателя СНК и СТО СССР. С 1930 г. председатель ВСНХ, с 1932 г. нарком тяжелой промышленности. Член ЦК партии с 1921 г., член Политбюро ЦК с 1930 г. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Осинкин Аркадий Александрович — член КПСС с 1916 г. Участник Февральской и Великой Октябрьской революций, делегат I и II Всероссийских съездов Советов от Иваново-Вознесенска. В годы гражданской войны работал в штабе Ярославского военного округа, был заместителем начальника политотдела 4-й армии Восточного фронта, затем служил в штабах Туркестанского и Юж-

ного фронтов. После войны на партийной, хозяйственной работе. Участник Великой Отечественной войны. С 1944 г. преподаватель Военной академии имени М. В. Фрунзе. С 1952 по 1957 г. был научным сотрудником Института истории естествознания и техники Академии наук СССР.

Панов Николай Николаевич — советский писатель, начал печататься в 1918 г. В годы Великой Отечественной войны работал в военной печати Северного морского флота. Автор романов «Всадники ветра», «Дети Черного Дракона», «Колокола громкого боя», «Страстное желание», повестей и стихов.

Петров Федор Николаевич — дважды Герой Социалистического Труда, профессор; член КПСС с 1896 г. Врач. Участник революции 1905—1907 гг., борьбы за Советскую власть в Сибири. В 1920—1922 гг. заместитель Председателя Совета министров ДВР, член Дальбюро ЦК РКП(б). В 1923—1927 гг. начальник Главнауки, в 1929—1933 гг. председатель ВОКСа. С 1927 г. один из руководителей подготовки изданий Советской Энциклопедии.

Ралль Юрий Федорович — вице-адмирал, член КПСС с 1942 г. В ВМФ с 1918 г. После Октябрьской революции на Балтийском флоте, в гражданскую войну флагманский штурман флота, командир линкора «Марат». С 1926 г. начальник Военно-морского училища имени М. В. Фрунзе. С 1930 г. заместитель начальника Управления морских сил. В 1932—1941 гг. командир бригады крейсеров Черноморского флота, затем на других командных должностях. Активный участник Великой Отечественной войны, командовал эскадрой кораблей, Кронштадтским морским оборонительным районом. После войны начальник кафедры Военно-морской академии.

Санович Григорий Аркадьевич — командовал отрядами Красной гвардии и воинскими частями Красной Армии. В 1918 г. военный комендант Одессы и порта. Адъютант штаба Южного фронта, штаба войск Украины и Крыма. С 1923 г. в детской комиссии ВЦИК, затем в Исполкоме Красного Креста.

Серебрякова Галина Иосифовна — русская советская писательница, член КПСС с 1919 г., участница гражданской войны. Три ее романа о К. Марксе — «Юность Маркса», «Похищение огня», «Вершины жизни» — составили трилогию «Прометей». К ней примыкает роман о Ф. Энгельсе «Предшествие».

Сиротинский Сергей Аркадьевич — член КПСС с 1917 г. Бессменный адъютант и помощник М. В. Фрунзе с 1918 по 1925 г. Автор книги «Путь Арсения» и других публикаций о М. В. Фрунзе.

Соколов Василий Николаевич — участник революционного движения в России, партийный журналист, член КПСС с 1898 г. Вел работу в ряде городов по созданию транспортно-технических баз, участвовал в организации подпольных типографий. В 1917—1923 гг. председатель Читинского горкома, Забайкальского обкома партии, председатель СНК Забайкальской области, член Сибревкома. С 1924 г. руководил издательством «Новая деревня», член редколлегии «Правды», затем на административной и научной работе.

Сукеник Семен Аркадьевич — член КПСС с 1917 г. Был комиссаром одного из управлений штаба Фрунзе на Украине. С 1924 г. на хозяйственной работе.

Сулацкий Владимир Акимович — член КПСС с 1917 г., активный участник Октябрьской революции; в годы гражданской войны был на командной и политической работе; после гражданской войны до 1925 г. работал непосредственно с М. В. Фрунзе. Был военкомом штаба войск Украины и Крыма, секретарем РВС Республики, начальником отряда Управления делами Наркомвоенмора.

Тронин Владимир Аркадьевич — учитель, член КПСС с 1917 г., после Октябрьской революции комиссар народного просвещения Самарской губернии, летом 1918 г. секретарь губревкома и член губкома партии, в 1919 г. начальник политотдела 4-й и Туркестанской армий. Позднее на партийной и советской работе.

Тухачевский Михаил Николаевич — Маршал Советского Союза, член КПСС с 1918 г. Участник первой мировой и гражданской войн. Затем начальник Военной академии РККА, командующий войсками ряда округов, помощник начальника и начальник штаба РККА, с 1931 г. заместитель председателя РВС СССР, начальник вооружений РККА, с 1934 г. заместитель наркома обороны, с 1936 г. первый заместитель наркома обороны и начальник управления боевой подготовки. С 1934 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б).

Уншлихт Иосиф Станиславович — советский государственный, партийный деятель, член КПСС с 1900 г. Участник революции 1905—1907 гг. в Польше, Октябрьской революции в Петрограде, член ВРК. В 1919 г. нарком по военным делам Литовско-Белорусской ССР. С 1921 г. заместитель председателя ВЧК — ГПУ. С 1923 г. член РВСР. В 1925—1930 гг. заместитель председателя РВС СССР и зам. наркомвоенмора. В 1933—1935 гг. начальник Главного управления Гражданского воздушного флота. Член ЦРК партии с 1924 г., кандидат в члены ЦК с 1925 г., член ВЦИК и ЦИК СССР.

Фадеев Александр Александрович — советский писатель, член КПСС с 1918 г. Автор романов «Разгром», «Последний из Удэге», «Молодая гвардия», «Черная металлургия». Теоретик социалистического реализма. Один из руководителей РАПП (1926—1932 гг.) и Союза писателей СССР (в 1946—1954 гг. генеральный секретарь). Член ЦК КПСС с 1939 г. (кандидат в 1956 г.). Депутат Верховного Совета СССР в 1946—1956 гг. Вице-президент Всемирного Совета Мира.

Фрунзе Константин Васильевич — старший брат Михаила Васильевича Фрунзе. После смерти отца много сделал для воспитания и обучения брата и сестер, участник русско-японской войны. Окончив медицинский факультет Казанского университета, работал земским врачом; в годы гражданской войны и после нее — на военно-врачебной работе. С 1928 г. в судебной медицине, с 1933 г. государственный судебно-медицинский эксперт и консультант Наркомздрава Таджикской ССР, затем главный судмедэксперт Таджикской ССР.

Фрунзе Михаил Константинович — племянник Михаила Васильевича Фрунзе, член КПСС с 1945 г. Ветеран Великой Отечественной войны. В 1941 г. окончил Военно-транспортную академию.

Фурманов Дмитрий Андреевич — советский писатель, член КПСС с 1918 г. Активный участник Октябрьской революции в Иваново-Вознесенске, работал губернским комиссаром просвещения, се-

кретарем губкома партии. В гражданскую войну комиссар 25-й Чапаевской стрелковой дивизии, начальник Политуправления Туркестанского фронта, уполномоченный Реввоенсовета в Семиречье, начальник политотдела Кубанской армии. Автор романов и повестей о гражданской войне — «Чапаев», «Мятеж», «Красный десант», очерков, дневников.

Харламов Сергей Дмитриевич — генерал-майор. В гражданскую войну начальник Оперативного управления Всероглавштаба, начальник штаба и командующий армией под Петроградом. С 1921 г. на преподавательской работе.

Чанышев Якуб Джангирович — генерал-лейтенант, член КПСС с 1917 г. Участник Октябрьской революции в Казани. Военком Татарской стрелковой бригады на Туркестанском фронте. Делегат X, XIV, XVI и XVII съездов партии. В годы Великой Отечественной войны командир дивизии, корпуса, заместитель командующего армией.

Щаденко Ефим Афанасьевич — генерал-полковник, член КПСС с 1904 г. В гражданскую войну член РВС 1-й Конной армии. В 1937—1943 гг. заместитель наркома обороны. В 1943—1944 гг. член Военного совета Южного и 4-го Украинского фронтов. Член ЦКК КПСС, ЦК КПСС, кандидат в члены ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР.

Эйдеман Роберт Петрович — комкор, член КПСС с 1917 г. Участник Октябрьской революции в Сибири. В гражданскую войну командовал дивизией, армией и группой войск на Южном и Юго-Западном фронтах. В 20—30-х гг. командующий войсками военных округов, начальник Военной академии имени М. В. Фрунзе, председатель Центрального совета Осоавиахима. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОВАРИЩ НАРКОМ

О МИХАИЛЕ ФРУНЗЕ

Воспоминания, очерки, статьи современников

На первом форзаце:
Отрывок из приветствия председателя Реввоенсовета СССР новому пополнению Красной Армии.
Автограф М. В. Фрунзе

На втором форзаце:
Телеграмма В. И. Ленину о ликвидации Южного фронта.
Автограф М. В. Фрунзе

Заведующий редакцией *К. К. Яцкевич*
Редактор *Н. И. Коршикова*
Художник *Н. П. Пешков*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 4636

Сдано в набор 31. 08. 84. Подписано в печать 29. 11. 84. А00220. Формат $84\times108^1/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 16,91. Усл. кр.-отт. 19,53. Уч.-изд. л. 18,63. Тираж 300 тыс. экз. Заказ № 6970. Цена 95 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства «Звезда». 614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Предъ живой Т
вающая отн
и даже нов
под'ему не вел
сти улучшені
и укрѣпленію
созидательн
Казимир у
М. Горь

...ворческой силы

в роде армии

[illegible]

[illegible]

...о организации

...е политической

[illegible]!

[illegible]

95 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

О Михаиле Фрунзе

Воспоминания,
очерки,
статьи
современников